

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЁВ Ю.В. (Москва)
ЖИХАРЁВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Новокуйбышевск)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СУХАЧЕВА Э.А.
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

6 ■ 2018

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	Владимир ПОКУСАЕВ, глава Кантемировского муниципального района. Мир, спасаемый красотой .. 5
ПРОЗА	Федор БАЕВ. Дом под серебряным тополем. Повесть 17 Евген ПЛУЖНИК. Недуг. Роман. (Перевод с укр. <i>Петра ЧАЛОГО</i>) 37 Валентина КИСЛЯНСКАЯ. Не повезло. Рассказы 103
ПОЭЗИЯ	Леонид ШАПОВАЛОВ. Притихшие озера. Стихи 12 Ирина СТАРОДУБЦЕВА. Шиповник. Стихи 33 Алексей ПРАСОЛОВ. Владыка. Поэма 92 Евген ПЛУЖНИК. Гул мироздания. Стихи. (Перевод с укр. <i>Александра НЕСТРУГИНА</i>) 107 Татьяна КОШКИНА. Меркнувший пламень зари. Стихи 142 Лилия ГРУШОВЕНКО. Растрепанный воробей. Стихи 161 Полынная веточка. Стихи кантемировских поэтов .. 169
КРУГ ЖИЗНИ	Александр ЕФИМОВ. Набираешь высоту в полете. (Из воспоминаний дважды Героя Советского Союза, маршала авиации А.Н. Ефимова) 113
СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	Татьяна МАЛЮТИНА, Петр ЧАЛЫЙ. Восход «Малого Сатурна». (75 лет назад Кантемировский район был освобожден от немецко-фашистских захватчиков) 144 Дмитрий ПЕТРЕНКО. В бой по просьбе Черчилля. (Ветеран-фронтовик Я.Н. Ковалев — кавалер двух орденов Александра Невского) 164
ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ	Петр ДМИТРИЕВ. Воронежские Чеховы. (Кантемировские корни великого русского писателя) ... 174 Петр ЧАЛЫЙ. Ковыль по ветру стелется. (Сельский учитель сказал свое слово в толстовской теме) 182 Григорий ЧИСТОКЛЕТОВ. Страницы прошлого листая... (Из очерка «Лев Толстой и Воронежский край») 186 Татьяна МАЛЮТИНА. Чьё у Кантемировки имя! Историческая версия 190

НЕЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ	Антиох КАНТЕМИР. В мыслях своих волен... Стихи .. 194
СТОЛЕТИЕ КОМСОМОЛА	Они были первыми. (Из хроники 1920-х годов) 196
ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ	Оксана ДРЕПИНА. Край воинской доблести. (Дружба района с Кантемировской танковой дивизией) 198
ИСТОКИ	Василий ДЕРЕВЯНКО, Иван ЧАЙКА. Не будет подвигу забвенья. (Школьники учатся мужеству у героя) ... 206 Инна СЕРДЮКОВА. Пленэр в Новомарковке. (Как сельчане подружились с художниками) 208
ПРИТЯЖЕНЬЕ ЗЕМЛИ	Тамара ГАШИМОВА. О людях забывать нельзя. (Жизненные принципы кантемировских фермеров) ... 211
ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС	Валерий БЕРЕЗУЦКИЙ. В степи далекой. (Археологические раритеты Кантемировского района) 220
ИСКУССТВО	Оксана НИКОЛАЕВА. Галерея для малой родины. (Живописец подарил свои картины землякам) 228 Надежда МИХАЙЛУСОВА. Глубиною светлого духа (Художник из Митрофановки нашел свой философский камень) 231
КРАЕВЕДЕНИЕ	Татьяна ГОРБАНЕВА. Вновь звонят колокола. (Восстановление православных храмов) 234 Ирина МОЗГОВАЯ. Разбежались имена по улицам. (Занимательная местная топонимика) 237

На 1 стр. обложки:
детский интернациональный фестиваль «Венок дружбы»

*В номере использованы фото, предоставленные
администрацией Кантемировского района,
районным краеведческим музеем МКУ «Отдел культуры»
и фотохудожником Михаилом Вязовым*

Подписные индексы: агентство «Роспечать» 73312; МАП 51228
Сайт и мобильная версия журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

***«Без таких городов
не представить Россию» —
специальный проект
журнала «Подъём»:
Кантемировка
Воронежской области***

Выпуск подготовлен
при содействии администрации
Кантемировского
муниципального района
с целью поддержки творчества
местных авторов.

*На снимке: стела «Кантемировка —
населенный пункт воинской доблести»*

Владимир Покусаев,
*глава Кантемировского
муниципального района*

МИР, СПАСАЕМЫЙ КРАСОТОЙ

Наше государство вновь на переломном решающем этапе. Подобное с Отечеством случается не впервые. В разные времена многие считали, что Русь обязательно кому-то мешает: монголо-татарскому игу, немецким рыцарям, польской шляхте, турецким завоевателям, Наполеону с армиями «двунадесятью языками». Столетие назад страны Антанты уверовали, что именно они та сила, которая, наконец-то, уничтожит русский мир, живущий по своим законам, и утвердит свое господство. Затем Гитлер развязал Вторую мировую, покорив почти всю Европу и поставив ее под ружье, двинул на нашу страну невиданную армаду, превосходившую нашу армию не только числом воинских соединений, но и наличием суперсовременной военной техники, все с той же целью — уничтожить СССР и прийти к мировому господству. И всякий раз в такие драматически напряженные моменты истории в России появлялся лидер, за которым поднимались и млад, и стар, и победа оставалась за нами. Сегодня многие россияне понимают, что только объединившись вокруг Президента Путина, Россия может противостоять внешнему давлению.

Кантемировский район — лишь малая часть большой России. Однако его географическое расположение вдоль границы с современной Украиной позволяет людям острее чувствовать нарастание тревоги и опасности в отношениях между государствами. В полном смысле этого слова мы находимся на передовой. Буквально за нашими огородами натовские «ястребы» вооружают и провоцируют на неправомерные действия фашиствующих бендеровских молодчиков. Идет небывалая информационная война, давно развязанная против нас специалистами по зомбированию и растлению человеческих душ. Но как уроженцу этой земли мне верится, что мы сильны духом по-прежнему. Нравственность, духовность, здоровый патриотизм, присущий нашим людям, никуда не делись, они не унесены ветрами перестроек и лихими девяностыми, когда страна жила на долларовых подкачках.

С уверенностью об этом говорю, потому что знаю — трудолюбие, дисциплина, желание жить лучше помогут выстоять в этих сложных обстоятельствах.

Все в жизни должно быть обьято любовью и здравым смыслом. С этим в большую жизнь выходило когда-то и наше поколение. Мой отец, Василий Кузьмич Покусаев, прошел Великую Отечественную войну. В 1942-м выходил из окружения под Харьковом, когда нашим недругам казалось: Гитлер взял верх, дальнейшее сопротивление бессмысленно. Но мы вышли из полосы поражений и неудач и в мае 1945 года над рейхстагом в Берлине водрузили Знамя Победы. Война для моего отца закончилась в Кенигсберге...

После войны мы жили очень бедно. Самым дорогим подарком были первые книжки с картинками. Хотелось очень узнать, что же под картинками написано. Еще до школы, как-то само собой получилось, научился читать.

Мама, Антонина Ивановна, в школе преподавала математику. В памяти многих запомнилась своей строгостью. Но самый строгий спрос у нее был с собственного сына — много времени отдавала тому, чтобы научить меня правильно организовывать свой распорядок дня. Жить по режиму — привычка с детства: подъем в 6.30, приведение комнаты в порядок, повторение уроков, сбор и поход в школу. Школа рядом, появлялся в ней за пять минут до начала урока. Была большая любовь к знаниям и стремление быть лучше всех. Поэтому очень много читал. Остался в памяти учитель истории Георгий Кузьмич Баранников. При изучении периода крестовых походов класс углубился в изучение энциклопедий. Для меня справочная, энциклопедическая литература стала открытием. На одном из уроков учитель выделил 15 минут, чтобы написать сочинение по Куликовской битве. Изложил свое личное понимание и отношение к этому легендарному событию, опираясь не только на учебники, но и на те знания, которые дали книги. Учителю моя работа очень понравилась. Потом познакомился с произведениями Джека Лондона. Он стал для меня любимым писателем — герои у него сильные, мужественные, ясно понимающие цель жизни. Школу я окончил с отличием. Радовался, что уже тогда, в годы ученичества, начал собирать свою личную домашнюю библиотеку.

Сегодня многие отказываются от печатных изданий — газет, журналов, книг, полностью переходят на электронные средства информации. Мне видеть это грустно. Не потому, что я против прогресса. Я против бездумного отношения к тому, что выработало человечество за многие столетия, чтобы быть умнее, одухотвореннее и грамотнее. А вот делают ли нас всех грамотнее новые масс-медийные технологии, есть сомнения. С этим нужно обращаться осторожнее и критичнее, слишком много в виртуальном пространстве наносного, непроверенного, смахивающего на свалку сплетен и слухов. Стать высокообразованным, квалифицированным специалистом в любой отрасли только за счет прочитанного на сайтах, думается, невозможно. Чтобы получить там серьезную, глубокую, научно обоснованную информацию, нужно быть уверенным, что тебя не обманут. К книгам по интересующим тематикам, выпущенным в профессиональных издательствах, у меня доверия пока больше. Размышляя подчас об этом, невольно вспоминаешь одно очень забавное и точное выражение: «Когда читаешь книгу, ты кушаешь сам, когда смотришь фильм — смотришь, как едят другие».

Я учился в Воронежском сельхозинституте с огромным интересом и большим удовольствием. Вообще, процесс познания — это увлекательная стихия. Важно еще и то, что считал и считаю СХИ одним из самых гуманитарных вузов Воронежа. Здесь сохранилась культура, заложенная дореволюционными профессорами — без высокой духовности и нравственности невозможно жить и трудиться на земле. СХИ можно назвать «школой Докучаева», его учеников и сподвижников. Во внеучебное время профессора вели театральные студии, организовывали об-

суждение книг, художественных выставок. Нас вовлекали в процесс самосовершенствования. Уже к концу второго курса появилось много общественной работы — был членом комитета комсомола мехфака и института, знаменосцем вуза. Потом пришла пора стройотрядов. Наши отряды «Нива-73» и «Нива-74» — ребята-«механики», которые умели все: варить, управлять любым видом машин, могли заменить столяра, плотника, каменщика. За два сезона мы построили два животноводческих помещения под ключ — одно в Верхней Хаве, второе — в Кантемировке. Это не только зарабатывание денег, допустим, на год учебы. Мы расширяли свое мировоззрение, получали навыки организаторов производства, общественной жизни. Через 20 лет состоялась встреча наших бывших стройотрядовцев — все успешные люди. Приехал парень, которого перед защитой диплома чуть не исключили из института. Мы добились, чтобы его оставили. Поручились за него. Затем он стал ведущим специалистом на Липецком тракторном заводе, а вскоре был приглашен в посольство СССР во Францию. Ответственная работа — обслуживание гарантийных тракторов Т-40. Второй приехал из Африки, где выучил португальский язык и по проблемным вопросам сельского хозяйства часто консультирует президента страны. Третий, наверное, самый успешный, в Монголии организовал строительный бизнес — стройотрядовский опыт вывел его в число миллионеров...

Без занятия спортом мы себя не мыслили. Я пошел в секцию тяжелой атлетики к замечательному тренеру Юрию Ивановичу Воропаеву. Очень ему благодарен. У меня были хорошие показатели, но все же я отдал предпочтение учебе, хотя... до сих пор не могу представить свою жизнь без штанги, футбола, хоккея...

Высокую культуру знаний, применяемых на практике, нам давали Ким Рубенович Казаров, Владимир Васильевич Василенко (вели спецкурсы по сельхозмашинам), Александр Павлович Тарасенко — заведующий кафедрой сельхозмашин. Декана Соломона Давыдовича Полонецкого уважали за то, что понимал студентов, был человеком обширных знаний, знал в совершенстве английский язык. Многие аспиранты обращались к нему, чтобы перевести технические тексты из научной работы перед сдачей кандидатского минимума... Преподавательский состав мехфака был одним из сильнейших в стране. Мы получили хорошие знания, которые позволяют понимать все, что происходит не только в мире техники, но и в сложностях сегодняшнего дня.

Вспоминается встреча с диссидентом. На пятом курсе проходил производственную практику на Воронежском ремзаводе. Там в отделе ремонта электрооборудования трудился Владимир Коротких. Хороший специалист, бывший боксер. И вдруг оказывается — отрицательно относится к советской власти. На то были причины: когда был главным инженером одного крупного завода, в конфликтной ситуации вступился за рабочих, и его... уволили. Он так и остался «непримиримым» — окончил юридический техникум, получил еще два высших образования... Попасть к нему на стажировку — великое везение. Но вот именно с его подачи впервые прочитал повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Она меня потрясла. Я поделился своими впечатлениями с отцом, мы много рассуждали с ним и спорили. Я стал дальше знакомиться с творчеством Солженицына и понял — это человек, не любящий свою Родину. Так что еще в студенческие годы определился — свою жизненную платформу и убеждения, заложенные во мне отцом, менять не собираюсь. Был и остаюсь патриотом своей страны.

Чтение заставляет критически относиться к происходящим событиям. Не писатели, покидавшие Родину, определяют уровень твоей критики — русские классики, советские — Михаил Шолохов, Гавриил Троепольский, Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Высоцкий со своей военно-патриотической, философской, любовной, юмористической лирикой...

Друзьям, коллегам по работе на дни рождения всегда дарю книги. Надеюсь, прочитают и поймут, что я им хотел главное сказать про жизнь, работу, Отечество, власть и твое место в этом непростом обществе. Возраст, считаю, у меня солидный, но вдруг пришло осмысление — так я же всю жизнь как бы во всем соревновался с отцом. Сделать лучше, чем он, пойти дальше его... Поэтому учился и продолжаю учиться при любой возможности не только у книжных героев, но и у тех, кто рядом. В Богучарском районе есть друг — Вячеслав Иванович Кравцов. У него было хозяйство в Подколодновке. Когда я к нему впервые приехал, то увидел культурное, чистое, крепкое хозяйство, в котором было все: подсобное производство, условия для людей, хороший Дом культуры. Я считаю, что коллективное сельхозпредприятие — великолепная структура на селе. Из агитационного материала у него ничего лишнего. Только бросающийся в глаза лозунг на въезде «Красота спасет мир».

Да, была партийная дисциплина, указания и рекомендации, получаемые «сверху», но была и настоящая демократия, твоя независимость в принятии тех решений, которые, по твоему убеждению, идут на укрепление государственности.

В моем родном селе Новомарковке за счет коллективного хозяйства решали все вопросы: газифицировали село, асфальтированные дороги проложили ко всем объектам, пустили «на поток» строительство жилья для колхозников. Хозспособом возвели Дом культуры на 400 мест. Хотелось, чтобы люди, которые живут и работают в селе, жили не хуже городских.

Много получил от поездки за рубеж. В Чехословакии познакомился с реализацией пятилетней программы по преобразованию села. Задача такая: чтобы условия жизни в селе не отличались от городских. По дорогам, культурным центрам мы мало чем от них отличались, но что удивило — люди не занимались подсобным хозяйством. Любые продукты питания крестьянин мог взять в хозяйстве. Не хочешь готовить сам — к услугам, практически, бесплатное питание в кафе, ресторанчике...

В самом начале своей деятельности, будучи главным инженером управления сельского хозяйства Кантемировского райисполкома, я ездил в Латвию, побывал в колхозе «Адажи» — одном из лучших в СССР. Тогда еще я понял, куда надо идти, каким образом должно развиваться село.

Была идея завести «лишних» 100 коров, чтобы новомарковцы отказались от подсобного хозяйства — могли получить молока сколько надо в магазине. Со временем мы открыли такие магазины, но «перестройка» помешала дальнейшему развитию наших планов.

А еще я старался приобщить людей к красоте, которая должна спасти мир. Точнее, преобразовать внутренний мир человека-труженика. Пригласили в село известных художников. Они написали ряд замечательных полотен — увековечили неповторимое обаяние нашего села в пейзажах и портретах людей, которыми гордимся. Хорошая память оставлена потомкам.

У нас в колхозе работали пять столовых, где цены были «условные», а школьников кормили бесплатно. Ремонтировали школу, денег не жалели, сколько надо, столько и давали. 30–40 процентов бюджета уходило на производство, а все остальное — на решение социальных вопросов. Этим мы стремились создать хорошую базу, чтобы люди не выезжали из села, трудились, чтобы нормальные кадры были на селе.

Образцом для подражания для меня все же был мой отец, председательствовавший в колхозе «Дружба». Он очень много строил. Когда вступил в должность, то начал строительство жилья, построил два комплекса — откормочный для КРС и свиноводческий. Было развито животноводство. Показательная ферма на хуто-

ре Пасюковка. Все орденосцы были оттуда. Отец прививал уважительное отношение к людям. У хозяйства была гостиница, Дом быта, столовые, магазины. Отец построил пять больших магазинов, и все это было сделано для людей.

Отец много ездил в командировки. Хорошо был знаком с секретарем ЦК КПСС, фронтовиком Владимиром Ивановичем Долгих. С ним он часто советовался, приглашал в гости. Он удивлял любые делегации: приезжают в далекую провинцию, а здесь — отличный культурный центр, превосходная гостиница, магазины, столовые...

Поначалу у отца клуб находился в здании, похожем на сарай — только по высоте можно было определить, что это не сарай. Стал он строить невиданный Дом культуры, да так и не успел сдать его в эксплуатацию в срок. Появилась в районной газете статья, которая громила отца вдоль и поперек. За «излишества», трату колхозных средств не по назначению. Мне было очень обидно. А ведь он хотел, чтобы все было сделано качественнее, применил сложные современные технологии строительства.

Вернувшись из армии, я узнал, что отец работает с Воронежским сельхозинститутом по внедрению эколого-ландшафтного земледелия. Мне подробно неизвестно, как он познакомился с ученым М.И. Лопыревым, но эта система в хозяйстве прижилась и до сих пор жива. Было много скептических мнений по поводу того, что отец идет «против течения», а он поверил Лопыреву и всячески поддерживал его. И вот тот «завтрашний день», в который верили отец с ученым-почвоведом, давно наступил. Мы живем в «будущем» моего отца и Михаила Ивановича Лопырева. В нашей зоне рискованного земледелия эта система оправдывает себя чрезвычайно. В засушливые годы на землях отцовского хозяйства самые высокие урожаи в области. Возможно, он интуитивно почувствовал правоту ученого, по характеру определил, что делом занимается человек честный и добросовестный. Отец умел находить среди ученых и специалистов тех людей, которые владели современными передовыми технологиями — внесение аммиачной воды, безводного аммиака, широкорядное возделывание кукурузы с полупаром. На красоту и пользу работали сады, цветущие оранжереи.

Если бы отец не умер скоропостижно в 1976 году, быть бы ему, как Горину с Белгородчины, Героем Социалистического Труда. Но уж за 1976 год высокий орден он получил бы точно — урожайным был год на землях, считавшихся скудными.

Душа болит за современное село и отсутствие рабочих мест. В 90-е годы с развалом и приватизацией организаций, колхозов и совхозов мы потеряли «опекунов» инфраструктурных объектов в сельской местности. На ежегодных публичных отчетах глав поселений красной строкой выделены затраты на устранение порывов на изношенном трубопроводе, на неотложный ремонт сельских Домов культуры и дорог. Вопреки здравому смыслу закрываются школы, сберкассы, почтовые отделения. Поэтому главная задача администрации Кантемировского муниципального района — создать комфортные условия для жизни людей в районе, чтобы молодые семьи повышали рождаемость и оставались трудиться на земле отцов.

Творчество, духовность и крестьянский труд — все это надо рассматривать в единстве. И я счастлив — сейчас происходит оздоровление общества. Наши чаяния начинают сбываться — не так давно в послании Федеральному Собранию Президент России В.В. Путин четко определил программу тех преобразований, которые должны произойти на земле. Без возрождения нашей экономической мощи мы не продвинемся вперед.

Сейчас у нас в районе работают крупные и средние инвесторы. Что отрадно? Все они настоящие трудоголики. Взять Михаила Николаевича Романенко. Под его ведением находится Митрофановский РМЗ. Это сколько сил надо иметь энтузиасту-подвижнику, сколько желаний, прозорливости, экономических, инженер-

ных решений, чтобы поднять завод?! На 20-ти гектарах 13 современных цехов. Он вывел завод из кризиса, провел реконструкцию, разработал программу развития промышленности.

Такой же подход и у Аркадия Николаевича Пономарева. Часто принимает неординарные в сельхозотрасли решения. Диву даешься! Вроде простые, но в то же время — эффективные. С его деятельностью у нас в районе появились породы скота, о которых мы даже не знали. На предприятии применяют технологии европейско-американского уровня. Селекция, ветслужба на очень высоком уровне, все сотрудники проходят зарубежные стажировки. Это влияет на высокий уровень развития хозяйства.

Сергей Иванович Агарков тоже фанатично относится к своему делу. Взял заброшенное хозяйство, на полях росли деревья. Буквально за полгода привели территорию в порядок. Сейчас в Бондарево функционирует высокоразвитое хозяйство с современными животноводческими технологиями.

Наши хозяйственники Александр Григорьевич Богданов, Валерий Вячеславович Кубрак, Юрий Борисович Кривенда, Петр Андреевич Невдашов и другие работают с творческим подходом, с той самостоятельностью, которая характеризует настоящего хозяина земли. Хорошо относятся к людям, платят достойную заработную плату. Каждый год стараются внедрять что-то новое. Допустим, стали применять новые жидкие удобрения, сделали и зарыбили пруды. На базе этих хозяйств проводятся разные научно-практические семинары, которые демонстрируют лучшие сорта культур. Всегда, когда есть наука, есть движение вперед.

Есть и еще одно важное обстоятельство, без которого не бывает будущего — беречь народные традиции, культурные и духовные корни, помнить, кто мы и откуда родом. Хорошо, что местная власть, предприниматели, фермеры и само население понимают это, сообща обустривают родные места, чтобы жилось уютно и красиво.

На территории Кантемировского района до 1917 года в населенных пунктах действовали немногим более 20 церквей и часовен. В последние годы колокольные звоны радуют верующих душевной отрадой. Идет возрождение православной веры. Сегодня действуют церкви в Кантемировке и Осиковке, Митрофановке и Зайцевке, восстанавливается храм в Куликовке.

Немало средств направляется на смягчение социальных проблем. Жители села Волоконовка получили новую зону отдыха — парк. Пятнадцать учебных заведений отремонтированы по программе «50х50». Новые тротуарные дорожки построены в райцентре и с. Бугаевка. Население приграничных населенных пунктов обеспечено сотовой связью и интернетом. К новым объектам — Митрофановской участковой больнице, Дому-интернату для престарелых и инвалидов — добавились физкультурно-оздоровительный комплекс «Маяк», Новобелянский дом культуры, Михайловская врачебная амбулатория. Все они стали не только украшением нашего района, но и соответствуют всем самым современным требованиям.

Сохранением и развитием единого культурного пространства занимаются десятки учреждений культуры и искусств. Излюбленным местом отдыха является районный Дворец культуры с прекрасным сквером. РДК — центр проведения всех больших культурных и общественных мероприятий, одно из самых больших зданий в районе. В августе 2013 года состоялось торжественное открытие районного Дома культуры после реконструкции при участии губернатора Алексея Гордеева, ставшего ныне вице-премьером правительства России. В здании находится МКУК «Районный дом культуры», отдел культуры, детская школа искусств, районная взрослая и детская библиотеки, районный краеведческий музей, картинная галерея, а также спортивный и тренажерный залы, шахматный клуб, концертный зал на 610 зрительских мест.

Разнообразят культурную жизнь 254 клубных формирования, шесть народных творческих коллективов. Более четырех тысяч мероприятий в год различных форм (фестивали, конкурсы, тематические концерты, творческие вечера) проводятся учреждениями культуры. По итогам работы за 2014 год МКУК «РДК» стало победителем в IV областном смотре-конкурсе на лучшее культурно-досуговое учреждение Воронежской области «Успех-2014».

Наш районный краеведческий музей в 2015 году отметил 30-летие. В музее действуют четыре экспозиционных зала и галерея М.М. Гоптарева. Галерея выступает площадкой для организации коллективных и персональных выставок самобытных художников района, творческих встреч.

Областной фестиваль творчества славянских народов «В семье единой» — масштабное культурное явление, родившееся на Кантемировской земле свыше 15 лет назад в форме фестиваля российско-украинской дружбы. Его участниками становятся коллективы художественного творчества, самобытные исполнители, мастера декоративно-прикладного творчества, художники из Воронежской, Ростовской областей, Луганской Народной Республики. Новой доброй традицией Кантемировского района стал детский интернациональный фестиваль «Венок дружбы», который проводится в Международный день защиты детей.

Богата культурная жизнь наших сел. Каждое поселение имеет свою историю, свои традиции и обычаи. На этом и строятся непохожие на других творческие проекты: «Как у речки, у реки», «Праздник меда для народа», «Прощай, лето», «Звонкий лед» и многие другие. Организуем мы и крупномасштабные культурные проекты. Например, акция «От обелиска к обелиску», фестиваль-конкурс «Краповые береты», «Зимний благотворительный бал», «Играй, гармонь», «Великолепная пятёрка», «Две звезды», детский мюзикл «Зимняя сказка».

Построенные парки в Новобелой, Волоконовке, Митрофановке — это уютные места отдыха, которые приходятся по вкусу и малым, и старым. В целом, высокий уровень организации культурной жизни в сельских поселениях показывают Новомарковский, Бугаевский, Пасековский, Титаревский центры культуры и досуга. По итогам районного смотра-конкурса «Лучшее учреждение культуры» они отмечаются грантами из средств муниципального бюджета.

Без повседневной заботы о культурной деятельности, создании благоприятной духовной атмосферы трудно было бы рассчитывать на общий социальный и экономический успех. Для русского человека его общинная жизнь в крови. Вовлечением в конкретное дело, в общепользные начинания мы стремимся вернуть сознание людей, прежде всего, молодежи, к активной жизни, направляем их энергию и усилия на созидание и красоту, которая спасала, спасает и будет спасать мир.

Записал Эдуард ЕФРЕМОВ

Леонид Алексеевич Шаповалов (1935–2010). Родился в городе Каменске Ростовской области. Окончил Воронежский государственный университет. Учился в аспирантуре, до 1981 года работал в ВГУ. Три года преподавал в учебных заведениях Франции, Африки. Много лет отдал журналистике. Публиковался в коллективных сборниках, журналах «Подъём», «Кольцовский сквер», антологии поэзии ВГУ «Земная колыбель», в периодической печати. Автор книги стихотворений «Теплые снега». Член Союза журналистов России.

Леонид Шаповалов

ПРИТИХШИЕ ОЗЕРА

ОДНОГОДКИ

Заросли мяты у тины зеленой.
Лета густеющий сок.
Круто с обрыва сползает по склону
Сизой полыни дымок.

Так и живу
С незабытым и давним,
Словно гляжу во вчера:
Дом на деревне.
И стиснуты ставни.
Юность. Степная жара.

Хищною стаей, терзающей тело,
Двинулись годы след в след.
Жизнь пролетела и перегорела
Повестью пламенных лет.

Кажется, только успели расстаться,
В жизнь, как в стремнину, войти, —
Сколько ж сошло одногодков
С дистанций!
Сколько ж их сбилось с пути!

Я ж, одолевши и хвори, и вялость,
Память направлю к перу,
В капельке жизни,
Что к завтра осталась,
Снова увижу: жару,

Тополь, набитый щекочущей ватой,
Облачка рыхлый комок,
Сизо-свинцовый и голубоватый
Горький полынный дымок...

* * *

Паутина вплетена в кольца тына,
И тоска раскалена, как калина.

Бел туман, как молоко. И морозно.
Жизнь прожить бы нам легко. И бесслезно!

...Укатилась с гор вода с вешним шумом.
Ты один пришел сюда к прежним думам.

Горы дней и сонмы лет давят плечи.
Те ушли. Иных уж нет. Та — далече.

По ушедшей той поре грезить поздно —
Вот и смутно на дворе. И беззвездно.

Засевая лес и луг белой хворью
Первый снег как мокрый пух на подворье.

Он летит, души седой не волнуя,
Обессоленной водой поцелуя...

Поброжу один в глуши у оврага:
Ведь в скитаниях души — тоже благо.

НАСЛЕДСТВО

Может, и усталость. Может, старость:
Скучно в новый век себя вминать!
Мне одно отрадою осталось —
О мелькнувшем детстве вспоминать.

Словно мгла без облика и вида,
Лишено и радости и ран,
Вдруг оно всплывет,
как Атлантида,
Что носил под сердцем океан.

Дом и Дон — вот все мое наследство!
Памяти лучом себе светя,
Я, опять босой, шагаю в детство,
Удивляюсь миру, как дитя.

Тронешь кожу призрачных фантомов —
И плотвой из прорванной сети

Хлынут лица и глаза знакомых,
Брызнет жизнь в цветах и во плоти.

Плыл июль дыханьем жарких домен,
И тогда казалось пацану:
Детства день — безмерен и огромен,
Неподъемен в высь и в ширину.

Как пылают купола на храме!
Как бледна палитра наших слов!
Как пожар, раздут закат ветрами,
И, как пепел, край его лилов.

Поздно так, что кажется, что рано.
Но клевал на крыше крошки град,
А потом от ветра рваной раной
Душу мне кровоточил закат.

Памятью пропущено и смято
Роковых значенье закавык...
А в календаре конец тридцатых,
На дворе — дебют сороковых.

Тронешь тьму зарубок, меток, вмятин —
Память их строке твоей отдаст.
Мир душист и влажен, звучен, вмятен,
Как тройная радуга цветаст!

Облачка плывут по морю сини,
Словно льдинки в голубом вине.
И комар, как местный Паганини,
На одной пиликает струне.

* * *

Отпылало лета времечко.
Отпылили тополя.
И грызут березы семечки,
Золотой лузгой пыля.

Жмутся сумерки к калиточке.
В небе звезд — как ржи в снопу:
Словно там, сквозь веток ситечко
веют сытную крупу.

Так готовится сторонка
В ледяной своей печи
Из снежка лепить плетенки,
Куличи и калачи.

Там притихшие озера.
Там привядшая трава.
Там притухнет осень скоро
Под покровом Покрова.

* * *

Облепит сучки облепихой,
Рассветом погасит звезду —
И вновь и пустынно, и тихо
В лесу, за окном, и в саду.

Молчат облетевшие лозы:
Их ранний морозец ожег,
И белою кожей березы
Зовут уже близкий снежок.

А время то медлит, то мчится,
Играет, как в жбане вино,
И холод нам в сердце стучится,
Как странник в ночное окно.

Окончится ночка слепая —
И видно, как рядом и там
Багрянец свой цвет уступает
Зимы одноцветным цветам.

Метели разорванный ватник
Пушист и пронзительно бел:
Как будто февральский хлопчатник
На скошенном поле созрел.

* * *

Все в глазах не тускнеет с годами:
Эта ночь, эта гладь, эта вода.
Вдохновений надежный фундамент —
Отражений бесплотная плоть.

За какую бы ветку ни взяться,
До какой ни дойти бы воды,
Они в сердце твоём отразятся,
И годам не стереть их следы.

Пусть тебе уже трижды по двадцать
И ничто не поделать с судьбой,
Знай: когда тебе не с кем расстаться,
Это горше разлуки любой...

ЗИМНИЕ ЗАРИСОВКИ

Лишь в облачную кромку
Воткнут огня иглу
И гром,
как бубен громкий,
Прокатит по селу —

Устрой душе экзамен
На острый вкус и нюх:
Прислушайся — глазами
И сделай зрячим — слух...

Бегут от капель кольца,
Хоть гром уже вдали.
Но бьют, как богомольцы,
Поклоны ковыли.

О, полдень, полный сини!
О, поле, без конца,
Где пыльный лист полыни
Да пламя чабреца!

О, нив вино — веселье!
Веселье без вина!
Хмель набирает хмеля
До дня до Ильина.

Коса гуляла пьяно
Средь травяных полков.
О, колкие поляны
Березовых колков!

...Хоть лето отгремело,
Но бел, как в мае, сад,
Где день мелком по мелу
Рисует снегопад.

Метели убежали,
И светят, в лад горя,
Винцо в моем бокале
И грудка снегиря.

Сквозь рамы зверем в клетке
Кажусь я снегирю.
Приткнусь на табуретке
Да чайник заварю.

И мне напомнит сладко
Тот день и те места
Чай с богородской травкой
На Рождество Христа.

Федор Федорович Баев родился в 1948 году, его детство и юность прошли в Кантемировке. Окончил Таганрогский радиотехнический институт, Литинститут им. А.М. Горького. Работал старшим мастером в МПО «Кавказ», инструктором Ростовского обкома комсомола, первым заместителем областного управления культуры. Возглавлял в Ростове-на-Дону театр кукол, театр драмы, книжное издательство. Автор нескольких книг прозы, издатель книги «Кантемировские зори».

Федор Баев

ДОМ ПОД СЕРЕБРЯНЫМ ТОПОЛЕМ

Повесть

*Моим родителям
Федору Кирилловичу и Анне Александровне
посвящается*

Прошел октябрь. Сразу после праздников резко похолодало. Ветер с северо-востока пригнал тяжелые низкие тучи. И пошел долгий морозящий дождь. По ночам подмораживало, мелкие лужицы схватывались тоненьким матовым ледком. Однако с рассветом опять накрапывало, льдинки темнели и к обеду таяли.

* * *

С холма к хутору круто спускалась степная дорога, опушенная с боков культурной посадкой низкорослой смородины и боярышника. В ясный погожий день отсюда, с вершины, далеко видна вся низина, похожая на русло некогда могучей реки: у самого горизонта темнел лесок урочища, лишь иногда поблескивая черными окнами чистой воды, маленькая речушка со странным названием Кобылка пряталась в сухостое камыша, а чуть ближе — сады, дорога, хуторские дома, строчка линии электропередач.

Но теперь в низине колобродит густой, рваный туман, а здесь, на вершине, раздольно гуляет промозглый ветер.

Ваня Тянтов постоял немного, подняв коротенький воротник фуфайки, еще глубже, на самые уши, надвинул мокрую кепку и зашагал вниз, широко расставляя ноги, крепко вдавливая каблук в податливую землю, шел он рядом с посадкой и сбочь от дороги, где неожиданно поздно пробилась ярко-зеленая упругая травка.

Дом, где он родился и вырос, и где теперь одиноко жила его мать, Тянтов безошибочно узнавал даже летом, когда в буйной зелени садов утопал весь хутор — над домом высился могучий ствол серебристого тополя, но сегодня даже его не было видно.

От центральной усадьбы совхоза до хутора чуть больше двух километров. Тянтов шоферил на грузовике-«газике» и по этой дороге, бывало, по нескольку раз на день проезжал; нет-нет да и тормознет у дома, по хозяйству поможет или просто поговорит с матерью. Она уже не работала, жила на небольшую пенсию, часто болела. Ване было жалко ее, но забрать ее к себе не мог, жил он в совхозном общежитии в одной комнатке, да и не это главное — его жена, Лена, не хотела жить вместе, вплоть до развода, а Ваня любил свою верную жену и сына Илюшку, и поэтому не знал, что делать, не знал, как ему быть.

На дорогу он перебрался уже в хуторе, энергично шел по накатанной неглубокой колее, возле самого дома прыгнул через канаву, наполненную мутным дождевым потоком, не рассчитал и глубоко провалился в грязь правой ногой. Чертыхаясь, выбрался, прыгая с камня на камень, добрался до калитки. От калитки к дому среди крупных вишневых деревьев, растопыривших узловатые голые ветви, вела узкая бетонная дорожка, добротнo сработанная еще его покойным отцом. Ваня яростно забухал кирзовыми сапогами о бетон, сбрасывая ошметки грязи, и у крыльца долго и тщательно мыл сапоги березовым веником, обильно смачивая его в ведре со сточной водой.

Покурил на крыльце, слушая тишину. Где-то скучно брехнул пес. Влажный холодный ветер кидался из-за угла, лез за шиворот, в лицо. Ваня поежился, вздрогнув всеми мышцами, и вошел на веранду, там он снял фуражку, сильно и резко встряхнул ее, на полу осталась дорожка, густо засеянная мелкими капельками.

— Мать, где ты? — позвал он.

Потоптался на подстилке, оставляя мокрые следы, и, убедившись, что грязь в дом не несет, открыл дверь в переднюю, там тоже никого не было, и он опять громко сказал:

— Есть кто живой?

— Не кричи, — отозвалась мать из комнаты. — Здесь я. Сажу.

Ваня стянул сапог, потом другой, сунул ноги в шлепанцы, приспособленные из старых матерчатых туфель, вышел на веранду и встряхнул фуфайку.

— Собака, — ругнулся он. — Опять дождь хлещет... Мам, есть что перекусить, а?.. Я сегодня ничего не ел... Слышь?

Мать не отвечала.

Оставшись в тонком свитере, Ваня сразу почувствовал, что и в комнате, и на веранде одинаково холодно.

— Ты что, не топила сегодня?

Потрогал плитку — холодная. Сухие колбушки дров, которые в прошлый приход он аккуратно сложил подсушиваться для растопки, исчезли. Тронув дверку поддувала, оттуда, взметнув сизоватый дымок, посыпалась зола.

— Сколько дней из печки не выбирала? — сердито сказал он. — Ты что, не слышишь меня?

Мать не отвечала, он вошел к ней в комнату.

— Ты не заболела?

Мать сидела на неубранной постели, накинув на плечи одеяло, ноги были укутаны толстой шерстяной шалью. Она не повернулась к нему, не поздоровалась, а

будто не замечая вовсе, застывшим взором смотрела в окно, где сквозь слегка замутненное стекло виднелся кусок улицы. Увидев поджатые губы с опущенными книзу уголками, Ваня подумал: «Хандрит».

— Ноги что-то гудят, — сказала она в пространство, будто самой себе.

— Да это на погоду... — поддерживая разговор, сказал Ваня. — Меня тоже в коленке крутит... Гнилая погода, собака... Мать, я же с тобой говорю... Ну чего ты? — обиделся он.

Она молчала. «А ну тебя», — подумал он, повернулся и пошел растапливать печь. Выгреб золу в ведро, сбежал в сарай, нашел сухих щепок, принес угля. Наконец огонь в печке, почувствовав сильную тягу, зашумел. Ваня заглянул во все чугунки и кастрюли, поставил разогреваться щи, не нашел хлеба и, раздраженно хлопнув дверцей столового шкафчика, спросил:

— Что, даже хлеба нет?

— Там сухарики, внизу... Возьми... — тихо сказала мать.

Ваня не торопился, управляющего он предупредил, что сходит на хутор, работы не было в этот день, да и куда в такую грязь поедешь. Немного перекусив, Ваня подобрел и разговорился.

— Совсем замучился! Ленка в область на курсы уехала... Она квалификацию повышает, а я на части рвусь... Хорошо, хоть Илюшка в продленке... А то придет из школы — кормить нечем... Некогда даже в магазин сходить... Слышь, мать, а он, паршивец, и в школе ничего не ест. Я ему рубль дам, так ему на неделю хватит... Пирожки да молоко... Ты чего молчишь?

— Ванюшка, — отозвалась она.

— Ну.

— Петро письмо прислал.

— Ну. Что пишет?

— Там оно, на верхней полке, в шкафчике.

Ваня нашел аккуратно сложенный листок из школьной тетради, развернул его и углубился в чтение.

— Ванюшка, поди сюда.

— Ну что? Дай дочитаю... Братишка что-то на жизнь стал жаловаться... Ехал бы домой.

— Иди сюда... Сядь тут, — мать кивнула на постель. — А я к Петру поеду, — после недолгого молчания сказала она.

— Езжай. Поживи немного. Проветришься.

— Насовсем.

— Как это? А он?

— Что?

— Может, он не захочет... Вон в письме пишет, что квартиру только обещают... Кто знает, как он там живет.

— А я с деньгами поеду...

— Мать, ну о чем ты говоришь! Какие деньги? Откуда?

— Не-е, я не хочу обузой... Не-е... Я, Ванюшка, дом продам...

— Как? — Ваня даже задохнулся от неожиданности. — Ты что? Зачем?

— А зачем он мне нужен... Ты в нем жить не хочешь...

— Мать, опять ты за свое. Сколько можно говорить. Не во мне дело. Ты же знаешь.

— А что я знаю, сынок? Я жить одна боюсь... С ногами что творится — болят, ноют... А дом? Вон он какой большой, за ним уход нужен... Я уже не могу... Тебе некогда... За неделю на пять минут пришел.

— Придешь тут, — буркнул Ваня. — Пехом три километра по грязи... Я с бугра чуть не на карачках лез...

— Ленка твоя сюда и вовсе носа не кажет...
— Но она же на курсах... — обозлился Ваня.
— Может, где-то заматаешься, придешь, а я уже померла...
Лицо ее страдальчески сморщилось, губы часто задрожали.
— Ну вот... Заныла, — грубовато сказал Ваня.
— А я решила, — всхлипнув и шумно потянув носом, прервала свой беззвучный плач мать. — Тебе я не нужна... И не надо... Петро еще есть... Он меня и в прошлом году звал к себе... И сейчас пишет...
Ваня растерянно поморгал, пожал плечами.
— Ну как знаешь... Тебе виднее. — Уже в дверях, одетый, он, хмыкнув, спросил:
— Кто покупает?
— Кум на днях заходил, проведал... У Никиты, сына его, второе дитя родилось, а теперь вот отделяться надумал... Хочет поближе к отцу с матерью быть...
— Это Митрохин, что ли?
— Ага. Говорил, тыщи полторы даст.
— А сад, огород, погреб, сарай. Это что, за все?
— Ну да. Это много, сынок... Мне не стыдно будет ехать к Петру...
— Что ты говоришь? В городе это же на раз плюнуть, опять двадцать пять!
— Я поеду, — упрямо повторила мать.
— Та-ак, ладно... Как знаешь, — он скрипнул зубами и тихонько ругнулся.
— Ты чего лаешься! Ты это на кого?
— Та-а, ладно... Дурость какая-то!
Ваня хлопнул дверь и выскочил на улицу.

* * *

Ночью мать слышала, как толкался ветер в стену, как гремело на крыше, как скрипел тополь в палисаднике, сопротивляясь очередному порыву, с него с печальным шорохом сыпались последние красные листья и сухие веточки, царапались в закрытые ставни, и оттого, что последнее время ей подолгу не спалось, напускала она на себя страхи, что кто-то живой ходит под окнами и не решается попроситься в дом. «А может, старик пришел... Знак подает, чтобы вышла к нему...» — думала она, ворочаясь под стеганым одеялом.

Старик часто являлся к ней во сне. Сядет, как бывало прежде, подле нее, неловко погладит волосы. «Ну, как живешь-здравствуешь? Как дети, не обижают?» А она все на Ваньку жалуется ему: «Грубый, слова не скажи, ничего не слушает и выпивает. Я ему: «Ванюша, ну чего ты глаза залил, иди домой, дома ведь жена, дите...» А он: «Цыц, мать, народила меня, чтобы мучился, так теперь молчи!» Достанет со шкафа баян, сдует пыль и играет. Тихонько так играет и поет: «Не-е дубра-а-а-а-вухка шумит...» Глаза открытые, но я-то понимаю, что ничего не видит он, где-то далеко он...»

А в том месте, где «догорю-ю с тобо-о-ой и я», как заплачет... И все бормочет: «Что же они со мной-то сделали?» — «Кто, Ваня?» — спрашиваю. Молчит. А потом плачет и играет... И я вместе с ним плачу...

А вдвоем он не любит плакать, он тогда кричит и уходит... И чего он себя терзает?..»

Старик вздохнет тяжело, скажет: «Ты, мать, на Ваньку не сердчай... Его пожалеть надо... Обиду он в сердце носит, она его и гложет...» — «Так что же он, такой-сякой, всех, кто рядом, мучиться заставляет... и жена его, Ленка, и я, а малое, оно при чем?» — «Вылечится он, вылечится, мать, не навсегда это... Хоть и слабое семя мое, да светлое, без червоточины... Один он корнями за родную землю цепляется... Петра унесло ветром, небось, мается...»

Стук... Скрип... Шорох...

«Вроде и поговорила с Ванюшкой, а вот не полегчало, — думает мать, поджимая холодные ноги. — Взял бы хотя бы раз, да и отлупил Ленку, смотри, сразу ум и образовался бы у нее. Так нет, не хочет, она ему дороже матери родной... «Мы должны жить самостоятельно», — передразнила она невестку. — Самостоятельно... Это что же, только для себя?..» Всклипнет, заворочается, вздохнет и опять думает.

О смерти она думала редко, смерти она не боялась. Они со стариком часто говорили, что будет, если придет она. Жизнь прожили светло и праведно, и не было на их жизненном пути черных пятен, от которых мучается и трепещет душа в ожидании расплаты.

Старик умер во сне, тихо отошел на вечный покой, и мать, пока ноги бегали, не замечала течения времени и не очень-то думала о том, что ждет ее впереди, крепко надеялась она, что и ее смертушка не обидит, не заставит страдать, а приберет, как мужа, тихо и спокойно, не причиняя особых хлопот родным людям.

Но вот с осени забеспокоилась она. Дурные мысли стали посещать ее. «А вдруг как откажут ходить вовсе... Без ног совсем беспомощной стану, — и от этой мысли ей становилось жалко себя. — На чью помощь надеяться... Кто хлебушка даст и за ней уберет, ведь человек она... А вдруг?.. Что тогда?..»

Снова скрип и шорох...

Жил у нее в доме большой ленивый кот с рыжими подпалинами, но и тот, уже неделя прошла, как куда-то запропастился. Раньше за работой мало времени оставалось думать да размышлять, а вот приболела, и теперь далее минуты без ощущения рядом живого существа казались ей страшными.

«А всему виной Ленка, — думает мать о невестке, — если бы не сбила с толку Ванюшку, жили бы вместе... Что же я ей такого плохого сделала? И Ванюша хорош, нет бы к матери родной тянуться... Ничего, есть еще Петро...»

И она заулыбалась, вспомнив, как года три назад, в августе, приезжал погостить Петро с женой. Радовалась она тогда, что дружно живут они и, что Верка, жена старшего сына, работающая, внимательная. Все в доме перемыла, перестирала, сама чистенькая такая, городская, а деревенской грязи не побоялась. А гостей сколько перебивало в доме: то соседи забегут вроде по делу, а сами Петра с Верой разглядывают. То старые Петровы товарищи наскочили, сидели за рюмочкой, вспоминали знакомых, кто жив, кто умер, кто где работает, у кого сколько детей, разные памятные случаи из юности и детства... А как ей было приятно пройтись по хутору с сыном, с его красивой женой и внуком...

«Надо бы поехать к ним, — думает мать, — сколько раз собиралась и все никак... Хоть бы харчей повезти... Как они там живут?»

Письма от них приходили редко, и она их по многу раз перечитывала, и в последнем Вера своим округлым учительским почерком писала, что все у них по-прежнему, все хорошо. Никто пока не болеет. Петя много работает. Сережа ходит в детский сад. Что на следующий год ему в школу.

В конце письма приписка рукой Петра о том, что скоро получают, наконец, квартиру и что если бы она жила у них, то наверняка получили бы на одну комнату больше.

Двадцать лет тому назад уехал Петр из дому; сначала армия, потом институт, теперь на заводе работает, солидный человек, за сорок, а думала она о нем, как о маленьком.

Погоревала мать о том, что не знает толком, как они там живут. И ей стало жалко Петю, невестку, внука, всех дорогих и близких ей людей.

Снова скрип и шорох.

Мать замирает под одеялом, прислушивается к звукам, которые рвутся со дво-

ра, сквозь невидимые щели, печную трубу и двери, потом выпрастывает ноги, садится на постели и опять тревожно вслушивается, стараясь выделить звук живого: мерно стучит будильник, где-то далеко родился шум мотора, нарастая, с завыванием приблизился, свет фар просочился сквозь доски ставен, пополз по потолку узкими полосками. Полоски одна за другой таяли, потом юркнули в темный уголок за сундук. Шум мотора пропал, и она явственно услышала тихий стон. Она пошла босыми ногами по холодным половицам, нащупала выключатель и зажгла свет.

«Может, Ванька приперся?» — гадают она, накидывает прямо на длинную ночную рубаху холодный резиновый плащ, сует ноги в тапочки, открывает дверь на веранду.

— Кто тут? — спрашивает она.

Долго возится с ключом, открывает дверь на улицу.

Там за порогом темь и холод.

— Кто тут? — кричит она, вглядываясь в темноту. Никто ей не отвечает. Громада тополя таинственно шуршит над ней. Длинные черные ветви зашевелились, скрипнули от нового порыва ветра, со стоном потянулись к ней. Мать отшатнулась за порог. Никого.

* * *

Кум не приходил. Она ждала его на следующий день, как уговаривались, но прошло еще три дня, а его не было, и мать даже обрадовалась этому. «И слава Богу, — решила она. — Все, что ни делается, — к лучшему».

Погода, наконец, установилась. С утра, почувствовав в себе силы, вышла открывать ставни и ахнула — за полночь, оказывается, ударил морозец, тополь позванивал ледком, будто стеклянный, тучи поредели, и в прорехах виднелась далекая синева.

За неделю, пока она болела, ее небольшое хозяйство подзапустилось. Куры, объевшись зерном, ходили боком. Ванюшка схитрил — чтобы не бегать кормить их каждый день, взял да и насыпал зерно из мешка прямо на пол сараюшки.

От дождей в погребе собралась большая лужа, в гараже лежал горой влажный лук, который она еще до болезни собиралась перебрать и не успела. Везде надо было руки приложить, и она с удовольствием окунулась в привычные хлопоты.

В обед она сидела на низком скрипучем табурете, наклонясь над большой миской, чистила картофель. У ножки стола крутился вернувшийся кот Рыжик: то догонит свой хвост, то лапкой умоется. «Видать, гости будут», — заметила она.

И точно, глянула в окно, кто-то ходит по двору. Скоренько оделась, вышла. А это кум, Митрохин Гаврила Степанович, с сыном. Стоят. Разговаривают.

— Доброго здоровечка, Петровна! — приподнял кепку Гаврила Степанович.

— Да какое тут здоровье. Неделю провалялась с ногами. Сегодня только полегчало.

— А я вот с Никитой... Решили посмотреть твое хозяйство.

— Чего его смотреть... Ты наш дом знаешь...

— И то верно, — согласился Митрохин. — Ну, это я... А жить, ежели чего, Никите. Пусть сам смотрит.

— Пускай... А мы айда в хату, чего на ветру стоять, — предложила мать, вскочила она налегке и уже замерзла.

Они пошли в дом. Пока вытирал ноги, Гаврила Степанович цепким взглядом подмечал, что перила держатся на честном слове, да и порожек подгнил, что в углу веранды крыша подтекает, разводы на стене, обвалилась штукатурка. «Да...», — протяжно сказал он, делая важные для себя выводы.

— Заходи, — пригласила мать в комнату, кум вошел, сел на стул возле порога, распахнул пальто, не торопясь, достал папирсы.

— Я курну, Петровна? — спросил он.

— Да дыми, — махнула рукой мать.

Она выглянула в окно. Никита закрывал гараж.

— Ишь, — усмехнулась она, — в батьку растет...

Низенький, широкой кости Никита напоминал ей молодого Гаврилу, послевоенного парубка. «И лицо — копия», — подумала она.

— Растет... Дубина здоровая, — с затаенной гордостью за сына сказал Митрохин.

Мать опять уселась на свой скрипучий табурет и стала чистить картошку. Замурлыкал, потираясь спиной о ногу, Рыжик.

— Ну что, нагулялся?

— Смотри, Петровна, ухо-то порвали черту рыжему, а... Боец... За невесту дрался, наверное... — хохотнул Митрохин.

Никита все не шел. Ожидание затянулось, и их нетерпение, вызванное разными причинами, усиливалось. Не складывался разговор, приходил кум несколько дней назад просто так, по-соседски поведать, как старый Антонов друг, ее не волновало тогда, зачем он пришел, что думал; зашел, ну и спасибо, и поговорили, пожаловались на старость, о детях, о погоде, о многом. Но теперь дело было другое, мать только догадывалась, что тот разговор, который она посчитала зряшным, выдуманном лишь для того, чтобы Ванюшу попугать, Гаврила Степанович обдумал и пришел теперь с серьезными намерениями.

Пришел со двора Никита.

— Ну, батя, полный завал, — сказал он. — Гараж надо достраивать, туда машина не войдет... Толь на крыше рваная... все старье... Кто делать будет? А погреб... В год по сорок раз воду качать? Там грунтовые воды подходят.

Митрохин внимательно слушал сына, качал головой и протяжно говорил: «Да...»

Старухе стало обидно, что пришел вот чужой человек, стоит и бессовестно хаёт ее дом, где ей было известно, кто, когда и куда вбил гвоздь. Гараж этот своими руками сложил ее старик, Антон Егорыч, а погреб — дети как-то собрались в отпуск и всем миром соорудили его за три дня. Она хотела заглянуть в глаза соседу, но тот делал вид, что слушает, и отворачивался.

— Ну, вот и хорошо, что не нравится, а то, знаешь, Степаныч, я, кажись, тоже передумала, — сказала она. — Да и Ванюшка приходил, ругается, не согласен.

— А мы уже и деньги приготовили, — растерянно сказал Никита.

— Шел бы ты на улицу, — сказал Митрохин.

Никита вышел на крыльцо, а кум затянулся глубоко, послонявил пальцы, затушил папиросу и сунул ее в карман.

— Петровна, я же не в бирюльки пришел играть... Ты чего же надо мной насмеяешься?

— Да я... — Старуха хотела объяснить, что разговор был необдуманный, напомнить ему, как дело было, но кум перебил ее.

— Весь хутор смеяться будет, как я хату покупал... Все уже знают, что ты едешь в город, жить к Петру, что дом мне продаешь...

— Да, это верно, — сказала мать, — но я еще не решила...

— Так ты решай... Говоришь, Ванька не хочет... Да если бы он был как надо, разве бы жил отдельно. Срамота и только. Мать одна, а он в гости ходит... Дом Антон Егорыч на тебя записал. Что хочешь, то и делай... Решила о своем старшем сыне подумать, и правильно... Сколько ему мыкаться... Тем более зовет. А у Ваньки над головой крыша есть.

— Так ведь казенная, — слабым голосом возразила она.

— Надумаешь, приходи, я от своих слов никогда не отказываюсь.

Митрохины ушли, а она долго еще сидела над миской, смотрела на картофельную кожуру и все не могла собраться с мыслями. Надо было теперь решать.

После разговора с матерью Ваня Тянтов с неделю не находил себе места, слыл он человеком бесхитростным и все, что творилось на душе, яснее ясного читалось на его лице. Шоферская братия сразу заметила, что ходит он хмурый, какой-то потерянный, но когда кто-то попытался сострить: «Ты чего такой мрачный, аль жена в городе загуляла... Смотри, Ваня, там театры, рестораны, соблазны разные... Лучше держи ее, как козу, на приколе», он так ответил, что шутить больше никто не хотел, все знали, что парень он смирный, но, если затронешь, в драке становился просто бешеным.

Ваня о них думал хорошо, мужики в гараже подобрались неплохие, но говорить с ними о домашних делах... Нет, он не мог. Хуже всего было, когда оставался один: ехал на дальнюю ферму за молоком, возился под машиной, шел с работы домой, мысленно он то продолжал свой разговор с матерью, то начинал задавать вопросы: «Зачем? Объясни! А что сказал бы отец?», то вдруг начинал обвинять во всем свою жену. Нужен был совет. Нужно было просто кому-то рассказать обо всем этом. А кому? Не идти же в профком по личному вопросу.

«Если бы Ленка была дома», — горевал он. Ваня был убежден, что кто-кто, а его жена всегда знает, что делать. За ней он был как за каменной стеной. С молчаливого согласия она главенствовала в семье. Ваня и не возражал, он был добрым и порой просто безвольным, она — практичной от природы, умной хозяйкой. Ваня часто думал, что же связывает их так накрепко, сам-то он был вроде не красавец, худой, руки длинные, а она девка видная, и, смотри, даже когда он в беду попал, не бросила, дождалась.

Он понимал, что ребята не со зла, просто так, для хохмы, сказали о городе, а смотри, подлый червячок ревности зашевелился, и он очень захотел, чтобы Лена скорее вернулась.

В субботу Ваня не удержался — мужики собрались в гараже после работы, хряпнули по стаканчику красного вина, разошлись.

Пришел домой, а там — новость. На кухне пар клубами, жарко. На плите выварка стоит, Ленка, его любимая жена, краснощекая, в легкой блузке без рукавов. Стоит у корыта, нагнувшись, стирает. Блузка обтянута на груди так, что чуть пуговицы не отлетают, раскачиваются полные груди, Ваня оглянулся — кухня общая.

— Во, — сказал он, скалясь, — смотри, вывалятся...

Ленка мокрой рукой откинула прядь волос со лба.

— И это вместо «здрате»... — улыбнулась она.

Она не стала его ругать за то, что пришел выпивши — от нее ничего не скрешь; что в комнате грязно, что Илюшка голодный, что она устала как собака, что отпросилась с курсов на неделю раньше — она знала, что все так и будет.

— Иди, раздевайся, — сказала она. — Сейчас покормлю...

...Хорошо, что Илюшка быстро засыпает, и спит крепко, пушкой не разбудишь...

...Они лежали рядом на спине, касаясь друг друга по всей длине тела.

Пальцы ее коснулись щеки, с шершавым звуком потерли ее.

— Ваня, ты хоть бы побрился, — тихо сказала она.

— Да когда его, времени не хватает...

И опять молчали, глядя в потолок. «Сейчас бы покурить», — подумал Ваня. Он представил себе, как хорошо бы сейчас выйти на морозец, курнуть, всей грудью подышать обжигающим с дымком воздухом — и назад, в тепло.

— Ну, как там, в городе, есть подходящие женихи, — насмешливо спросил он. — Небось, в ресторанах была?

— Была. И в театре... Комедию смотрела... Красиво там...

— Про что?

— Что про что?

— Ну, комедия.

— О жизни... Смешная...

— А я тебя ждал, — сказал он.

Лена даже глаза закрыла от удовольствия, она вдруг легко повернулась к нему своим горячим телом и выдохнула:

— А не брешешь?

— Что брехать... Ждал... Лен, мать уезжать надумала. К Петру в город собралась.

— Пусть едет.

— Но так дом продает.

— Пусть продает.

— Лен, нельзя его продавать.

— А чего?

— Ну... Нельзя... Я родился там... Там отец помер... Там тополь растет...

— Да ерунда это, Ваня.

— Да-а, — сказал он немного погодя, — понимаешь ты много.

Он отвернулся к стене и обиженно засопел. Он не любил громких слов, но как сказать, что для него такое родной дом. Дом родной... Откуда ему, Ване Тянтову, знать, в чем его великая притягательная сила. Почему всегда тянет издалека к одному-единственному на свете месту? Почему, когда он видит серебристый тополь, который его отец посадил в день его, Вани Тянтова, рождения, всегда колотится сердце. Он это чувствует, зачем говорить словами.

— Вань, ты чего, обиделся? — толкнула его в бок жена. — Ну, не сердчай... Я тоже без вас там скучала... Сижу на занятиях, а сама думаю, как там вы: голодные, холодные...

И еще долго они говорили и уснули поздно.

Назавтра Лена сходила на хутор. Мать была дома. До самых дверей Лена шла, как обычно, уверенная в себе, знающая, чего она хочет, но, увидев Таисию Петровну, ступешалась, потому что вдруг сообразила, что не знает, как назвать свекровь. Мама — прозвучит фальшиво, она уже давно так не называет ее. Таисия Петровна — это уж совсем по-чужому.

— Заходи, чего в дверях стала, — сказала мать, не зная, что ей думать на неожиданный такой приход. — Ванюшка сказывал, что ты в области.

— Да все... Отучилась.

— Может, чего стряслось? С Ванюшкой?

— Да нет, просто так.

— Ну-ну, — недоверчиво сказала мать. — Садись, рассказывай, как там у вас?

— Ничего, нормально.

Лена села за стол, расстегнула верхние пуговицы пальто, сдвинула на шею платок. Мать тоже присела.

— Чего пришла? — спросила она, испытывающе разглядывая невестку.

— Ваня прислал, — честно сказала Лена. — Просил дом не продавать... Он говорит, если Петру нужны деньги, то мы дадим... Немного, правда... У нас много нет.

— А зачем ему дом?... Жить вы все равно тут не хотите... А денег мне ваших не нужно... Обойдусь... Да разве в этом дело, — она махнула рукой. — Ты вот лучше скажи мне, ты чего такая? А?

— Какая такая?
— Задача. Это все из-за тебя... Знаю, там Ванька пикнуть не может. Все ты... Лена ссориться не собиралась.
— Ну, я пойду, — сказала она, встала, поправив платок. — Так что Ване сказать?
— Не-е, ты погоди... Раз пришла, давай поговорим... Что же ты у живой матери сына отбираешь? Я уже старая, мне помощь нужна... Откуда ее ждать, как не от детей родных... А ты?
— А что я? Мы уже пробовали ужиться у одной плиты вдвоем. Не получилось... Больше не хочу.
— Так за что же ты на меня зло держишь?
— Да не держу я на вас зла... Просто я не Ваня, обиду зазря нанесенную долго в себе помню.
— Это какую же обиду?
— А когда Ваня в беду попал, помните? Кто крайним оказался? Я. Только и слышала от вас — не уберегла, не отстояла, не уследила... А что можно было сделать тогда? Я и так всех на ноги подняла... Весь совхоз помогал... И характеристики какие были... А ничего не вышло... Закон есть закон, его не уговоришь... Ваня сам виноват. Кто просил его этот мешок брать? Он, как Антон Егорыч, тот тоже такой был — распахни душа, и сынок по наследству, все ему надо, за все в ответе... Вот и сказали — отвечай. А он что говорил: «Я не брал чужое». А как доказать? Нет, не я виновата... И людей Ванька зря винит, видишь ли, не поверили ему, что он честный человек... Поверили, но... Закон... Нет, Таисия Петровна, жить я здесь не буду... Вот так.

И она ушла, а мать долго еще сидела с потухшими глазами, и все горевала, что получился такой разговор.

Вечером она сходила к куму, отдала ему паспорт и попросила решить все там поскорее. Гаврила Степанович съездил в район к нотариусу, оформил бумаги и привез подписать их. Через пару дней все самое главное мать сделала: кур почти даром отдала соседке, заперла в гараже зерно.

* * *

После школы пришел Илюшка. Она его покормила.

— Чего же отец не идет? — спросила Тася.
— Ты ему говорил?
— А он обиделся.
— Говорил что?
— Дура, говорит.
— Ну-у...

Илюшка помог снять занавески, коврик, картинки, фотографии со стен. Мать вытащила из сундука небогатые свои тряпки, связала в два узла, поносила на стол кастрюльки, мисочки, потом села, смотрела на голые, пахнувшие нежилым стены, на нависший, разом почерневший потолок, на квадратные и прямоугольные пятна, выделяющиеся невыгоревшей побелкой, где только что висели много лет неснимаемыми украшения и реликвии ее семьи, сидела, дивилась, как все же мало добра нажили за долгую жизнь, и ведь не нуждались.

— Баба, — позвал Илюша.

Мать поспешила на помощь внуку, он никак не мог справиться с проволокой, на которой висела последняя деревянная рамка, где под стеклом были их семейные фотографии.

— Ну-ка, дай я попробую, — сказала старуха, с трудом взбираясь на стул. По-

шатала гвоздь. Нет, не поддается. Проволока жесткая, руками не сломать. — Это твой батька постарался, — сказала она. — Сбегай в сарай. Где-то там клещи валялись.

Илюшка сбежал в сарай, принес клещи.

Мать стала перекусывать проволоку заржавевшими клещами, и долго ей это не удавалось. Она придавила клещи обеими руками и не успела подхватить рамку. Звякнуло, разлетевшись по полу, стекло.

— Ударила родненьких, — запричитала она, становясь на колени. — Ох, ударила... Я же не хотела, — вытаскивая из рамки осколки, говорила мать жалобным голосом.

В день отъезда она сходила на могилку мужа, попрощалась. И до тех пор, пока не подъехал на тракторе Никита, все поглядывала, не идет ли Ваня, но он так и не пришел.

От хутора до районной станции, где проходила железная дорога, добрались за полночь. Никита купил ей билет, помог сесть в вагон и ушел. А потом она долго ехала.

* * *

Морозным воскресным утром Ваня решил пойти к Митрохину. «Спыток — не убыток, — думал он, — ну, приду, поговорим, должен же он понять, что никак нельзя продавать дом, а мать глупость сделала, что это она назло мне...»

Он тщательно вычистил костюм, наваксил кирзовые сапоги. Лена молча наблюдала за приготовлениями мужа, но когда он, чертыхаясь, стал примерять галстук, который не надевал со свадьбы, не выдержала:

— Куда это ты?

— Тебе оно надо? — огрызнулся Ваня.

«Разговор состоялся. Чего теперь воду в ступе толочь», — подумал он.

На прошлой неделе он тайком под вечер ходил на хутор, прошел к дому задом, чтобы никого не встретить случайно, обошел дом, заглянул вовнутрь, но ничего не разглядел в темноте, увидел кучу кирпича, следы шин грузовика. «Никишка завез, наверное, стены будет обкладывать», — решил он и расстроился, что столько времени сам собирался это сделать, а все руки не доходили.

А дома жена сразу, только глянула на него, догадалась:

— Опять на хутор ходил? Ну, зачем?

Ваня стал говорить, что деньги-то у них есть. Надо их Митрохину отдать, и пусть вернет дом. А жена свое — «За всю жизнь скопили... Да если бы не я, копейки у нас не было бы... Вон, дыр сколько... Третью зиму в одном пальтишке хожу... Илюшка тоже раздетый... А ты все сразу коту под хвост...»

В конце концов, поскандалили, но Ваня настоял на своем — деньги со сберкнижки сняли. В совхозной сберкассе их столько сразу не оказалось, привезли из райцентра через несколько дней. Принесли домой, развернули бумагу, в которую были упакованы пачки, и Ленка заплакала: она столько денег сразу никогда не видела, ей стало их жалко, и она заявила, что не отдаст их. Ваня хотел было врезать ей, но только плюнул и в этот вечер крепко напился.

...Он продрог, широко шагая по дороге, и все думал, как бы посolidнее вести себя в чужом доме. В центре хутора он зашел в продмаг. Знакомая продавщица зыркнула на него глазами, заметила галстук и сказала весело: «Ваня, ты сегодня красивый. Праздник что ли какой?» — «Та-та», — сказал он и запахнул воротник пальто так, чтобы не было видно галстука. Она привычным движением, не глядя, взяла с полки бутылку водки и поставила перед ним, даже не спросив, что

ему нужно. «Не-не, — сказал Ваня, — вон ту...», — и указал на пузатую бутылку с иностранной наклейкой.

— Ванечка, так это коньяк... и дорогой очень, двадцать пять рублей.

— Давай, — твердо сказал Ваня.

— Ну-ну, — удивилась продавщица.

У массивных железных ворот дома Митрохина смелость оставила его, и он с сожалением подумал, что надо было тяпнуть стаканчик вина для храбрости, а на трезвую голову как-то и слова нужные в голову не идут. Он мялся: идти или не идти, пока на улице не появился человек. Ваня подумал, что все равно его уже здесь видели и, толкнув калитку, вошел во двор. К нему навстречу метнулся лохматый пес, гремя цепью, монотонно забрехал. На крыльцо вышел Никита.

— Тебе чего?

— Степаныч дома?

— Ну да.

— Клихни на минутку, поговорить надо.

— Да заходи, цепки не хватает, не достает... Барс, цыц! Пошел вон!

Ваня прошел за Никитой на веранду. Гаврила Степанович в комнате смотрел телевизор. Никита позвал его:

— Батя, подь сюда. Пришли...

— Кто пришел? — спросил тот, вышел, увидел Ваню, заулыбался широко. — А-а, родич пожаловал. Давненько не заходил. Ну, как там мать, пишет?

— Та-а, — махнул рукой Ваня.

— Ну, так что, раз пришел, будь гостем. Пошли на кухню.

Пальто и шапку Ваня снял, сапоги не стал. Митрохин сказал:

— Проходи. Ничего, не наследись...

Ваня вытащил из кармана бутылку, поставил на стол. В комнату заглянула невестка, предложила помочь, но Гаврила Степанович сказал:

— Разберемся сами. — На столе появились огурцы, хлеб. Никита настороженно посматривал на гостя, пытаясь угадать, зачем тот пришел, с добром или нет.

— Хорош напиток, но не нашенький. Коньяк для официальных моментов. Давай, Никита, водочку достань.

Глаза Митрохина весело поблескивали со скрытой насмешкой. Налил в стакан водку.

— А тебе, может, коньяк, а? — спросил Митрохин.

«Издевается», — подумал Ваня, сузил глаза, сказал:

— Наливай водки.

Выпили, крикнули, закусили.

— Дело ко мне, что ли? — спросил Митрохин.

— Дело не дело, а поговорить надо. Я о доме...

— А-а, ты чего это вещи не забираешь? Лежат, пылятся...

— Степаныч, ты дом-то, того, верни, а?.. Деньги я отдам. У Ленки на книжке есть.

— Ну, брат, силен, тяжелый ты вопрос затеял...

— Понимаешь, Гаврила Степанович, это же мой дом родной... Я вырос в нем, я каждую досточку помню. Отец в нем умер. Я вишни около него сажал. Нельзя его так просто бросить, а, Степаныч, ты же понимаешь меня?

— Я-то понимаю. Пойми и ты... Я дом купил, все законно, бумага есть, заверенная нотариусом. Мне Никиту отселить надо, пора ему свое хозяйство заводить. Нечего на отцовской шее сидеть. Я же не могу так решать — сегодня купил, завтра вернул, это несерьезно.

— Степаныч, я тебя по-доброму прошу...

— Ну, брат, ты и деятель, а? Видал, Никита, угрожает. Пришел в гости, ну поговори о жизни... Мы же родичи, ты это не забывай!

— Деньги у меня есть, деньги я отдам.
— Ну что ты заладил: деньги, деньги... Разве в деньгах дело?
— А в чем же? Не темни, Степаныч.
— Ну, что ты напирал, Ванька? Чо?.. Ты только о себе думаешь, — вмешался в разговор Никита.
— Не вякай! Не вякай, я сказал!
— Ты смотри на него. Не вякай, — передразнил Ивана Никита. — Ты наглый, как танк.
— Давай так, — перебил его Гаврила Степанович. — Я в общем не прочь. А где ты четыре тыщи возьмешь?
— Как четыре? Мать ведь полторы взяла...
— Батя, а как же я? — вмешался удивленный Никита.
— Помолчи, — цыкнул на него отец. — Дом твоя мать продала?
— Ну, — согласился Иван.
— Значит, дом был ваш, стал наш. Считай, продешевила Тася. Я дешевле не отдам, я не дурак.

Ваня долго молчал. Злоба еще не родилась, но он уже почувствовал, как она ворохнулась где-то в глубине. Он даже осязаемо почувствовал ее.

— Степаныч, ну, так как, а?
— Тебе же русским языком говорят! — сказал Никита.
— Ну, ты, — ощерился Ваня. — Ладно. Я мешок вам простил, хотя надо было...
— Какой мешок? Чего ты мелешь? — Митрохин встал.
— Тот самый, из-за которого я три года отсидел. Твой мешочек был, Степаныч, твой. Никишка спрятал. А я, дурак, на ток хотел его свезти, ну и свез... Ты, Степаныч, сынка пожалел, а меня нет.

— Чего брешешь? Да за такое и в морду можно дать! — взвился Никита.
— А ты помолчи, — Иван медленно приподнялся из-за стола. — Ты сам по пьянке проболтался... Помнишь, на собственной свадьбе хвастался, какой ты везучий? Может, напомнить, кому что говорил? Степаныч, я не злой, ты мне дом верни!

— Давай, давай отсюда, — Митрохин показал рукой к дверям. — Топай!
Никита схватил Ваню за рукав и с силой дернул:

— Ты что, не слышишь?

— Не трожь, гад!

— Кто гад? — Никита схватил его за грудки. — А ну, пойдём поговорим!

Ваня вышел в коридор.

— Бери шмотки и топай! — Никита швырнул ему на руки пальто и шапку и, подталкивая, напирал, не давая Ване остановиться.

На крыльце Ваня все же изловчился и двинул его в правую скулу. Никита ответил, и тут же, перевалившись через низенькие перильца, упал на снег.

— Батя! — закричал он. — Батя!

Митрохин выскочил на крыльцо, выругался и метнулся назад в дом.

— Собаки вы, а не родичи! — кричал Ваня, волоча пальто по снегу. — Ничего, мир тесен — встретимся!

Не сообразил Ваня, в чем дело, а когда сообразил, бежать было поздно: черный пес, которого отвязал Никита, вцепился в пальто и, рыча, стал его трепать, упираясь всеми четырьмя лапами. Ваня хотел подтянуть его и двинуть сапогом по зубам, но не доставал. Тогда он кинул в него шапкой и стал отступать к калитке. Пока открывал ее, пес тянул его за сапог так, что Ваня почувствовал его зубы. Вырвался на улицу.

— Сволочь! Сволочь! — шептал Ваня разбитыми губами, сплевывая сукровицу, он яростно рвал штукетник из забора, тоненькие досточки трещали, ломались

островерхие верхушки, он все же выдернул палку и кинулся назад, пинком ноги распахнул калитку.

— Ну, иди сюда! Иди!

Пес, рыча, бросился навстречу. Ваня спокойно подпустил его и обрушил палку, целя в голову. Удар пришелся в лапу, пес жалобно заскулил и метнулся к будке.

— Убью! Убью!

На крыльце стоял Митрохин и держал в руках двустволку. Ваня презрительно глянул в темные, бездонные отверстия, схаркнул на снег.

— Ты... Ты...

— Ваня!

Он оглянулся, к дому бежала Ленка, распахнутое пальто развевалось, как крылья.

— Ленка, уйди! — закричал Ваня.

— Ваня, Ванечка, — хватала жена его за руки. — Что же ты не сказал? Что же ты такой? Я принесла. Вот...

Она достала из кармана толстую пачку денег, перевязанную ленточкой. — Что же ты так... Ваня?

Ваня кинул деньги на снег.

— Бери, родич!

Повернулся и гордо пошел со двора. Лена семенила рядом и старалась вытереть платком ему лицо.

— Что же ты у меня такой, Ваня?

— Та-а, — кривился Ваня и отводил ее руку.

— Ты только не пей, Ваня. Я с матерью согласна жить. Ваня...

Когда уже подходили к автобусной остановке, он вспомнил:

— Собака, шапку забыл. Ну, гад... Ну, ладно.

Дома, рассматривая прокушенную ногу, Ваня злился.

— Сапог прокусил...

— А пальто, Ваня, новое ведь пальто было. Все порвал...

Илюша со страхом и любопытством смотрел, как из раны сочится кровь. Ваня позвал его к себе.

— Знаешь, где он живет?

— Угу.

— Иди посмотри, лежат деньги или взяли. И шапку глянь. Может, где увидишь.

— Ну, чего ты хлопца посылаешь? — возмутилась Ленка. — Сама схожу. Не хватало, чтобы и его собака покусала.

— Больше кусать не будет, — сказал Ваня.

* * *

«Дни в городе бегут быстрее, — вскоре сделала вывод мать. — Ахнуть не успела, а смотри, три недели пролетели. Дома, наверное, снег выпал?.. — думала она и тут же отгоняла непрошенные мысли. Дом ее теперь здесь, и сама она — городской житель. Правда, у Петра не все получалось с пропиской, но он говорил, что нашел нужного человека, который обещал помочь.

Потихоньку она привыкла, что в этом доме не любили рано вставать, и поэтому она научилась притворяться и лежать с открытыми глазами. Все равно это было мучительно — на старой, прогнувшейся раскладушке она лежала, как в корыте, тело затекало, а повернуться она стеснялась, потому что тогда раскладушка сильно скрипела. Но больше всего ее донимали ночные звуки. Сквозь чуткий старче-

ский сон она слышала гудки и стук колес далекого поезда, скрежет трамваев и бесконечный шум автомобилей.

Был у нее теперь свой круг обязанностей: надо встать в семь часов — не раньше и не позже, тихонько выйти на кухню, постараться не скрипеть дверью, поставить чай, разогреть завтрак, накормить всех, одеть внука, отвести его в детский сад, выслушать на ходу наставления невестки. И так каждый день.

Когда все разбегались, и она возвращалась в квартиру, то подолгу сидела в тесной кухне и отдыхала. Жизнь ее там, на хуторе, была размеренной и основательной, а здесь все надо было делать быстро. К этому привыкнуть ей было трудно.

Днем ходила в магазин, покупала продукты, готовила ужин, вечером брала внука из садика и поджидала сына с невесткой. Приходила Вера с работы, по вечерам она была неразговорчивой и нервной, а потом появлялся Петр и шумно объявлял, как продвигаются дела с квартирой и пропиской. Поужинав, садился за газету, позже смотрел программу «Время», потом все ложились спать.

Иногда ей казалось, что она в гостях, что скоро это гостевание закончится, и она поедет к себе домой.

— Сережа... Сереженька... — тихо позвала мать. Громче нельзя. Это не в деревне, где можно крикнуть так, что соседские петухи всполошатся и собаки ответят. Куда же он пропал? Спрятался сорванец. Здесь, если громко позвать, так откроются двери, высунутся лица, выйдут люди: «Что там такое?» — любопытные, «Что там такое!» — возмущенные. Здесь общежитие, люди покоя требуют.

Мать остановилась на площадке и, прежде чем опять еще раз позвать внука, прислушалась: нет, его нет. Она опять тихонько позвала: «Сережа». Подняться надо на пятый этаж, девять ступенек, площадка, еще девять ступенек, еще площадка, две площадки — этаж. За день она много раз спускается и поднимается туда-сюда. Под вечер ноги начинают гудеть, и идти становится тяжело, стучит в висках, сердце хватает. А тут еще внук, такой балованный, чуть отвернулась, умчался куда-то с гиканьем. У нее сердце сжимается, вдруг кто-то выйдет из какой-нибудь квартиры и зашумит на нее, а этого она боялась больше всего.

Вот и пятый этаж. Вошла в коридор. Теперь налево. Вот здесь, у кухни, можно передохнуть. Она боком приваливается к стенке и, тяжело дыша, отдыхает... Голоса на кухне, высокий с хрипотцой — это Петра, ее сына, а это — мягкий, нежный — его жены Веры, невестки, значит. Мать прислушивается не из любопытства, а просто так, захотела сына послушать.

— Петя, я устала.

— Ну, чего ты хочешь?

— Я ничего не хочу... Сколько прошло? Месяца еще нет. А на что жизнь стала похожа? Я в своем доме, как на вокзале, сижу и жду, когда поезд отойдет. Ну, чего ты на меня смотришь? Я что, неправду сказала? И ты так думаешь, только молчишь, потому что мать твоя. Может, в гостиницу определить ее, пока квартиру не получим?

— Ну что ты говоришь. Вера?.. В гостиницу... Туда паспорт с пропиской нужен, а она там выписалась, а здесь пока не прописана. Между небом и землей...

— Придумай что-нибудь! Мне эти дни вечностью кажутся... Я каждый раз дрожу, вдруг ночью опять кровать заскрипит... От стыда умереть можно, у меня и так уже сердце болеть стало... А сегодня соседка орала. Ты не слышал? «Скажите своей бабке, пусть в мужской туалет не ходит...» А ей туда просто ближе... Понять можно, ноги больные, но неприятно... А вот недавно было — Сережа приходит из садика и так серьезно говорит: «Мама, почему ты, когда бабушка чавкает за столом, ей ничего не говоришь, а меня в угол ставишь?..»

Мать хотела незаметно вернуться, ведь нехорошо подслушивать, если даже

случилось это нечаянно, но у нее будто и руки, и ноги отнялись, она стояла, прильнув к стене и боялась шевельнуться, чтобы не выдать себя и не смутить сына. Первая, едва уловимая волна стыда и горечи охватила ее. «Но откуда мне знать, что можно, а что нельзя».

— Нам бы получить квартиру, сразу легче было бы, — сказал Петр. — Третья комната никогда не помешает.

— Петя, да бог с ней, с этой комнатой.

— Ну, знаешь... А с матерью как? Это же не книжный шкаф, взял — переставил.

Ночью мать опять притворилась спящей, тихо лежала, боясь шевельнуться, скупые, непрерывные слезы текли по ее седым вискам. Горько думалось ей о своей жизни. Нет, Петра она не винила, он всегда сердцем слабый был, за что винить? И невестку она понимала. Но сердце исходило невыносимой тоской и болью.

А утром, когда все разошлись, она собрала разбросанные по всей комнате семейные фотографии, кинула в сумку кое-какую одежонку, нашла в шкафу свой паспорт и поехала на вокзал. На столе на видном месте оставила записку: «Детки, живите дружно. У вас хорошо. Я поехала домой. Мать».

* * *

Кум Гаврила Степанович встретил ее на веранде, и в дом не пригласил, и слова не дал сказать.

— Ноги, ноги вытирай, — сердился он. — Чего надо?

Вышел он в одной майке и всем своим видом показывал, что разговор будет коротким. Мать все поняла — не будет же раздетый человек на таком холоде выслушивать ее длинный рассказ о поездке к сыну. Да она и слова, которыми хотела разжалобить кума, забыла, а теперь и вовсе не знала, что сказать, и стояла маленькая и жалкая, горестно разводила руками, открывала рот, но ничего не говорила.

— Ну, — сказал кум.

— Так я насчет хаты, — выдохнула и вся сжалась, как перед ударом.

Кум побагровел, наливаясь гневом, и заорал:

— Чтобы я еще раз с Тянтовыми связался — да никогда... Чокнутые все Тянтовы, а о чем с чокнутыми говорить? Иди, иди бабка отсюда, иди по-хорошему!.. Ничего не хочу, понятно? Ничего. Иди в свой задрипанный дом, — надвигался на нее, всей тушей тесня за порог.

На крыльцо выскочила кума и затараторила:

— Ты у своего Ваньки спроси, пусть расскажет! Хулиган! Пусть еще спасибо скажет, что в милицию не сдали! Пожалели, а надо было бы!

Пес рвался с цепи к пятящейся матери, но она не слышала его злобного рычания и воплей кумы, она будто оглохла вдруг и видела только оскал зубов собаки. «В милицию, — пронеслось в голове, — да что же это такое! В милицию ему нельзя!»

Спотыкаясь, прижав к груди свой маленький узелок, мать торопилась к тому единственному в этом мире месту, где, она думала, будет ей покой и облегчение тревогам.

...Ржавая консервная банка на заборе... Вот калитка... С влажных свежеструганых порожек родного дома навстречу ей поднялся ее младший сын Ваня.

Ирина Владимировна Стародубцева родилась в селе Журавка Кантемировского района Воронежской области. Окончила исторический факультет Воронежского государственного университета. Работает в департаменте имущественных и земельных отношений Воронежской области. Со школьных лет увлекается литературным творчеством. Публиковалась в местной печати. Живет в Воронеже.

Ирина Стародубцева

ШИПОВНИК

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Ночь соловьиная тихая, чудная,
Стелется низко туман,
Буйная зелень вокруг изумрудная,
Сад от цветения пьян.

Яблони нежные, листья прохладные,
Сядем под ними в тиши
Как хорошо мне с тобой, ненаглядная,
В этой забытой глуши.

Рук твоих теплых знакомые линии,
Плечи худые бледны,
Ну, а в глазах, удивительно синих,
Дальние звезды видны.

Ноты знакомого тихого голоса
Сердце волнуют сильней,
И твои светлые легкие волосы
Юностью пахнут моей.

Травы росой начнут покрываться,
Словно алмазы сверкнут,
Будем, родная, болтать и смеяться,
Не замечая минут.

Как же прекрасна ты в лунном сиянии,
Счастьем улыбка полна,
Сыплет цветами свое обаяние
С веток шальная весна.

Ночь пролетела стрелой упругою,
Гаснут вокруг фонари,

А над рекою и сонной округою
Виден румянец зари.

Льют свою трель соловьи сизокрылые,
Нежно к тебе припаду,
Я бы всю жизнь просидел с тобой, милая,
В этом цветущем саду.

* * *

Не жить, а значит не мечтать...
Отцвету, как липа, сгину,
И земную благодать
С грустью легкою покину.

Будет дождь с улыбкой вялой
Шелестеть в рассветной мгле,
Напевать, что с теми стало,
Кто остался на земле.

Возвратятся птицы с юга,
И в прозрачной тишине
Лишь береза, как подруга,
Вдруг заплачет обо мне.

Слезы листьями роняя,
Снова б воздуха вдохнуть,
Но навек земля сырая
Придавила теперь грудь.

Будет ветер выть знакомо,
Разнося от жизни дым,
А душа бродить у дома,
Все скучая по родным.

ОНИ РАССТАЛИСЬ

Они расстались без тоски,
За тем прудом, где цвел шиповник,
Сожгли последние мостки,
Не выясняя, кто виновник.

И вроде жизнь теперь с нуля,
Бежать по солнечной орбите,
Но вопреки всему поля
Шептали: «Заново любите...»

Шагали двое в знойный день
Без слов и в общем-то без цели,
И только прошлое, как тень,
В траву упало на колени.

Был ветер пьяным от всего,
И губы с привкусом корицы,
Но только все же от чего
Дрожали длинные ресницы...

Она чужая, а потом...
Он ей не друг и не любовник,
И лишь заплакал за прудом
Цветами нежными шиповник.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Лес притих, настала осень,
Вот и новый поворот,
И верхушки старых сосен
Подпирают небосвод.

Золотом горит округа,
Ярких красок карнавал,
Пышный ясень, словно друга
Клен кудрявый приобнял.

Аромат струится пряный,
Трав уснувших не согреть,
Они так увяли рано,
Им еще б пошелестеть.

И горит огнем стыдливым
Куст рябины над водой,
Лес задумался тоскливо,
Словно дедушка седой.

Крикнет с ветки где-то птица
И в погоне за теплом,
Над закатом растворится,
Небо трогая крылом.

И прохладный, и уставший
День уходит — подожди,
Скоро по листве опавшей
Зашумят всю дожди.

СОЛДАТКА

До последнего буду с тобой,
У войны пусть другие законы,
Стану я за холодной стеной
Подавать тебе тихо патроны.

Залит кровью пустой горизонт,
Нет дороги уже нам обратно,

Я сама попросилась на фронт,
Хоть тебе это и не понятно.

Этой ночью все видно, как днем,
Закрываю глаза, вижу нивы,
Обгоревшим и ржавым гвоздем
Нацарапаю: «Мы еще живы...»

Воют жутко опять провода,
А вдали то и дело зарницы,
Жгут деревни и жгут города
Ненавистные подлые фрицы.

Почему я пошла воевать?
Обжигала морозная стужа,
Мне ведь нечего больше терять,
Всех убили: и сына, и мужа...

Продержаться бы хоть до утра,
Душу выжгли уже без остатка,
Для тебя я как будто сестра,
Для врага же я просто солдатка...

Только б воздуха... неба глоток,
Стихли выстрелы лишь на минутку,
Нам осталось недолго, браток,
Эх, успел бы поджечь самокрутку.

Рядом взрыв... и не чувствую ног,
Всюду кровь и ужасные стоны,
Но я все же держусь... видит Бог,
Чтоб подать тебе тихо патроны.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Когда осыпятся сады,
И мелкий дождь прохладу сеет,
Трава поблекнет от воды
И грусть о прожитом навеет.

Когда покинут журавли
Родимый край, и на рассвете,
Забрав тепло сырой земли,
Им вслед с тоской помашет ветер.

Когда на ветках спит туман,
Где желтый лист дрожал намедни,
Наступит день, как злой обман,
Но для меня уже последний.

Евген (Евгений) Павлович Плужник (1898–1936). Родился в слободе Кантемировка Воронежской губернии. Учился в Киевском музыкально-драматическом институте им. Н.В. Лысенко. Поэт, прозаик, драматург, киносценарист. Автор книг стихотворений «Дни», «Ранняя осень», «Равновесие», романа «Недуг». Переводил на украинский язык сочинения Н. Гоголя, А. Чехова, М. Горького, М. Шолохова. Был репрессирован в 1934 году, умер в заключении на Соловках.

Евген Плужник

НЕДУГ

Роман

От переводчика. Классик украинской литературы, уроженец Кантемировки Евген Плужник больше нам знаком как поэт. Сегодня мы предлагаем читателям его роман «Недуг», где автор размышляет о любви, которой «все возрасты покорны». Случившееся с главным героем вроде анекдот: в возрасте его толкает бес в ребро, семейный человек и солидный начальник вдруг по-мальчишески влюбляется в артистку. Впрочем, анекдот этот вполне житейский и на все времена, в котором есть добрым молодцам урок. Преподносит его Плужник с доброй улыбкой и грустью, с пожеланием — оставаться человеком в любой передрыге, выпавшей на долю...

Напомним: герои книги — современники автора, время и место действия — рубеж 1920–1930-х годов, бывший в ту пору областным город Киев.

Роман дается в переложении на русский язык (в сокращении).

I

Сморозной вечерней улицы густой, душный воздух фойе вялил грудь; казалось, не дышишь, а пьешь что-то пьянящее и теплое, отчего сладкая истома растекается по всему телу, а движения становятся вольнее да плавнее. Протирая запотевшее пенсне и на каждом шагу перед кем-то извиняясь, Иван Семенович протиснулся в

угол, к глубокой нише в стене, и, близоруко жмурясь, рассеянно разглядывал отсюда широкий людской поток, что двигался мимо него, обвитый терпкими запахами косметики и разгоряченного женского тела.

Монотонный, как гуденье пчел, гомон — ухо уже не выделяло отдельных звуков и голосов, а минутные наплывы тишины заставляли воспринимать его как что-то болючее и неприродное — широкими волнами катился отовсюду к ногам Ивана Семеновича, вызывая в нем ту досаду, что, не зная с чего, окутала его сразу, как вступил он в театр. Он уже пожалел, что согласился так попусту перевести вечер; небось ни развлечения, ни отдыха он не даст, за милую душу сидел бы сейчас у себя в комнате, что-то делал или просто читал. А вместо того должен он теперь нудиться тут целых четыре часа, слушая никак не интересную ему музыку. «Нет, очень нужно сейчас же отыскать Куницу и уговорить его вернуться домой: пусть он себе в другой раз без него, Ивана Семеновича, тешит свою музыкальную натуру». И Иван Семенович хотел уже втиснуться меж проходящими парами, когда почувствовал, как кто-то мягко взял его за локоть.

— Знаменательное событие — Иван Семенович в опере! — прогремел сзади глубокий певческий баритон. — Профбилетом присягаю, что вижу вас тут чуть ли не впервые!

Иван Семенович насупился и резким движением освободил свою руку. Из всех своих сотрудников меньше всего хотел бы он видеть этого горделивца и — убежден Иван Семенович — его недоброжелателя, от кого всегда так приятно пахнут дорогими сигаретами, а сейчас, кажется, еще и алкоголем.

— Вас это так удивляет? — полуобернулся Иван Семенович.

— Напротив... — просипел насмешливо Звирятин, — напротив, дорогой Иван Семенович. Только радуется. Значит, народу совсем хорошо, раз вы, так нагруженный заботами о нем, начинаете жить культурной жизнью.

— Вроде раньше жил некультурно?

— Ну вот, вы уже гневаетесь... — грустно протянул Звирятин, безобидной улыбкой пряча насмешку, что прозвучала в голосе. — Я не сумел высказаться, простите! Ведь, дорогой мой, вы прекрасно понимаете, что я хотел сказать, и — будем щедры — целиком со мной согласны. Не спорьте, не спорьте, — замахал он на Ивана Семеновича пухлой, с широким браслетом, рукой. — Пусть хоть сегодня будет между нами мир, раз встретились мы на таком нейтральном грунте... В окружении правого пролетариата, — иронично заметил он, широким театральным жестом показывая на публику, роившуюся вокруг них.

— Пролетариата? — невольно переспросил Иван Семенович, внимательно осматриваясь.

— В любом случае девять десятых из них — члены профсоюзов. Трудовая масса, так сказать...

Между ними, блистая прическами и крашеными губами, голыми плечами и дорогими самоцветами, лаком ногтей и туфель, текла публика оперных премьер. Женщины, что пришли сюда не только слушать музыку, но и показать свой наряд, а может, и обнаженные плечи да спины, выставляя бедра, ровно покачивали свои мягкие, пышные тела на тонких, до колен открытых ногах; вроде прижимая их, клонились к ним золотозубые, короткоштаннные мужчины, такие непохожие на тех, кого знал и с кем работал Иван Семенович.

Приятное чувство обособленности и злой враждебности ко всем охватило Ивана Семеновича. Он глядел на них, как на что-то дивное и застарелое, что уже давно должно сгинуть прочь из жизни и, очевидно, совсем пропало с поля зрения. Так ему давно не выпадало бывать в таком обществе: те, кого видел он иногда — в час съездов или каких-то собраний — в этом самом театре, так мало напоминали всю эту публику... Среди них не было этих пышнотелых самок с низкими лбами

над густо подмалеванными глазами, этих задышливых, обрюзглых мужчин с перстнями на пухлых нерабочих пальцах... И, вроде высматривая тех, близких и знакомых, Иван Семенович поглядел поверх толпы.

— Своих ищете? — понял его Звирятин. — Ваши не здесь, ваши выше... — И он показал глазами на широкую лестницу в конце фойе. — А тут, уважаемый, публика партера... Не по-вашему, а? Как же интересно: вашим врагам и теперь надлежат лучшие места в театре...

Иван Семенович, удивленный, молчал, поглядывал на собеседника. А тот, приглушая свой баритон, говорил далее, посерьезневший, а может, и насмешливый:

— Ну, а кто же? Они, нэп... Ну, и мы, вот я, например... «Спецы». Я не говорю о нас, как о социальной группе, или, может, как класс, мы уже вымираем, но пока весь класс умрет, каждый из нас успеет всласть и досыта нажиться...

Он замолчал и сразу неискренне, как показалось Ивану Семеновичу, засмеялся.

— Представляю, какого вы теперь мнения обо мне! Мещанище, да?

И он искоса зыркнул на Ивана Семеновича: каким дивным созданием истинно неприкрытого презрения и страха светились его серые, а вблизи совершенно бесцветные глаза.

«И чего он вяжется ко мне? — с досадой подумал Иван Семенович, стараясь сдержаться, не выказать себя, — ведь знает, что не люблю я его!»

— Нет, лучше я уйду, — закончил он говорить, нерешительно шагнув из ниши.

— Куда же вы? В зал еще не пускают.

— Покурить...

— Тогда и я с вами.

И Звирятин, взяв его под руку, бережно, как жену, повел сквозь толпу.

В курилке было душно. Густые волны табачного дыма поднимались до потолка, синевато-серой кисеей обвивая электрические лампочки вверху; из-за того лики курящих казались землистыми и неприродно костлявыми.

«Часом, он не больной? — подумал Иван Семенович, глянув на Звирятин в этом освещении. — Небось вряд ли бы он отважился, здоровым будь, такое молоть...» И Иван Семенович припомнил, какой молчаливый и корректный был Звирятин на службе; недаром же «англичанином» прозвали его в управе.

— Извольте сигарету? — открыл дорогой, с вензелями, портсигар Звирятин.

Иван Семенович отказался и вытащил бумагу и табак, чтобы крутить сигарку.

— Напрасно, — пыхнул дымком Звирятин, — моя сигарета куда лучше вашего табака. Вот вам еще одна маленькая иллюстрация к нашему разговору про место в театре и жизни...

Иван Семенович пристально и сурово поглядел на него.

— Ну и?..

— Ну и все... — спрятал в сигаретном дыму свое лицо Звирятин. — Догадываюсь, что вы запомнили мое утверждение: теперь, как и прежде, все лучшее начинается с места в театре, — усмехнулся он, — принадлежит тем, кого вы гоните и поносите. Вот так. Кажется, звонок? — перебил он самого себя. — Доведется другим разом кончить нашу чрезвычайно интересную беседу?

И кинув недокурок, он поспешил из курительной.

Иван Семенович пошел следом, злой на себя, что — черт его знает почему! — не отчитал этого пана, как того он заслуживает! А между тем или не одинаково ему, что думает, как живет Звирятин? «И сколько их, таких Звирятиных, вот в этой ораве, что сунулась в зал... Беда только, что ему, Ивану Семеновичу, придется целехонький вечер среди них быть... А все из-за Куницы!.. «Пойдем да пойдем! Нужно же тебе развлечься и отдохнуть...» И уже не на себя злой, а на Куницу, Иван Семенович пошел к нише, где, как условились, он должен ожидать товарища.

Куницы там не было. Иван Семенович огляделся кругом — тоже нет. Этого только не хватало, чтобы где-то искать приятеля! Нет, пусть прощает. Пусть даже совсем не приходит, — Иван Семенович только рад будет: подождет немного, да и домой... И уже представил себя около стола, за книгою, при светлой лампе с зеленым абажуром.

Фойе опустело. Только поодиночке опоздавшие зрители пробегали еще мимо Ивана Семеновича, на бегу приглаживая свои прически; на миг останавливаясь при входе в зал, кое-кто удивленно и с любопытством поглядывал на уединенную фигуру в нише. Это бесило Ивана Семеновича: «Черт знает что! Почти силой затащить сюда человека, забрать билеты — и пропасть... Нет, только этот болтун Куница способен на такое!

Да и он сам, нечего греха таить, дурень бездельный! Очень нужно было переться сюда! Разве ты — меломан какой! Как же — гастролью славно известной Ирины Эдуардовны Завадской, чтобы она им всем обезголовила!»

И он начал остро и сурово укорять Куницу, какой неведомо откуда неожиданно вынырнул около ниши, красный и оробелый.

Переведя дух и как-то комично выгибая шею, которую, видимо, тер необычно высокий крахмальный воротничок, Куница умоляюще прижимал ладони к груди и дробно выплясывал на месте, то шепотом, то во все горло приговаривая:

— Вань... Ванька... Ну что ты скажешь! Что бы такое случилось! А?

Но пусть Ваня не гневается на него: больше он ни-ни. Он и сам понимает, что так нельзя делать — кинул друга в капиталистическом окружении... Но хлопцы насели — пошли, Куница, да пошли! Ну и развлеклись немножко пивком... тут, за углом... Конечно, Иван Семенович не поклонник этого харчотрестовского продукта, ну а он, Куница... А домой возвращаться — никак! Никаких — домой! Тут, можно сказать, такое событие — гастроль этой самой... как ее? Кармен! Как поют: «То-ре-адо-ор»...

И он силой тянул Ивана Семеновича к двери, за которой уже звучала увертюра.

Когда пропуская их в слегка приоткрытую дверь, капельдинер прошептал, возвращая билеты: «Четвертый ряд, налево», Иван Семенович вконец рассердился: дурень, еще бы на сцену вылез! «Омещанивается, Куница...» — подумал он, закрывая за собой дверь.

В зале окутало их тепло, запах паров парфюмерии, темнота, полная какой-то тревожной, — дразнящей, как показалось Ивану Семеновичу, музыки. Увертюра кончалась. С низа зала уже стелился все крепнущий шепот, чтобы разлиться тишиной, когда дадут занавес; и когда, приглядевшись во тьме, Иван Семенович с Куницею пошли вперед по широкому проходу, на них со всех сторон зашикали, а кто-то во весь голос кинул: «Да не шаркайте так, дикари!»

Иван Семенович хотел было ответить зло и колко, вдруг сам услышал, как голосисто, — ему показалось, заглушая музыку, — скрипят его башмаки. Он съезжился и, задержав дыхание, на цыпочках догнал Куницу. Протиснувшись к своему креслу, он, зацепив чьи-то колени, взволнованно думал, так ли нужно идти по ряду, как он, лицом к стене, или, может, это неудобно — показывать свою спину тем, кто сидит сзади. Сел. Иван Семенович откинулся на спинку кресла и закрыл глаза: нужно отвлечься, пусть сплывет это смешное — нет, нелепое раздражение.

Иван Семенович усмехнулся, — это он срамится, что не умеет держаться на людях, робеет перед всеми этими... звирятиными? Нет, это пустое! Не такой же он мелочный, чтобы беситься за свою неловкость перед темным залом! Чудеса... Это все из-за Куницы. Где уж, привел почти силой и покинул... Чудак какой: «Пойдем да пойдем, повеселишься, отдохнешь...» Он-таки вправду заботится об Иване

Семеновиче... Да, Куница о нем, как о младшем брате, беспокоится. Вот и сейчас наклонился. «Удобно тебе сидеть?» — спрашивает.

— Хорошо, хорошо, — прошептал ему Иван Семенович и ласково усмехнулся, не раскрывая очей, — так очень приятно слушать... Беда только, что почему-то не понимает он музыку, а слушать очень люблю. Нужно, видно, вправду ходить иногда в оперу... Если б только не так загружен работой... Вот и на этой неделе готовь необходимый центру материал. Возможно, самому придется поехать в Харьков, оно лучше, когда сам, надежнее...

Аплодисменты на миг отвлекли Ивана Семеновича. Он задумчиво поглядел на сцену, откуда светило-лилось горячее полуденное солнце, где искрились краски нарядов, резвые движения ослепили его, и он снова зажмурился, покачивая в такт головой. Сначала он прислушивался: или не разберет слов, или не поймет, о чем поют эти так смешно одетые люди, — военные, что ли; а затем не стал вникать, только слушал мелодию, которые то катились низом, то враз взлетали высоко-высоко и, казалось, таяли там под потолком.

Хорошие голоса... Особенно у этой девушки... У того тоже неплохой... тенор, кажется? А вот у Ивана Семеновича никогда не было голоса: он ведь и в детстве не пел. Так неудобно бывает иногда: все поют «Интернационал», а он лишь рот раскрывает, да хоть бы слово... Да и когда выступает — то пискнет, то вдруг басит. Смех, да и только.

Гром аплодисментов приглушил Ивана Семеновича. Он расплющился — и остолбенел. Прямо на него, — ему, Ивану Семеновичу, насмешливо, — сверкали со сцены горячие очи. Их взгляд, пылкий и невыразимый, пронзил Ивана Семеновича, вобрал в себя его глаза; взволнованный, он через силу отвернулся и поглядел вокруг. Зал раз за разом вспыхивал аплодисментами. Там, наверху, под самым потолком зарождаясь, они тяжелой лавиной обрушивались ниже и ниже и через голову Ивана Семеновича катились к ногам высокой, в черном наряде, женщины, которая, стоя на краю сцены, куталась в большой цветастый платок.

Тьфу ты, дьявол! Чтобы так задуматься! Не заметил ведь, как вышла эта самая знаменитость... Ну, конечно, это она — стройная, цыганского типа женщина, что так спокойно кланяется в черную пропасть бушующего зала... И с чего это подумал он, что смотрит она сама на него, аж никак! Она, может, и не смотрит совсем, а так... просто раскрыла свои неимоверно большие очи и, может, не замечает никого... Но у кого он видел этот спокойный, глубокий, какой-то невидящий взгляд? У нее! Конечно, у нее. То есть как у нее? Разве он ее знает? Разве он ее видел? Ирина Эдуардовна Завадская? Нет, такую он никогда не знал. Или же кого-то, очень на нее похожую, знал! И недавно, совсем недавно. Только где, где это могло быть? А может, он ошибается? Ведь часто это бывает... Да нет, ведь голос этот он слышал... И эти движения... И бедрами она так повела, как тогда... когда? Да когда же? — казнил Иван Семенович.

Казалось, еще одно, последнее, маленькое усилие — и память выдаст ему какой-то уголок минувшего, когда видел он эту женщину в цветастом большом платке... Вот маленькое усилие, и...

— Куда это ты? — потянул Куница за рукав Ивана Семеновича, поднявшегося, как только опустился занавес, не дождавшегося, когда стихнут овации.

— Писаренко увидел, у меня к нему дело есть.

— Ты, Ванька, просто экспонат!.. Важенький дурень, — плелся за ним Куница. — Тут, можно сказать, искусство, а ты — дело!.. Холодная у тебя, Ванька, натура... Вот что... Холодная!.. А актриса... да-а... Матерьялец... Одни бедра чего стоят...

Писаренко они догнали при выходе из зала. Пропуская вперед других, он остановился, живо разговаривая с военным, который окидывал внимательным взглядом каждую женщину.

— Ну, как? — встретил Писаренко Ивана Семеновича и сразу, не дожидаясь ответа, добавил: — Чрезвычайно! Это талант!

— Да-а... бабочка на ять! — прикинул военный.

— У меня к тебе просьба, — отчего-то шепотом, сам удивляясь, сказал Иван Семенович. — Ты театрал, то, может, знаешь... Кто она, откуда... И вообще...

— Что? — вытаращился на него Куница. — Ничего не понимаю!

— Да тут и понимать нечего... — засмеялся Писаренко и пригрозил пальцем. — Гляди мне, Иван! — И сразу иным тоном закончил: — Да и бледный же ты! Болешь, что ли?

— Нет... Утомился, может... Так вот, не знаешь?

— Не знаю, — вспоминая, протянул Писаренко. — Хотя сейчас узнаем.

— Товарищ Мюфке! — позвал он кого-то из толпы.

К ним, как-то дивно, постоянно приседая и потирая свои короткие, густо поросшие рыжим волосом руки, подскочил низенький не то хлопчик, не то дедок с величественною патлатою головой.

— Рецензент Мюфке, — представил его Писаренко. — Так вот, товарищ Мюфке, — остановил он рецензента. — Не знаете ли вы, кто она, эта самая Завадская?

— Кто она? Ее биография?

— Вот-вот... биография... — обрадовался Иван Семенович.

К сожалению, Мюфке не знал биографии Завадской... Но он будет знать. К следующему антракту он все узнает. Пусть товарищ Писаренко ждет его во втором антракте, он, Мюфке, даст ему все нужные сведения. Даже больше...

И все так же потирая свои волосатые руки, рецензент нырнул в толпу.

— Этот дознается, — подтвердил Писаренко. — Мастер! Еще от старого режима наследство. А ты плохо-таки выглядишь, — повернулся он к Ивану Семеновичу. — Подлечись... Я все собираюсь к тебе, да как-то...

Раздался звонок.

Сев, Куница незаметно глянул на Ивана Семеновича. Тот уже откинулся на спинку кресла и зажмурился. «А он и вправду больной, — подумал Куница, внимательно разглядывая лицо приятеля. — Глянь, как глаза запали. Да-а... история... И кому какое дело до этой... стервы? Ах, выкручивается... Ну, не черту пара женщина — так танцевать! Черт, а не баба... — невольно толкнул он локтем в бок своего товарища. — Да-а...»

Да Иван Семенович и сам пас глазами каждое движение этой высокой женщины в цветастом большом платке...

И вдруг будто холодным и острым лезвием полоснуло ему по спине, — диким взмахом оборвала Кармен свой пылкий танец, под гром аплодисментов прыгнув со стола; легкой тучкой обвило ноги ей черное одеяние, высоко открыв стройные по-девичьи ноги, и серебряным холодным лезвием облегла черное трико по бедрам узенькая каемка тонкого кружева...

— Это же наша панянка! — голосисто, Кунице показалось — на весь зал, крикнул Иван Семенович.

II

То ли неслыханная музыка как-то по-иному настроила его нервы, то ли воспоминания, которые, заройвшись вокруг Завадской, слились потом с широкими, как и все ночное, невыразимыми думами, — и все выростал на столике возле кровати ворох окурков, все жестче становилась под утро горячая подушка. Когда означились окна мутными синими пятнами, Иван Семенович уверился ждать сна; не зажигая свет, он оделся и на цыпочках, чтобы не разбудить кого, вышел на крыльцо.

Позднее зимнее утро только занималось. На восходе, за темными кубами заводских строений, ширилась помалу узкая волнистая синяя лента, а сверху, над головой Ивана Семеновича, небо было по-ночному серое, укрытое грубым ровным пластом тяжелых снежных туч. Вдали на западе они ложились все ниже; там, где на холме маячили невыразительные контуры города, тучи разливались черной массой. Веял оттуда звонкий, пахнущий близким снегом, ветер.

Иван Семенович расстегнул бекешу и снял шапку, на полную грудь вдыхая утреннюю свежесть. С бессонницы тело будто пьянило; в голове звонило ровно и постоянно. Иван Семенович взял в руки чистый пухлый снег, что тяжелыми кистями висел на ветках сирени вокруг крыльца, и приложил его к горячему лбу; резкий нервный холодок сбегал волнышками на плечи и приятно ласкал спину. Он томно прижмурился, довольно чувствуя, как возвращается к нему обычная утренняя бодрость; потом вытащил портсигар, на ходу скручивая ловкими пальцами большую сигарку, начал спускаться с крыльца.

Вокруг было тихо. Только из-за двухэтажного дома управы слышалось иногда, как утомленно, вроде сквозь сон, дышал завод, да со стороны города долетал когда-никогда приглушенный невыразительный гул. А в конце двора, в доме, где отведены квартиры кое-кому из администрации и инженеров, светились два окна тихим красноватым огоньком.

«Что это у него горит, лампадка, что ли?» — усмехнулся Иван Семенович, вспомнив вчерашнюю, в опере, беседу со Звирятиным. Был этот инженер теперь еще больше неприятен ему; обуревал Ивана Семеновича тот спокойный цинизм, который слышался в каждом слове Звирятина. А потом, разве это не естественно для человека такого типа — жить только для себя и собой, особенно теперь, смерть своего класса и уклада переживая? И будто жалость к этому выхоленному и самолюбивому мещанину охватила на миг Ивана Семеновича; какого духовного холода нужно изведать, чтобы, на все рукой махнувши, тешить себя тем, что на твой век, мол, хватит наслаждений и выгоды!

«Первое место в театре», — вспомнились ему слова Звирятина.

«Зато последние роли в пьесе», — добавил тогда он.

— Кто это? — остановил его на воротах хриплый с холода и бессонницы голос. Иван Семенович отозвался.

— О! — удивился сторож Свирид. — Чего это вы, Семенович, так рано?

Брякнули ключи, и Иван Семенович вступил на задний заводской двор, заваленный углем да кучами старого железа. Острый запах ржавчины приятно услаждал; он бодрил его, напоминая натруженную — до горячего пота — работу...

— Не спится? — спросил Свирид, сладко позевывая.

— Да... Так чего-то... Думки всякие.

— Бывает, — участливо согласился Свирид, протянув руку за табаком.

Голубоватая лента на восходе ширилась. Узкими ручейками вливалась синева в серую наволочь туч, серебра их курчавые края, нежным блеском отражаясь в снегах. Припорошенный антрацит играл кое-где, будто дорогие самоцветы; казалось, разбросал кто-то нестерпимо белые огоньки низом, а сверху золотистые — там пробивался первый луч. И когда золотой стрелой сверкнул он через простор, зажег высокую над управленческим подворьем антенну и жаром залил окна большого города на взгорье, — запела ему навстречу земля. Где-то в глубине ее зародившись, лился тот напев все выше и выше, купая в себе стаи розовых утренних голубей.

Первым подал свой голос Красный. Хриплый, он долго стелился низом, пока не подхватил его соседний — Трубный; тогда поднялись они — такие широкие и мощные, высоко в небо, что, казалось, не тронули преддневной тиши. Им откликнулся Литейный, звонкий, как охотничий рог; за ним — Железнодорожные мас-

терские, большие по ту сторону города — мельницы; и в минуту плыл над полями и городом хор торжественных и зазывных фанфар.

Иван Семенович слушал его напряженно и радостно, почувствовав, как возвращаются к нему уверенность и покой, сила и крепость. Чувствуя себя молодым и дюжим, как давно когда-то, в юности, как там... на качелях.

— Ты не с Таланского завода? — спросил он сторожа. — Ты же из Донбасса?

— А то откуда? — пожал плечами Свирид. — Ясно, с Донбасса! Да не с Таланского... До революции на Григорьевском работал. Ну, а как откусил руку Деникин — какой работник? Прибило сюда, сторожую, — сплюнул он окурком на рыжий, с углем смешанный снег.

— А я с Таланского, — мечтательно вспомнил Иван Семенович, сев на лавку у караулки. — Там и начинал. Тамошний я, — пояснил он задумчиво. — Да, как и тебя, прибило сюда; уже и связь утратил. Сам не ездил туда ни разу, да и не видел никого оттуда сколько лет... Да... — И, просяив улыбкой, добавил: — А вот вчера увидел... Да не товарища... Нет. А бабу одну...

— Бывает, — поддакнул сонно Свирид.

— Она и незнакомая мне... Где там! Был у нас на Таланском главный инженер Павленко — так это дочка его, единственная. Теперь она певица известная, в опере выступает... И фамилия у нее иная — Завадская. Говорят, замужем была, да бросила, что ли, мужа... Или с белыми отступил, не знаю...

Иван Семенович подумал, что неинтересно, верно, Свириду все это слушать, но не замолчал — хотелось ему выговориться до конца.

— Я и не узнал бы ее, может, да танцовщица высоко открыла ноги...

— По ногам приметили? — заинтересовался Свирид, косо глянув на Ивана Семеновича.

— Н-да, по ногам, — протянул Иван Семенович, не заметив, что смешок прозвенел в голосе Свирида. — А ведь как — удивительно! Ты, может, думаешь, что, так это зря... Не знал я ее — ты же слышал: главного инженера дочка-одиночка! «Панянка» называли, ведь гордая была — страх! Однажды возвращались мы, хлопцы, — мне тогда лет двадцать было — утром с речки... Чтобы ближе — заводским парком пошли, меж домами администрации... Идем, балуемся. А утро веселое и солнечное... В июле, на праздники. Когда смотрим, а на качелях — ставили их на Троицу — панянка. Да нет сил — не раскачается. А около качелей молодая уже женщина, немка, что ли. Увидела нас, лопочет что-то панянке, а та ничего, будто и нет нас... А хлопцы подмаргивают: «А ну, Иван, качни!» Вскочил я на качели те, раз! раз! — раскачал так, что аж в ушах свистит ветер! Кричит немка внизу, зонтиком машет, а панянка — ничего; вижу, лишь побледнела немножко да губы стиснула.

«Страшно?» — кричу ей.

Может, не расслышала — не знаю, однако же ничего не отвечала и только выходяще на меня смотрела.

«Еще?» — окликаю, а сам изо всей силы поддал, дух захватывает! А она хоть бы что, только, усмехаясь презрительно, смотрит на меня очами невидящими. Так и летали мы, глаза в глаза всматриваясь, будто взглядами силой мерялись... Задумал я тогда заставить ее заговорить — умолять, чтобы остановилась! И заставил бы! Да! — выкрикнул Иван Семенович пылко. — Да ветер нашкодил...»

Он умолк, на минуту зажмурясь — чтобы вспомнить яснее — и усмехаясь утешно, пояснил:

— Закатал ей ветер платье, высоко открыв ноги, до белых кружев на бедрах...

— Ну? — не сразу поверил Свирид, а поняв точно, хихикнул. — Бывает...

Иван Семенович потянулся томно и устало:

— Не хватило сил мне тогда в напуганные очи смотреть... Бросил я качели. —

И, помолчав, закончил: — А вчера узнал — и вспомнилась юность! Эх! — расправил он впалую грудь и почувствовал, что нужно занять ему себя, пошел в конец двора, где рабочие начинали кидать уголь в вагонетки. Взял лопату и работал долго — молча и старательно, будто под суровым доглядом. Когда же теплом налились мышцы, а вспотелое лицо припало пылью, кинул лопату и, не торопясь, пошел домой.

Там никого уже не было. «Родня, — зло подумал Иван Семенович, сам удивляясь, отчего неприятно ему сегодня. — Неделями не видим один другого...»

Быстро умылся и, так-сяк позавтракав, поспешил в управу.

В кабинете навстречу ему поднялся с дивана инженер Звирятин.

— Добрый день, директор! — приветствовал он Ивана Семеновича по-пионерски, покусывая тонкие бледные губы, подошел к окну. Видимо, хотел что-то сказать и не находил слов.

«Ага, — злоутешно подумал Иван Семенович, — отбой бьешь!»

И равнодушно-притворным тоном спросил:

— Ну, как же, инженер Звирятин? Лучшие места в театре, а?

Тот кинул на него взглядом быстрым да зорким и попытался засмеяться: «Не забыли, директор? Хе-хе-хе...» Но не посчастливилось ему со смехом, не звенел, рассыпаясь дробно, а падал сухими отдельными камешками — насильный. Бросив смеяться, Звирятин, на себя гневный, сказал Ивану Семеновичу с вызовом:

— Разумеется, товарищ Орловец! Лучшие места. Те, что, хочешь не хочешь, должны вы нам отдавать, ведь без нас вы как без рук!

И, перехватив взгляд Ивана Семеновича, гневный и презрительный, замахал досадливо рукой:

— Знаю, знаю, директор! Недолго. Говорю, вырастут у вас руки свои — молодые... Знаю! А мне долго и не нужно. Лишь бы на мой век хватило. А за себя я совсем спокоен — звирятиных, уважаемый, немного, на пальцах пересчитать можно... Имя!

Он выпрямился среди кабинета, широкий и тучный, и не наигранным уже, счастливым смешком зашелся, доверительно, вроде давнему другу, говорил:

— А что мещанин я, многоуважаемый, что, так сказать, подло только о себе радесть, — пустое это слово! Я раз живу и недолго — природой заказано, что хочу взять от жизни не только больше, но и лучше... Да разве один я такой? Все мы одинаковы. Только о лучшем, может, по-разному понимаем...

Иван Семенович хотел ответить, что, наверное, он иначе это понимает, но перебил его Звирятин холодно и решительно.

— Не говорим об этом, директор! Потому что говорить об этом — нужно искренним быть. Я-то могу, я все своим именем назову, ну а вы... Футлярчик на вас...

— Что? — удивился Иван Семенович.

— Скорлупица. А что там у вас внутри, в зернышке, вы и сами, простите, не знаете. Ибо считаю, — иронично скалил он зубы, — обо всех и за все вы никогда, может, не думали. Как же вы можете увериться, что вы лучше меня, что я — мещанин, а вы — нет? А может, колупнуть вас хорошо — то мы одинаковы, а? Во всяком случае, почтенный, обоим нам не горького хочется, а сладенького. Да!

Он замолчал, обрезал сигару и потом, раскурив, иным тоном, обыкновенно, спросил:

— Ну, а опера вам как? Точнее, не опера, а актриса? Ведь не актриса, — усмехнулся он, кольцами дым пуская, — а женщина?

— Вы про... Завадскую? — не желая того, спросил Иван Семенович, удивляясь, что не обрывает этот разговор.

— А о ком же еще? — проворкотал Звирятин. — О ней. — Как блудливый кот жмурил он очи. — Вы обратили внимание, почтенный? Фигура... Рука... А ноги! —

с баритона на высокий тенор перешел он, заволновавшись: — Да все, все! Нос, подбородок... На щечках ямочки... Зубы, улыбка... Вы обратили внимание, директор, вы припоминаете?

Почувствовал, что обволакивает его минувшее бессонье тяжелой усталости, оперся Иван Семенович о стол.

— Вы все это так расписываете, — промолвил он нудно, — будто...

— Будто имею что в виду? — подхватил насмешливо Звирятин. — А имею, многоуважаемый, вы не ошиблись! Все то же: что все лучшее принадлежит нам, наше. Даже женщины! Лучшие из них, те, на кого горячими глазами смотрят тысячи... Эта самая Завадская — она наша. Понимаете? Наша! Культурой, привычками, вкусом, симпатиями...

Полной грудью набрав воздух, видимо, собирался говорить долго, да вошел в кабинет инженер Сквирский, и Звирятин промолчал. Отошел от окна и, наклонившись к подоконнику, встретил Сквирского колючим взглядом. Тот широко, вроде деревянными ногами ступая, подошел к столу и, каждого с ног до головы внимательно оглядел, сказал без интонаций и даже без ударений, казалось:

— Я зашел напомнить вам, что сегодня в девять совещание...

Раздражая всегда Ивана Семеновича, этот молчаливый, в большинстве случаев по-немецки аккуратный инженер напоминал ему хитро сделанный автомат: раз заведенный, действовал, пока пружины хватало.

— Совещание? — недовольно переспросил Иван Семенович, почувствовав, что не хочет он еще и вечером видеть этих помощников своих, и неожиданно кинул: — Я не буду.

— Не будете? — удивился Сквирский, а Звирятин промямлил что-то непонятное, следя за кольцами табачного дыма.

— Да, не буду! — решительно заявил Иван Семенович и, спокойно и вызывающе в Звирятина всматриваясь, процедил:

— Я сегодня в оперу иду.

III

Взял билет; первое, что пришло на ум Ивану Семеновичу — взять и порвать эту розовую бумажку, выйти прочь на завейные снегом безлюдные улицы и снова стать обычным, спокойным и ровным, — когда ясно тебе все и понятно, — каким ты был до этого безрассудства! Глупости ведь — вместо того, чтобы выспаться после бессонной ночи и сесть за привычную и интересную работу, слоняться по городу до синего вечера, как будто стараясь обдумать что-то важное и неотложное, когда, собственно говоря, не о чем думать; а теперь, как и накануне, толкаться у этих широких дверей, за которыми, не зная с чего, окрутит его досада... А на кого же, как не на себя, может он досадовать сегодня? Ведь никто не умолял его сюда идти; это его собственное желание и воля...

«Желание!» — криво усмехнулся Иван Семенович, бережно складывая билет и пряча его в карман. Желание чего? Услышать музыку? Когда же стал он таким любителем, что два вечера кряду может и хочет слушать ту самую «Кармен»? И почувствовать, как горячо он краснеет, злится, будто нападая на кого, а не оправдываясь. Да и чего он должен оправдываться? Перед кем? Что тут такого, если хочется ему еще раз посмотреть на Ирину Завадскую? Так, так, посмотреть, а не послушать! Что в этом нехорошего или неприродного, спрашивает он.

— Что же вы стоите в двери! — нетерпеливо толкнул его кто-то сзади. — Проходите туда или сюда!

— Я сюда! Я сюда... — захлопотал Иван Семенович и шагнул в фойе, где, как и вчера, роилась публика.

— Я сюда... — вполголоса проговорил он, устремившись в раздевалку, почувствовав, что приятно ему быть в этой живой, такой праздничной толпе. Разумеется, приятно! Ведь не каждый день выпадает видеть столько веселой, с сияющими глазами, молодежи, столько красивых, одна на другую не похожих женщин... И никто, конечно, не виноват, только он сам, что стал такой нервный и раздраженный: давно уже нужно ему отдыхать час от часу на людях, это так хорошо действует на нервы; вечер в театре, например...

И, ласково сам улыбаясь, Иван Семенович вошел в зал.

Наполовину освещенный и еще почти совсем пустой зал повеял навстречу приятным бодрым холодком да звонкой тишиною. Вдыхая полной грудью, Иван Семенович проскрипел башмаками до своего — как и вчера, в четвертый ряд — кресла и, сев, удобно расслабился. Бессонная ночь и дневная усталость давали о себе знать: ноги в суставах ныли и вроде мелким песком резало глаза; смотреть было тяжело, а против яркого света — то и больно.

«Это хорошо, что взял место так близко к сцене: издали сегодня вряд ли бы рассмотрел ее», — подумал он, почему-то вспомнив, как оборвала она вчера пляску, вся страстная такая и разом спокойная, а черный наряд взвихрился вокруг ног, обнажив круглые колени с белой молнией кружев над ними...

Зрителей прибывало. Сначала одинокие голоса их теперь сливались в единый непрерывный шум; казалось, гудит какая-то невидимая могучая машина...

— Это говорю вам я, Иван Скорик, а мне поверить можно, — прорезался позади Ивана Семеновича чей-то хриплый, а все же богатый модуляцией голос: — Сроду не врал, да и теперь не имею чего врать...

И Иван Семенович услышал, как за его спиной, посапывая и тонко носом присвистывая, кто-то тяжело опустился в кресло, что оно жалобно заскрипело.

— Бывал я по заграницам всяким, — после паузы продолжил тот же самый голос, — и империю Российскую в свое время всю исходил-объездил, некуда грех девать, да я и не кроюсь с ним, сам когда-то антрепренером был — тоже слышал и видел немало всяких Кармен, а говорю вам, что такой, как эта Ирка, не видел... Не слышал... Да...

— Ну, конечно, — пропел, ему отвечая, сладенький тенорок. — Вся Европа признала Ирину Эдуардовну.

— Что та Европа, — невежливо зевнул первый, — когда я ее признал!

Иван Семенович мельком посмотрел на собеседников. Разговаривало трое: большой, вроде распухлый, актерского склада старикан, который все время посвистывал носом, как рыба, хватал воздух, далеко выставляя до синевы бритые губы; прыщеватый, уродливо горбатый юнец, с приметным самоцветом на ярком галстуке, и длинноволосый, с сединой уже, то ли дьякон, то ли профессор, что, тихо подкашливая и, показалось Ивану Семеновичу, брызгая слюной, начал рассуждать про высокие, весьма известные особенности пения и игры высокочтимой Ирины Эдуардовны Завадской, настоящей красы нашей молодой... кгм... кгм... пролетарской оперы. Он, Иероним Трехсветский, — «Это для меня сказал, наверное», — показалось Ивану Семеновичу, — не раз уже имел удовольствие узнать про все это в центральной и местной прессе. Так, он склоняется, что лучшей Кармен свет не видывал. Такой тонкости музыкального рисунка... кгм... кгм... такой пластичности и одновременно насыщенности движений... Такой художественной интерпретации страсти — а что же такое Кармен, как не сама страсть? — давно не видела опера.

Тут вмешался горбун и начал петь о страсти вообще, да о философии страсти, о музыке как стихии страсти, да о «Кармен» как наипрактичнейшей опере, пока не остановил его старикан, внезапно захрипев басом.

— Да-а, — будто спросонья перевел дух, — великий нужен темперамент, чтобы так исполнять...

— Ну что до темперамента, — закашлял горбун, — то Ирине Эдуардовне его не занимать! О ней говорят...

И он шепотом, захлебываясь от смеха, поведал такое, с чего зашелся приглушенным хохотом грубый Скорик, а его как-то по-деркачиному поддержал Иероним Трехсвятский.

«Все вы одинаковы, — с отвращением пожав плечами, подумал Иван Семенович, — начинаете про искусство да идеалы, а кончаете...»

Да и запнулся, вдруг припомнив почему-то, как оборвала пляску, страстную да обольстительную — огнем мелькнула кромка кружев в шелковом шуме черного наряда...

Иван Семенович широко раскрытыми глазами слепо смотрел на кроваво да золотом разрисованный занавес.

— Товарищ Орловец! — окликнул его из прохода, потирая лохматые ручки свои, Мюфке. — Добрывечер, товарищу Орловец!

Иван Семенович поднялся и, тяжело ступая, опустив глаза в пол, пошел к рецензенту. Казалось, он давно и нетерпеливо ждал этого маленького человека, имея срочное к нему дело...

— Вот и вы... — как-то легко выдохнул Иван Семенович, протягивая рецензенту руку.

Тот ухватился за нее своими мохнатыми, потными лапками и топтался перед Иваном Семеновичем, потрясывая рыжими патлами.

Он очень рад видеть и сегодня товарища Орловца, очень рад.

Товарищ Орловец не абы какой меломан, а? Два вечера на «Кармен»... А в этом что же тут удивительного, — Завадская всех сделает меломанами... Он, Мюфке, в этом уверен... А доволен ли товарищ Орловец теми сведениями о певице, какие дал вчера ему Мюфке? Так, так, он сам знает, что биография еще неполная, ведь он имел так немного времени... Да уже сегодня может добавить кое-что свеженькое, хотя бы столько пикантных подробностей...

— Так вы вот что... — все еще глядя вниз, остановил рецензента Иван Семенович. — Мне нужно видеть ее... Так вы постарайтесь...

— То есть как? — сбился Мюфке, и сразу хитрые огоньки забегали в его глазах... — А... понимаю, понимаю... Ах, вы же меломан какой! Хе-хе-хе...

И он игриво подмигнул Ивану Семеновичу.

Тот насушился и сурово, просто в рецензентовы глазки, что сразу заморгали испуганно, глядя, сказал:

— У меня дело к ней... Да-а... важное дело... Так мне нужно видеть ее сегодня... сейчас...

— Сейчас? Это не так просто...

Конечно, раз такое важное дело, он, Мюфке, попытается... Так, так, он не обещает наверняка, он только попробует... И еще раз, то ли понятиливо моргнув, то ли напуганно, он нырнул в густую толпу в проходе.

Иван Семенович еще постоял, задумчивый, среди прохода, стесняя других и не замечая этого, потом сразу повернулся и пошел к своему креслу.

Вытащил платочек и долго вытирал вспотевший лоб, шею.

Что случилось? Что сделалось, будь оно трижды проклято! Ой, нет, только не злиться. Но как же могло все это случиться помимо его воли, нежданно-негаданно?

Иван Семенович беспокойно зашевелился.

Неожиданно? Да-а? С вчерашнего вечера не идет у него из головы эта высокая, в платье цветастом женщина... Ведь это о ней — не словами, а как-то глубже, сам того не понимая, — думал всю бессонную ночь и весь нерабочий, а такой утомительный день... Да и теперь... Разве не приятно ему теперь знать, что вот через несколько минут раздвинется занавес — и все увидят ее, такую жгучую, да и спо-

койную Кармен, а он немножко иную — стройную девушку в объятиях синего неба?

И пил жадно тревожную музыку, что лилась с кончика дирижерской палочки...

Собственно, чего он волнуется? Конечно, случилось все это немножко смешно, вылилось во что... Но он же просто, душевно все ей объяснит, и она поймет...

Да, когда вышла, цветами и овацией, как и вчера, встреченная, спокойно и, казалось, презрительно всматриваясь в море голов перед собой, зная, что ничего не сможет ей пояснить, ведь и сам ничего не понимает... Лучше всего: встать и тихо, башмаками не скрипеть, выйти отсюда прочь, чтобы никогда и на глаза не попадаться этой женщине, выйти спокойным таким, вроде ничего не случилось. Да разве это новое для нее? Привыкла, наверное, что лезет к ней всякая... сволочь...

И густо побагровел, склонил голову, не глядя больше на сцену, слушая только, как тяжелеют руки да ноги и звоном наливается голова...

В антракте протиснулся к нему Мюфке, озабоченный, торжественный.

— Идемте! — схватил он за руку Ивана Семеновича и потащил его к выходу из зала.

Раздвигая перед ним толпу, рассказывал, улыбаясь, что удивилась очень, сначала и отказывалась решительно, да не такой Мюфке, раз взялся сделать! — сказал, что дело к ней у товарища Орловца важное...

— Какое дело? — не понял Иван Семенович, да спохватился, ведь сам это говорил Мюфке, поддакнул, краснея горячо: — Так, так... Дело у меня...

Как подошли в коридоре к маленькой, сразу неприметной дверце с надписью над нею «Посторонним вход запрещен», заколебался Иван Семенович, однако же — сильно держал его за руку Мюфке, — не остановился...

Шли узенькими кривыми коридорчиками, затем полупустыми комнатами с дивной, беспорядочно нагроможденной мебелью. А дальше все чаще пробегали мимо них какие-то озабоченные, потные и будто совершенно растерянные люди; наталкиваясь на Ивана Семеновича, они непонятливо смотрели на него, сбитые с толку тем, что мешает им кто-то бежать свободно, потом, ускорив шаг, пропадали так же внезапно, как и появлялись...

— Вот вам и фабрика развлечений, — только пояснил Мюфке, как раздвинулись широкие стены, а потолок поднялся высоко, в густыхверху тенях пропадая. Справа, в полутемном провале, ровно и приглушенно гудели где-то, под полом, может, машины, а в самом центре покачивались медленно какие-то причудливые строения — мешанина дерева, картона и рисованного полотна: рядом суетились серыми тенями люди, что-то таская да переставляя. «Как на заводе», — подумал Иван Семенович, отметив, что большинство из них в синих рабочих халатах, и поспешил за Мюфке, убегая от презрительного крика, который доносился сверху откуда-то:

— Санько-о! Черт! Куда тебя занесло?

— Быстрее! Быстрее! — дергал его за руку Мюфке, сворачивая в высокий, ясным светом залитый коридор. — Стойте тут. Я скоро, — поставил он его в углу под стеною и с ходу потерялся в суетливой яркой толпе. «Артисты»... — заметил себе Иван Семенович, почувствовав на миг, что и он не обычный Иван Семенович, а вроде играющий какую-то роль, чудную, ему самому неприятную... И будто жирный грим стирала с лица мелкие капельки липкого холодного пота...

— Идите! — возник перед ним Мюфке и добавил: — Я вас подожду! — толкнул в маленькую дверь.

— Кто там? — поплыл навстречу Ивану Семеновичу такой знакомый теперь голос из-за темной шелковой шторы, что разделяла надвое небольшую комнату.

— Это я... — выдавил он наконец хриплый ответ, все еще под дверью стоя...

За занавеской послышался приглушенный смехок.

— Это о вас говорил Ля-Бемоль? Мюфке?

— Да, обо мне... Я — Орловец...

— Простите, товарищ Орловец, что не могу вам сейчас показаться — переодеваясь. Садитесь там на диване, поговорим...

Иван Семенович сел и, не оглядываясь кругом, впился глазами в большой портрет Завадской, что висел напротив. Молчал тяжело, прислушиваясь к тихой возне за шторой.

— Вы еще здесь? — удивленно спросили откуда-то, и молоденькая девушка в белом высоком фартуке пробежала мимо него к шкафу в углу и снова назад, за штору. — Что же вы молчите?

«Я сейчас», — хотел сказать Иван Семенович, да дикая злость на самого себя колом застряла в горле — ну за каким чертом он здесь, в уборной какой-то певички, на смех ее горничной!..

— Мюфке сказал, что вы с важным делом ко мне, — уже раздраженнее зазвучало в голосе певицы. — Так говорите...

— Да, дело у меня... — заволновался Иван Семенович. — То есть не дело, нет... А так... Я старый ваш знакомый... Даже не знакомый... ведь вы не знали меня никогда... А я вас знал. Давно когда-то знал. Еще в юности. Еще на Таланском заводе... А вот увидел теперь — и нашли воспоминания... И припомнил, может, и не признал бы, да как увидел ваши ноги...

— Что? — заскрипела стулом певица, а горничная ее, не сдержавшись, чмыкнула.

— Ноги ваши... — глотнул густую слюну Иван Семенович, — на первой гастроли... Как танцевали, закатился у вас подол платья...

— Да что вы говорите... товарищу! — вышла, взволнованная, из-за шторы Завадская, в цветистый большой платок кутаясь. — Что? Уже начинаем? — и обернулась она на скрип двери.

— Начинаем! Начинаем! — прогудела чья-то взмокравшая от пота голова, сразу же за дверью исчезнув.

— Так вот, товарищ, нужно мне идти петь...

Она поважничала немного и, усмехнувшись чему-то, добавила:

— А вам очень хотелось бы еще со мной... поговорить?

Засмеялась весело и сердечно.

— Хотелось бы... — отступил к двери Иван Семенович.

— Ну, так мы сделаем так... — подумала она. — В антракте все одно ничего не получится, то вы лучше подождите меня после спектакля около актерского подъезда... Ладно?

— Ладно... — уже с другой стороны двери, возле Мюфке, ответил Иван Семенович.

— Что? — подскочил тот, не то удивляясь, не то понятиво моргая.

— Ничего! — отрубил Иван Семенович и, тяжело дыша, пошел вперед, — не в зал, а в гардероб: оделся и, не торопясь, вышел из театра.

Площадь и широкие улицы, что расходились радиусами, уже обезлюдели. Залитые синеватым электрическим светом, виделись они Ивану Семеновичу просторнейшими, чем обычно, и четкими; казалось, острым карандашом обведены суровые контуры домов, каждая черта на них, густые положены тени, во впадинах и подворотнях...

Однообразная перспектива улиц манила вперед — сколько ни ищи, так схоже высятся по сторонам ровные стены молчаливых домов, одинокие прохожие не собьют спокойной мысли... А главное — не вернешься больше в то галдежное, душное фойе, не увидишь ту высокую, в платке цветастом женщину...

Иван Семенович кружил подле театра, злой на самого себя, единое желание — сейчас же домой убежать — в себе заглушая.

Нет, хоть бы там что, а нужно остаться до конца; может он до конца вытерпеть это безумие... просто для того, чтобы хоть немножко если не выправить, то хоть бы загладить свое идиотское поведение! Конечно, идиотское! Иначе его и не назовешь... Вломиться к незнакомой женщине — неведомо ведь за каким чертом! — и такого дурня свалить...

Густо, даже ладони его потели, краснея, припоминал Иван Семенович глупую сцену в артистической уборной Завадской, как и там, чуя, что пересыхает в гортани, щекочет неприятно...

Зашел в ближайшую пивную и, слушая польки-вальсы, опустошал бутылку за бутылкой. И чем больше пил, тем все спокойнее ему становилось. Ведь и правда, чего стоит из-за всего этого волноваться? Ну, вышло это, конечно, нехорошо немного — а больше смешно! И все это можно загладить и ликвидировать. Он ей все пояснит, просто и душевно, и она — разумеется, чуткая — все поймет и простит... Посмеется чуток, это так... А смеется она, верно, очень приятно... Соковито.

И все пытался припомнить, смеялась ли она тогда на качелях.

Когда вышел из пивной, в театре уже гасили свет; одно за другим, напоследок мигнувши, стемнели окна и широкие двери фойе. «Опоздал», — подумал Иван Семенович, скорее радуясь, нежели жалея, и сразу же услышал грудной переливчатый смех Завадской. Шла из театра, взяв под руку неохватного, как медведь, человека.

«Я где-то видел его», — хотел припомнить Иван Семенович и, тяжело ступая, пошел навстречу.

— Товарищ Орловец? — певуче спросила Завадская и сейчас же повернулась к своему спутнику. — Ну, Скорик, твоя миссия закончена... Иди спать.

— Ой, Ирина, Ирина! — сварился пальцем старый антрепренер и, звучно чмокнувши ей в руку, заколыхался прочь.

— Ну... товарищ Орловец... — усмехнулась Завадская. — Еще раз здравствуйте...

— Так вы не гневаетесь на меня? — вскрикнул Иван Семенович и попросил потише: — Не надо... Я же не хотел вас оскорбить... да и не дурень я, нет...

— Я знаю, — успокоила его женщина, пояснивши погоду: — Я расспросила о вас у Мюфке...

Прошли немного молча, тогда сказала она:

— Вы проводите меня домой... Я недалеко живу, на Немецкой. А по дороге и расскажете мне о нашем давнишнем знакомстве... Где это было? Когда? И про ноги... — сверкнула она на него насмешливым взглядом.

И засмеялась тихо.

— Да, я расскажу, — продолжил Иван Семенович, почувяв, как мелкий холодок побежал по спине от того смеха. — А про ноги... Это я не сумел высказаться... Вот...

И торопясь, задумчиво, вроде самому себе, говорил ей о юности своей, о Таланском заводе и — уже волнуясь немножко — про тот день, как катал ее на качелях, в синее небо вознося.

Слушала молча, иногда искоса на него поглядывала, а когда закончил, уронила задумчиво:

— Вот видите — какие мы... знакомые. Давно знакомые.

И не спрашивала больше.

Около маленького двухэтажного дома остановившись, попрощалась:

— Тут я живу, — сказала. — На втором этаже, квартира четыре... Это я говорю, — добавила, — чтобы вы пришли ко мне когда-нибудь... Поговорим еще... Ладно?

— Приду, — кивнул головой Иван Семенович и долго — когда тяжелые входные двери за ней скрипнули — стоял, не понимая совсем, как могло случиться, что припал он сухими губами к пахучей перчатке на узенькой теплой руке...

IV

Докладывая, Писаренко почему-то гнусавил, раз за разом повышая голос в начале фразы и заканчивая ее почти шепотом; казалось, клонит его в сон — положит, шепча, голову свою на кафедру и уже не выкрикнет больше, и тогда не нужно будет Ивану Семеновичу испуганно таращить глаза, а можно, откинувшись к стене, сидеть себе спокойно, прислушиваясь, как грохочут иногда трамваи за окнами, а главное, совсем не думать... Ведь он и пришел сюда, убегая от думок, нескончаемых и неясных, что уже сколько дней не волнуют и не раздражают, а как-то обессиливают его, поливая голову тяжелой усталостью... Скорее всего, не усталостью, нет... какой-то чудной тишью, когда так выразительно слышно, как бьется жилка на виске...

«Так вот, товарищи... — вдруг громче, чем обычно, фальцетом выкрикнул Писаренко, вроде обрадовавшись, что нашел давно нужную ему фразу, и, вспугнув мысли Ивана Семеновича... — Так вот, товарищи», — снова, еще громче и тоньше выкрикнул он и сразу перешел на гнусавый шепот, вроде что-то таинственное доверяя, да все ниже к кафедре склоняясь...

«Чего это он... так? — удивленно глянул на докладчика Иван Семенович и еще больше поразился, когда не смог припомнить, всегда ли так докладывал Писаренко или недавно начал...

Как же это так? Писаренко изо всех товарищей ближайший ему друг, можно сказать... Как же не знать Ивану Семеновичу его манеры... привычки его?..

И, уже волнуясь, начал вспоминать, что в действительности знает он о Писаренко: фамилию, имя, отчество... где работал, где работает... Анкета! Анкета... И это все? Так мало, так страшно мало? Почти ничего... Ну, конечно, ничего! Ведь что же знает он о Писаренко... ну, как про человека вообще, что ли... Как он живет, что он любит, что думает... не о текущих делах, нет, так, вообще...

И еще не отдав себе отчет, что именно, а уже догадываясь, что постигнул он теперь что-то новое, с последствиями для него незримыми, от чего еще сложнее и утомленней потекут его думки, Иван Семенович посмотрел вокруг, на знакомые фигуры товарищей, задумчиво склонившихся над записями-заметками...

Что он знает о каждом из них? Нет, не так: знает ли он хоть одного из них так, чтобы мог сказать ему все, чтобы тот мог войти в его положение — пусть даст совет и выручит?

Иван Семенович поднялся и, избегая изумленных взглядов, вышел в коридор.

«Нужно непременно что-то с ними сделать, — подумал он о башмаках. — Скрипят...»

И, сворачивая сигарку, припомнил, как неловко чувствовал себя из-за скрипа в опере... А потом вспомнил почему-то свою невежливую размолвку там со Звирятиным, и снова потянулись думки, смутные да бесконечные, и чаще забились на виске жилка...

Иван Семенович зажег сигарку и припал горячим лбом к морозом разрисованной окошечной шибке. Вместе с холодом потекло в душу какое-то дивное, спокойное безразличие: пусть хоть что, а не отойдет от этого синего окна, будет стоять, пока вспомнит, когда это было: именно такая же усталость и лоб у стекла... Вчера? Нет. Позавчера?

В зале зазвучали голоса, громыхая стульями, в коридор начали выходить курьельщики, живо обсуждая доклад Писаренко. Сам он, устало отвечая на вопросы, отыскал глазами Ивана Семеновича и подошел к нему.

— Ты что, ждешь кого? — спросил он, встав рядом, возле окна.

— Нет, — задумчиво ответил Иван Семенович, припомнив, что так, лбом к стеклу, рядом с Писаренко, стоял он давно, на допросе в деникинской контрразведке, в Полтаве...

— Или, может, тебе доклад мой интересен? Ты же всем начинаешь теперь интересоваться, даже певчихами... — попробовал подшутить Писаренко, сам сразу опешив, когда увидел, как побледнел и растерялся Иван Семенович.

— Нет... — ответил тот тихо и попытался уйти.

— Да ты стой! Не сердись! — схватил его за рукав Писаренко. — Я тебе вот что сказать хочу. Вот что... Как бы тебе сказать... Последнее время ты какой-то чудной... Переутомленный, может? Или, может, мысли какие?.. Как ты ни кройся — я тебе друг, не забывай про то. Понимаешь — друг.

— Понимаю, — вяло, о своем что-то думая, ответил Иван Семенович и замолчал, не отрывая взгляда от окна. За тонкой пленкой стекла короткие зимние сумерки синили безлюдную, густо заснеженную улицу. Видно, что примораживало: одинокие прохожие горбились, кутаясь в поднятые воротники, глубоко прятали в карманы руки; звонки трамваев остро рассекали воздух.

— Та-ак... — протянул после паузы Писаренко почему-то тихо: — Так ты заходи когда-нибудь, жду.

И снова, немного помолчав возле Ивана Семеновича, ушел в замешательстве.

Иван Семенович, не спеша, спустился по ступенькам вниз в раздевалку, надел бекешу и, не застегиваясь, вышел на крыльцо. Холод и тишина широкой вечерней улицы взбудрили его. Мерно ступая, он почувствовал, как мыслям его возвращается ясность и выразительная законченность.

Нужно выкинуть прочь все из головы и месяца два отдохнуть, подлечить нервы. А главное — взять себя крепко в шоры, — это ключ ко всему. И уже посмеиваясь, припоминая всю ту путаницу мыслей, что роилась вокруг все эти дни, и все те мелочи, что не давали ему покоя.

— Сколько на немецкую? — неожиданно остановился он у извозчика, себе удивившись, что такой у него глубокий да ласковый голос.

— Сговоримся, — хмуро пробубнил извозчик, накрывая войлочной кошмой ноги Ивану Семеновичу. — Но, ты! Задумалась! — прикрикнул он на свою конячку. — Нервная какая...

Иван Семенович откинулся на спинку саней и с интересом удивлялся, как проплывали мимо высокие серые стены домов.

— Стой! — сорвался его голос, как показался за развилкой беленький двухэтажный домик с колоннами. — Да стой же, говорят тебе! — еще раз нетерпеливо приказал он и почувствовал, как отяжелели его ноги. Расплатился и потихоньку побрел к беленькому домику. Окна наверху светились — значит, дома. «А может, нет-таки? — утешил он себя, когда уже зазвонил у широкой двери с табличкой «Правозащитник Шпара». И сразу, услышав, как внутри задрезжал звонок, шагнул к лестнице нерешительно, будто собираясь удрать, как открылась дверь, и на пороге появилась высокая в черном девушка. «Горничная», — успокоенно подумал Иван Семенович.

— Мне к Завадской, — хрипло промолвил он, отворачиваясь от удивленной девушки.

— Вы к Ирине Эдуардовне Завадской? — поправила она и как-то неохотно пропустила гостя в переднюю.

— Да, я к товарищу Завадской, — рассердился Иван Семенович, неприятно пораженный, увидев себя при ярком свете. Давно пора бы купить новое пальто; уже никто не носит таких бекеш, крытых солдатским сукном. Да и вообще нужно следить за собой... Глянь, щетина на лице...

— Вы, может, скинули бы пальто? — смехом зазвенел голос горничной, и она помогла Ивану Семеновичу повесить его бекешу поверх богатых меховых пальто.

— Прошу, — слегка поклонилась она и повела его широким коридором к двери, за которой слышались приглушенные голоса и веселый женский смех.

«Вот расходились», — чуть не вслух со злостью подумал Иван Семенович, на миг зажмурившись в потоке света, который ринул ему навстречу из раскрытых дверей.

Он ступил несколько шагов и остановился, неприятно пораженный знакомыми голосами и лицами. Против двери, утонув в глубоком удобном кресле, светил безукоризненным пробором прически Звирятин; он что-то рассказывал вполголоса, наклонившись к своей соседке, пышной блондинке с горячими, как кровь, губами, но, услышав шаги, замолк и, не скрывая удивления, впился глазами в Ивана Семеновича. Почему-то перекладывая из руки в руку старую свою, сзади облезлую шапку, Иван Семенович окинул взглядом темные, будто бархатные обои, на стене картину, где над зелеными волнами моря таяли легкие белые облака; споткнулся на миг о три знакомые личности в углу и сразу отвел глаза на сложный и спокойный рисунок ковра.

— К вам гость, Ирина Эдуардовна! — пропел насмешливый баритон Звирятин, и Иван Семенович услышал быстрые дробные шаги и тяжелый шорох шелка.

«Так это же она?» — окинул он глазами статную смуглую женщину, что, ласково улыбаясь, приближалась к нему. Виделась она ему совсем иной, чем представлял, а лучше ли — не знал; все же не походила она на ту, что в театре, и не на ту, что когда-то запомнилась на качелях, — сливались в ней обе.

— Здравствуйте, товарищ... — начала она и замешкалась.

— Товарищ Орловец, — подсказал ей Звирятин. — Представляю обществу, — повысил он голос. — Товарищ Орловец, мой и Владимира Петровича принципиал. Слышите, Владимир Петрович, — кинул он куда-то в угол, — начальство пришло.

Иван Семенович кивнул и сел возле двери.

— Так вы на том самом заводе?.. — удивленно заметила Завадская. — Отчего же вы об этом ничего не сказали, Владимир Петрович?

— А что же тут интересного? — послышался равнодушный голос из угла.

Там, протянув к тлеющему камину длинные тонкие свои ноги, сидел в тени какой-то широколистой пальмы инженер Сквирский. Около него на небольшом столике стоял графин с водкой и чарка. Время от времени он подносил чарку ко рту и помалу цедил горилку сквозь губы; потом пристально всматривался в свои длинные с острыми ногтями пальцы. Услышав фамилию Ивана Семеновича, он, не торопясь, подошел к нему, молча пожал ему руку и молча, размашисто ступая, вернулся на свое место. Больше ни с кем, даже с самой Завадской, Иван Семенович не поручкался. Пышная блондинка приветила его томно глазами, сразу же спрятав их за стеклышком лорнета; три человека с той стороны камина пробормотали что-то непонятное, не обрывая дальше своей живой беседы вполголоса.

— Это все мои добрые знакомые, товарищи, — тихо промолвила Завадская, указывая глазами на группу беседующих. — Тот толстый дед — ведущий когда-то антрепренер Скорик. Теперь он, конечно... так себе... я даже не знаю, с чего и как он живет... Но он очень интересный: целый театральный архив. А тот, рядом, это Иероним Трехсвятский, музыкальный критик и теоретик... А горбун — ведущий композитор Мурир, очень талантливый... Очень! Почти европейская величина... Но он какой-то такой...

— Я их знаю, — проговорил Иван Семенович, вспомнив ту беседу в опере, и покрылся румянцем, представив себе весь тот вечер. Интересно, что думает о нем эта совсем неведомая ему женщина, которой он слова не выговорит? К чему сидит

она возле него в этой уютной богатой комнате, среди своих друзей и что-то говорит ему, вместо того, чтобы выгнать его прочь, чужого и ненужного?

Завадская стала расспрашивать его об опере, понравилась ли она ему, часто ли бывает на спектаклях, да, глянув на собеседника, растерялась и умолкла: он сидел, низко склонив голову, и, видимо, совсем ее не слышал. Усталость и боль выступали на его лице.

— Вы не сердитесь на меня, — промолвил он наконец виноватым голосом. — Я не знал, что у вас такое общество...

И, взяв с близкого столика какой-то альбом, он начал машинально его перелистывать.

— Это мой, театральный, — сказала хозяйка и, отойдя к Сквирскому, взволнованно склонилась над столиком.

— Что же вы все замолчали? — заворковала блондинка, обеспокоенная тем, что не только общая беседа не вяжется, но и Звирятин не склоняется больше к ней. — Муриу, Сквирский! Кончайте свой диспут! Это так интересно, — сощурилась она, глядя на Ивана Семеновича.

— Да-а... темочка неплохая... — проворковал Звирятин, — надстроечная, Иван Семенович, про любовь! — поднял он палец.

— И о страсти, — прикинул деревянным голосом Сквирский, сурово глядя на Завадскую.

— Ну и про страсть, как... основание, фундамент любви, — продолжил Звирятин.

— А я так и не разобралась, какая между ними разница? — посетовала блондинка и скромно опустила взгляд за глубокий вырез своего платья.

— Что для простых смертных — страсть, то для малокровных — любовь, — перевел дух антрепренер, вместе с другими выбираясь из своего угла.

— Да и вправду, общество, кончаем нашу размолвку! — обрадовалась хозяйка. — К слову, имеем еще одного оппонента. Наверное, товарищ Орловец как материалист...

— Ну, что касемо любви, голубка моя, то я тоже правоверный материалист, — зашелся в смехе антрепренер. — По-моему, тут и спорить не о чем: все ясно, как в политграмоте. А что до того, где страсть, а где любовь, так об этом пусть инженер Сквирский на досуге подумает...

— Ждите! — остановил его Звирятин и обернулся к Ивану Семеновичу. — Товарищ Муриу, — наклонил он голову в сторону горбуна, — выдвинул наиважнейшее интересное утверждение... Он, исходя из того, что страсть, простое проявление элементарного полового влечения, очень часто возникает меж особами разных социальных классов, делает вывод о...

— О неклассовости любви! — брызнул слюной маленький горбун, соскочив со своего креслица. — Да-да, товарищ Сквирский — любовь! Наиидеальнейшая или наигрубейшая — одинаково! Для меня это аксиома! Это истина! — тараторил он, встав посреди комнаты, размахивая руками так, вроде греб против течения веслами. — Разве не видим мы тысячи примеров вокруг? Да я и сам могу назвать десятки случаев, когда влюбляются люди из разных, даже враждебных классов! Да пустое — примеры! Не в них главное! К этому выводу я пришел... ну, философски, что ли...

— Ша! Философ! — поймал его за руку антрепренер. — Ей-богу, милиция может прибежать!

— А ну вас! — вырвался горбун и мелкими шажками убежал к окну. — Никогда не даст высказаться, — торкнул он плечом в бок Скорика.

— Зачем же так волноваться, почтеннейший? — проворковал Звирятин. — Вопрос этого не заслуживает...

— Товарищ Мури́в, — снова обратился он к Ивану Семеновичу, — рассматривает любовь как... ну как сублимированное половое влечение, что ли... доказывает многочисленными примерами и часто философскими размышлениями, что любовь может быть между людьми даже враждебных классов.

— Но что же понимать под любовью? — выпрямился на своих длинных ногах Сквирский. — Если любовь... — хотел продолжить он, да заметив, как метнулся от окна Мури́в, махнул рукой и, подойдя к столику, налил себе рюмку.

— Да хоть как вы ее понимаете — одинаково! — пискнул Мури́в. — Ну, как ему еще объяснить? — развел он бессильно руками и сразу подскочив к Ивану Семеновичу, зашпешил: — Ну, а вы что скажете об этом? Вы! Как, по-вашему, а? Ведь может работник, ну, пролетарий вообще, почувствовать страсть к буржуйке? Ну, просто желать ее, как женщину? Может! Конечно, может. Тысячи примеров есть! Сотни тысяч! А раз так, то почему же эта страсть не может вырасти в любовь? Это же — корень! Корень, конечно! Ну, вот вы скажите, может пролетарий полюбить буржуйку? Всерьез, как в песнях поют... А? Ну вот вы скажите! Вы! Вы! — тыкал он пальцем в Ивана Семеновича.

— Я? — тяжело поднялся тот, как-то сверху глядя на маленького композитора. — Я? — повторил он, небыстро оглядывая всех.

— Да вы же, вы, — насмешливо ответил Звирятин. — Кому же, как не вам, теперь все разъяснять. Под вами ходим!

Иван Семенович нахмурился. Этот жирный, хорошо откормленный спец, с манерами ленивого помещика, злил его. Он прикусил губу и сделал шаг к Звирятину.

— Мы все ждем вашего ласкового ответа, — говорил Звирятин. — Чтобы было яснее, скажите, могли бы вы, Иван Семенович Орловец, чистой воды пролетарий, влюбиться, — сделал он небольшую паузу, — в Ирину Эдуардовну Завадскую, в буржуйку и дочь буржуа?

— Ах, так? — пошатнулся назад Иван Семенович. — Так вот вы как... — хрипло продолжил он, почувяв, как холод залил ему грудь. И, заглушая в себе смех, который уже щекотал ему горло, наклонился к Звирятину: — Шутите, добрейший? Хе! Вы же по себе знаете, что чувствует пролетарий к буржуа — то, что и буржуй к нему! Они или ненавидят один другого, или же... оскорбляют, — кинул он и, круто повернувшись, ушел из комнаты.

Казалось, не идет коридором, а падает в какую-то узкую серую бездну, и уже не чувствовал зла, а только жалость к самому себе, досаду. Наспех надел бекешу, не попадая в рукава, и враз застыл, шорох шелка услышав.

— Простите меня, — кинулся он к Завадской, когда она встала на пороге. — Простите, — прижал он бекешу к груди.

— Какой вы дикий, — смотрела она куда-то мимо него, — ах, какой дикий! И посторонилась, пропуская на выход Сквирского.

— Подождите, — сказал тот Ивану Семеновичу, — нам по пути.

Пошатываясь, надел пальто и припал к руке Завадской.

— Заходите, — сказала та Ивану Семеновичу, целуя инженера в голову.

Иван Семенович молча поклонился и открыл дверь на лестницу.

Когда вышли на улицу, инженер еще раз сказал: «Нам по пути» — и замолчал, ступая широко и равномерно.

«Деревянный какой-то», — подумал Иван Семенович, стараясь не отставать, и задумался, безразлично припоминая все, что случилось с ним за эти последние, важные для него дни. Обрывки дум, чужих и своих,плыли в памяти; перед глазами возникали фигуры людей, раньше никогда не знакомых, что теперь вошли почему-то в его дни.

— Ну, как вам все это? — просто, по-товарищески, спросил Сквирский, когда прошли они так два квартала, и взял Ивана Семеновича под руку.

— Как странна жизнь, — подытожил тот свои мысли, глядя в серое зимнее небо.

— А больше — злая.

— Будет лучше.

— Лучше? — зевнул инженер. — Вы верите, что если сравнить людям пайки, то жизнь у них получается? Полегчает — согласен. А получается ли... не знаю.

И, прислонившись к Ивану Семеновичу, говорил горячо:

— Друже мой, для этого нужно уметь жить; понимаете — уметь. Надо учиться жить! О, наука жизнь! Какая это сложная, прекрасная и, жаль, неведомая наука! Люди принимали к сердцу зори, победили все стихии, научились строить небоскребы и убивать один другого, но жить... жить они не умеют! Не умеют! — уверял он Ивана Семеновича, дохнув на него водочным перегаром. И, остановившись на перекрестке, широко повел рукой. — Вот пусть упадут стены всех этих домов, и откроется нам все, что творится за ними, — вешайте меня, если увидим мы у кого-то и вправду хорошую жизнь! Ну, вот припомните всех, кого знаете, — много есть таких, кто мог бы сказать о себе: «У меня прекрасная жизнь!» Никого, друже, никого! А если есть один-другой, так не по их воле, не их старанием сложилась жизнь. Случай! Только случай! — крикнул он торжественно и отчаянно. — Никто, абсолютно никто из нас не строит свою жизнь сам, — мы берем первое — лучшее, что само дается в руки... Люди умеют строить свое жилье, но строить свою жизнь... Хе! Они хотят существовать. Я — инженер; я строю вам наисложнейшую машину, я подберу каждый винтик, чтобы работала она ровно и хорошо, но дни мои плывут на меня, будто в разлив, я барахтаюсь в них, хватая то, что поближе. <...>

<V...>

VI

<...> Иван Семенович подошел к окну и, глядя, как тают в сером небе заводские дымы, думал вяло о том, что наступают какие-то сложные перемены в его жизни, входят в его дни новые, до сих пор незнакомые люди, охватывают новые мысли, а он бессилён остановить их, да и не знает, желал ли останавливать.

— Войдите! — будто проснулся Иван Семенович, когда в дверь постучали, с приятной улыбкой встретил Куницу.

— Вот хорошо, что ты один! — отозвался тот, падая в кресло напротив стола. — Ведь я, Ванька, с делом приватным... Можно сказать, с дипломатической миссией... Подожди, мать честна, — ответил он на удивленный взгляд товарища. — Дай, отдохну... Спешил очень, боялся, что ты уедешь в управление... Да...

Он вытер рукавом вспотевший лоб и беспокойно зашевелился в кресле.

— Дело-то, Ванька, деликатное... Ну, а ты же знаешь, какой из меня дипломат... Так ты того, не сердись... Да-а... Тут не только я, а все, вот Писаренко первый... Все мы, Ванечка, тревожимся о тебе... Старые товарищи, знаешь... А много ли нас таких? А?

И, почувствовав, что путается, рассердился и давай бегать по кабинету.

— К черту с вашей дипломатией! — крикнул он кому-то в угол за шкафом на книжки. — К трем чертям! Что он, малый ребенок, что я должен с ним сюсюкаться? Хе! — остановился он наконец перед сбитым с толку Иваном Семеновичем. — Хватит дурня строить! Понял? Где это видано: переутомленный, еле на ногах держишься — и молчишь? Чужие замечать стали, а ты друзьям своим хоть бы словечко? Хватит, Ванька, хватит! Сегодня же к врачу! Понял? Сегодня же. Сейчас. Немедленно. Фу-у, — снова сел он в кресло. — Теперь можно и спокойнее. Дай только закурю.

Иван Семенович видел, как дрожат его руки, когда зажигал спичку, как ходят на щеках желваки, и почувствовал, как дорог и вправду близок ему этот смешной нескладень, что так беспокоится о нем. Старый товарищ, он, значит, заметил, что с Иваном Семеновичем не все ладно... Но что же, действительно? — неприятно скривился Иван Семенович. — Правда, что случилось с ним, что уже и другие обращают на него внимание?... Ну, возможно, стал он нервней, чем был раньше, переутомился немного... Так это же естественно: сколько лет, как та машина, день в день... Да и кому какое до этого дело? Ведь он, Иван Семенович, не трогает никого из них, так чего же лезут все они к нему со своими заботами, советами, наставлениями...

— Черт знает что! — ругнулся он в голос и неприязненно поглядел на Куницу. — Что это за комедия, наконец! — выверился он на того. — Выскочил, как Пилип из конопля! «Хворый!» «Друзья!» «Лекарь!» Ты еще б истерику закати!

— Ванька! — пораженно протянул Куница и захлебнулся табачным дымом. — Ва-анька! — прохрипел он, зайдясь горьким кашлем. — Ну вот, — развел руками, — вот тебе и деликатное дело! Но ты не сердись, ты выслушай меня, Ванька... А что Пилип из конопля, то правда! Ну, что ж, не умею! Мне и Писаренко наказывал: «Ты же смотри, — говорит, — деликатненько все, с подготовкой». Когда же не умею...

Он замолчал и кротко приклонился к Ивану Семеновичу. Тот смотрел куда-то сквозь окно и, казалось, не слышал Куницу, может, даже забыл о нем.

— Эх, Ванька, друг ты мой и товарищ... — вздохнул тот и придвинулся еще ближе. — Ты не сердись, ты выслушай меня, идиота... А что волнуюсь я и тебя взволновал, так люблю же я тебя, Ванька... И болею за тебя... Да... А дело, браток, совсем, можно сказать, глупое... Ей-богу...

— А именно? — холодно спросил Иван Семенович.

— А вот я его и выложу тебе своими словами. Да-а... Дело в том, Ванька, что последнее время ты чем дальше, то все горше выглядишь... Ты, может, этого и не замечаешь, а со стороны ведь виднее. Особенно нам, твоим друзьям, что любят тебя и волнуются за тебя... А не побеспокойся о тебе, так ты сам и пальцем не шелохнешься о себе... Мы тебя знаем! Как ты предан работе... Камень, можно сказать. Но человек же не машина, да и та, сам знаешь, ремонта требует...

— Да ты проще. По-вашему, я больной, получается?

— Не хворый, Ванька, нет, а переутомленный. Где уж, с семнадцатого года и не присел, можно сказать. Революция, войны, теперь сколько лет, как та муха в укропе, крутишься... Никаких сил не хватит! Вот и надо, чтобы ты поберег себя, понимаешь? Чтобы отдохнул то есть... А, Ванька? Как ты думаешь? Кинуть все на какое-то время: завод, нас, все... Поехать в село, например... А? Или на море... Волны там всякие, ветры... А ты себе на песочке греешься...

— К морю? — тихо переспросил Иван Семенович и сразу почувствовал, как несет его куда-то далеко отсюда, из этой комнаты, от Куницы, знакомых, от размеренных дней, от людей... — К морю? — прошептал он. — Да, к морю я поехал бы...

— Вот видишь! — вскрикнул Куница. — А ты сердился на меня! Эх, ты... Ванька! — хлопнул он его по плечу. — Ну а теперь конкретнее. Отодвигать дело не к чему, нужно все это быстрее. Пойдем мы с тобой к врачу, расспросим, куда, что, как — и айда. Мы, брат, уже и с врачом договорились, с самым наизнающим профессором! Да! Он сегодня и ждет тебя. Вечером, часу в восьмом... Хорошо?

— Хорошо, — кисло усмехнулся Иван Семенович...

<VII...>

VIII

Прием у профессора заканчивался.

В просторном, скупо мебелированном покое дожидались очереди лишь трое пациентов, когда появились здесь Куница с Иваном Семеновичем.

— Как раз вовремя, — нарушил тишину Куница и, проскрипев через весь зал пересохшим паркетом, сел около неперменного украшения всякой лечебной гостиной — у большого стеклянного аквариума.

Скрип паркета напомнил Ивану Семеновичу, что он до сих пор ничего не сделал, чтобы починить свою обувку; это поразило его и забеспокоило. «Странно, — подумал он, широко, будто журавль, ступая за Куницей, — странно, что раньше я никогда не обращал внимания на такие мелочи...» И сразу же припомнил, что начал замечать это с того вечера, когда увидел Завадскую...

«А все нервы», — отметил и обрадовался он тому, что вот уже сколько дней успокаивается всякий раз, как докатываются его мысли к дразнящей увертюре «Кармен»...

Заслышав шаги, пациенты оставили разговоры и внимательно оглядели ново-прибывших. Вроде как убедившись, что люди надежные и им доверять можно, седой с длинной бородой дед в старом сюртуке военного покроя прикостылял к Ивану Семеновичу и, подмигнув, спросил:

— К профессору?

— Да... — сбился с толку Иван Семенович, не сразу догадавшись, что это нервный тик дергает у старого запалые щеки.

— А дозвоьте узнать — впервые или уже и раньше бывали?

— Нет, впервые.

— Говорят, чудеса творит, — прикинула сухощакая пани в старомодной шляпке с черной вуалью.

— Если бы так, — игриво подмигнул старый. — Ведь, дозвоьте вам доложить, в бромь да в обтирания я не верю-с. В наше время, когда каждому столько доводится пережить — водичкою-с нервы не вылечишь... Тут нужно иное лечение... Иное! — постучал он костылем о пол.

— Ведь теперь не только я, вы, пятый... двадцатый болен, теперь вся жизнь больна! Да-с. Не мы нервные — жизнь-с нервная... Ее и лечить надо.

— Ну, это вы лишнее, — выступил Куница из-за аквариума. — Глянь, куда загнули... Душок от вас...

— Какой душок-с? — покраснел старый.

— А такой... Старорежимный... Ишь, жизнь ему теперешняя не нравится!.. Лечить ее нужно...

— А, по-вашему, нет? — запрыгал дед на костыле. — По-вашему, жизнь теперь нормальная-с? Да вы не наступайте на меня, не наступайте! Я не боюсь. Ведь я не о политике-с, не об экономике-с... Я об обычной жизни, о личной жизни, об обывательской... Да-с... А она не только ненормальная — она ужасная! Ужасная! Вы посмотрите вокруг... Во всех этих так называемых семьях... Ужас, ужас-с, дозвоьте заверить вас... Все шиворот-навыворот, все вверх тормашками... Никто не знает, чего он хочет, никто не считается с иным мнением... Сходятся, разводят... грызутся... Наскакивают один на другого, рвут один с другого... Каждый хочет заграбастать все, но вправду никто и ничего не хочет... Люди не уважают себя, не ценят своей жизни... Тьфу... тьфу... тьфу... — застучал он костылем к профессорскому кабинету и пропал за широкой дверью.

— Ну, знаешь, — успокоясь, зевнул Куница, — с такими и сам захвораешь... И все на жизнь жалуются. Оно и неудивительно: из общества их вытолкнуло, вот и киснут...

Иван Семенович не ответил. Он втупился в аквариум и рассеянно следил, как плавали в мутной рыжей воде маленькие красные рыбки. Они то останавливались недвижимо над самым дном своей стеклянной тюрьмы, широко — вроде давило их что-то — раскрывая свои роточки, то, лениво шевеля хвостиками, плыли вдоль стенок, глядя перед собой равнодушными, невидящими глазками.

«Вот так и мы», — хотел сказать Иван Семенович и весь похолодел от этой коротенькой мысли.

— От врача мы пойдем к Писаренко, — безапелляционно, даже и не допуская, что может Иван Семенович воспротивиться, сказал Куница. И только погода добавил: — Друг он тебе, Ванька... Можно сказать, как брат... Он же и об отпуске тебе хлопочет...

Иван Семенович хотел было решительно отказаться заходить к Писаренко, но, вспомнив об отпуске, промолчал... Глядя сквозь стекло в невыразительные круглые глаза облезлой рыбки, представил себя на берегу, у самых ленивых волн... И вроде отхлынуло море, а на берегу оказалась золотая рыбка. И спрашивает она: «А чего ты, товарищ Орловец, от жизни хочешь? Говори — все по-твоему будет...» Да Иван Семенович сам не знает... А если не знает, то как же может он сам, заведомо, строить свою жизнь? Вот же, и остается ему брать то, что само дается... Да разве только он такой... Все одинаковы... Вот хоть и Куница этот... Даром, что прыскает на всех, колупни его — такой, как и другие...

— Ваша очередь, — посмотрела горничная на бумажку-талончик у Ивана Семеновича и открыла перед ним двери профессорского кабинета.

Потому, что представлял Иван Семенович профессора старым-старым, с пухлой ласковой бородой, дедом, а навстречу ему поднялся из-за стола сухощавый, будто циркуль, выбритый и молодой — сразу почувствовал к нему какую-то даже враждебность и, не поклонившись, сел бочком подальше от стола.

Все же голосом приятным, ровным, как густой осенний дождь, сказал профессор, что он непременно ждал сегодня Ивана Семеновича, что с ним договаривался о том товарищ Писаренко, что нельзя так запускать свои нервы, ибо нервы — это все; и чем дальше низал спокойные и такие обычные слова, тем ближе становился он Ивану Семеновичу. И когда начал расспрашивать его обо всем и дотошно, над каждой мелочью останавливаясь, то отвечал ему охотно и искренне. Потом стоял голый среди комнаты, а профессор трогал его нежными и теплыми пальцами, водил по коже то чем-то острым, то чем-то холодным — и удивлялся, вздрагивая и трепеща, отчего и вправду раньше не начал он лечиться...

— Ну-с, — сказал профессор, закончив осмотр и снова садясь за стол, — страшного у вас, конечно, ничего нет. Переутомление и неврастения... Но все же обратить на себя внимание нужно... Надо и подлечиться немного, и отдохнуть хорошо... Попутешествовать... В общем, изменить жизнь...

— А вы считаете, что человек может изменить жизнь? — выступил в зеленый свет лампы наполовину одетый Иван Семенович.

— По крайней мере, на какое-то время, — не понял его профессор и начал дотошно объяснять ему, как должен он жить и вести себя дальше. В конце концов, дал ему кипу рецептов, свидетельство о том, что Ивану Семеновичу нужен срочный отдых, и сам провел его к двери.

Уже на лестнице спросил Куница, что сказал врач Ивану Семеновичу, и когда отрубил тот коротко: «Неврастения», молчал с квартал, а далее начал к чему-то доказывать, что он, Куница, так и думал, но пусть же Иван Семенович не тревожится: все это не так страшно и сложно, как кажется... Наконец, тысячи людей теперь болеют этой самой неврастенией — и ничего. Да и болезнь ли это, он, ей-богу, не уверен... Просто переутомился человек, да и все. Ну, конечно, нервы тог-

да немного чувствительней... Вот и Ванек, глянь, какой нервный в последнее время стал...

Иван Семенович слушал его невнимательно. Осознавал то, что не сумеет он пояснить, что именно волнует и беспокоит его. И это выливалось в какое-то гнетущее равнодушие... Ему было все равно, что думает о нем Куница, что будут думать и все другие, как и то, идти ли к Писаренко, не идти...

Тот встретил их усталый и озабоченный.

— Садитесь, садитесь, — толкнул он гостей на диван. — И простите — должен закончить статью... Я быстро, минут за десять, — бросил уже из-за стола, заваленного горюю книжек и бумаг; скрипел быстренько пером, крепко стиснув зубы и всматриваясь куда-то в стену невидящим, как у тех рыбок в аквариуме, глазами.

Иван Семенович какое-то время смотрел внимательно на низкий лоб, пораженный спокойным упорством, оно замечалось там в каждой морщине, потом окинул взглядом комнату и почему-то подумал, что вряд ли придут в голову какие-то содержательные, хорошие мысли в этой обстановке.

Маленькая комнатка, половину которой занимал большущий письменный стол, одиноким окном своим смотрелась в слепую стену соседнего каменного дома; из-за этого даже вечером, при электрическом освещении, казалось, что не выветривается здесь воздух — густой и горький, какой даже во рту оставляет привкус чего-то горьковатого и горелого. А может, это горчил синий табачный дым, сквозь какой едва виднелась под стенкой напротив небрежно запроваленная кровать, видимо, такая же неудобная, как этот старый, с лопнувшими пружинами, диван, где сидел Иван Семенович. Комната поражала тем, что ее давно не убирали: что-то серое, смесь тени и пыли, лежало на всех вещах и мебели, расплывалось по стенам. Небольшой, в углу, шкаф не вмещал книжки, и они валялись всюду, даже под кроватью, уступая место только для беспорядочно раскиданных частей неприхотливого человеческого туалета...

«Как же может он научить других хорошей и интересной жизни, — подумал Иван Семенович, — если сам довольствуется такой? А он же не только учит, он строит ее для других...»

— Ну, как ты, Иван? — закончив писать, выпрямился Писаренко. — Что сказал врач?

— Неврастения. Сказал — обязательно оставить на время работу.

— Ну, пойдешь в отпуск. У тебя есть кому тебя на время заменить?

— Звирятин, инженер.

— Да хоть бы и не было кому, — встрял Куница, — лечиться ведь надо. Невры — это такая сволочь, что распусти их, так потом не соберешь...

— Так, так, — зевнул Писаренко. — Ты, Иван, с этим не шути... Возьмись лечиться, выполняй все, что врач наказывал.

— Советует изменить жизнь...

— И он туда же! — будто утка крыльями, махнул Куница руками и закричал деланным смехом: — Чудеса — куда ни ступит Иван, всюду о жизни разговоры... О личной, — с кислой гримасой пояснил он Писаренко. — Не дает она покоя Ваньке...

— Какая жизнь? — не уразумел Писаренко и с головы до ног смерил Ивана Семеновича внимательным взглядом.

— Личная, — весело подмигнул Куница.

— Да, личная, — сердито подтвердил Иван Семенович. Веселость Куницы и колючий взгляд Писаренко начинали раздражать его. Он оперся локтем о колени, переплел пальцы рук и, положив на них подбородок, отвечал Писаренко темным тяжелым взглядом.

— Да, личная... Но я не понимаю, что тут смешного, — сверкнул глазами на

Куницу. — Или же дивного, — на Писаренко. — Напротив, меня смешит и удивляет то, что принимают это у нас как какую-то вроде запретную тему! Личная жизнь... хе! Говорить о ней, уделять ей внимание считается неестественным...

— Да оно, конечно, не к лицу нам... — несмело начал Куница, пораженный слишком уверенным тоном Ивана Семеновича.

— Не к лицу? — прошелся тот большими шагами по комнате. — Что не к лицу? Говорить о личной жизни или жить ею? Что? — остановился он перед Куницей и не дожидаясь ответа, заволновался. — Чушь! Никто из нас не отрекался от личной жизни, да и зачем это делать? Наоборот, мне кажется, что в наших условиях, когда каждый имеет возможность развиваться свободно, личная жизнь каждого могла бы принять иные, лучшие формы, стать полнее, интереснее, содержательнее... Всякой!

— Ну... а она? — коротко и сурово спросил Писаренко.

— А она в большинстве случаев серая, убогая, однообразная... И очень часто нечистая, жалкая...

— Так... А что же именно ты называешь личной жизнью? — еще холоднее спрашивал Писаренко. Он отошел к окну и смотрел оттуда на Ивана Семеновича так, будто стоял тот где-то далеко-далеко и трудно было его распознать.

— Что ни назови — одинаково, — досадливо отмахнулся Иван Семенович. — То, что и ты... Все, что каждый из нас переживает отдельно и независимо от других... Все, что, так или иначе внешне выявляясь, составляет мой личный — никому, кроме меня, не нужный и не интересный быт... О! Быт, — обрадовался найденной формуле. — Вот к нему-то приглядываясь и вижу, какой убогой и небрежной личной жизнью живет каждый из нас... Ты вот, например, — шагнул он к Писаренко. — Да, ты! Ты ходишь около искусства, какое, может, больше всего людям жизнь украшает, около эстетики, черт тебя возьми! А какой же красоте ты можешь научить людей, коли тебе безразлично, что живешь в такой берлоге, — повел он рукой по комнате. — Когда у тебя интересные, прекрасные, может, бессмертные книжки валяются рядом с грязным бельем...

— Да это не только ты, — успокоил он Писаренко, что стоял, сложив руки на груди и закусив нижнюю губу. — Все мы одинаковы. Строим великую жизнь для всех, говорим о новом для всех быте, а неспособны построить и малую для себя, живем, будто на вокзале или на постоялом дворе... Так, только бы...

Иван Семенович помолчал с минуту и, подумав, что теперь в самый раз хорошо бы выпить ему холодного пенистого пива, подступил к Кунице:

— И все, как и ты, говорят, что нам и не к лицу об этом думать... Как не к лицу? Почему-то пускай все так и идет, так пускай и тянет каждый из нас в новую жизнь, в новый быт всю эту гадость, что на нас понарастала?

И, подмечая, что начинает говорить словами Сквирского, сам удивляясь, что так запали ему мысли этого всегда бывшего под хмельком инженера, печалился вслух о большом преступлении, о грехе — не строить свою жизнь, а беспощадно кидаться в ее безостановочный, шальной поток. А как раз это и можно сказать о каждом из них... Все они живут случайным, тем, что легче дается, часто им не нужным и враждебным... Вот хоть и в любви, например, в этом наисложнейшем и интимнейшем проявлении индивидуальной жизни, какое не меньше других факторов влияет на формы быта...

И вроде перехватило ему горло, замолчал и дышал тяжело и взволнованно. Серая тишина расплывалась по комнате. Слышно было лишь, как поскрипывают тихо башмаки Ивана Семеновича да чей-то приглушенный голос за стенкой напевает с надрывом под бреньканье гитары:

Сыграйте мне, паж-жалуйста, разлуку,
Знать, милую другую он нашел...

— Тэк-с, — будто проснулся Писаренко. — Поговорили...

И, глядя себе под ноги, промолвил жестко и зло:

— А ты правда-таки больной... Да только ошибся профессор: не тот в тебе недуг...

— Кончай, — опустил тяжелые, набрякшие веки Иван Семенович и, будто ныряя куда-то глубоко, устало опустился на продавленный диван рядом с Куницей.

— Обмещаниваешься, — спокойно проговорил Писаренко и, как после допроса, начал сгребать какие-то бумаги на столе.

— Ну, вот... — поймал себя за левый ус Куница, и, скосив глаза, пристально разглядывал его рыжий кончик.

<IX...>

X

Возле дома, где Завадская жила, встретился Ивану Семеновичу маленький горбун, принаряженный так элегантно, что сразу бросалось в глаза его храброе уродство.

«Где я видел его?» — хотел припомнить Иван Семенович, а тот уже улыбался ему бескровными устами, выставив из богатых мехов птичий образ свой.

— Товарищ Орловец? — брызнул он слюной и, разочарованный, а может, обиженный немного, пропискнул: — Забыли? Я — композитор Музив...

— Нет, помню... — промямлил Иван Семенович и, поклонившись, хотел идти дальше, когда услышал:

— К Ирине Эдуардовне идете? Ее сейчас дома нет. Я от нее...

— Нет? — остановился Иван Семенович. — Как нет?

И не мог разобраться — досада или радость подняла ему дух.

— Но через полчаса она возвратится. Увидите ее — передайте мой привет, — откланялся Музив.

«Значит, он не придет больше», — с радостью отметил про себя Иван Семенович, стараясь ступать так лихо, как и горбун.

— А я думал, сердитесь вы на меня... — крутил тот головой на тонкой, хилой шее.

— Нет... Почему же, — не понял Иван Семенович, за что мог бы он сердиться на этого горбатого человека.

— А помните нашу беседу у Ирины Эдуардовны? О любви...

Выговорил это слово так, будто застряло оно в гортани, и должен был силой его вытолкнуть; слово прозвучало, вроде оборванная струна скрипки, скручиваясь, билась о деку.

— Разволновались вы тогда очень... Не попрощались...

— Нервы, — рассеянно ответил Иван Семенович, думая о том, как сложно все в жизни человека: раз, хоть бы и случайно, запутавшись, само собой не вырвешься, путаешься далее, и нужно усилие, чтобы освободиться из этих сетей. Придет само, случайное, непрошеное и неожиданное, а ты должен отдать ему время и внимание, пережить его, приглядеться, чтобы из всей массы выбрать только нужное тебе, отринув прочь все второстепенное... «Это и есть — творить свою жизнь», — припомнил он Сквирского.

— А вы не правы тогда были, — покачал композитор головой. — Не правы. Нет. Утверждение ваше ошибочно...

И, вспомнив, что Иван Семенович, собственно, ничего не сказал тогда, пояснил, осмотрительно слова подбирая:

— Все мы поняли тогда ваш такой... чудной выпад против Звирятина и во-

обще... как своеобразное выражение вашего возмущения на мое утверждение о возможности и нормальности любви между особами целиком враждебных классов...

Он помолчал, выжидая, не возразит ли Иван Семенович, потом заговорил снова, чем дальше — все быстрее и, видимо, волнуясь:

— Да, вы были не правы, товарищ Орловец, не правы... Для меня это так очевидно, что я понимаю даже, в чем корень вашей ошибки... По-вашему, такие люди не могут любить друг друга потому, что они будут оставаться враждебны. Хорошо. Соглашаюсь. Но далее вы делаете скачок, какой я никак сделать не могу! А точнее: раз они враги, то как же могут совместно жить?

— Разумеется, — начал Иван Семенович, да не дал ему говорить горбун, задержался весь, слюной забрызгал:

— Ага! Ага! — тыкал он пальцем в Ивана Семеновича. — Вот тут и ошибка ваша! Вместо любви подставляете вы совместную жизнь, сожительство мужчины и женщины, одной из форм какого есть семья. Однако же согласитесь, что не всегда приводит любовь к тихой семейной идиллии, напротив, чаще она кончается трагедией! Вот же, коли говорить о счастливой, — будто сплюнул он, — любви, которая вершится супружеством, я соглашаюсь: быть ее меж людьми враждебных классов не может. Но почему же замалчиваете вы любовь несчастливую, любовь-трагедию? — впился он глазами в Ивана Семеновича, и только теперь заметил тот, как хороши у композитора глаза — вроде два больших синих цветка под высоким спокойным челом.

И, будто не выдержав их горячего блеска, зажмурившись, Иван Семенович, как из темной глубины, принимал голос композитора:

— Не страсти, даже не сласти ищут сейчас люди в любви, а только удовольствия, забывая, что в самой сути своей есть она борьба... Борьба! — зазвенел ему тонко голос, — а может, ненависть...

Казалось, опустошило его это слово — сник весь и ослаб; подал на прощание Ивану Семеновичу ручку вспотелую и, слова больше не вымолвив, пошел прочь.

«Какие все они... нервные», — подумал Иван Семенович и почувствовал себя в сравнении с ними сильным и уверенным.

Открыла ему дверь та самая, в черном, горничная.

— Ирины Эдуардовны еще нет, — сказала, — но она просила вас подождать.

Иван Семенович, не торопясь, разделся и прошел в гостиную.

Горела только одна лампа под тяжелым шелковым абажуром; мягкие тени разливались по потолку и углам большой комнаты. Пристально, будто изучая, оглядел ее Иван Семенович, к каждой мелочи прикипая взглядом, потом опустился в кресло, где когда-то Звирятин сидел, и усмехнулся криво: на столике, в углу за пальмой, белым огнем поблескивал графин с водкой.

«Для Сквирского ... — подумал Иван Семенович. — Значит, часто бывает...» И вдруг припомнил к чему-то, как с ним прощаясь в тот раз, поцеловала Завадская Сквирского в голову, а тот позже, уже у себя в квартире, назвал ее при Иване Семеновиче просто Ириной.

«Творец, — ехидно прошептал Иван Семенович. — Теории разводит, а сам, наверное...»

И не закончил, услышав звонок в прихожую.

Вскочил и ступил к двери навстречу быстрым женским шагам.

— Наконец, беглец! — окутал его глубокий грудной голос Завадской разом с тонкими запахами мороза и сладостной парфюмерии. — И не стыдно так забывать старых знакомых? — пожурила она гостя, протягивая руку.

— Целуйте, целуйте! — засмеялась переливчато. — Время привыкать. На девятнадцатом году, как говорит Звирятин...

Приклонившись к руке ее, видел Иван Семенович, как бьются на ней нежные голубые жилки, струйками прячась в пахучих мехах рукава.

— Ну, поскучайте еще минутку без меня, — попросила хозяйка, уходя в другую комнату. — Я только пальто сниму.

Почувствовав на губах что-то сладкое и опьяняющее, Иван Семенович решил, что хорошо было бы выпить чарку водки, и уже ступил к столику, где графин стоял, как послышался из соседней комнаты шелест шелка и щелчки кнопок.

«Переодевается», — лизнул Иван Семенович губы и, почему-то дыхание затаив, сел на диван.

— Вы давно уже ждете меня? — поплыл из-за драпировки голос Завадской.

— Нет, недавно.

— Это я нарочно припозднилась, — засмеялась она. — Чтобы наказать вас за тогдашнее поведение! Ах, вы же дикарь! — высунула она из-за драпировки голову и, показавшись Ивану Семеновичу, — голым плечом сверкнула. — Ну да, дикарь! При женщине, мало того — при очаровательной женщине, — игриво опустила она очи, — заявлять, что он не смог бы ее полюбить как буржуйку!

И уже из глубины комнаты крикнула:

— А, правда, товарищ Орловец, неужели вы бы не смогли полюбить — хоть бы и меня, например, — только за то, что я когдатощняя буржуйка?

— Что назвать любовью... — тяжело ответил Иван Семенович, чувствуя, что начинает его раздражать этот разговор.

— Вы как Сквирский. Тот все ищет границы страсти и любви...

— А вы не ищите?

— Ответа не было.

Поддавая в себе желание сейчас же уйти отсюда, взял Иван Семенович альбом и, второй раз перелистывая его грубые листы, тщетно пытаясь опознать ту чужую, в платке цветастом девушку, что давно когда-то, там, в юности, улыбалась ему на качелях, стройные свои ноги выказывая.

«Да что же меня тянет к этой... самке?» — с мукой посмотрел он на Завадскую.

— Ну, теперь здравствуйте! — примостилась она возле него на диване. — И признайтесь, почему так долго не показывались?

— А зачем? — спросил Иван Семенович, потирая ладонями колено, будто мучила его острая боль.

— Чудной вы, Орловец, — покачала женщина головой. — То сами ищите знакомства со мной, самые мельчайшие воспоминания обо мне собирая, то... Странный, — протянула задумчиво.

Почувствовав, как веет от нее пахучее, легонькое тепло, отодвинулся немного Иван Семенович и сказал сурово и холодно:

— Мюфке передал, что вы хотели меня видеть...

— А вы не хотели видеть меня? — зазвенел насмешливо ее голос. — Ну, скажите — не хотели?

— Хотел, — вздрогнул Иван Семенович, и глубокие морщины вспахали ему лицо.

— Ну, не буду, не буду... — положила ему на рукав руку Завадская. — Я таки вправду хотела увидеться... У меня к вам просьба есть... Вы работаете вместе со Сквирским, давно его знаете, — так я хотела бы, чтобы вы все-все мне о нем рассказали... Мне это так нужно... Так нужно... — сплела она пальцы.

— Ах, так... О Сквирском... — прошептал Иван Семенович разочарованно и мертво.

— Мне некого больше спросить, — тоже шепотом посетовала Завадская. — И мы же с вами старые знакомые... Еще с качели, правда? Даже больше — мы с вами друзья... Правда же, мы — друзья? — близко приклонилась она к нему, в вырезе платья выказывая нежные линии пышной груди.

— Да, мы с вами... друзья... — повел он на нее задумчивые глаза и засмеялся горько и презрительно.

Зарделась и, дыша тяжело, вызывая кидала:

— А, знаю, знаю! Враги мы! Как же — классовые враги! — перекрикивала сердито. — А через полжизни, даже через тысячи встреч пронести воспоминание о единственной встрече со мной — это враждебность? А, узнав меня, чужую и незнакомую, тянуться ко мне — это тоже враждебность? Эх, вы, враги! И вы, и ваш Сквирский! — выкрикнула она уже с болью.

— Причем тут Сквирский? — хрипло, с трудом разнявши челюсти, бросил Иван Семенович.

— А притом!

И, вся вздрогнув, покачивая, как на качелях, бедрами, прошла по комнате.

— Говорит он, что нельзя любить, не зная человека. У, знахарь! — закинула руки за голову. — Ну, а вы...

— Я вас не люблю... — медленно ответил Иван Семенович и вдруг выкрикнул люто: — Ненавижу!

Посмотрела внимательно и насмешливо:

— Ну, а что же вас тянет ко мне?.. Может, ненависть? Классовая ненависть?

И, прищуриваясь, хищно удивилась:

— Ну, а сильнее что: эта ненависть ваша или воспоминания о моих коленях? Помните, там, на качелях?.. Как это было? Как? Говорите!

И розовыми кончиками пальцев мяла платье на бедрах, открывая стройные по-девичьи ноги.

— Так?

— Нет, выше... — стиснул руки Иван Семенович, широко раскрытыми глазами глядя куда-то мимо нее.

— Ах, выше! — задохнулась гневно.

— Да, выше! — поднялся Иван Семенович.

Смотрели друг на друга остро, и когда улыбкою озарился взгляд женский, прошептал растерянно:

— Выше...

— Так? — засмеялась звонко и рвущим взмахом открыла лезвие кружев над краями черных чулок.

— Да не надо же! — умоляюще вскрикнул Иван Семенович. — Не надо.

И, широко шагнув, упал перед ней. Горячими и тяжелыми руками обхватил ее колени, утонув лицом в пене кружев...

— Пустите! — прошептала она, склоняясь над его головой, острыми ногтями царапая ему сжатые пальцы. — Слышите, вы! Пустите! — рванулась крепче, круглым коленом зацепив ему лицо.

— Ах, вы же... — начала горько и с отвращением и — не договорила: почувствовал, как обмякла вся и выпросталась. Свел глаза и похолодел: стоял на пороге Сквирский, усмехаясь спокойно и иронично.

— Я — как раз вовремя, кажется, — просипел тот деревянным голосом и, пройдя к своему столику, налил чарку водки.

— Вы всегда вовремя, — отступила от стенки Завадская и, брезгливо разглядывая мелкие капельки крови на розовых своих блестящих ногтях, пошла из гостиной.

Иван Семенович поднялся с колен и обтирал поцарапанные пальцы.

— Натe, выпейте, — подал ему чарку Сквирский.

Тот поглядел на него бессмысленно и, рукой махнув, направился в прихожую.

Дрожал мелко и чувствовал, как страшным звоном наливались жилы; потом

вдруг завихрились мысли и одна, внезапная и коротенькая, молнией рассекла иные: «А как же Наталка? Жена как?»

Бежал вниз, через две ступеньки перепрыгивая, и в такт шагам приговаривал: «Как же Наталка? Как же жена?» <...>

<XI...>

XII

<...> Тихо было во дворе и пустынно, так тихо, что громким показался Ивану Семеновичу скрип его башмаков, и эта досадная мелочь сначала рассердила его очень, а дальше опечалила: увидел он себя почему-то забытым — затурканным и одиноким бескрайне... Блуждает он этими темными и тихими заулками и никак дорогу не найдет, и никто не хочет помочь ему, кидают его на произвол судьбы, одинокого как перст... Конечно, одинокого. Все, даже Наталка, на чью поддержку и помощь он спокойно надеялся... Даже она. Ведь все ее поведение теперешнее: это бесконечное гнетущее молчание, эти колючие, исподтишка взгляды — разве не свидетельствуют о том, что имеет он в ее лице, скорее, врага, нежели друга... Ведь не хочет она помочь ему, сама отталкивает его туда, к другой...

Иван Семенович сжал губы и, не думая, к скрипу башмаков прислушиваясь, ускорил шаг.

Дома застал Наталку одну; сидела за чаем, над книжкой склонившись.

— Ну, здравствуй! — сел напротив Иван Семенович и сразу почувствовал — быть разговору: здоровался как-то особенно, тоном непривычным.

Наталка помалу — до точки дочитав — отодвинула книгу и кинула на него пристальный, немного удивленный взгляд.

— Здравствуй.

Приглядывались друг к другу, будто припоминая, — застила глаза обоим задумчивость, — будто узнавая друг дружку после долгой разлуки... Погодя, тронула усмешка уголки губ Наталки:

— Хочешь чаю?

— Нет, я пил, — сам не зная зачем, соврал Иван Семенович.

Наталка, усмехнулась:

— Душно тебе, что ли? Красный весь.

— Спешил очень, — опустил он глаза и, расстегнув ворот френча, дышал жадно, вроде не хватало ему в груди воздуха.

— Отдохни, — сказала спокойно, снова книжку к себе подсовывая.

Рассердился чуток Иван Семенович — нарочно она, что ли?

— Разве не видишь, Наталка? — сказал с укоризной. — Я же поговорить с тобой хочу.

— Говори, — она откинулась на спинку стула и посмотрела на него хмуро.

И только сейчас заметил Иван Семенович, что не такие у нее глаза, какими знал, — не голубые с брызгами золота, а почти черные, с холодными огоньками посредине. «А может, это из-за освещения? — подумал он. — Не может же быть, чтобы я так не знал ее...»

Поднялся и, бурю мелких воспоминаний, малых осколочков их жизни, в себе заглушая, сказал тихо, будто жалуясь:

— Я давно уже хочу поговорить с тобой, Наталка... Еще с того вечера...

Снимал и надевал пенсне, то беспомощно, по-детски моргая, то остро, сквозь стекла на нее поглядывая.

— Но изменилась ты очень... Ты нарочно теперь избегаешь меня... А я же хотел только хорошего... Я хотел...

И умолк.

— Ты закончил? — спросила погода Наталка. — Все сказал?

— Нет, — рванулся к ней Иван Семенович, — мне так много нужно сказать тебе... Объяснить...

А сам махнул безнадежно рукой и, в угол отойдя, прошептал:

— Говори ты...

Наталка усмехнулась в чашку и, дважды тепленького чаю прихлебнув, сказала задумчиво:

— Чудак ты, Иван... Волнуешься, когда нужно спокойным быть... Вот и кажется тебе, что я не такая, как раньше. А я та же самая. Прежняя. Это ты иной, — подняла она на него спокойные, внимательные глаза. — Это ты теперь все по-новому видишь, с другой стороны... А что молчаливая я стала — возможно. Ведь пойми же ты, что должна я теперь много чего передумать. Понимаешь? Переосмыслить. А когда станет мне все ясно, тогда и поговорим. — И неожиданно закончила иным — будничным — тоном: — Садись, я тебе чаю налью. С вареньем.

Как в детстве, в блюдечко наливая, выпил Иван Семенович два стакана, смакуя пахучее из антоновки варенье, и хоть не хотелось, выпил бы и третий, и четвертый, так понравилось ему около этого беленького стола: допекает, угасая, самовар, шелестит страничками Наталка, ну вот и закрыла книжку и, доброй ночи пожелав, ушла к себе.

И тихий, с нотками вечерней усталости голос ее, а точнее, скупые несуетные ее движения, даже блеск гладеньких белых дверей, за которыми скрылась она, — все навало Ивану Семеновичу покой, уверяло, что все хорошо будет...

«Как это прекрасно сказала она — переосмыслить, — улыбался Иван Семенович, ложась спать и чувствуя, что спать будет крепко. — Не пережить — нет, а переосмыслить... Так и нужно. Ведь там, где действуют инстинкты, надо противопоставить им светлый разум».

И думая, что с таким союзником, как Наталка, выйдет он победителем в своей борьбе, выключил Иван Семенович свет.

Но сон не приходил. Спокойные мысли о Наталке вылились незаметно в досадливые — о себе: как мог он быть неуверенным в ней, так заблуждаться, ее природное, такое вразумительное молчание принять за выражение неприязни?.. Теперь он видит свое несправедливое отношение к ней, весь свой постылый эгоизм! Свалил ей на плечи тяготы, какие самому ему не под силу. Сам же он не только надеялся на ее помощь, он еще и ждал, что она утешит его... Какая дикарская жестокость! Нет, какая подлая трусость! Ведь страх же, только страх не давал ему первому заговорить... «Боязнь чего?» — задумался Иван Семенович и сейчас же нарочито завихрил мысли — гнал одну за другой, волей вызывая самые мелкие и незначительные: о том, что нужно подольше и жарче топить печку в доме; о текущих управленческих делах; о Звирятине — сможет ли тот заменить его в отпуске... А в памяти проплывали обрывки разговоров со Сквирским, писаренково «омещаниваешься», последние встречи с Куницей...

Иван Семенович скинул одеяло и босиком, от прикосновения к ледяному полу вздрагивая, пошел к столу за куревом, не дойдя, повернул и, тихо дверью скрипнув, оказался на кухне.

«Будто злодей», — подумал он, осторожно, чтобы стулом не загреметь, прокрался дальше и уже под дверью Наталкиной комнаты окликнул тихо:

— Наталка? А, Наталка?

Писклявый, несмелый голос поразил его самого. Неприглядным увиделся ему он сам — взлохмаченный, в несвежем белье, босой, стоит под холодной белой дверью и умоляет: «Наташа!» Вздрыгнул противно и, чувствуя, как обливает его тело липкий да холодный пот, отступил от двери, и представилась ему картина при-

гляднее: лежит она в теплой мягкой кровати, до подбородка пуховым одеялом укрытая...

— Наталка! — хрипло позвал он, и тонким звоном ответили ему хрустальные побрякушки на большой лампе над столом.

Но там, за дверью, было тихо.

Иван Семенович хищно прислушался, но ничего, кроме стука собственного сердца, не услышал. Тогда охватила его горячая злоба, взрыв невыразимой обиды и обманутой страсти.

«Тебе переосмыслить нужно?» — вроде выговаривая Наталке, злился он в пустой темной комнате. «Прикидываешься, что молчишь, будто сама спокойная? Врешь! Слышишь, ты, врешь! Это ты кричишь так!.. Молчанием кричишь! Ведь хоть какая ты, а не можешь простить, женскую ревность в себе перебороть... Святость двуспальной постели порушить!»

Сжал кулаки Иван Семенович, чтоб одним ударом открыть дверь, но защемили его недавно до крови поцарапанные пальцы... Сникнув и дыша с присвистом, на мебель натываясь, удирал к себе, боясь, чтобы не открылась дверь, чтобы не позвала Наталка.

А у себя курил за сигаркой сигарку, горьким задыхаясь дымом, пока не замерз, на углу стола сидя: после лег и, угревшись, впал в тяжелую дремоту, будто нырнул в темный, густой, мутный пруд.

XIII

Ночь истомила Ивана Семеновича. Проснулся с разбитой головой и долго лежал, вяло прислушиваясь к тому, что делается за дверью. «Завтракает уже», — довольно подумал он; выходит, избежит коротенькой утренней встречи с ней — встанет минут за двадцать, когда уйдет Наталка на службу...

— Иван! Ты спишь? — вдруг постучала она в дверь.

— Нет, — нарочито, вроде сквозь сон, отозвался он, натягивая одеяло на голову: не знал, как встретить испытывающий взгляд ее.

— Пора вставать. Я уже уйду.

Издали добавила:

— А завтрак на кухне возьмешь. В духовке...

Это привычное внимание к нему рассердило Ивана Семеновича — почувствовал в нем хитрую неискренность, желание спрятать за мелким что-то важное и большое. Зачем обманывает она сейчас, всегда честная такая, зачем притворяется она, что не изменилась совсем?.. Изменилась, — вспомнил он минувшую ночь и, не одеваясь, прошел умыться.

Грубым, в холодной воде смоченным полотенцем обтираясь, чтобы горячее бежала по жилам кровь, все спокойнее думал Иван Семенович о том, что обманывает Наталка его и саму себя. Враки все то, не переосмыслить — как вчера сказала, — а пережить все случившееся ей нужно. А раз так, то и рассчитывать он на ее помощь не может, потому что перестал быть в ее глазах человеком, который в поддержке нуждается, он — просто муж, какого простить или покарать можно...

— Судьи! — пробормотал он зло, до красноты кожу на груди растирая. — По какому праву? — подытожил неожиданно смутную прорву бестолковых, дразнящих мыслей, но не ложилась ни одна в этот короткий вопрос — разрасталась в большее: «Ну а ты? Сам ты, по какому праву добиваешься от нее покоя и помощи?»

Иван Семенович прошел к себе, оделся и, не торопясь, направился завтракать. В столовой жалостливо и тонко, как муха в паутине, допевал, угасая, самовар. Это напомнило Ивану Семеновичу вчерашний вечер, пристальные и немного на-

смешливые Наталкины взгляды, и то, что уже чувствовал он, но не хотел принять окончательно, стало враз бесспорным.

«Изменилась Наталка, — констатировал он про себя. — Не зря же даже глаза ее не узнал»... Но в чем те перемены, не мог разобраться, не мог припомнить, какой раньше была Наталка: только представлял смутно ее еще девушкой — романтической и задорной — давно, в голодные и великие годы... Но прошли после того годы совместной их жизни — хлопотные, работой прекрасные дни — врозь, короткие и привычные уже ночи в купе — и что знает он о ней сейчас? Да разве пытался он это узнать, не кончился ли его интерес, коль скоро из женщины стала она супругой?

«Супруга... Друг», — прихлебывая тепленький чай, усмехнулся Иван Семенович, и не чувство, а болезненное ощущение собственного одиночества охватило его. Все равно из-за чего, и должен он в эти трудные минуты своей жизни сам, собственными силами, без иной помощи за себя бороться...

— Прекрасно, — сжал он зубы, — я поборюсь.

И тяжело ступая, ушел из дому.

В последние дни охотно шел он в управление, ведь меньше пугали его беседы со Звирятиным, нежели раздумья в одиночестве. Да и не выпадало ему разговаривать со своими помощниками: Сквирский почти не показывался в управлении, все время не вылезал из цехов, а Звирятин не разгибал спины за столом — столько было работы. Только вчера, узнав, что Иван Семенович вскоре уходит в отпуск, а он, Звирятин, на то время его замещает, скосил на директора хитрые глаза и уже хотел что-то сказать, вероятно, но сдержался — поклонился покорно, вежливый и корректный служащий.

«А знает ли он о... том? — взволновался тогда Иван Семенович, низко к бумагам склоняясь, и сразу успокоился. — Нет! Ведь иначе бы обходился с ним Звирятин, насмешливее. Значит, не развонил...» — признательно подумал он о Сквирском и припомнил, как встретился с ним на другой день после той гадкой сцены у Завадской: смотрел на Ивана Семеновича Сквирский так, вроде не видел его, не был свидетелем случившегося...

Но сейчас безразлично Ивану Семеновичу. Что ему до того, как понимают все это другие, как относятся к нему чужие и в жизни его случайные люди, к нему, взявшему на себя самый большой срам — при живой жене другой признаться. Да и не по тому, как началось это, надо судить, а по тому, как закончится...

— Инженер Звирятин пришел уже? — спросил Иван Семенович курьера, что встретился ему, когда проходил через бухгалтерию. — Передайте ему, что я жду его.

Безостановочный, быстрый цокот счетных костяшек всегда волновал Ивана Семеновича, эта величественная, в простоте своей бескрайне сложная машина — бухгалтерия — поражала его необычным своим механизмом, непредвиденными результатами своей работы: гнутся над большими белыми страницами малокровные с землистыми лицами люди в заношенных пиджаках с залоснившимися локтями, скрипят перьями; длинными, как у хороших пианистов, пальцами щелкают, не глядя на счеты — и вырастают ровные, четкие колонки чисел, где в рублях и копейках точно-точно подсчитана каждая капелька пота, что упала с таких же малокровных людских лиц там, за стенами стукотливой управы, в стенах громыхливых цехов... Слушая эту настырную и монотонную музыку, начинал всегда думать Иван Семенович о том, что, может, и все в жизни можно свести в маленькие цифры, обсчитав и подытожив, точнехонько цену назначив, — и тогда припоминался ему инженер Сквирский, склоненный над сверкающим графинчиком.

— Товарищ Звирятин еще не приходил, — догнал Ивана Семеновича курьер.

— Не приходил? — удивленно переспросил тот и уже в кабинете своем закончил: — Вот тебе и на! Именно сейчас, когда работы много...

И время от времени отрываясь от срочного дела, звонил: «Не пришел ли?» Беспокоило его отсутствие Звирятина, заболел он, что ли? А как же тогда с отпуском, кто его заменит?

— А я уже тревожился о вас, — встретил он Звирятина, какой в конце дня вошел в его кабинет, веселый и озабоченный.

— Беспokoились? — не поверил тот. — Обо мне? — И, широкими желтыми зубами сигару подкусывая, пояснил спокойно и назидательно:

— Неточное высказывание, уважаемый. Не обо мне — с какой стати? — а о себе. О себе, директор. В связи с отпуском.

— Да, я боялся, что вы заболели.

— Я? Заболел? — искренне удивился Звирятин. — Да я, уважаемый, за всю жизнь только пять раз болел: впервые, когда зубы резались, еще маленьким, а четыре раза, дипломатично, при сменах власти... Нет, я здоровый, — с удовольствием закурил он сигару. — Понимаете, совсем здоровый. Полностью. «Sane mens in sano corpore»¹, — подмигнул неуместно и таки вроде тайну какую-то выпытывая: — Ну а ваши нервочки как? Теплых краев вымогают?

— Как? — не понял Иван Семенович.

— А так, — грустно пропел стихи:

В теплый край, за синее море
Улетают до весны...

— На курортик тикаете?

Резануло это слово ухо Ивана Семеновича, однако же ответил спокойно и даже удивленно немного, сам на спокойствие и удивление дивуясь:

— На курорт? Да с какой стати?

Сбился с толку тогда Звирятин, даже пеплом сигары светло-серый костюм припудрил:

— Не понимаю, — как-то по-птичьи, одним глазом, посмотрел он на Ивана Семеновича. — Да разве вы не уедете отсюда на время отпуска?

— Нет, я тут остаюсь, — вроде что-то давно решенное высказал Иван Семенович, не понимая, зачем пристало ему такое говорить.

«А действительно, разве это не лучшее, что можно теперь сделать?» — подумал он и, не раз в мыслях к тому возвращаясь, убеждался все больше, что решение целиком правильное, да и не такое уж для него самого неожиданное: не чувствовал он никогда настоящей потребности куда-то отсюда тикать, как сказал Звирятин, это все Куница его подбивал...

Да и с какой стати он должен куда-то ехать? Лечиться и тут сможет, ведь и здесь немало всяких специальных лекарей, а тикать — какая это безмозглая затея! Только всполошившись, о деле толком не поразмыслив, мог он серьезно об этом заявлять. А сейчас, столько передумав, такой решительностью вооружившись, — теперь он может спокойно тут оставаться: ничего ему не угрожает. Вообще все это страшно преувеличено и искажено — вся эта история с Завадской. Спокойному и со здоровыми нервами человеку все это показалось бы бесконечно смешным — столько накрутить чрезвычайных трагедий там, где все просто, естественно, и, наконец, ничего не стоило... Подумаешь, событие какое — привлекла его на какую-то неделю к себе красивая и малознакомая женщина! Ну, что же тут такого, вправду, ради чего бы так нервничать и других нервировать? Пустое. Дурь. Было — и нет. Ведь может он спокойно обо всем этом думать, как о давно минув-

¹ В здоровом теле — здоровый дух (лат.).

шем, совсем закончившемся... Остается только последнюю точку поставить: пойти к этой самой певице, поведать ей все и хорошо посмеяться...

К вечеру это стало решенным: ему непременно нужно идти к Завадской, — нельзя же даже не показаться после той нелепой выходки... Придет, попробует все это как-то ей объяснить, попросит простить — и конец. Конечно, неприятно теперь попадаться ей на глаза, но и не навестить не годится: черт знает что подумает о нем и она, и этот Сквирский...

А что тяжко ему идти к ней, это уже хорошо, еще больше оттолкнет это его от нее. Единственное, чего не может мужчина женщине простить — это чувство стыда перед ней...

Открыла ему дверь не горничная, а пожилой уже, дородный с роскошной седой бородой человек; походил он, не мог припомнить Иван Семенович, на какого именно писателя.

— Вы ко мне? — недовольно, тоном человека, от интересной книжки оторванного, спросил он Ивана Семеновича.

— Нет, — растерялся тот. — Я к Завадской.

— Так чего же вы звоните так? — рассердился немного бородач. — К Ирине Эдуардовне — два звонка. На двери написано...

И быстренько скрылся в прихожей.

Не знал, что делать Иван Семенович. Или, возвратившись на лестницу, позвонить как следует — выйдет тогда в прихожую девушка в черном, служанка; или, пройдя вперед коридором знакомым, постучать к Завадской в дверь...

«Да ее, возможно, и дома нет — в опере...», — подумал он, заметив, что нет пальто на вешалке. И, не раздеваясь, пошел дальше.

«Нет, дома», — услышал он в коридоре живую чью-то беседу за дверью гостиной у Завадской: казалось, спорили там двое — захлебываясь словами, дрожал негодованием и близкими слезами теплый женский голос, а ему отвечал коротко и сухо скупой и насмешливый — мужской.

«Сквирский», — качнуло назад Ивана Семеновича, но в миг тот донесся отчаянный женский голос.

— Пожалей же меня! Да пожалей же! — проплыл из-за двери низкий контрольный выкрик.

Иван Семенович рванулся вперед, всей тяжестью тела открывая дверь.

Говорила Завадская горько — лежала она на диване, бессильно свесив руки.

— Видишь, до чего дошла — жалости у тебя мало...

Сквирский промолчал. Глубоко в карманы пальто руки засунув, стоял он посреди комнаты к двери спиной, спокойно и внимательно рассматривая распластавшуюся перед ним женщину.

— Молчишь? — свела на нем горячие очи.

— Молчу, — согласился Сквирский и шагнул к столику, где графин поблескивал.

— Ну, так я скажу! — кинула люто.

— Говори, — налил рюмку водки.

Дышала тяжело, ноздрями, тонко очерченными, дергая:

— Чего ты хочешь от меня, Владимир? Мало тебе муки моей? Доказательств тебе мало?

— Не мне, — прохрипел нудно Сквирский. — Тебе. Я уже много раз говорил это...

Не мог понять Иван Семенович — гневом или страстью полыхнул голос женщины:

— Мне, Владимир? Мне? Ой, нет! Мне все ясно... Так ясно! — Заломила руки. — Только ты, Владимир! Только ты!

И враз выпроставшись, как будто бросая вызов, выкрикнула:

— А не ты, так все равно! С каждым жить буду! С первым — лучшим! Вот с ним! — гордым кивком подняла она голову, пренебрежительно в сторону Ивана Семеновича плечом повела.

— С ним? — обернулся удивленно Сквирский, и, узнав Ивана Семеновича, посветлел, казалось, пришла ему на ум идея богатейшая:

— С ним? — задумался он на минутку, вроде сложную задачу разрешая. — Попробуй.

Тогда подошла к нему Завадская и, руки ему на плечи положив, глаза в глаза поглядела, будто хотела увидеть, что там в них, если в глубину заглянуть.

— Ты это серьезно? — еле ворохнула устами.

— Попробуй, — протянул тот замысловато. — Вот поживешь с другими, может, и не будет тянуть тебя ко мне... А? — свел он на ней любопытный взгляд.

А она опустила голову и, молча, ушла из комнаты.

— Пошли и мы, — предложил Сквирский Ивану Семеновичу, пропуская его в коридор.

Шли молча. Только на перекрестке, где нужно было ему свернуть, спросил инженер:

— Разобались?

— Разобрался, — усмехнулся Иван Семенович, вроде драгоценное что-то, в обе руки принял узкую, длинную ладонь Сквирского.

XIV

Постучав, Наталка вошла, не дожидаясь ответа.

— Ты очень занят? — задержалась она на миг у двери.

— Н-да... То есть нет... — пробормотал Иван Семенович, чувствуя, что все одно теперь, занят он или нет... — Допишу сейчас...

Заложив руки за спину, стала Наталка в углу возле печки, серым силуэтом в тени вырисовываясь. От зеленого света лампы казалось ее лицо неестественно бледным, с темными впадинами вокруг глаз, а сами глаза светились только иногда, когда поворачивала голову. Внимательный ее взгляд не давал Ивану Семеновичу писать: казалось, овал он руки ему невидимой, но крепкой и тяжелой сетью.

— Вот и закончил, — спрятал он руки на колени, хоть и не дописал до точки.

Наталка молчала.

«Может, это она так только... посумерничать?..» — подумал Иван Семенович. Но не становилась от этого молчанка легче: все одно, надо было положить ей конец.

— Ты что, Наташа? Дело какое или просто так?

— Поговорить, — ответила устало. — Все нервировала тебя, что молчу, теперь поговорим. Час настал... Или, может, не хочешь?

Хотел сказать Иван Семенович, что не нужно этого: не потому, что он не желает, а совсем не надо, никогда, поскольку и говорить не о чем — кончилось... Да и кончилось так удивительно и неожиданно, вроде очнулся после тяжелого и неприятного сна, в котором, как обычно бывает во снах, все переплетено фантазматично, в облике одном иное понимать надо. Хотел, но не сказал, ибо что с того, что кончилось для него, — для Наталки ничего не кончилось, для нее, возможно, лишь началось...

— Ну что же, поговорим, — скосил он на жену удивленный взгляд, видел, что нервничает она, непривычно мается, кутаясь в шаль. Не мог припомнить Иван Семенович, чтобы видел ее такой, напротив, помнит ее всегда спокойной и выдержанной, уравновешенной и холодной... «Значит, важное что-то хочет сказать», —

подумал спокойно, и чем больше убеждался, что нервничает Наталка, тем все спокойнее становился, рассудительнее.

— Ты не волнуйся, — посоветовал, когда, закусив губу, начала ходить из угла в угол: и добавил неожиданно для самого себя: — Наташенька...

Хотелось ему сказать ей что-то такое ласковое и товарищеское, что дало бы ей почувствовать близость его; постичь его силу и незаурядность, потому как казалась она беззащитной и маленькой, изнуренной так, что не обойтись ей без его, мужниной, руки. Это наполняло его забытой радостью — значит, вправду близкий он ей и необходимый, если так переживает; значит, не ошибся он, когда в минуту слабости желал на плечо ее опереться... Значит, друзья они... Больше — супруги.

— Я обдумала все, Иван, — вдруг задержалась она напротив него, но не остановилась и через плечо, с угла уже, добавила: — И теперь ясно мне: мы должны развестись.

Не дослышал, казалось, Иван Семенович — все улыбался ласково, но уже только губами, вроде забыл их сомкнуть, а верх лица стал серьезным, зеленой — из-за лампы — бледностью отливая.

— Как ты сказала? — вроде тугой на слух, повернул он ухо.

— Должны развестись.

И вроде с этими словами спала у нее тяжесть с плеч — выпрямилась и вздохнула с облегчением; да уже не смотрела на Ивана Семеновича, отошла к окну и, ногтем о стекло поскрипывая, подчеркивала этим тишину, которая установилась за спиной.

А когда обернулась, — дергался правый уголок губ у Ивана Семеновича, в кривую гримасу переходила улыбка.

— Зачем это ты? — со смешной, как у старого граммофона, хрипотцой выкрикнул он. — Зачем, Наталка?

И уже остановиться не мог — все, что за долгое молчание было передумано, рвалось на язык, искало выражения. Кидал беспорядочно слова, обрывал неожиданно предложения и снова торопился говорить; казалось, боялся, что, замолкнув на миг, не сможет больше заговорить. Зло и едко укорял, что поняла его помещански, нет, совсем понять не захотела; то умолял искренне не спешить — ведь не обсудили они всего, не обдумали вдвоем, — а как же, его не выслушав, может она все это решать; то заверял, что все кончено, что ему даже смешно вспоминать...

Чем дальше говорил, тем волновался все больше, а чем больше он волновался, тем все спокойнее становилась она. Это раздражало мужа.

— Из ревности? — поставил вопрос прямо, неосознанно стараясь унижить ее, чтобы хоть так свою силу почувствовать.

— Нет.

— Нет? — растерялся он перед сложностью того, что в коротеньком этом ответе крылось, и, желая опровергнуть это и доказать свое, кинул:

— Врешь! Уходишь, потому как простить не можешь...

— Мне нечего прощать тебе, ведь ты не виноват передо мной. Ну, скажи, в чем вина твоя, какой я простить не могу? Скажи! — усмехнулась она глазами. — Нет, Иван, не то. Совсем не то...

Он молчал. Правда, в чем грех его перед женой? Его нет, и не было. Он не обидел ее, он не изменял ей, он не оскорблял... Тогда что же? Что отталкивает ее от него?

— Укоряешь, что не поняла тебя... Так вот попробуй меня понять, то и увидишь...

Она села возле стола напротив него и, тупым концом карандаша узоры выводя, говорила:

— Попробуй понять меня, Иван... По-хорошему понять, как товарища. Как человека. А главное — верь самому малому слову моему: только правду скажу, не кроясь, не выдумывая; так искренне, как, может, никогда с тобой не говорила; так правдиво, как тяжело жене с мужем разговаривать...

Ты вот думаешь, что из ревности я... Нет, я не ревную, Иван. Верь мне в этом, как я каждому слову твоему о той певице. Да и как же я ревновала бы тебя — разве не дал ты мне самое большое доказательство своей верности, за помощью ко мне обратившись? Да, ты думал тогда только о себе, тебе безразлично было, что, может, больно мне; больше занят собой, ты совсем обо мне не думал... Но это же не убеждало меня, что ты вправду от меня не оторвался, ведь только к близким так эгоистично относятся...

— А ты вранья хотела бы? — несмело усмехнулся Иван Семенович.

— Нет, ты знаешь. Но я хочу подчеркнуть природу твоей искренности, честности в сравнении с моей... Эта откровенность больше тебе была нужна, понимаешь, тебе; а нужна ли она мне, ты даже не ставил этого вопроса, ведь ты вообще не думал обо мне. Ты не думал даже о том, как я ко всему этому отнесусь, ведь ты и не допускал мысли, что я могу отнестись не так, как тебе надо... Ты ведь во мне только жену видел, забывая обо мне, как человеке... Это и успокаивало меня как жену.

Она поднялась — и широкими мужскими шагами ходила перед столом. Ступая, наклонилась вся вперед, смешно как-то в поясе ломаясь, — сразу натягивали серенькое байковое платье острые лопатки. «Как она сухощава», — представил Иван Семенович ее малогрудое тело, острые локти да твердые колени; и испуганно приглушив воспоминания об ином — круглые колени, как крупные спелые яблоки, — думал о том, что и характером она суховата... Вот и сейчас... Вроде задачу какую решая, поясняет... «Вроде Сквирский», — припомнил он длинноногого поджарого инженера.

— Ты думал, что как жена я не могу не помочь тебе в борьбе с тем, что нашей семье угрожает. А раз так, то ты ждал, что помощь моя — особое внимание к тебе, горячие ласки мои, что ли, дадут тебе силу перебороть себя... Привычкой ко мне, как жене, надеялся ты превозмочь влечение к другой...

Она перегнулась через стол и, прямо Ивану Семеновичу в глаза глядя, закончила:

— И, возможно, это так и было бы... Когда бы я того захотела.

Так, вроде вспыхнул перед ним нестерпимый, никогда не виданный свет, зажмурился Иван Семенович, еще и руку положил на глаза, и — показалось ему — долго сидел недвижно, прислушиваясь, как развивается вокруг него и в нем самом широкая звонкая пустота. Из дальнего далека, с другого берега долетел к нему приглушенный, безразличный какой-то голос жены:

— Я того не захотела. А почему? Слушай дальше. Что я имела бы за свою помощь тебе против тебя же? Тебя. Но такой ты был бы заработанным. Пойми это, Иван, заработанный. А я, как и каждая, могу принять мужа как дар, могу завоевать его как добычу, но заработать — нет! Ну а отвоевать тебя... От кого? Ведь никто не отнимает тебя у меня, не хочет тебя отнимать. Это ты сам, сам уходишь от меня... Знаю! Знаю! — замахала на него рукой, когда Иван Семенович лишь нерешительным движением пытался не согласиться. — Скажешь — неправда: все твое поведение, говоришь, возражает этому. Не тикаешь от меня, а цепляешься... А кто уверит меня, что не страх это говорит в тебе, страх порушить привычку... Может, не что иное, а только привычка держит тебя около меня...

Тогда сказал муж, как самое большое оправдание свое:

— Я не люблю ее. Ты знаешь.

Но усмехнулась жена, немного скорбно:

— Да. Это и есть мой главный довод. Потому-то я и ухожу. Ты не любишь ее

больше, ты даже не знаешь ее, и все же тебя тянет к ней, так тянет, что сам, без помощи моей, не можешь противостоять... Ну, а о чем это говорит, для меня ясно: значит, не довольствую я тебя чем-то как жена... Значит, ищешь бессознательно другую.. И может, будешь искать, пока найдешь. Тогда привычкой ко мне, как к жене, не спасешься...

Замолчала и долго ходила из угла в угол: девять раз туда, девять назад, двести шестнадцать шагов; знал Иван Семенович — по диагонали в комнате — двенадцать.

А потом, вроде деловой совет закончив, вывод всей их жизни повторила:

— Так я все это понимаю, Иван, и иначе понимать не могу. Вот же и вывод у меня один: должны разлучиться. Живем отдельно, не связывая один другого. Может, я ошибаюсь, тогда возвратишься когда-нибудь ко мне... Но сам. По доброй воле, хорошо себя перепроверив, как к женщине, которую желаешь, а не как к супруге, к какой привык. Ведь и я, как и каждая женщина, ищу любовь, а не брак. Ведь и я, как и всякая, хочу строить жизнь, а не быть.

Когда закрылась за ней дверь, сидел неподвижно Иван Семенович, все еще руку с глаз не снимая, слушал, как плывет отовсюду безбрежная, звонкая пустота... Она заливает его, тихо колыхая, несла в безвестие, а далеко-далеко, в туманной синеве проплывали все те, кого знал он и считал близкими, то вновь выныривал с иной стороны — казалось, кружились около неведомого центра; сближались на минуту и снова расходились — и кружили, кружили, кружили...

«Дурнота», — приневолил себя подумать Иван Семенович, через силу открыв глаза, глотнул холодного чая, давно стоявшего на столе.

— Фу, гадость! — промямлил вполголоса, сам не зная: или чай сладкий чересчур, или внезапная слабость ему неприятна, и, таяко башмаками поскрипывая, пошел в прихожую, не мог оставаться и дальше в одиночестве в этой комнате, потянуло на свежий воздух, а главное — в гомон и движение.

Безлюдные окрестные заводские улочки не манили Ивана Семеновича. Темные, хоть и во тьме хорошо знакомые, они угнетали его морозной тишиной, не развивали чувства безысходного одиночества, что растилалось перед ним как широкая снежная пелена... Неосознанно он устремился в суетливую вечернюю толпу, на неестественно ясный свет больших улиц, к новым, незнакомым лицам, чтобы, отдавая им внимание свое, не прислушиваться к самому себе...

Дождавшись трамвая, он не пошел в середину громохливого старого вагона, — стал на задней площадке и глядел, как исчезают позади в серой мгле неясные очертания предместья, тема точили думы о том, что вот так точно убегает от него и вся его дотеперешняя жизнь... Она, а не он от нее... Что он? Он даже не знает, хотя бы как ее остановить... Да и что значит его, Ивана Семеновича, желание?

Ну, вот вернулся бы он сейчас домой и сказал бы: «Не надо. Пусть все остается по-старому», — так это же ему «не надо», а не Наталке... Она обдумала все, пережила, и ей — нужно. И разве может он не признать ее расчета, разве не права она, как и он? В том-то и сила, что каждый из них прав, и не их вина, что правота не единственной бывает...

«Вот и строй!» — припомнил Иван Семенович беседы Сквирского.

Да разве ж только от твоей воли зависит твоя личная жизнь, разве это только твое строительство? Нет, каждый, кого ты хоть раз допустил к себе, положил в строение свой кирпич, а коль захочет назад взять-то, может, и весь дом закачается; в любом случае план нарушится, архитектура не та будет... Это — как кружево: один узор, да ниточек много; дерни одну — все запутается...

«Ну что же, пускай...», — вяло подумал Иван Семенович, ныряя в густую толпу на перекрестке. Бурный людской поток подхватил его и понес вниз широкой улицей вдоль залитых холодным светом витрин, где сквозь разукрашенное моро-

зами стекло играло красками все, что работа и прихоть сотворили на нужды и развлечение людям. Выбываясь из общего русла, роились перед витринами толпы любопытных — тех, кто в ближайший час собирался что-то купить и потому с удовольствием разглядывал все и всюду, и тех, кто уже долгое время не мог себе ничего приобрести, следовательно, имели возможность спокойно все разглядывать... Еще больше роилось людей около широких подъездов кинотеатров и кафе. Тут движение заметно утихло, а разговоры взрывались живо, и сразу бросалось в глаза, что все эти люди совсем не желали куда-то торопиться — разве как можно больше услышать и увидеть за короткий вечер, за те столько свободных часов, что оставалось им после рабочего дня...

И еще отметил Иван Семенович: все тут толпились парами или же пару себе искали. Даже голосистые стайки подростков паровались, серьезно — вроде во взрослых игрались — исполняя и в простоте своей сложный ритуал ухажерства, тогда как взрослые нарочно ребячились, незаметно нарушая самими же заведенные правила, чтобы хоть так немного усложнить ту простую игру, что меж ними текла...

А дальше все сильнее волновало Ивана Семеновича желание тоже не одному быть, чтобы мог и он, как все другие, приклоняясь, в чьи-то глаза засматриваясь, почувствовать под рукой чей-то круглый доверчивый локоть... Почему он — лично он — должен отказывать себе в том, что доступно каждому; почему у него получается так сложно все то, что у других элементарно просто?

Да, теперь, когда все в его жизни упростилось так неожиданно, не будет он усложнять ее снова — будет брать то, что дается; надо жить, а не разглагольствовать о жизни... Вот приятно ему в обществе Завадской быть, тянет его к ней — нечего противиться, себе и другим голову морочить: а как оно, а из-за чего оно... Жизнь сама покажет, как и что может быть.

Он прочел афишу — Завадская нынче вечером не пела; кликнул извозчика и поехал к ней, надеясь, что в многолюдном — как обычно у нее — обществе сможет он незаметно развеять невеселые раздумья свои. Но у Завадской не было никого, а сама она или приболела, или была очень встревожена чем-то, так показалось, по крайней мере, Ивану Семеновичу: говорила отрывисто и мало, все время курила желтые тоненькие папироски, чего обычно не позволяла себе.

После нескольких незначительных фраз замолчали, тоскливо наблюдая за синими кольцами дыма. Почувствовал Иван Семенович: должен он что-то говорить, но и слов найти не мог, улыбался только некстати, неуместно и виновато; так мучительно было это, что невыразимо обрадовался, когда снова заговорила певица:

— Давайте побеседуем, товарищ Орловец, откровенно... Сумеете?

— Попробую, — ответил серьезно, не разобрав, шутит она или нет.

Завадская прошла по гостиной и неожиданно остановилась перед ним.

— Чего, собственно, ходите вы ко мне? Думали вы об этом?

Сам чувствуя, какой комично растерянный вид у него, поднялся Иван Семенович и переминался с ноги на ногу, вроде пересидел обе сразу или же согреться захотел; затем подумал, что это безрассудство — вытанцовывать перед ней, и растерялся совсем, выпрямился, свесив руки, и стоял, вроде школяр наказанный...

— Не кажется ли вам наше знакомство неестественным немного? — снова заговорила Завадская. — Вы смотрите — у нас даже пугевающей беседы не было... Вы совсем меня не знаете и, подождите, совсем не хотите знать. А вместе с тем — мы говорим честно — вас тянет ко мне... Не кажется ли вам, что действует тут исключительно специфичный мужской интерес к женщине? Что приходите вы ко мне... ну, как к проститутке, что ли...

— Как? — удивился Иван Семенович и сел. Она поглядела на него свысока, посмеиваясь:

— О, я не говорю, что вы сознательно считаете меня такой, неосмысленно, невольно поступаете так... Да и не только вы, Орловец, все вы, мужчины, хоть и такие разные, в этом сейчас одинаковы — всякая женщина для вас — проститутка. Только к одним вы подходите просто и грубо, затрачивая на то минимум времени и по возможности — минимум денег; а к другим кропотливее... Но в обоих случаях схоже: достигнув своего, уходите вы так же легко и спокойно, как и не добившись, — искать иной, моложе вас, называют это гордо «свободной любовью», старше — втихаря — «распутством»; однако же все нахваливают страсть...

И не это возмущает меня, поймите... А то, что каждый из вас считает, что вправе он навязывать себя женщине! Кому-то глянулась женщина, и он, даже не спрашивая, хочет ли она иметь его среди претендентов на ее ласки, спешит пристать в компанию! О ней самой он не хочет говорить с ней самой; он желает соперничать, бороться, если не торговаться за нее с другими... кавалерами. И коли не посчастливилось в одном месте, он торопится в иное. Ей-богу, иногда кажется, что многих из вас интересует не добыча, а сам процесс охоты...

— Вы упрощаете, — не зная, что скажет далее, начал тихо Иван Семенович и сразу пояснил: — Бывает и любовь!

— Любовь? — снова остановилась она перед ним. — А что называете вы любовью? Ну!

— Я? — и засмеялся с облегчением: послышался в прихожей звонок и следом — звучный женский голос.

— Это балерина, — вздохнул он, встречая блондинку с лорнеткой, радостный, что неожиданно так закончился разговор.

XV

Те самые комнаты и в комнатах все, как раньше, вот же и кажется: возвратится скоро Наталка — дело какое-то задержало, а может, к подруге заглянула... Работая вечерами, прислушивался иногда Иван Семенович, не позвонит ли, не постучит ли в дверь, хоть и знал, что ожидания напрасны, — жена не из таких...

Как уходила, сказала спокойно:

— Вот мы и разлучаемся, Иван...

Ждал этого, знал, что будет, а все же поразился — так неожиданно. Думал, что долго и много еще поговорят, обсудят обстоятельно все, взвесят, а вышло просто как — собрала сумку небольшую, да и конец!

Поглядел на нее растерянно, непонимающе вроде.

— Ухожу я, — пояснила. — Насовсем.

— Уже? — поднялся из-за стола Иван Семенович; заканчивал обедать сам, задержался в управе чуток.

— Чего же ждать? — будто усмехнулась жена. — Зачем?

— Да, конечно, — вяло согласился он, себе удивляясь, что не жалость, а удивительное безразличие угнетает его. Отложив салфетку, сел снова, упираясь ладонями в колени, и молча глядел, как будто впервые видел ее или же навсегда насмотреться хотел на нее. Перекладывая сумку из руки в руку, стояла перед ним, тоже молча, потом села, а сумку у ног поставила.

— Вот это и все? — указал на сумку Иван Семенович глазами.

— Остальное позже возьму. Чего спешить.

— Конечно.

Еще посидели молча, как малознакомые, кому говорить не о чем.

— Брысь! — вдруг прикрикнула она на кошку, которая подкрадывалась к столу с едой, и поднялась.

— Ну, я пошла, Иван...

Он и сам поднялся и вышел за ней.

В прихожей подал ей пальто. «Не впервые ли?» — подумал.

Она усмехнулась, сказала:

— Я не хочу, чтобы ты думал обо мне плохо... Слышишь, Иван?

— Слышу.

— Ты пойми: не ревность во мне и не гордыня.

— Понимаю.

— Я знаю: не любишь ее... Но и меня не любишь, наверное... Тянет тебя к иным — ищи, пока успокоишься. Я тоже среди других стоять буду; почувствуешь, что я тебе нужнее — приходи. А быть для домашнего употребления не могу. Только я. Понял?

Он кивнул головой.

— Возможно, переборол бы себя, если бы остались с тобой... Но зачем я буду неволить тебя? Честный и свободный выбор признаю, а не принуждение или привычку...

— Ну, прощай, — протянула она руку и уже из-за двери крикнула: — Адрес я на комодке оставила!

Иван Семенович закрыл двери на ключ и долго ходил по комнатам, думая о том, как в простоте своей чрезвычайно сложна жизнь.

На другой день, встретив на заводском дворе Куницу, сказал ему:

— А Наталка ушла.

— Куда? — рассеянно спросил Куница.

— Не знаю... Совсем ушла... Развелись...

— Е-о? — подсвистнул Куница и, не зная зачем, расстегнул свою кожанку. Потом, поискав неведомо что в боковых карманах, снова старательно застегнулся и сложил руки.

— Н-да... — поглядел он вверх на высокую антенну над управленческим домом. — Дела... А все ты, Ванька, все ты... Психология! Философия. Накрутил — вот теперь и разматывай... Да...

Куница говорил, вроде себя оправдывая, а Ивана Семеновича обвиняя:

— Я же тебя предупреждал, а может, не надо было. Баба, она, Ванька, баба и есть... У нее, браток, своя мерка. Она знает: черное — черное, белое — белое... А ты с экспериментами всякими... Вот и вышло... А главное, понять не могу: еще и не грешил, а уже каяться начал...

— Не каяться, — покривился Иван Семенович и начал долго и обстоятельно пояснять Кунице, как по его плану могло все это выйти, да как оно вправду из-за Наталки закончилось; потому — не так товарищу, как себе самому, повторял все, что она говорила.

— Здорово! — покрутил головой Куница. — Так здорово, что аж чересчур... А может, она права? Проверь себя, Ванька? — поглядел он несмело на Ивана Семеновича и сразу зашепшил: — А, впрочем, не советую ничего, не могу советовать... Твое дело, Ванька, сам думай...

Но о чем мог думать теперь Иван Семенович? Разве не решено все за него; разве все они, даже Наталка, не толкают его к тому, против чего он артачился? Разве не Наталка поставила его перед необходимостью искать другую женщину? Она! Только что означает искать — для него, Ивана Семеновича? Ведь изо всех он знает лишь двух: Наталка сама уходит, значит, остается Завадская?

Чем больше уединенными вечерами думал обо всем этом Иван Семенович, тем сильнее злился на певицу. Это все из-за нее пошло: если бы не она, текло бы все по-старому, тихо и покойно... Но в чем он может упрекнуть ее? Разве покушалась она на него? Заманивала? Уговаривала? Напротив, она и пальцем не поманила его. Он неинтересный ей, ненужный, безразличный! В общем, он не существует

для нее! Больше никто не существует для нее, только Сквирский! И если б не этот долговязый пьяница, возможно, и она была бы не такая; во всяком случае, не говорила бы с Иваном Семеновичем так, как в последний раз... Потому и не думала бы так, потому и относилась бы к Ивану Семеновичу иначе.

Однажды зародившись, мысли об этом не покидали Ивана Семеновича до тех пор, пока не смутили как-то вечером: почему бы ему самому не изменить всю ситуацию, почему не попробовать ему устранить инженера Сквирского? Напрасно он гнал мысли прочь, они одолевали его все сильнее. Начинаясь о чем-то ином, они незаметно переходили на то же самое, запутанное и невыразимое, короткое и яркое... Без Сквирского он смог бы, собственно, взять от нее то, что можно взять от всякой женщины, ведь больше ему и не нужно от нее. А раз так, это вернуло бы ему утраченные покой и равновесие; во всяком случае, убедило, что Завадская как Завадская, нужна ему в жизни ни больше ни меньше, чем всякая иная случайная женщина. Отринувши же ее, он, конечно, возвратится к Наталке...

Что до инженера Сквирского, то устранить его довольно легко: Иван Семенович мог бы отправить его куда-нибудь, когда нужно, даже на долгое время... Пусть бы покатался!

Простота плана озадачила Ивана Семеновича — тяжело было его отринуть. Иван Семенович попытался убедить себя, что это незаконно, но интересы завода давно требовали две важные командировки, какие дальше отодвигать невозможно: надо, чтобы они состоялись до ухода в отпуск Ивана Семеновича. Звирятин должен его подменить, значит, посылать его в командировку нельзя — надо принимать дела, много чего совместно обдумать; выходит, остается Сквирский — из молодых самый серьезный. И не Ивана Семеновича вина, что все так сошлось... Не будь этой Завадской, отправил бы Иван Семенович Сквирского? Отправил бы. Так почему же повинен он теперь терзать себя — этично ли? Глупости!

Иван Семенович растерялся. Знал, что не додумает до конца, чувствовал, что и, додумав, развязать сам ничего не сможет: перепутано все, а главное — не одного его касается. Как может он за всех решать, да хоть бы и за самого себя, если величин, какие входят в задачу, не знает? Дело сложное, а он видит его только с одной стороны, советоваться нужно, с другими сообща обсудить. А главное — не горячиться, не спешить; прав инженер Сквирский — все наши беды от того, что на первом — лучшем — останавливаешься...

И мысль об этом привела его к двери Сквирского.

— Какой неожиданный гость! — встретил его в прихожей Мюфке. — Я говорю, какой приятный гость, товарищ Орловец! Сколько лет, как тот говорил, сколько зим!

Он вытер волосатые ручки о полы засаленного пиджачка своего и кинулся стягивать с Ивана Семеновича бекешу. Низенький, тянул он ее вниз, волоча по полу, удивленный неожиданной тяжестью ее.

— Хорошая бекеша, — приговаривал он, — теплая бекеша! Сразу видно, любит товарищ Орловец тепло... А раз любит тепло — укромное местечко, значит, любит... Гнездышко... Но и другое любит товарищ Орловец — теории всякие... Любит о жизни нашей задуматься... Вот и приходит он к инженеру Сквирскому!

— Да, приходит, — подтвердил Иван Семенович. — Дома он?

— Дома, дома, товарищ Орловец... И при вдохновении, целый вечер и прикладывается. Гость к вам, Владимир Петрович! — постучал он к Сквирскому и, не дожидаясь ответа, подтолкнул Ивана Семеновича к нему в комнату.

— Кто там? — поднялся из-за стола Сквирский и не удивился никак, увидев Ивана Семеновича. — Прощу! — пододвинул он ему кресло и вытащил из-за книжек еще рюмку.

— Читаете? — лишь бы сказать что-то, поинтересовался гость, показывая на раскрытые книжки на столе.

— Да... В общем, — налил Сквирский по чарке.

Выпив, он зажмурился и, казалось, совсем забыл о госте.

— А я к вам, — начал Иван Семенович и замолчал, не находя слов.

— Да, — согласился Сквирский. — Говорите.

— С повинной.

Сквирский глянул на миг и снова зажмурился так быстро, что показалось, подмигнул он Ивану Семеновичу весело и с намеком.

— А грех в чем? — спросил он равнодушно.

Иван Семенович встал и прошелся по комнате.

— Видите, Сквирский, я хотел вас усладить отсюда... Дела делами, а мне лично нужно это... По крайней мере, кажется иногда, что нужно...

Сквирский раскрыл сначала правый глаз, потом левый, а правый зажмурил — вроде сравнил зрение; дальше открыл оба и налил себе чарку.

— Рассказывайте.

«Какого черта я тут?» — подумал Иван Семенович, глядя в безвыразительные, казалось, рыбы какие-то глаза хозяина, и сразу разразился словами простыми и искренними, вроде как на исповеди. Говорил тихо и вразумительно, будто не о себе сказывал, не скрывал ничего и не стыдился; рассказывал все, что пережил, о чем задумал, и с каждым словом чувствовал, как ему становится легче, спокойнее.

— Все, — закончил он, когда поведал об искушении отрядить в командировку Сквирского.

— Все? — довольно переспросил тот и вдруг прошелестел тихим и счастливым смешком: — Это хорошо...

— Что хорошо? — оторопел Иван Семенович, проливая водку мимо чарки. — Что хорошо, наконец? — выкрикнул он оскорбленно, когда рассмеялся Сквирский еще громче.

— Все! — торжественно провозгласил тот, будто тост какой, и, встав, поднял высоко чарку. — Поймите, что этого я сам хочу!

Он подошел к Ивану Семеновичу и молча, положив ему руки на плечи, глядя какое-то время на него, будто убеждался, можно ли ему все сказать.

— Вы меня откомандировать хотели — именно этого я и хочу. Вру, простите, не в командировку хочу, а желаю совсем отсюда уехать, в другое место перевестись. Потому и радуюсь, вижу, что поможете. У меня уже все готово, уже и приглашение на новую службу в кармане; надо только, чтобы вы не задерживали, чтобы дал завод свое согласие...

Он помолчал, паузой подчеркивая просьбу.

— Вот как человек человека, не как начальство прошу я вас: помогите мне отсюда перевестись. Вы же знаете, бывают обстоятельства... Всякие бывают обстоятельства, — неожиданно подхихикнул он и, подойдя к столу, налил себе чарку.

— Поможете? — поднес он ее на уровень глаз и пронзительно посмотрел на Ивана Семеновича.

Блеск ясный нестерпимо мелькнул то ли в очах его, то ли в чарке; острый такой, что заставил отвернуться Ивана Семеновича.

— Ну? Поможете? — вскрикнул нетерпеливо Сквирский.

— Зачем вам? — хотел спросить Иван Семенович, да чувствуя, что важны для него не причины, а последствия, ответил:

— Конечно, коли надо вам...

Сквирский выпил и сел, задумался.

— Теперь поговорим. Только откровенно, — опередил он Ивана Семеновича, а

тот, подойдя к книжному шкафу, тупо глядел на непонятные ему на иностранных языках надписи на корешках книг.

— Значит, вы думаете, что это не любовь? — не акцентируя вопроса, процедил Сквирский и сразу же, не дожидаясь ответа, подтвердил: — Разумеется. Чтобы полюбить женщину, надо полюбить ее как человека. Искать в женщине человека — это суть любви; в ней разность полов подчеркивает единство естества. Но что вам Завадская как человек?

Иван Семенович молчал, да Сквирский и не потребовал его реплики; опершись на локти, говорил сосредоточенно, будто диктуя что-то важное стенографистке:

— Итак, это обычное влечение, элементарная страсть, для какой женщина есть женщина; это есть вожделение, для которого часто имеет значение лишь женский пол. Это явление потребности, что толкает мужчину к женщине, независимо от ее индивидуальности и сути; это есть надобность вообще — в женщине, персонафикация которой не обязательна и в большинстве случаев целиком случайна.

Иван Семенович посмотрел на него, не понимая, зачем тот все это говорит.

— Я упрощаю, — успокоил его инженер. — Подытоживаю. Любовь — это поиск и выбор; страсть — это стихия и случай. В любви каждый из нас выбирает кого-то среди тех, к кому он может пылать страстью.

Он помолчал, чтобы с удовлетворением закончить: «Вот мы и поговорили!» — хоть Иван Семенович за все время и слова не вымолвил.

— А теперь едем!

— Куда? — удивился Иван Семенович.

— К Завадской.

Так решительно заявил это Сквирский, что Иван Семенович сразу почувствовал — возражать поздно. Скрутил большую сигарку и пошел одеваться.

Ехали молча, только Сквирский приговаривал иногда: «Прекрасно... Погляжу...» У двери, подняв уже руку, чтобы звонить Завадской, сказал:

— Пусть не удивляет вас, что я с вами откровенен... По-моему, так и надо — не прятаться со своей жизнью. Меньше ошибок сделаешь.

Завадская вышла в гостиную вялая и неприветливая.

— Что с тобой? — сразу заметил это Сквирский.

— Пустое, не беспокойтесь, мигрень.

И удивленно, не понимая, к чему он снова здесь, посмотрела на Ивана Семеновича.

— Садитесь.

— Мигрень? — недовольно протянул Сквирский. — Досадно. Я надеялся на коротенькую, но важную беседу, обязательно в присутствии товарища Орловца... Предпоследний акт нашей драмы! И под занавес!

И, вроде забыв о ее мигрени, повернулся к Ивану Семеновичу:

— Мы говорить будем просто, как люди, что встретились на узкой тропке над пропастью... Такова наша жизнь: пропасть и узкая тропка над ней...

Он налил себе чарку водки и выпил.

— Этой женщине, — показал он на хозяйку, — кажется, что она любит меня.

Иван Семенович посмотрел на Завадскую: она сидела, откинувшись на спинку дивана, и не то боль, не то смех трогал ее щеки.

— Говорю «кажется», потому что все это нужно еще хорошо испытать: может, это и не любовь, а что-то гораздо элементарнее. Вот и у вас, — серьезно поклонился он Ивану Семеновичу, — есть все для того, чтобы казалось, что вы любите ее, даже очень...

Он усмехнулся иронично и повысил голос:

— Следовательно, каждый из вас должен крепко и внимательно себя перепроверить. Для этого я уезжаю отсюда.

— Куда? — не шевельнулась Завадская, только по ее лицу пошли серые пятна.
— Далеко и навсегда. Я исчезаю, чтобы дать тебе возможность поставить на мое место других: может, и не обязателен я, Владимир Петрович Сквирский, инженер и пьяница. Это бывает: субъект возбуждает в ком-то страсть, а неудовлетворенное вождление чье-то само ищет себе объект. Об этом напоминать тебе будет присутствие товарища Орловца.

— Ну, а если проверю? — едва слышно спросила Завадская.

— Тогда приедешь ко мне.

— Куда?

— На Урал. Я нарочно выбираю его — там нет оперы.

— Что? — побледнела Завадская, прикрыла ладонью глаза, будто боялась глянуть в ту пропасть, что пролегла перед ней.

— Да, это последнее твое испытание: я или музыка. Допустим, что, перепроверив себя с другими, признаешь: из всех люб только я... Чем же ты докажешь, что снова не ошиблась. Отдашься мне? Доказательство наименьшее. Ведь при некоторых условиях ты можешь отдаться и другим. Нет, этого мало. Говоря: «Только ты!» — должна дать доказательство, какое ты не дашь никому больше: не совместное ложе, а частицу себя самой!

Дивное чувство окутало Ивана Семеновича: разве не то же самое говорила ему Завадская, когда в последний раз виделся с ней? К чему же глядеть теперь на Сквирского потрясенно, как будто и мысли не допускала, что такое слышать можно...

— Я не знаю, — шептала она растерянно. — Я не знаю... Это же безумие! Пойми же, что ты сумасшедший...

— А ты же любишь меня, — усмехнулся он горько. — А возможно, и не знаешь, какой я...

Он налил себе чарку, а руки его дрожали, и тихо звенело стекло...

— Зачем это вы? — устало допытывался Иван Семенович.

Тот повернулся к нему, бледный, как никогда:

— Недогадливый вы, товарищ... Я же люблю ее.

XVI

Провожала Сквирского Завадская с Иваном Семеновичем.

Прибыли на вокзал, когда Сквирский уже управился со своим багажом и, не суетясь, расплачивался с носильщиками. На перроне было малоллюдно, и они еще издали заметили высокую и тощую фигуру инженера.

— Вот и он, — испуганно прошептала Завадская, на миг остановившись так неожиданно, что Иван Семенович, спешивший за ней, едва успел отступить.

Сквирский встретил их спокойной улыбкой.

— Добрый вечер! — поклонился он, не подавая руки, но уже Завадская сама ухватила ее порывом таким, как будто хотела спрятать ее у себя на груди.казалось, не отпускает она Сквирского, чтобы много-много — короткими да болочими, обжигающими, как уголек, словами — сказать ему, но не успевала слова те находить, и только смотрела на него с укором и мольбой. <...>

XVII

Будто остановилось житие Ивана Семеновича. То все вперед и вперед шло, ширилось ли, сужалось ли, но развивалось, менялось; в последнее время даже утомляло калейдоскопичностью перемен, много нового и неожиданного, а то вроде вдруг все вычерпалось: минует день за днем — все, как один... Будто замкнутый какой-то круг.

Эту мысль подал ему однажды Звирятин.

Встречаясь с Иваном Семеновичем у Завадской, он теперь ничем не выделяет его среди других — ни одного намека, ни единой усмешки, разве что пронзит острым взглядом, как услышит певиццо «Орлик»... На заводе тоже сухой и корректный — ни лишнего слова, ни праздного взгляда: таков, как и раньше был, горделивый спец, «англичанин»... С того часу, как выехал Сквирский, хорошо это помнит Иван Семенович; однако же почему — понять не мог, пока не выяснилось это в коротенькой и случайной беседе однажды вечером, когда вышли они одновременно из оперы, где после долгого перерыва с большим успехом выступала Завадская.

Сошлись они случайно около последнего извозчика, и чтобы не ехать вдвоем, каждый решил идти пешком; так и получилось, что пошли они рядом.

— Прекрасная актриса! — с квартал помолчав, вроде сам себе проговорил Звирятин. — А все же не скажу, что в ней лучше — актриса или женщина... Собственно, для меня они сливаются, одна другую дополняет... Не говорит ли вам это кое-что о самой природе искусства?

Иван Семенович промямлил что-то невразумительное. Он не прислушивался к словам Звирятина, обеспокоенный тем, что, может, до самого завода придется идти вместе...

Это заметил Звирятин.

— О, я вижу, что на вас это произвело еще большее впечатление! — бросил взгляд на своего спутника. — А интересно, что вас в ней восхищает? Певица? Актриса? — спросил невинно, а ответа не дожидаясь, вроде припомнил: — А я до сих пор вас не поблагодарил! Все забываю...

— Меня? За что? — удивился Иван Семенович.

— Ну, как же! За ту услугу, что вы сделали для меня...

Иван Семенович глядел на него, не понимая...

— Ах, вы же актер! Какой наивный, — рассердился слегка Звирятин. — И не абы какую услугу, а величайшую. Это же вы сумели убрать с нашей дороги Сквирского... Говорю с нашей — ведь мы с вами, разрешите открытым быть, по одному следу гоним. На одну дичинку охотимся...

И заметив, что Иван Семенович хочет возразить, говорил торопливо:

— О, я понимаю, конечно, что вы не обо мне беспокоились, многоуважаемый! А все же, хоть и против воли своей, но и мне помогли крепко... Без Сквирского нас, претендентов, так сказать, — только двое осталось — вы да я, а это куда легче и проще!

Горячая волна захлестнула Ивана Семеновича. Он расстегнул бекешу и как холодную воду, пил морозный воздух и не мог напиться: все еще душило его желание ударить — какая это была бы звонкая, соковитая оплеуха! — в жирное насмешливое лицо Звирятина... Так его, Ивана Семеновича Орловца, оскорблять! Такое о нем подумать! Как он посмел? «Как вам не стыдно?» — за малым не выкрикнул он, да припомнил свой последний визит к Сквирскому и сдержался пораженный: ведь и вправду был он близок к тому, что приписывает ему Звирятин...

А тот разглагольствовал, минуя еще одного извозчика на перекрестке:

— Да, задача — двое и одна — развязывается проще: один из двух, ежели не оба, конечно. Без Сквирского шансы мои значительно вырастают, как же не благодарить вас, многоуважаемый? Особенно взяв во внимание, что и в общем я имею лучшие против вас данные... А? Хоть и вы, нужно сказать прямо, серьезный, — протянул он, покрутив головой. — Да... Эта история со Сквирским... Потрясающий ход, многоуважаемый, — шах королеве! Я, признаюсь, и за себя какое-то время переживал... Даже чемоданчик готовил! — рассмеялся счастливо.

«Так вот почему не цеплял он меня — боялся...», — криво усмехнулся Иван Семенович.

— Посмеиваетесь? — по-своему понял это Звирятин. — Думаете, попался жу-чок пану в ручки; поведем, видно, героине, какой такой этот Звирятин, как он элементарно и цинично все понимает... Не боюсь, многоуважаемый, не расскажете! А хоть бы и рассказали — только выиграю! Заинтригуете героиню моей персо-ной, сами ее внимание ко мне привлечете <...>

XVIII—XXI

<...> У Завадской не светило.

«Спит, — подумал Иван Семенович и поглядел на часы:

— Одиннадцатый — это прекрасно, что спит, — ласково улыбнулся, — пусть сил набирается...»

И уже хотел идти прочь, как увидел недалеко две фигуры — вроде друзья ка-кие-то, так привычно приклонялся мужчина к женщине. «Нет, не спит», — уз-нал Иван Семенович певицу и растерялся, не зная, как ему быть: не хотел, чтобы она его видела после всего, что случилось, под своей дверью, — могла неправиль-но это понять... А главное, этот человек! Снова какой-нибудь лысый актер или необыкновенный интеллигент... Э, нет, довольно их Ивану Семеновичу! Хватит. Он подождет здесь, пока пройдут, а тогда направится домой.

Войдя в темный подъезд, он ощупью забился в угол под лестницу, что вела на второй этаж.

«Будто злодей, — подумал он, а услышав, как скрипнули входные двери, по-правился: — Или шпик».

Вместе с холодным воздухом донесся ему шелест мелких ее шагов и приглу-шенный баритон Звирятин:

— Это преступление, дорогая, большое преступление. Против природы, а глав-ное — против себя. Так скажет вам каждый, даже ваш цербер — этот самый Ор-лик. Да и что говорить, вы сама понимаете прекрасно.

Женщина засмеялась, будто задыхаясь от приятной и нежной ласки; так ни-когда не смеялась она при Иване Семеновиче.

— Да и кому нужно все это вранье, эта ваша глупая игра в молчанку? Ведь ник-то не поверит: Кармен — Пенелопа!

— Вы не верите? — устало и безразлично спросила женщина.

— Даже никак! Да и страсть моя к вам из-за того лишь, что вы — сама страсть. Это чувствуется в каждой мелочи, в каждой смешинке, в манере дышать даже... Вы — огонь, который вспыхнет, хоть как его ни сдерживай!

— И вы ждете этого?

— Да, я жду.

«Ах, ты сволочь!» — хрипло, гнев сорвал ему голос, прошептал Иван Семено-вич, как громыхнула наверху дверь и на лестнице все затихло. Он вышел из подъез-да и перешел на другую сторону улицы, все не спуская глаз с ярко освещенных окон Завадской. «Ах ты, сволочь!» — хотел он опознать на шторах тень Звиряти-на, но там просматривался лишь четкий силуэт певицы. Быть около нее охватило его желание: видеть ее всю, слышать, а главное — встать между ними, помочь ей... Помочь...

Он зажмурился, не в силах вырвать из потока мыслей одну — наинужнейшую, а когда открыл глаза — не поверил: свет в окнах потух.

Он протер глаза — темно.

— Ах, ты ж сволочь! — вырвалось из сердца стоном, и побежал назад через ули-цу, гонимый болью и отчаяньем.

У двери Завадской не мог отыскать кнопку звонка — стучал изо всех сил, но никто не выходил.

Долго-долго, минуту... час... вечность...

— Поздно... Уже поздно... — шептал бледными устами, прислонившись к холодной стенке. Чувство непоправимой обиды угнетало его изнуряющей усталостью.

Наконец послышались за дверью медленные шаги и недовольный голос горничной:

— Кто там?

Она приоткрыла, не сбрасывая цепочку, двери и выглянула на лестницу.

— Вы? — не скрыла смущения, Ивана Семеновича увидев, в замешательстве глаза опустила. — Ирина Эдуардовна не принимает уже... Она спит...

— Спит? — сипло засмеялся Иван Семенович и с присвистом зашипел: — Одна?

Глаза горничной стали большими и круглыми — на бледном и напуганном лице, потом — узенькие-узенькие щелки, на покрасневшем и гневном.

— Дурень! — будто плюнула она Ивану Семеновичу и хлопнула перед ним дверью.

Дурень? Да, дурень. Большой дурак. Так позволить себя обмануть! Так дать над собой насмеяться! Так поверить!

Иван Семенович вышел на улицу и еще раз посмотрел на окна — они отсвечивали матово и четко, иногда отражая на миг острые синеватые блики от фонаря, что, поскрипывая, качался на перекрестке.

«Нам с вами, Орлик, так много обдумать надо», — с сарказмом вынырнула из памяти его фраза певицы... «Обдумать!» — с ненавистью поглядел он на холодные окна, всем телом почувствовав душную и пахучую темноту за стеклами...

— Все вы одинаковы! — как самый суровый приговор, кинул он в пустынную безлюдную улицу и, тяжело ступая, пошел прочь, бессильный навести межи въяве <...>

XXII

<...> Было не рано, время, когда служащие прошли, а дельцы не выходили, коротенький перерыв перед торговым днем, пауза необходима, чтобы наготовить весь житейский реквизит. Иван Семенович подумал, что это не впервые ли опаздывает он на работу, и заколебался — не лучше ли ему повернуть домой; но сразу же подумал, что, может, никогда в другой раз не будет случая так отомстить за все то унижение, которое испытал, и пошел...

Никогда днем не бывал у Завадской и саму ее на дневном свету почти не видел, конечно, ожидал: сразу заметит следы бессонной ночи. Но вышла свежая и спокойная.

— Снова вы? — вместо приветствия уронила досадливо. — Что вам нужно от меня, наконец? — сдержанным гневом зазвенел ее голос.

Всего, только не такой встречи, ожидал Иван Семенович. Воспаленное воображение рисовало ему иные привлекательнее картины этого свидания: он бичует — гневный, но справедливый; она молчит — растерянная и посрамленная, самим молчанием прощение выпрашивая. Злая радость близкой отмстки за свое рабство привела его сегодня к ней, но за что он должен мстить ей? Разве что за сам факт ее существования, ведь известно, что она ничего от него не хочет и не хотела...

— Как мне все это обрыдло, — прервала она молчанку, недальновидно поглядывая на часового.

— А? — вроде проснулся Иван Семенович. — А со Звирятиным не обрыдло? Еще тошнит?

Она качнулась, как от удара.

— Как вы смеете? — не выкрикнула, а будто удивилась, ладонями закрывая

побледневшее лицо, только глаза большие и недвижные, без цвета, вроде глубина, — глядели, казалось, все так же спокойно. Да на миг, будто от крыла высокой птицы, мелькнула в них тень; только на миг, но и его было достаточно, чтобы узнал Иван Семенович — боль...

— Что? Болит? — прислонился он, коротко засмеявшись, и, бессильный сдерживать слова, что в нем клокотали, кидал их, не вслушиваясь, знал только — жесткие и обидные. Да чем сильнее пьянел от них сам, тем неуязвимее становилась женщина: с каждым словом будто вырастала перед ним, все выше и выше поднимая голову, — вроде, обличая ее, себя унижал. Желание еще раз увидеть в ее глазах тень злило его, как в юности, на качелях, — чтобы заговорила с ним, чтобы попросила простить, признала его правоту...

— Любовь? — уже безголосый прошептал он, почувствовав, что не взять ему верх. — Брехня! Гордитесь правдивой, к Сквирскому, но чем же правдивость любви поддерживаете? Звирятины!

И умолок: будто переломилась она перед ним, опускаясь на низкий и широкий диван.

— Что вам нужно от меня? — подняла на него измученные глаза. — По какому праву?

И одинокая слеза пощекотала ей подбородок.

Иван Семенович прислонился к стене, и все еще казалось ему — качаются качели, то высоко в небо его возносит, то в темную пропасть ее глаз кидают.

— Что вам надо от меня? Вам... Всем! — В растерянности заломила она руки. — Кто дал вам право лезть ко мне в душу, навязывать себя? Я же не звала вас! Я никого вас знать не хочу! Дикарей!.. Вы! Дикарь! — зло крикнула на него. — Долго ли еще будете вмешиваться в мою жизнь? Ну, скажите мне, долго? И зачем? Что вам надо от меня? Тела? Да? Тела? — брезгливо не смыкала она уста. — Тела — и исчезнете? Совсем? Будто ничего и не было? Так берите же! — вздрогнула она плечами. — Берите же и — прочь!

Иван Семенович не шевельнулся — прислушиваясь, как ее детский горький плач обернулся нестерпимым рыданием.

— О, гадость! — прятала в ладони мокрое от слез лицо. — Какая гадость!

Он дрогнул.

— Не плачь, — будто к сестре, обернулся к ней и еще раз, как самую большую просьбу свою, повторил: — Да не плачьте...

Тогда подошел, тихо поскрипывая туфлями, к ней, сел рядом и нежно погладил ей, утешая, волосы.

— Не надо плакать... А? Не надо.

Большая жалость полонила его.

Он знал: это безнадежность, но принимал ее, как непреложную, не возмущаясь, не рассуждая. Таким примирение запомнилось ему после случившегося, что иногда казалось, — не с ним все это дейлось...

Как и раньше, приходил он вечерами к ней — там те самые люди, те самые разговоры. Только на столике перед ним появился чисто прозрачный графинчик — маленький знак больших перемен. Цедил, не закусывая, рюмку за рюмкой, думая невыразимые — невыразительностью приятные — думы и иногда встречал взгляд Завадской, усмехался безобидно и ласково. Стало это им необходимостью — улыбаться друг другу, вроде молчаливые, подбадривали они себя этим на великий, другим не понятный, недоступный подвиг. Когда оставались вдвоем, тоже говорили мало, как люди, которые прекрасно друг друга понимают или же никогда понять не могут...

И еще была перемена — не приходил Звирятин.

— Болен он, наверное, — рассуждал громко Скорик. — Я о Звирятине говорю... Или поссорились?

— Нет, — отвечала Завадская так спокойно, что поинтересовался антрепренер:

— Надоел?

— Нет, не больше, как все. — И, глядя на Ивана Семеновича, будто именно ему, пояснила: — Не нужен он мне больше.

И точно так же ненужным почувствовал его Иван Семенович — даже не верилось, что столько ему внимания уделял до сих пор.

На другой день, когда, посмеиваясь открыто, начал Звирятин в его кабинете: «А я, многоуважаемый, похвалиться вам хочу... Скачки наши...» — не дал ему закончить фразу Иван Семенович:

— Вот что, инженер Звирятин, договоримся раз и навсегда: только по делу говорим. Понятно?

И так сказал это — вроде стер усмешку Звирятину; тот посмотрел на Ивана Семеновича изумленно и слинял:

— Слушаю.

Все это смутило немного Ивана Семеновича. Почему бессилён теперь против него этот счастливый его победитель — не потому ли, что знает теперь Иван Семенович — ни он, ни Звирятин... Третий победил их — далекий. Да и не только Иван Семенович в этом уверен, другие тоже замечают — тоскует тут Завадская, мыслями она далеко; и, почувствовав себя лишними, уходят, чтобы больше не возвращаться.

— Только вы остаетесь, Орлик, — погоревала она, когда гуляли вдвоем предвечерними безлюдными улицами. — Не сумели уйти...

Иван Семенович промолчал.

Снежило, смеркалось.

— А на Урале еще холоднее, — подумала она вслух.

— Да, там холоднее.

— Я скоро поеду, — кинула она осторожно.

— Я знаю.

— А вы? Как будете вы?

Он безразлично пожал плечами.

— Разве вы не думали об этом, Орлик?

— Я слишком много о себе думал, чтобы знать, что будет со мной. — И вроде не ей, а себе самому ответил: — Может, и весь недуг мой — что думаю так, где должен нутром выговориться.

Тогда остановилась она против него:

— Орлик! Вот обдумали вы все, перепроверили... Любите вы меня или нет?

Он посмотрел на нее сосредоточенно, потом зажмурился, как в себя глянул, и усмехнулся:

— Что я знаю?

Снежило.

На другой день он заговорил об этом первый.

— Значит, для вас все ясно?

— Все, Орлик.

— И никаких колебаний?

— Никаких. Для меня и прежде было все ясно. Это же Сквирский.

Иван Семенович налил рюмку водки и, глядя, как играет в ней солнечный луч, припоминал того долговязого инженера.

— Вы любите его?

— Да.

— Крепко?

— Крепко.

— Так, что на все пошли бы ради него?

— Пошла бы.

Он поглядел на нее, вроде не понял коротенький этот ответ.

— Вы уверены?

— Я уверена.

Тогда, как милостыню, попросил:

— Будьте со мной открыты, это мне, как голодному — хлеба...

Завадская согласно кивнула.

— Скажите мне, за что вы любите Сквирского?

Минуту какую-то глядела она на него изумленно, затем улыбка шевельнула ее уста; она наклонилась, чтобы спрятать лицо, и сразу брызнула смехом:

— Орлик! Дурень! Да кто же это знает?

— Я пошутил, — опрокинул он рюмку.

В тот вечер ушел он от нее раньше, чем обычно.

Прощаясь, попыталась перехватить взгляд его:

— Ну, а вы, Орлик? Скажите мне о себе...

Он молчал. Наклонился и, взяв руку ее, припал к ней нежным и неслышным поцелуем.

XXIII

День начинался серо. Кружили над городом тяжелые резвые тучи, клубились под мягким ветром рыжевато-сизые, как ленивые заводские дымы: потом разлились ровной серостью, застыли. Нет-нет срывался снежок, шелестел сухо и докучливо; тогда оживали на миг серые глубины улиц — белая рябизна кружила, вихрила туманную дымку, пары — дыхание дворов и домов. Но снова сгущались тени, липли к подоконью, заглядывали сквозь мутные стекла оконных проемов и сонными сумерками разливались по комнатам...

Стены казались серее, лица суровее. Разговаривали скупно, и тоскливо перестукивали костяшки счет; даже стрелки часов двигались медленно. В конце концов, бросил Иван Семенович поглядывать на них, казалось, не будет края этому серому дню, невыразимым, как мгла, мыслям...

Но к вечеру кончились тучи. Вроде небесная плоть, проплывали они тихо на юг, в ночную сторону, плавно, сплошной массой; казалось, поднимает кто-то темный серый шелковый занавес, открывая эмаль ясной голубизны с золотым челном месяца в небесной высоте. Небо дышало холодом, возвращая городу четкость и законченность его контуров, пышность красок, и город встречал его хором звонких и раскатистых голосов, веселым смехом, зазывными выкриками — вечерней симфонией отдыха и торга... И невыразимая тоска о дневной дымке, и тишина охватила тогда Ивана Семеновича: на поголубленных луной улицах, в гомонливой живой толпе почувствовал он себя вялым и тихим, таким не схожим со всеми, одиноким...

Да, теперь он не боится этого слова — одиночество: он может спокойно всмотреться в него, как во всякое иное, ведь не боится он и того, что во всяком слове прячется. Он может теперь спокойно смотреть на все, так спокойно, как вот и на эту толпу.

...Вспомнил Иван Семенович, что сейчас и копейки не оставил себе, не может даже за хранение одежды в театре заплатить. «Придется знакомых искать», — подумал недовольно он, сразу же представил, перебрал каждого из них, включая Мюфке, который и встретил его на входе.

— Наконец, товарищ Орловец! — затоптался он возле Ивана Семеновича. — Я,

наверное, с час вас тут высматриваю. Наказала Ирина Эдуардовна: «Неприменно перед представлением приведите Орлика!» То есть вас, многоуважаемый товарищ Орловец, вас...

Юркий, протолкался он вперед, таща за руку Ивана Семеновича, не бросая щебетать: имена, анекдоты, новости, слухи, факты сыпались из его уст так же густо, как перхоть на воротник залоснившейся толстовки.

Иван Семенович забыл деньги? Пусть. Он, Мюфке, с охотой его выручит; даже процентов за это не возьмет... Но ведь какой меломан стал Иван Семенович, а? Так торопиться, что даже деньги забыть! Но Мюфке аж никак не удивился: сегодня не то, что деньги, голову забыть можно! Подумайте только — последняя гастроль Завадской! Непревзойденной Завадской! Это такое музыкальное событие... Такое событие... Мюфке просто сказать не может, какое это событие! Пусть не усмехается товарищ Орловец иронически, — это факт. Э, если бы он видел, что творилось возле касс, он бы не усмехался! Да! Перекупщики с ума походили совсем — им платили, сколько бы они ни просили... Но их близким знакомым всем посчастливилось. Все они здесь. Мюфке уже видел Писаренко, Скороика, Звирятина, Трехсветского...

Называя фамилии, семенил он возле Ивана Семеновича, стягивая с него тяжелую бекешу: потом вытер вспотевший лоб и сказал торжественно:

— Теперь я поведу вас к ней.

Так, как и прежде когда-то, провел он Ивана Семеновича извилистыми переходами к уборной Завадской; так, как и тогда, сказал возле двери: «Я вас жду». Только добавил:

— Это уже во второй раз, товарищ Орловец. Помните, приводил я вас сюда... Недавно было, а кажется, очень давно...

— Да, очень давно, — согласился Иван Семенович. — Но это уже в последний раз.

— Будем живы — увидим, — вроде не поверил Мюфке. — Может, еще кто-нибудь придет...

Иван Семенович постучал и открыл дверь.

— Орлик! — пошла ему навстречу Завадская, и только теперь, впервые, увидел Иван Семенович, какая она вправду... прекрасная, — поймал себя мыслью на этом слове.

— Это хорошо, что вы пришли! — подала она ему обе руки. — Мне так хотелось, чтобы был тут кто-то свой!

— Вы волнуетесь?

— Очень, Орлик! Крепко. Это же в последний раз! — засмеялась она счастливо.

— Вы так его любите?

— Больше всех.

— Даже музыку бросите?

Она поглядела на него удивленно, проверяя, не прикидывается ли он, и взорвалась смехом:

— Орлик, вы чудесный! Неужели поняли вы все это дословно? Неужели думаете, что ему и правда это надо? Это не ему, а мне! Да и не бросаю совсем, а узнаю, смогла ли бы бросить, узнаю, что для меня дороже... Уразумели теперь?

— Уразумел, — едва сдержался, чтобы не зевнуть коротенько, Иван Семенович, не зная, что сказать:

— Увидите его, передайте, что желаю счастья...

— А мне, Орлик? Мне вы желаете? — игриво посварилась она пальцем.

— Вы и так счастливая.

— Счастливая! — томно потянулась она всем телом и ушла за шелковую штору. — Я закончу гримироваться, Орлик, а вы посидите там, поговорим.

То напевая вполголоса, то, неведомо чему, весело смеясь, расспрашивала она его коротко: много ли народа в зале, какой, кого видел он из знакомых; далее сказала, что собирается сегодня всех поразить — так хорошо споет, как никогда; с этого начались ее воспоминания — когда, как и где пела раньше, как принимали ее, что о ней писали...

Дальше слушал ее Иван Семенович все невнимательней, все тоскливей ему становилось. Чего он здесь, в артистической уборной этой певицы? Что ему до ее побед и успехов? Зачем дышать ему густыми запахами ее парфюмерии и пудры?.. Зачем?..

— Вы здесь? — спохватилась она, долго его не слыша.

— Да, тут, — открыл он тихонько дверь и в пропасть вроде — шагнул за порог.

Шел быстро, низко склонив голову, казалось, удирая от кого-то, хотя только Мюфке частил следом на два шага позади.

— Да не торопитесь так! — попросил тот задышливо, когда вышли они в фойе. — Видите ж — не опоздали.

Фойе опустело на глазах. Только у дверей в зал толпились еще опоздавшие, нетерпеливо высматривая что-то из-за плеч передних; зато совсем свободно было в раздевалке. Иван Семенович хотел уж было повернуть туда, когда почувствовал, как кто-то тронул его за локоть.

Он обернулся.

— Наконец встретились, — приветствовал его насмешкой Писаренко. — Чтоб тебя увидеть, надо идти в оперу, говорят...

Он взял Ивана Семеновича под руку и повернул в зал.

— Имею приятную для тебя новость: окончательно решено дать тебе долговременный отпуск...

— Мне решено дать отпуск... — проговорил, усмехаясь непонятливо, Иван Семенович.

Писаренко поглядел на него подозрительно:

— Ну, а недуг твой как? Не лечишься, наверное? Зачах...

Иван Семенович смотрел на него прижмурясь, а виделся ему Писаренко маленький-маленький, так — мышка серая-серенькая...

— Недуг мой кончился, — ответил он сухо и, высвободив руку, пошел к своему креслу в четвертом ряду у прохода. Сел, закрыл глаза — так не хотелось ему смотреть ни на занавес, кровью и золотом разрисованный, ни на темный зал, полный горячей шуршащей тишины. Коротко, одним ртом, раз за разом зевая, день по дню перелистывал он назад страницы своей жизни, пока не дошел до того же самого вечера: льется с дирижерской палочки дразнящая музыка, наплывает со сцены южный солнечный свет, и прямо ему, Ивану Семеновичу, улыбаясь, смотрит в пропасть темного зала высокая, в шали цветастой женщина; и словно не достала его память, — возвратились ему воспоминания снова, день по дню припомнил все, что случилось с ним после того, — пока вновь не открыл глаза: льется с дирижерской палочки та самая дразнящая музыка и, в широкие складки собираясь, колышется темный занавес, чтобы разлить на миг полуденный солнечный свет...

— Я это видел уже, — тоскливо проговорил Иван Семенович и, поднявшись, зашагал к двери.

Туфли его тихо скрипели.

Перевод с украинского Петра ЧАЛОГО

Алексей Прасолов

ВЛАДЫКА

Поэма

Алексей Тимофеевич Прасолов родился 13 октября 1930 года в селе Ивановка Михайловского, ныне Кантемировского района Воронежской области. Классик русской советской литературы XX века. Из крестьянской семьи. Окончил Россошанское педагогическое училище в 1951 году. Работал учителем в сельских школах. С 1953 года — на газетной ниве. Трудился в Воронеже в молодежной областной газете «Молодой коммунар», в районных газетах Россоши, Новой Калитвы, Петропавловки, Кантемировки, Репьевки, Хохла и других. Как поэт стал широко известен после публикации по благословению Александра Трифоновича Твардовского большой подборки стихов в журнале «Новый мир» в августе 1964 года. Автор поэтических книг «День и ночь» (Воронеж, 1966), «Лирика» (Москва, 1966), «Земля и зенит» (Воронеж, 1968), «Во имя твое» (Воронеж, 1971) и других. Жил в Воронеже, ушел из жизни 2 февраля 1972 года. Именем Прасолова названы улица и библиотека № 19 в Воронеже, Россошанская районная библиотека.

Памяти поэта посвящены мемориальные доски в Воронеже, Россоши, Хохле.

В стихах Алексея Прасолова почти не встретишь географического адреса описываемых событий. Малоизвестная поэма «Владыка», которая, по признанию автора, рождалась у меловых белых скал воронежского Дивногорья «на всех парусах», редкостное исключение.

...близ пруда, где ныне омут,
Где, говорят, бывал Толстой,
родился я.

Речь об исчезнувших ныне хуторке Ржевск с барским имением, с издательством «для народа» — «Посредник» и родимой прасоловской Ивановке, расположенных через яр-долину на соседних холмах. Это юг Воронежской области, донская степь. Грань России и Украины.

На ближнем железнодорожном вокзале — мемориальная доска: «26 марта 1894 года на станцию Митрофановка — Ольгинская приехал великий русский писатель Лев Николаевич Толстой по пути на хутор Ржевск к В.Г. Черткову».

Алексею Тимофеевичу запали в душу краеведческие открытия учителя Григория Федоровича Чистоклетова и доброго знакомого и чуткого собеседника — собственного корреспондента воронежской областной газеты «Коммуна», журналиста Георгия Степановича Тарасенко. Удивила сопричастность родного поля к русской литературе...

В поэме — «переплетение истории и сегодняшнего дня», размышления о жизни человека во времени и историческом пространстве, будь он великий писатель или крестьянин — или крестьянский сын, вступивший на литературную ниву. Размышление сына своего времени.

И мне хоть трудно, но не дико
Мое земное бытие,
Где этой жизни я владыка,
Пока я подданный ее.

Поэму, писал Прасолов, «посвящаю Александру Твардовскому» — его он боготворил. Не судьба. Поэма вышла в свет уже после их земной жизни.

Петр ЧАЛЫЙ

*— Дедушка, когда ты родился?
— Опосля царской воли...
...Жизнь без начала и конца.
...Сыны отражены в отцах.*

А. Блок

I

Однажды на краю села
Открыл я дверь — и на пороге,
В испуге пыхнув, обдала
Меня холодная зола,
И, громкие в переполохе,
Хлопки куриного крыла
Мне были как привет с дороги.

И я, освоюсь в темноте,
Шагнул в другую половину —
Там ночь в кирпичной наготе,
Две шторки в стороны раздвинув,
Через дубленую овчину
Струила в русской доброте
Все, чем красна, — владыке в спину.

Он так привольно возлежал,
Ничуть не благодный и чистый,
И дряхлый век в нем не дрожал,
Когда я принял и пожал
Породистую тяжесть кисти,
И та ладонь, что я держал,
Являла облик бескорыстья.

И ровно поднималась грудь —
Дышала степь в закатном свете:
Еще не время ей заснуть,
Еще над ней проходит ветер,
Но ей уже в минуты эти
Свою подвижность не стряхнуть —
Был день ее длинней столетья!..

II

А люди в будничных делах
Лишь днем насущным дорожили.
Но были дни людей не прах:
И в закромах и ворохах
Они богатство отложили,
А охранять — не вору в страх —
Труду в почет — ему, решили.

И летом года три назад
Старик на ток явился к ночи —
Ведь сам хотел и сам был рад,
Что сердце слышит, видят очи,
Как жизнь по-девичьи хохочет,
И, кроме радости, навряд
Она признать иное хочет.

К щитку метнется, врубит свет,
В крылатом и коротком платье
Порхнет к нему за светом вслед
И вдруг, как озорной секрет,
Вся затаившись, быстро схватит
Мелком — пока недвижим дед —
Столетний профиль на асфальте.

Старик совсем не знал о том,
Что он натурщик и что дома
У той девчонки есть альбом,
Что смотрят со страниц альбома
Его улыбка, полудрема,
Печаль, испуг с открытым ртом
И крест широкий — после грома!

III

И затевался разговор
В лад засыпающему шуму:
— А что там было?..
— Панский двор,
И жил в нем управитель Мор.
Кто знал суму, а немец — сумму,
А пан попер, попер, попер —
Аж в Государственную думу!

Ты и в истории найдешь
Его фамилию хохлачью¹.

Жаль, как наш труд не ставил в грош,
Как на долги пустил я клячу,
Как эти руки нес в придачу —
Про это в книге не прочтешь.
А я и в гроб обид не спрячу.

— А все ль такие... господа?
— Хоть неучен я, да не темный,
И не забуду никогда
Я день один — за все года,
Какие прожил, не запомнил.
За сорок верст я вез сюда
Учительницу — в самый полдень.

Дорога с дождика мягка.
Качу — не пыльно и не тряско.
Забрезжил пруд из-под леска.
Вдруг камень под подковой лязгнул.
Гляжу — навстречу нам коляска,
А в ней, за кучером, слегка
Откинулся и смотрит с лаской
На лошадь старую мою,
Что через камень с шагу сбилась, —
Отступник...
— Кто-о?
— Кому в раю
За веру вольную свою
Попами мест не отводилось.
Ему анафему поют,
А он лишь верит в божью милость!
Не отгадали, кто? Я тож
Не сразу вник — такое было...
Моя учительница в рожь
С телеги тихо сосступила,
Колосья в пальцы захватила,

¹ Родзянко. — *Прим. автора.*

А по самой, я чувю, дрожь
С неспелой рожью заходила.
Я к ней — она горит, как ад:
Глаза и плачут и польшут.
«Кто ими проклят — трижды свят!
Увидишь — все в огне сгорят! —
Земля да небо только слышат. —
Не смей крестить меня — он снят,
Мой крест!.. Поедем, да потише...»

И сорок верст подряд она —
Про то, какой он ищет веры,
Про Анну — чем она грешна,
А жальче всех — про Холстомера!
Наш пан другого был примера...
Тут — экономия одна,
Да Мор, да вроде инженера
Какой-то хлюст еще живет.

И, помню, немец-управитель
В дом провести водопровод
Задумал — и меня зовет:
Мол, заработать не хотите ль?
Для нас задался трудный год.
А я был до всего любитель.
Я резал плугом свой надел
(С соседом плуг купили вместе),
Косой и молотком умел —
По наковальне и по жести,
Читал. На счетах — сто иль двести
Откину. Но торговых дел,
Хоть звали, я не мог: не к чести...

Вот так. — И старый умолкал,
Глядел на край ночного неба.
Обрезанной луны накал —
Как зев ночной: краснел и ждал,
Что скоро в жар посадят хлебы.
Полову вихорок сметал,
Кружил, не зная, бросить где бы.

И прикрывал старик глаза —
Ловил он отсвет жизни давней.
И редко, правда, но слеза
Непозабытого страданья
Из глуби, тайной, как преданье,
Сверкнет — и стихнут голоса
В кругу нераннего собранья.

IV

— В тот год я схоронил жену —
Надорвалась в работе рано.
А тут наш царь начал войну.
И там в могилку-то одну
Двух сыновей... под Лявояном.
Две свечки в церкви — в чью вину?
А вскоре третьей мать помянем...
Да, от недоброго житья
На дело то — с водопроводом —
Давал согласие немцу я...
Два месяца вставал с восходом,
Копал да трубы клал с народом
И думал: силушка моя
Авось не даровым расходом...

И день настал — пошла вода!
Как дождик, из трубы — на розы.
На кухню, в дом — ну, хоть куда.
Со стульчика Мор сам тогда
Вскочил, в ладошки хлоп и в слезы.
И чарку мне: «О рус, о да!»
А я: «Расчет?» — А он: «Курьезы?»

Позвал наутро:
«Доски брал?» —
«Жене на гроб...» —
«А яшень в роще?» —
«Жене на крест». —
«А конь топтал
Наш хлеб?» —
«В грозу сорвался к ночи...» —
«О, рус мужик есть хитрый очень!
Я все — считал, считал, считал...»
Тут я и сделал — чтоб короче.

Был Мор при золотых часах
С крученой цепкой — по жилету.
Я чирк часы да об стол — трах!
Лишь брызги врозь — и я в руках
Держу витую цепку эту!
Мор за сердце — и ох, и ах,
Потом: «В Сибир! — кричит. — К ответу!»

И может, стала б для меня
Та золотая цепь кандальной,
Да, глядь, то в ночь, то среди дня
По волостям — сперва по дальней,
За ней в соседней — к панской спальне! —
Пустили петуха. С огня
Мор мягче стал: грозили — спалим.

— Ага! — И молодой народ
 Сбивался гуще, жарче в кучу —
 Шофер, монтер и просто тот,
 Кто отключался от забот,
 Всяк заворачивал под случай.
 Девчонка ж — вся глаза и рот —
 Гнала от деда дыма тучу.

И замечал старик: умом
 Они прошли и позабыли
 Все, что в историю пером
 Кровавым вписывает были,
 В них сердце еле разбудили,
 Чтоб в лучшем случае — потом
 Само познало: как там жили?
 И как живут? И будут — как?
 И здесь, как встарь, под небом лунным —
 Без кобзы, гуселек в руках —
 Вдруг из всего, что глупым — прах,
 Сверкало диво душам юным,
 И эпос пел в его словах,
 Как будто трогал старый струны.

— Мы разгромили панский дом
 В семнадцатом! А позже, позже
 Водопровод на месте том
 Я вырыл — труд мой стал дороже:
 Провел в конюшню воду — боже! —
 Колхоз так нагрузил зерном
 Возище — на! — и в руки вожжи!

Нет, не позволю никому
 Смеяться над святой минутой:
 К хатенке, к дому моему
 Шел воз горой! И не пойму,
 Зачем тогда отбросил кнут я?
 Другая жизнь — так почему
 Из-под кнута идти коню-то!

Как в праздник — в дегте сапоги,
 Горит рубаха распояской,
 Флажок над возом!.. Эх, враги,
 Срубили сына на гражданской...
 Жена — вторая — перед пасхой
 В восьмом году и помощи
 Мне двойней, — вот они с опаской
 Меня и встрели у ворот:
 — Откуда столько?
 — Не оттуда,
 Где манка с неба прямо в рот,

Откуда, горький, ждал я чуда...
Что ни мешок — четыре пуда!
А умолот — на целый год!
Поплачь, жена, слеза не с худа.

VI

— Эх, жизнь!..
Над миром к часу — час
Сомкнулись — поздний с самым ранним.
Остыла рупорная пасть,
И капля падает, стучась
В брезент, оставленный собраньем,
И свежести живая власть
Сильней ломоты: — Ну-ка, встанем!
Осмотрим ток. Фить-фить, Сигнал! —
И пес вострит сторожко уши. —
Во сне ты вора не видал?
А есть в селе дурные души:
Урвет мешок — и водку глушит.
Ладонь в зерно: все вал да вал,
Спешат, а хлеб путем не сушат.

Зерно ль согрелось, иль в руке
Тепло скудеет ощутимо,
Вон — как туманцем вдалеке,
Как мягким паром на реке,
Уходит из него — незримо?
И суетное в старике —
На убыль, мелочное — мимо.

В ночи простор и высота,
Пыль дремлет, шумы заглушили,
Во сне не вывернут листа
Изнанкой светлой на вершине
Пять тополей, что окружили
Покой погибших... Чья звезда
Взошла, железной, на могиле?

В каких там селах и местах
Лежат последние два сына,
Кого держал он на руках,
Покуда с кровью на губах
Превозмогала мать бессилье,
По ком не раз потом в ночах
Над похоронкой голосила?

На юг, на запад, на восток,
Куда ни кинь — везде потери.
А мир безгрешен и жесток,
А мир всегда как бы в преддверье
Безвестности, — он в смерть не верит

И дел своих, и жизни срок
Не человечесьей мерой мерит.

И не пугал он старика
Ни прежде, ни теперь собою...
У мира многие века,
Но только избранным пока
Дарит он день в сто лет длиною,
А все дорога коротка,
Как край зачуеть под ногою.

И не смириться никогда
Душа с последнею утратой.
Земля открыта, даль чиста,
Кочует свет голубоватый
На ниве, сжатой до заката,
И пахотная чернота
На желтом ширится покато.

Глядят светила с вышины,
Как кто-то полосу проводит
Над снами всей ночной страны.
В глазах собачьих две луны —
Луна уж не ничья в природе,
И уши пса наострены:
Сегодня там чужие вроде...

Уже под самую луной
Звонящий след за самолетом, —
Вот он — морозный и тугой —
Округло выгнут поворотом,
И не видать, куда и кто там,
Лишь отзыв бункера глухой
Дрожит железною зевотой.
Встает взамен людской молвы
Единый гул земли и неба,
А в промежутках — вздох листвы
Да треск истоптанной травы,
И вечность видится как слепок
Туманно-белой головы
Над дышащей горою хлеба.

VII

Есть на Дону Большие Дивы,
Причудой их не назову:
Они пещерно-молчаливы,
Но граней грозные извивы,
Как думы древних — наяву.

И так загадочно вы схожи!
За слово темное прости:

Как Див, окаменел ты тоже,
Как белый Див, молчишь — до дрожи
Моей, языческой почти!

Я не тужу и не надеюсь,
Чтоб выпал мне такой удел, —
Нам некогда! Как отщепенец,
Я с этой мыслью не седел.
Я знаю сутолоку дел
И стройность их, — куда я денусь,
Каким я облаком оденусь —
Потом?.. Мой сын — совсем младенец —
Уже загулил, загудел!

Такой размах теперь мне виден,
Что суета, как червь, не съест,
И, не искатель праздных мест,
Тревожусь я — но не в обиде
На мой, как прежде звали, крест.
Породу мира сокрушая,
Мысль не ломает острие
И там, где высота большая,
Подножье — наше и мое.

Мой сын, под солнышком играя,
Взбирайся, приткий, на плечо, —
Идем! Ведь мы не знаем края,
Но я — уже, а ты — еще.

VIII

Не все сказал, не все постиг,
Но худо, бедно ль — все ты прожил.
Теперь моя пора, старик,
Сказать иль жить — одно и то же!

Ты позабыл, когда рожден,
И столько пережил на свете,
Что не придут родные дети,
Чьи кости всюду на планете,

В твой час недалгих похорон.
За нас — досталось им такое
На пяди жизни, что уже
На ней, я видел, взятой с бою,
Живого места нет душе.

Пусть каждой пядью дышит лето!
А те смертельные места
Народ для памяти пометил
Тобою, братская звезда.

И чтоб для нас не стала братской,
Чтоб не сгорала на гербе,
Уже навеки быть солдатской —
Отцовской — выпало тебе.

Давно не дети — среди сквера
Мы у бессмертья не в гостях:
Вдвойне крепка живая вера,
Что восходила на костях.

Хоть близ пруда, где ныне омут,
Где говорят, бывал Толстой²,
Родился я — не по Толстому
Учился вере я святой.

Она святая по-иному,
Другой наставник есть у нас,
Он не успел уже Толстому,
Но миру, вечно молодому,
Глаза открыл он — в самый раз.

От их несходства мы не хуже,
Все величины не равны...
Весь мир непознанный нам нужен,
Чтоб стали миру мы нужны.

И нет суровее завета:
В соблазне выстраданных благ
Не забывай: страданье это
Еще не наше, — встань и ляг
С мечтою, зачерпнувшей света,
Но сердцем знай: как этот флаг,
Кровь — государственного цвета.

И мне хоть трудно, но не дико
Мое земное бытие,
Где этой жизни я владыка,
Пока я подданный ее.

*Февраль — март 1971
Дивногорье*

² На даче Черткова, находившейся близ села Еленовка, ныне Россошанского района Воронежской области. — *Прим. автора.*

Валентина Романовна Кислянская родилась и прожила всю жизнь в Кантемировке. Трудовую деятельность начала после восьмилетки. Работала шофером автопредприятия, транспортерщиком и мастером смены на элеваторе, дояркой, учетчицей и заведующей молочно-товарной фермы колхоза «Кантемировец». Литературным творчеством увлеклась в зрелые годы, черпая сюжеты из богатой трудовой и сельской жизни.

Валентина Кислянская

НЕ ПОВЕЗЛО

Рассказы

Гришуня — заядлый охотник. Он только что вернулся с работы. Старенькая, замасленная фуфайка, подпоясанная длинным двухцветным шарфом, почти дважды обернута вокруг его маленького, худенького, как у мальчика, тела. Большие стоптанные кирзовые сапоги, скорее, управляют Гришуней, нежели он ими... Старая матерчатая шапка-ушанка лихо заломлена на затылок. Из-под нее выбиваются огненно-рыжие, давно не стриженные волосы. Все лицо его и руки щедро усыпаны разнокалиберными веснушками. И лишь голубоватосерые глаза, как два глубоких озера, поблескивают из-под золотистых бровей озорно и весело.

Еще накануне нарубил Гришуня тальника и теперь, мурлыча какую-то песенку, поправляет на огороде пошатнувшийся плетень.

— Ой, держите ее! Вот проклятуца! Да что же это делается, а?! — Мимо Гришуня, тяжело дыша, пробегает его жена. — А ты, рыжая bestия, чего стоишь? — набросилась она на Гришуню. — Али не видишь, что лиса курицу потащила?!

Бросив топор, Гришуня мигом побжал в дом, схватил со стены ружье, свистнул собаке, и уже через полминуты старенькая его шапка-ушанка мелькала в дальнем кустарнике.

Солнце клонилось к горизонту. Сухой морозный воздух обжигал легкие, под ногами звонко хрустел осенний ледок. Гришуня то и дело цеплялся своими непомерно большими сапогами за пни и кочки, колючий терновник в кровь ободрал ему лицо и руки. Далеко впереди яростно лаяла его Найда, и поэтому Гришуня бежал напролом.

Но вот в звонком, заливиستم лае появились растерянные нотки, переходящие в поскуливание. Собака сбилась со следа.

Наконец-то Гришуня выбрался из зарослей на простор. Первое, что он увидел на той стороне оврага — молча мечущуюся между кустами Найду и далеко впереди — рыжую воровку с курицей в зубах. Он инстинктивно вскинул ружье, не надеясь совершенно, что попадет, даже на то, что хватит убойной силы, выстрелил. Лиса метнулась в куст. Но дальше побежала, припадая на правую переднюю ногу.

— Теперь не уйдет! — радостно заорал Гришуня. И бросился к лисьей норе, которая находилась в вершине оврага. Он бежал наперерез зверю.

Мысленно прикинув, откуда должна появиться лиса, стал ждать в засаде. В лучах заходящего солнца червонным золотом отливал мех зверя. Причем, все это заметил он гораздо позже, чем пришла к норе лиса. Она зашла с другой стороны. Но все же он ее заметил. Близко, совсем близко сидела лиса, зализывая рану. Отсюда не попасть было нельзя. Гришуня нажал курок. И раздался... сухой щелчок. Осечка. Лиса опрометью кинулась в сторону и скрылась в норе.

Гришуня бросился следом за нею. Худосочное, щуплое его тело проскользнуло в нору так, что снаружи остались торчать только непомерные сапоги. Сплошная темень окутала его, в нос ударил резкий запас псины. Стало трудно дышать.

Он торопливо рванулся взад-вперед. Но безуспешно. Тогда он закричал. Он кричал не по-человечески дико, обливаясь холодным потом, оглушая себя собственным криком.

Найда, обнюхав сапоги, стала рыть лапами землю. Промерзшая после прошедших дождей земля не поддавалась. Когти только оставляли царапины на утоптанной у норы почве. Тогда Найда села, подняв к небу голову. Тоскливый, леденящий душу вой разнесся окрест.

Два мужика, возвращаясь с охоты, остановились, прислушались, не сговариваясь, пошли туда, откуда неся собакий плач. Так и обнаружили Гришуню. С огромным трудом им удалось вытащить его из норы. Полузадохнувшийся, исцарапанный, перепачканный землей, он, словно выброшенная на берег рыба, широко открытым ртом хватал чистый воздух и никак не мог надышаться.

Пожав мужикам руки, Гришуня процедил: «Ушла, мерзавка! Если б не застрял, я б ее голыми руками взял». Спасители иронично кивали ему в ответ.

ЖЕСТОКОСТЬ

Степан — бобыль, единственная радость для него на всем белом свете — вороной красавец с белой звездочкой на лбу по кличке «Орлик». Из маленького беспомощного жеребенка вырастил его Степан, приучил к седлу, научил нехитрым приемам пастбы большого колхозного стада коров, и Орлик стал хорошим помощником Степану.

Пригнав стадо на пастбище, Степан вынимает железный мундштук изо рта лошади, привязывает поводья к седлу и отпускает своего любим-

ца попасться. А сам садится в тени, расстилает на траве чистый носовой платок, выкладывает на него прихваченный из дома завтрак и неторопливо начинает есть.

Тонкими, чуткими ноздрями Орлик улавливает запах хлеба, тихонько подходит, трогает мягкими, бархатными губами Степаново ухо. «Ну что, Орлик, опять пришел хлеб просить? — оборачивается Степан к коню. — Его ведь заработать надо. Видишь, вон Лысуня опять к свекле пошла. Ты поучил бы ее немножко, совсем от стада отбилась».

Орлик поднимает голову, внимательно осматривается вокруг, словно пущенная стрела, срывается с места, распутив по ветру хвост, и стремительно мчится вокруг стада. Тонкие, словно выточенные, ноги в белых носочках легко несут упругое тело коня. Черная блестящая шерсть сверкает, переливается на солнце.

Степан невольно любуется конем. Зазевавшаяся буренка стремглав бросается в середину стада, спасаясь от крепких зубов лошади, и долго потом не решается выйти на свекольное поле, так манящее сочной зеленью ботвы.

Позвякивая стремями, Орлик подходит к Степану. «На вот, милый, теперь ты честно заработал свой хлеб», — Степан протягивает на ладони посыпанную солью корочку хлеба.

* * *

Однажды темной августовской ночью Орлик вновь почувал запах хлеба. Кто-то, почти невидимый в темноте, осторожно подошел к нему и со словами «Кось, кось» протягивал ему хлеб. Голос был незнакомый. Так Орлика никто никогда не называл. Местные мальчишки, иногда прибежавшие к Степану покататься на коне, отлично знали его имя.

Орлик недоверчиво попятился назад. «Кось, кось, кось», — голос ласковый, успокаивающий. Орлик делает еще несколько шагов назад, но как дразняще пахнет хлеб! Орлик осторожно протягивает голову, расширившимися ноздрями втягивает дурманящий запах свежего хлеба. Забыв об осторожности, делает шаг вперед. Цепкие руки хватают его за уздечку. Орлик делает резкий прыжок в сторону, но не тут-то было. Сильные руки удерживают его, тянут за собой. На него быстро набрасывают седло, наскоро затягивают подпруги и узду.

Еще несколько секунд, и он уже скачет по мягкой полевой дороге. Копыта почти беззвучно шлепают по дорожной пыли. Метров через сто к ним присоединяются еще три всадника. Запах незнакомых лошадей будоражит коня, он пытается заржать, но резкий рывок поводьями заставляет его замолкнуть.

Крупные мыльные хлопья покрывают бока и шею Орлика, падают, срываясь, на дорогу. Орлик устал.

Лошади, бежавшие впереди, видимо, были свежими, но и от них уже давно тянуло крепким соленым потом. Часто отфыркиваясь, Орлик постепенно стал отставать. Попав в высохшую промоину на дороге, Орлик споткнулся, резко наклонился к земле. Незадачливый наездник кувырком полетел через голову лошади на землю.

Ехавшие впереди, осадив лошадей, развернулись назад. «Ну и кляча у тебя, Серега! — слышался ломающийся басок одного из наездников. — А еще говорил, что этому коню цены нет. Да он копейки не стоит в базарный день».

Поднявшийся с земли, прихрамывая, подошел к коню, сердито пнул его носком в живот: «У, гад!»

Опустив голову, Орлик безучастно стоит на дороге. Он тяжело дышит. Взмокшие бока покрылись серой дорожной пылью. Шерсть слиплась. Орлик не может стать на поврежденную ногу и потому держит ее на весу.

Не обращая на коня никакого внимания, Серега снова садится в седло. «Но, пошел! — Орлик не трогается с места. — Но, кляча!» Сильный удар заставляет коня рвануться с места, но, так и не сумев стать на больную ногу, он резко припадает корпусом к земле. От неожиданности Серега второй раз летит кувырком на землю. Другие всадники хохочут. Серега вскакивает, хватая попавшуюся под руку суковатую палку, и страшной силы удары обрушиваются на бока, шею и голову беззащитной лошади.

Закрыв глаза, прижав уши, Орлик пятится от своего мучителя, но тот крепко держит его за поводья. Наконец, устав, он бросает на землю обломок палки, плотно прикручивает Орлика к стоявшему неподалеку дереву, садится к одному из своих друзей сзади на лошадь: «Поехали!». И они уезжают.

Ночь близится к рассвету. Немного посвежело. Легкий предутренний ветерок пробежал по траве, пошумел в листьях дерева, шевельнул мокрую гриву лошади. Взошло солнце, и с его восходом усилились мучения Орлика. Его давно уже мучили голод и жажда. Плотнo прикрученный к дереву, он стоял на трех ногах, не имея возможности переменить положение. Шерсть высохла, превратившись в грязные сосульки, сбившееся набок седло открыло раны на спине, к которым припали назойливые мухи.

Нешадно палило поднявшееся в зенит солнце, и чтобы как-то утолить голод и жажду, Орлик стал грызть дерево, к которому был привязан. Так прошли сутки, вторые, третьи... Только на пятый день, после длительных поисков, отыскал его Степан. Страшно исхудавший — кожа да кости — Орлик почти висел на обгрызенном дереве. Степан едва узнал своего любимца. «Орлик, хороший мой! Ты ли это?! Да кто же это тебя так? Да за что же мука тебе такая?»

Дрожащими от волнения руками Степан пытается развязать затянувшийся повод, но это ему не удается. «Сейчас, Орлик, сейчас! Потерпи еще немного», — Степан вынимает из кармана нож, обрезает повод, и обессиленный Орлик тут же ложится на землю. Степан достает из кармана завернутую в газету припасенную корочку хлеба, посыпанную крупной серой солью, и протягивает лошади: «Ешь, Орлик!» Вздохнув, Орлик равнодушно отворачивается от угощения.

«Изверги! Да что же они с тобой сделали! Орлик, миленький!..» — приговаривает Степан, держа в дрожащей протянутой руке корочку хлеба. Слезы катятся по пыльным щекам Степана, падают на морду лошади. Степан их не замечает. И Орлик не чувствует...

Евген Плужник

ГУЛ МИРОЗДАНЫЯ

Евген (Евгений) Павлович Плужник, известный украинский литератор, выходец из кантемировской крестьянской семьи, занимавшейся и торговлей. Учился в сельской школе, в гимназиях Воронежа, Богучара, Бердянска. Выпускник Бобровской гимназии (1918), в которой писал стихи на русском языке для рукописного журнала «Призыв». В годы гражданской войны семья переехала в Полтавскую губернию, где Плужник работал сельским учителем. Учился в Киеве в зооветеринарном институте, а затем в музыкально-драматическом имени Н.В. Лысенко. Но обрел себя в литературном труде. Судьба отпустила ему чуть больше десяти лет для творчества. Евгений Павлович под псевдонимом Кантемирянин опубликовал первые стихи на украинском языке в журналах в 1923 году. Автор поэтических книг «Дни» (1926), «Ранняя осень» (1927), «Равновесие» (1933, опубликована в 1966), романа «Недуг» (1928), пьес, киносценариев. Переводил на украинский язык Николая Гоголя, Антона Чехова, Максима Горького, Михаила Шолохова. Незаконно арестован в 1934-м, осужден. Скончался 31 января 1936 года в лагерном лазарете на Соловках.

Произведения Плужника переводили на русский язык воронежские литераторы Виктор Беликов, Виктор Будаков, Евгений Новичихин, Михаил Тимошечкин, Петр Чалый, москвичи Светлана Соложенкина и Юрий Кузнецов. В Воронеже изданы стихи Евгена Плужника «Ранняя осень» (1992), однотомник поэзии и прозы «Родюча земля» (2002). Презентация этого сборника прошла в украинском Фонде культуры в Киеве при поддержке народного поэта Украины Бориса Олейника.

«Евген Плужник — один из великих украинских поэтов XX столетия. Давно и надежно он «вписался» в мировую поэзию. И это — при немногочисленных переводах на другие языки, это — при малом количестве, при небольших тиражах его украиноязычных изданий.

Плужник — реалист врожденный. Редкостное явление. Жестокая эпоха запечатлелась жестокими деталями в его творчестве. В этой «документальности» — загадка его поэзии, тайна и «неотменимость». Поэт-интеллектуал с высоко напряженным станом души и в то же время — самый земной. Совершенство простоты — вот главное достоинство его стихов.

Мыслитель, поэт, прозаик, драматург Плужник принадлежит к писателям, которых не просто читают, а и перечитывают неоднократно», — так оценивает его творчество поэт, биограф и издатель Плужника — Леонид Череватенко.

Редакция журнала «Подъём» печатает стихи Евгена Плужника в новых переводах Александра Нестругина.

* * *

Как жизнь сама, текут пески пустыни.
Тебя чарует их далекий шелест!
Дверь заперта, но в ней сыскались щели,
Нездешний шелест в горницу впустили.

Не рвись за край, не замышляй побег!
Закрой глаза, скажи мгновенью: «Тише...»
Ведь, может быть, душа твоя из тех,
Что взаперти — гул мирозданья слышат.

* * *

Где вы теперь — все те, кто были
Друзьями юношеских лет, —
Кто слышать может мой привет,
Кто, позабытый, спит в могиле?

Как белых паутинок нити
Возьметса время в чуб вплетать,
Так хочется меж вами стать,
Друзья, — чтоб вместе в зрелость выйти!

И вновь расслышать (пусть на миг),
Когда неверье сердце ранит,
Речей кипенье молодых
О том, что зрелость не обманет...

* * *

Целый день душе моей ненастно,
Ничему душа моя не рада, —
Две морозом тронутые астры
В комнату ты принесла из сада...

И когда, задетые остудой,
Ты цветы на книжку положила,
Ощутил, как, долетев оттуда,
Смертный холод пробежал по жилам!

И весь день гнетет меня и мучит
Чувство не утраты, так разлуки...
Думы — словно снеговые тучи,
И никак не отогрею руки...

* * *

Мосток замшелый в две доски,
И вербы у воды, и мальвы,
Какую мне вернули даль вы:
Уст, еще спящих, лепестки,
Свет глаз, что их зовет проснуться,
Озноб свиданья — в первый раз...
Все, что зовет так властно нас —
И не дает себя коснуться!

* * *

Забывшись, так вела рукою ты,
Что было старым клавишам тревожно...
Казалось, лишь скажи тебе: — Лети! —
И повернуть едва ль уже возможно!

Но что-то руку так твою вело —
Вот это сразу и заметить мне бы! —
Как будто перебитое крыло
Взлететь пыталось в раненое небо...

* * *

Она нисходит к морю... Кто она? —
Отныне это позабылось, смеркло.
Не эхо разве — наши имена,
Не отзвук разве общей доли смертной?

Одно движенье — и под ноги лег
Покров — и светлой негой торс открылся.
Так, будто бы на стройном стебле ног
Таинственно цветок во тьме светился —
Цветеньем победительно-нагим!

Спадает вал... Не меют берега...
И вновь волна летит напропалую!
Но воду тронет чуткая нога —
Вал дрогнет, пальцев кончики целуя...

И не таит волнение свое
Бескрайность вод, что всем ветрам открыта, —
И кажется, вернулась Афродита,
Вошла в прибой, что породил ее!

* * *

Где ты ступала, там песок метет,
Но твой следок — лишь мне — оставлен весь...
Дрожит река, вжимаясь в берег тот,
А там — лишь редкий облетевший лес...

Кто аистам заступит в небе путь?
Ну, разве что свинцовых туч броня...
О друг единственный! Стесняя грудь,
Какой покой тут стережет меня!

То рук твоих, далеких рук тепло —
Мне верится — пришло побыть со мной.
И смуту чувств, и память уняло,
И мертвый лист, качаемый волной.

Как будто феи поздних теплых дней
Остановить сумели этот час...
И даже этот след ноги твоей
Не тронет сердца и усталых глаз.

Я разглядел с осеннею рекой:
Здесь ничему уже не умирать.
И след твой малый — он большой такой,
Что я и слов не смог бы подобрать!

* * *

Предчувствием покоя и тоски
Томит меня листва, что пала долу...
Пора пример брать с медленной реки
Мечтам и думам...

Когда рощам голым
Уже не заслонить немую даль
И солнце льется скупое и нечасто,
Покой нисходит, получивший в дар,
В дар неделимый долгий-долгий час тот,
Что осень зовется...

Сны смотри,
Перебирай, что лето накопило...
И так с тоской своею говори,
Чтобы она из тьмы на свет ступила.

* * *

Вчера над городом летели гуси.
Над городом-камнем, в ночи...
Глупое сердце, стиснуто грустью, —
Молчи, смешное, молчи!

Хватит всяких и грез, и болей...
Есть книги — все знают они.
Слышишь, в тополях голых:
— Нишкни...

Девонька, грезы бедой твоей стали!
Дума ночная моя!
Гуси летели в далекие дали...
А я?

* * *

Оторвались от дней слова,
Вянут в книжках, а в днях — темным-темно!
Древняя-древняя, радость моя нова:
Дождь теребит стреху и рябит окно.

Кто говорит, что узнал все, лжет!
Перед мечтой не лги!
Дни! Музей, что нам бережет
Дре-без-ги!

* * *

Чем меньше слов, тем больше речи ясной.
Ты слов, поэт, сугробы наметаешь!
Все бьешься, рвешься, в облаках витаешь...
Слов круговерть! Напрасный труд, напрасный!

Что выскажешь? Сердца, как словари,
Истолковать уже готов ты вроде?
Грусть мировую —
В хуторском изводе?

Твори!
Твори!

* * *

Камню дан предел один — лежать.
Ветру дни одно — лететь! — велели.
Я же должен смыслы обнажать
Иль, хотя бы, добиваться цели...

Век я взвешу — на своем горбу,
Все своими делая руками, —
И кивнут привычно на судьбу
Вольный ветер и лежащий камень.

* * *

Ах, не знает угомона пташка —
Сердце, что в груди все рвется петь!
То пустое, что груди бывает тяжело,
Что мешает песня думам зреть...

Промелькнет — и разом грудь остудит,
Думы темным холодом скует, —
Что тебя тогда уже не будет,
Если пташка та — не запоеет!

**СТИХОТВОРЕНИЕ К РАССКАЗУ
В. ПИДМОГИЛЬНОГО «ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ»**

Эй, отец мой, простор степной,
Слово молвлю еще с тобою...
Дни молодые не стороной
Пошли за водою...
Ой вы, звезды, яркие, близки!
Мне до ваших чар дела мало...
Темный чуб мой, мои виски
Бела вьюга зацеловала.
Ой вы, ночи, ваш черен свет!
Мне не видно, куда иду...
Я один, еще с детских лет,
И таким же я пропаду.
Где ж вы, братья? Мою слезу
Кто утрет, кто меня приветит?
И стою, словно дуб в грозу,
Только тучи вокруг да ветер...

*Перевод с украинского
Александра НЕСТРУГИНА*

Александр Ефимов

НАБИРАЕШЬ ВЫСОТУ В ПОЛЕТЕ

(Из воспоминаний дважды Героя Советского Союза,
маршала авиации А.Н. Ефимова)

Александр Николаевич Ефимов родился 6 февраля 1923 года в слободе Кантемировка, ныне районном центре Воронежской области, в семье железнодорожника. Военный летчик, дважды Герой Советского Союза (26.10.1944г. и 18.8.1945г.), маршал авиации (1975). Окончил Ворошиловградскую военно-авиационную школу пилотов (1942), Военно-воздушную академию (1951), Военную академию Генерального штаба (1957). В ходе Великой Отечественной войны летчик-штурмовик, командир звена, эскадрильи, штурман авиаполка. Совершил 288 боевых вылетов, уничтожил много живой силы и боевой техники противника. После войны на ответственной работе в авиации. Главнокомандующий Военно-воздушными силами — заместитель министра обороны СССР (1984–1990). Написал воспоминания летчика «Над полем боя» (1980), «Штурмовики идут на цель» (2003). Жил в Москве. Председатель Российского комитета ветеранов войны и военной службы. Почетный гражданин воронежского Кантемировского, ростовского Миллеровского районов. Часто бывал на родине, встречался с земляками.

Александр Николаевич Ефимов,
фото военных лет

Встретив в 2003 году свое восьмидесятилетие, Ефимов навесит малую родину. А ею Александр Николаевич считает и Кантемировку, где родился-рос, и недалеко ростовское Миллерово, куда переехала на жительство семья, там с седьмого класса Саша продолжил и завершил учебу в средней школе...

Маршалу захотелось пройти стезжками-дорожками далекого кантемировского детства. На тихой улочке близ Свято-Троицкого храма Ефимов, не скры-

вая удивления и радости, увидел целехоньким старый родной домик: «Сменил лишь камышовую крышу. За огородами, — указал, — речка, луг. Там купались, рыбачили, искали съедобное лакомство в луговом разнотравье — дикий лук-скоророду, щавель, забудьки, лопуцьки... На подножных кормах выросли», — сказал и засмеялся.

Дальше дорога привела к железнодорожному вокзалу. Вспомнилось печальное: «На работу к маме бежал и плакал, выкрикнул с порога: бабушка умерла...»

Позже семья Ефимовых переселилась на жительство в квартиру просторнее при станции: «Из раскрытого окна на крышу вагона можно было шагнуть». Однажды братья баловались — разбили стекло. «Испугались, что накажут нас. Сбежали из дому. К вечеру дошли пешком в большое село — Марковку. Остановились у хороших знакомых. Ночью нас разыскали родители...»

Александр Николаевич попросил проехать хоть немного тем бывшим проселком. В Марковку ведь нынче попасть сложно, она теперь заграничная — на Украине.

Остановились на степном всхолмье, откуда открывается полевой простор во все концы света. Ефимов молча всматривался в открывшиеся дали, как будто пытался угадать, где же пролегал только ему знакомый шлях...

Скончался он 31 августа 2012 года в Москве на 90-м году жизни. Умер от сердечного приступа, узнав о смерти друга — маршала Сергея Леонидовича Соколова. Похоронен на Новодевичьем кладбище. К празднику 9 Мая 2015 года на могиле маршала установлен памятник. В Кантемировке и Миллерово есть бюсты героя.

* * *

В июле 1942 года первые шесть летчиков-выпускников, прошедших подготовку на самолете Ил-2 Ворошиловградской военной авиационной школы, эвакуировавшейся в г. Уральск, были направлены в 10-й запасной авиационный полк на аэродром Каменка-Белинская под Пензой. Там нам предстояло выполнить программу ввода в строй.

Мы рвались на фронт и были полны решимости как можно скорее выполнить необходимое количество полетов. Очевидно, боевые части испытывали недостаток в летном составе, поэтому программа была сокращена до минимума.

Выполнив несколько полетов, мы получили предписание убыть на сборный пункт 1-й воздушной армии, расположенный на аэродроме Дракино на Оке близ Серпухова. Не успели мы сдать документы в штаб, как последовала команда убыть на аэродром, где нас уже ждал самолет Ли-2, на котором за нами прилетел заместитель командующего воздушной армией генерал Богородецкий.

Нас доставили на аэродром Григорьевское, где базировался 594-й штурмовой авиационный полк 214-й штурмовой авиационной дивизии. Начались полеты по вводу нас в строй. За две недели я выполнил более 30 полетов, главным образом по маршрутам, на бомбометание и стрельбу на полигоне близ Перемышля южнее Калуги.

Первым командиром звена у меня был старший лейтенант Атаманчук. Это был уже обстрелянный летчик, совершивший к тому времени 15 боевых вылетов и пять раз сбитый. Судьба была благосклонна к нему. Он возвращался в полк и после излечения продолжал драться с врагом. Вскоре наша дивизия перебазировалась на Калининское направление. Мы продолжали готовиться к боям. Через некоторое время дивизия получила распоряжение штаба воздушной армии: передать молодых пилотов и все самолеты в состав 233-й штурмовой авиационной дивизии, а кадрам летного состава убыть в тыл на переформирование, получение пополнения и новых самолетов.

Наша летная судьба изменяла адрес. Что нас ждет впереди?

Нам было приказано явиться в отдел кадров, а затем в боевые полки. Мы с Толей Украинцевым, товарищем по авиационному училищу, получили назначение в 198-й штурмовой авиационный полк, базировавшийся где-то под Волоколамском. Сентябрь в Подмосковье выдался капризным. Зачастили холодные дожди, небо хмурилось, безвременно блекли багряные краски осеннего леса.

Ненастная погода, неутешительные сводки Советского информбюро плохо действовали на настроение. Фашисты рвались к Сталинграду, стремились отрезать Кавказ. И на Западном фронте ничего утешительного. Скорее бы в самолет — и в бой! А мы с Толей Украинцевым уже третий день месили грязь на фронтовых дорогах в поисках нужного нам аэродрома. След его отыскался неожиданно. Помог сержант-регулировщик. Он же пристроил нас на машину со снарядами, следовавшую в том же направлении.

В кабине трехтонки мы почувствовали себя счастливыми: теперь-то уж наверняка доберемся. Прижавшись друг к другу, чтобы согреться, мы задремали и... проехали свой перекресток. Проснулись от близкого оружейного грохота. Куда это нас занесло? Оказывается, водитель привез нас прямо на огневую позицию батареи, искусно замаскированную на опушке леса. Она поддерживала атаку нашей пехоты на безымянную высоту, на гребне которой окопался враг.

Трудная это была атака: местность впереди открытая, и лютый свинцовый дождь с высоты... Неподвижные фигурки солдат на раскисшем от дождя поле... И эта нелепая, зловещая тишина. Потом на моем пути было много боев, но этот, первый, на всю жизнь врезался в память.

Растерянные и ошеломленные, мы не сразу сообразили, чего добивается от нас разгоряченный боем офицер-артиллерист с двумя кубиками на петлицах. После наших сбивчивых объяснений он понял наконец, что мы — молодые летчики, направляемся в штурмовой авиационный полк, ищем аэродром.

— Там ищите! — махнул он рукой в тыл, а сам сорвался на крик: — И где она, ваша авиация? Где обещанная поддержка с воздуха? Кто ответит за них? — Лейтенант бросил гневный в сторону безымянной высоты.

Подавленные, возвращались мы с передовой. Зарядивший с утра дождь не переставал. Наши шинели промокли насквозь. В пудовых от налипшей грязи сапогах хлюпала вода.

...За разговорами незаметно подошли к нужному нам повороту на деревню Чертаново. К одиноко стоящему высохшему тополю прибита фанерная доска с лаконичной надписью: «Хозяйство Тысячного».

Сомнений нет, идем правильно. Еще в отделе кадров воздушной армии нам сказали, что майор Тысячный — командир нашего штурмового авиационного полка.

Вот, наконец, и Чертаново. Единственную улицу перегораживал самодельный шлагбаум. Миновав его, тут же встретили офицера с красной повязкой на рукаве.

— Вам кого, товарищи военные?

В коротких замызганных шинелях и выцветших старых пилотках мы мало походили на выпускников известного в стране авиационного училища. Офицер прочитал наши предписания и тотчас оживился.

— Ну, давайте знакомиться. Я — лейтенант Васильев, командир звена. Милости просим в наш будущий гвардейский полк... Обедали? — спросил он нас.

Во фронтовом авиационном штурмовом полку мы сразу почувствовали, что попали в дружную боевую семью.

Командир, выслушав наши рапорты, поздоровался, подробно расспросил, как мы пришли в авиацию, посоветовал внимательно присматриваться к боевой жизни коллектива.

— На каких самолетах летали? — спросил меня майор.

— На У-2, Ут-2, немного на СБ, Пе-2 и Ил-2.
— Какой налет на самолете Ил-2?
— Десять часов! — с гордостью ответил я, надеясь услышать похвалу по поводу того, что быстро освоил грозный штурмовик.
— Не слишком, — с сожалением сказал командир. — Придется начинать с азов...

Вот тебе и раз: мы-то думали, что эти «азы» уже позади.

Для нас была составлена специальная программа ввода в строй.

Правильно говорят, что лучше один раз увидеть, потрогать, чем сто раз услышать. Но еще важнее самому получить навыки эксплуатации обслуживания оружия и боевой техники. Практика — всякому делу голова. Наши знания быстро накапливались, крепились навыки. О первых успехах и прилежании новеньких хорошие отзывы дали командиру инженер и другие старшие товарищи. Особенно много занимался с нами штурман полка майор М.Бондаренко. Конечно, мы понимали, что быстро осваиваться в полку помогают, прежде всего, базовые знания, навыки, полученные в авиашколе. Там с нами работали прекрасные преподаватели. С большой благодарностью я вспоминаю об их нелегком труде. Они были энтузиастами своего предмета.

Капитан Межов с упоением обучал нас штурманским премудростям, требовал от нас пунктуальности и аккуратности во всем — от заточки карандашей до оформления и работы с картой. Много времени он уделял обучению счету в уме, быстрому чтению карты, глазомерной и графической прокладке маршрута, правилам разметки этапов и обозначений.

На первых порах результаты были неважные. Но по мере тренировок мы ближе и ближе подходили к требуемому. Тренировки очень помогали нам потом, в реальных полетах, особенно когда мы попали в боевой полк.

На бреющем полете трудно вести отсчет времени и местонахождения. Нужна была моторная память и мгновенная сообразительность. Вот тут как раз и пригодились уроки Межова. Но все-таки никакая учеба не могла заменить боевую практику. И неудивительно, что мы с большим уважением относились к штурману полка Михаилу Захаровичу Бондаренко. Он чем-то напоминал нам Межова.

В бою Бондаренко преображался. Вера в оружие, воля к победе, точный расчет и неотразимый удар всегда приносили успех боевому летчику. Слово ураган, проносился он над объектом на малой высоте, неся гибель врагу. Многотонный штурмовик был удивительно послушен рукам пилота на крутых разворотах боевого пилотажа. Разгоряченный боем, Михаил Захарович обычно сразу же после вылета анализировал действия каждого подчиненного, давал советы, указывал на промахи. Умел он внушить своим ведомым уверенность в победе над сильным и коварным врагом.

Передний край обороны на нашем участке фронта проходил чуть западнее районных центров Зубцов, Гжатск, Юхнов. В темные осенние ночи с аэродрома было видно багровое зарево пожарищ. Наш 198-й штурмовой авиационный полк в то время базировался на полевом аэродроме неподалеку от Волоколамска. Городок этот вместе с окружающими его населенными пунктами в период вражеского наступления на нашу столицу был ареной ожесточенных боев.

Отступая, фашисты всю свою злобу за неудачи на фронте вымещали на мирных жителях. Они угоняли их в Германию, расстреливали, вешали, а деревни и села предавали огню. Гитлеровские генералы приказывали уничтожать на русской земле все, что можно было уничтожить. На языке фашистских воjak это называлось «создать мертвую зону» на пути наступающих советских войск.

Серьезно пострадало и село Чертаново, возле которого располагался наш аэро-

дром. То, что уцелело от попаданий бомб, мин и снарядов, было уничтожено пожарами.

Работа сельских Советов в прифронтовой полосе после того, как отсюда были изгнаны оккупанты, еще только налаживалась. Летчики полка приносили чертановским ребятишкам из своей столовой кто горбушку хлеба или сухарь, кто котлету или несколько кусочков сахара. Жители Чертаново и беженцы часто выручали нас в снегопады. На расчистку аэродрома добровольно выходили все. Даже дети помогали сгребать снег с летного поля, расчищать самолетные стоянки. Заводилой в этом деле была эвакуированная из Смоленска Екатерина Ивановна Шевелева. Ее пятилетний сын Петька был нашим общим любимцем. Смысленный малыш, словно взрослый, хорошо разбирался в различных образцах стрелкового оружия. По гулу моторов Петька безошибочно отличал советские самолеты от фашистских, при угрозе бомбежки прятался в щель.

Хотя и трудно приходилось Екатерине Ивановне, но никто не слышал от нее ни одной жалобы.

Эта женщина глубоко верила, что недалеко то время, когда оккупанты побегут с нашей земли. Да разве только она одна думала так? Разгром гитлеровских войск под Москвой вдохновлял советских людей, укреплял их веру в нашу победу над германским фашизмом. Близкими и понятными были мне переживания Екатерины Ивановны. По ту сторону фронта, в Миллерово, не успев эвакуироваться, осталась моя мать с младшей сестренкой. Как только кончались наши дневные заботы и наступал вечер, меня неотступно начинала мучить мысль: живы ли родные? Я ничего не знал о них с первого дня войны, и память невольно возвращала меня к тому дню, когда мы расстались.

...В воскресенье утром, 22 июня 1941 года, меня вызвал дежурный по авиационной школе:

— Курсант Ефимов, к вам приехали мать и сестра!

Увольнения в город в тот день не разрешили. Я находился в казарме. Бегу к контрольно-пропускному пункту, в комнату для посетителей, где стояли накрытый белой скатертью стол и четыре табуретки. На столе я увидел графин с водой, а рядом, в вазе, букет свежих полевых цветов.

— Здравствуй, мама!

Мать молча обняла меня, а потом тихо произнесла:

— Вот ты и летчик! Только ты, сынок, летай пониже и потише.

Она с гордостью смотрела на мою пилотку и голубые петлицы с «птичками», а мне почему-то вспомнилось тогда детство...

Ко мне рано пришло увлечение авиацией. Мечта о ней зародилась в моем сознании еще в детские годы. Этому способствовал небывалый случай.

Как-то на площадь перед церковью в нашей Кантемировке произвел вынужденную посадку учебный самолет. В этот год зима была снежная, и самолет удачно приземлился на лыжах. Это необычное событие всколыхнуло жителей всего райцентра и железнодорожной станции.

И стар, и млад со всех окраин стекались посмотреть на это невиданное чудо — аэроплан. Конечно, особенно активными были мальчишки, буквально облепившие самолет. Никакие уговоры летчиков не помогали. Каждый стремился потрогать это перкалево-деревянное сооружение. Да и не только мальчишки, взрослым тоже было очень интересно. Видя, что толпа не унимается, летчики решили проявить инициативу и начали рассказывать в доступной форме о самолетах, о полетах, о предназначении авиации и ее применении в гражданской и военной сферах. Некоторым счастливицам даже удалось посидеть в кабине самолета. Нам, малышам, было дозволено только потрогать самолет руками.

День клонился к вечеру. Толпа постепенно стала расходиться группами, обсуждая случившееся. Дома я появился затемно, за что получил солидную взбучку от мамы. Но что это по сравнению с увиденным?

— Буду летчиком, — безапелляционно заявил я. С тех пор постоянно мечтал об авиации, о полетах, о небе.

...Услышав гул пролетающего самолета, я с восторгом и завистью провожал его взглядом, пока он не скрывался за горизонтом.

Летом 1930 года на окраине нашей Кантемировка приземлился самолет с надписью «Правда» на борту. Это был, видимо, агитационный полет, который собрал много сельских жителей. Летчики раздавали газеты, листовки, рассказывали об авиации, о ее роли, о достижениях и рекордах. Все это было организовано по классической агитационной формуле: «Трудовой народ, строй Воздушный Флот!»

За околицей для посадки самолета была оборудована площадка с указателем направления ветра — так называемая «колбаса» из матерчатого белого мешка с черными полосами, закрепленная на длинном шесте.

Теперь мой выбор был сделан окончательно. Мой путь в авиацию начинался, наверное, как в то время у многих — через строительство авиационных моделей. Увлечение авиамоделизмом было в стране массовым. Почти в каждой школе были авиамodelьные кружки. В них юноши и девушки постигали азы авиационной теории и делали первые шаги в конструировании различных моделей. В предвоенные годы бурно развивалась авиация, создавались авиашколы, авиационные училища, аэроклубы. Молодежь увлекалась парашютным спортом. В Осоавиахиме — обществе содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР — создавались кружки парашютистов, планеристов. Не было города, где бы не возводились парашютные вышки, не организовывались планерные школы.

Наша семья жила в большом селе Кантемировка, а потом мы с отцом переехали в город Грязи Воронежской области, где он работал начальником дистанции пути. Фактически он был мне отчимом, но я называл и называю его отцом, ношу его фамилию, пишу о нем как об отце. Так вот — отец Николай Герасимович Ефимов — потомственный железнодорожник, инженер по образованию, видя мое увлечение авиамоделизмом, поддерживал и помогал мне разобраться в терминологии, часто давал советы, как лучше построить ту или иную модель.

В семье, кроме меня, были сводный брат Костя и сестра Лиза от первого брака отца и маленькая сестренка Люся, родная мне по маме. Мы были очень дружны.

Костя как старший верховодил, он был организатором всех наших затей и тоже увлекался авиамоделизмом, строил, мастерил. Я старался не отставать и по мере сил оказывал помощь и, если можно так сказать, постоянно выпрашивал работу. Когда Косте надоедало, он брал меня за шкирку и выводил из сарайчика, обещая применить более действенные меры. Это, однако, не мешало ему быть предупредительным и внимательным к моим стараниям. Разве мог он тогда предвидеть, что вскоре я поднимусь в небо, а затем буду верен этой профессии всю свою жизнь?

Первым происшествием на пути к авиации (впоследствии их приключалось немало) был неудачный запуск пропеллера. Многие, очевидно, помнят, как на обыкновенную катушку из-под ниток на двух штырьках помещался небольшой металлический пропеллер, на катушку наматывается суровая нитка или шпагат. Катушка помещается на штырь. Потянул за шпагат, катушка начинает вращаться и пропеллер со свистом взмывает вверх. Где-то мы нашли катушку больших размеров, удержать ее в руках было, конечно, невозможно. Да и пропеллер был значительно больше обычного. Выход был найден довольно скоро.

Врыли столб в землю, забили шкворень, на него надели катушку с пропеллером. Все было готово к старту. Костя резко тянет за шнур, пропеллер со свистом взмывает вверх, и... я как «герой» возвращаюсь из больницы с забинтованной го-

ловой. Мальчишество? Но как гласит народная мудрость: «Истоки мужества кроются в мальчишестве»...

Дружная совместная семейная жизнь продолжалась недолго. Последующие события разрушили нашу семью.

Лето 1937 года...

У самых железнодорожных путей стоял небольшой, стандартного типа дом. Отсюда уходили, чтобы никогда больше не встретиться, Костя и Лиза.

Костя уезжал в Воронеж поступать в авиационный техникум. Как сейчас помню маленький баульчик в руках Кости, его поспешное прощание, и глаза, в которых столько тоски, как будто он предвидел, что это последние минуты, за которыми — разлука до конца его дней.

Годом раньше уехала к родной матери Лиза. Мы с Костей провожали ее из пионерского лагеря. Костя стоял, насупившись, не проронив ни слова, только пристально смотрел ей вслед. А я был позади него и молча плакал.

Отсюда уходил, уезжал не по своей воле и наш отец — его арестовали как «врага народа»... Тот трагический год разбросал нас еще до военной круговерти. Когда после ареста отца мы остались с мамой и маленькой сестренкой Люсей одни — без жилья, без средств к существованию, то жизнь как-то сразу померкла. Наверное, с этой поры я начал взрослеть. Даже игры с ребятами стали не такими беспешными, так играют враз повзрослевшие дети. Страшное это было время.

Но когда невольно память воскрешает эти дни, то приходится удивляться, как все-таки живучи русские люди... Жизнь иногда безжалостно корежит их, бросает, крутит. Казалось бы, все — нет человека, а он выживает, становится еще крепче...

Жизнь была безжалостна и к нам. Мы вынуждены были искать пристанища. Нас приютили у себя далекие родственники мамы в городе Миллерово. И наша большая семья распалась, чтобы никогда больше не собраться.

И только много лет спустя дошли до нас печальные вести. Лиза в сентябре 1943 года по доносу была расстреляна немцами и похоронена в Кантемировке Воронежской области. О судьбе Кости я узнал, когда его уже не было в живых. В 1939 году отец был реабилитирован, вернулся к нам в Миллерово и вскоре умер. Вот так судьба распорядилась нашей семьей. Каждый шел своей дорогой.

Сразу же после войны я много раз делал попытки узнать о судьбе Кости. Запрашивал Главное управление кадров МО и архив МО, но никакими сведениями о Константине Николаевиче Ефимове эти организации не располагали.

Спустя годы как-то вечером в моем доме раздался телефонный звонок. Звонившая женщина сказала, что смотрела телевизионную передачу, в которой я выступал по случаю Дня Воздушного флота, и спросила, имею ли я отношение к Константину Николаевичу Ефимову, ее отцу. Я ответил, что он мой сводный брат, и пригласил ее в Москву. Это была старшая дочь Кости. Через некоторое время мы встретились с семьями старшей и младшей дочерей брата. Они-то мне и поведали, что Костя был сотрудником разведорганов, запросить которые я просто не догадался, о чем очень и очень сожалею. В войну он прошел трудный путь разведчика в одном из иностранных государств. Был награжден многими орденами. После войны он умер. Похоронен в Одессе. Но это было потом.

...Приехав в Миллерово, я поступил в 7-й класс школы № 2. Класс был очень дружный, приняли меня радушно и на первых порах помогли мне наверстать пропущенную программу. Каждый предлагал свою помощь. Вскоре я догнал своих сверстников. В школе было множество всевозможных кружков, в том числе и авиамodelьный, куда я сразу же поступил. Имея кое-какой опыт, я хорошо вписался в коллектив.

Как-то шефы из воинской части подарили нам настоящий планер. Радости не

было предела. Открывается планерная школа! Скоро будем летать! С гордостью мы таскали свою огромную крылатую игрушку из мастерских на аэродром. По пути к нам присоединялись подростки с других улиц, и вскоре на летном поле собирались ребята чуть ли не со всего города.

Правда, планер УС-4 был старенький, чиненный-перечиненный, весь в заплатах, и мы больше ремонтировали его, чем занимались на нем. Но и от этого на первых порах мы испытывали огромное удовлетворение.

Прежде чем летать, надо было освоить подлет — кратковременный отрыв планера от земли. Но еще раньше мы проходили так называемую балансировку. На врытом в землю штыре устанавливался планер. Ученик летчика садился в кабину и, действуя рулями, за счет набегавшего потока ветра удерживал планер в горизонтальном положении.

У концов крыльев и у хвостового оперения для страховки стояли товарищи и удерживали планер от сваливания, если неудачливый ученик летчика допускал ошибку. С каким душевным волнением выполняли мы эти нехитрые упражнения! Сидишь в кабине и забываешь, что ты всего-навсего балансируешь планер. В мыслях ты уже где-то далеко-далеко в бескрайнем небе. Казалось, в руках не фанерный планер, а грозная боевая машина. Какие это были прекрасные мгновения полета мальчишеской фантазии! И только нетерпеливый возглас очередного ученика летчика выводил тебя из этого удивительного состояния.

Ежедневно приходили мы на занятия и терпеливо дожидались своей очереди. После их окончания любовно зачехляли планер и с чувством выполненного долга строем, с песней покидали аэродром.

— Завтра начнем полеты, — объявил нам инструктор.

И вот настал этот памятный день — 18 августа 1938 года. Задолго до установленного срока пришли мы на аэродром. Было ясное утро. На сердце радостно и тревожно. Сегодня должна свершиться заветная мечта — летать. Охотников много. Кому же первому?

— Тебе, Саша, — учитывая мою особую привязанность к авиации, решили товарищи, такие же пятнадцатилетние пацаны.

Занимаю место в кабине. Проверяю ход ручки, педалей и жестом даю знак инструктору: к полету готов. Запуск производился довольно просто — с помощью резинового амортизатора, закрепленного за крючок в передней части планера. Два резиновых уса амортизатора ученики летчика натягивали под углом к оси направления взлета. Планер в этот момент удерживался с помощью нехитрого механизма — штыря и особой крестовины.

— Старт! — подавал команду инструктор.

Ученик летчика тянул за специальный тросик, освобождая стопор, и уже ничем не удерживаемый планер послушно взмывал в небо.

Так вот начался и мой первый безмоторный полет. Ни с чем не сравнимое чувство охватывает тебя. С того памятного утра прошло много лет, я совершил тысячи взлетов и посадок на различных самолетах и вертолетах, днем и ночью, в любых метеорологических условиях, но первый полет, как и та безымянная высота, увиденная осенью 42-го, не забудется никогда. И перед каждым новым взлетом до сих пор сладко замирает сердце, каким бы он ни был по счету — сто — или тысяча первым! Видно, нельзя привыкнуть к этому удивительному состоянию. И так — на всю жизнь, пока судьба дает возможность летать...

Высота метров пять-десять. Планирую через летное поле и довольно благополучно произвожу посадку... Не каждая из них заканчивалась так гладко. Иной раз при нерасторопных действиях набивали мы себе синяки и шишки, а планер тут же, на летном поле, приходилось ремонтировать. Но даже при неудачах страсть к полетам не унималась.

«От модели — к планеру! С планера — на самолет!» — вот лозунг, который определил нам место в жизни.

После окончания Миллеровской средней школы № 2 мечта стать летчиком побуждала меня к поступлению в военное авиационное заведение. Выбор был большой. В стране развивалась авиация, а, следовательно, требовалось большое количество летчиков. Мой выбор остановился на Военно-морском авиационном училище. Я не был одинок. Вместе со мной решил поступать мой одноклассник Володя Гревцов. Мы подали заявления в Миллеровский горвоенкомат о том, чтобы нас направили в Николаевское училище. Пройдя медицинскую комиссию при военкомате и получив необходимые документы, мы собрались в путь. Это был август 1940 года. Провожать нас пришел весь класс. Мы выглядели именинниками. Нас напутствовали добрыми пожеланиями и обещаниями писать письма.

Прибыв в училище, сдав документы и разместившись в палатке, мы приступили к подготовке к экзаменам. Нам предстояло пройти еще одну медкомиссию. Мы с завистью смотрели на курсантов в хорошо подогнанной форме, которые обслуживали наш палаточный городок. Настроение у нас было приподнятое, мы грезили предстоящей учебой в известном училище Военно-Морского Флота.

Морские летчики были в стране в особом почете. Экзамены с Володей Гревцовым мы сдали успешно, на все пятерки. Осталось пройти мандатную комиссию. Нас по одному приглашают на беседу. Председатель комиссии, офицер с четырьмя шпалами в петлицах (полковник), выслушав мой доклад, предложил сесть к столу. Его заключение обрушилось на меня как гром среди ясного неба.

— Сынок, ты сдал все экзамены на «отлично» и достоин учиться в нашем прославленном училище, но мы предлагаем тебе приехать к нам через год. Надо тебе поправиться, набрать 3–4 килограмма, возмужать. Приедешь на следующий год и будешь принят без экзаменов.

Что говорил полковник дальше, я уже не слышал. Это был крах всей моей мечты. Что делать дальше, где учиться? Ждать следующего года? На эти вопросы я не находил ответов.

Я понимал, что летать на таком самолете, как МБР-2, непросто, и моя весовая категория не соответствует тем требованиям, которые предъявляют к летчикам морской авиации. С плохим настроением вернулся домой. Как объяснить одноклассникам мое возвращение?

Владимир Гревцов в училище был принят. Его весовая категория, очевидно, была немножко посolidнее. Он обучался в группе штурманов. Вскоре началась война, училище передислоцировалось на Дальний Восток, где он закончил обучение и был откомандирован в строевые части. Он участвовал в боевых действиях с японцами.

Встретились мы с ним только в 1946 году.

Но вскоре я узнал, что в Миллерово в военкомат прибыла группа для отбора желающих поступать в Ворошиловградский аэроклуб имени С.А. Леваневского.

Отбор кандидатов проводился в горвоенкомате специальной комиссией, в которую, кроме медиков, входили представители городских властей и аэроклуба. Возглавлял комиссию начальник военного отдела горкома партии Иван Яковлевич Миронцев. Благодаря Миронцеву, я был принят в аэроклуб. Напомню, что мой отец в 1937 году был репрессирован, это и послужило причиной внимания к моей персоне соответствующих органов, несмотря на то, что в 1939 году отец был уже реабилитирован. Однако клеймо «сына врага народа» еще долго преследовало меня.

В сентябре 1940 года 12 молодых миллеровцев уезжали в Ворошиловград для первичного летного обучения в аэроклубе. Прибыв к месту учебы, мы были представлены начальнику аэроклуба Сеницыну, который рассказал нам об аэроклу-

бе, о программе обучения, о режиме работы, мы получили соответствующие напутствия и пожелания. Разместили нас на квартирах в поселке Каменный Брод, одном из пригородов Ворошиловграда.

Я, Иван Безуглов и Жора Скляров остановились на квартире в доме на улице Кирова. Хозяин Карпов и его жена встретили нас радушно. Они понимали наше положение и старались по-родительски помочь. Да это и понятно — их единственный сын тоже учился в военном училище вдали от дома. Нам предстояло летать на самолете У-2.

Самолет У-2 (переименованный в 1944 году в По-2 после смерти конструктора Н.Н. Поликарпова) имеет богатую историю. Совершив первый полет 7 января 1928 года, он просуществовал около 35 лет. Производство По-2 прекратили в 1953 году, а начали списывать с июля 1959 года. Долговечность этого самолета свидетельствует о его высоком совершенстве.

Учебный самолет У-2 был исключительно удачной машиной, легкой в управлении, неприхотливой в обслуживании. Для первоначального обучения лучше не придумаешь. Однако был у него существенный недостаток — отсутствие радиосвязи и радиопереговорного устройства. Но, как говорят, «голь на выдумки хитра». Быстро нашлись умельцы, которые придумали переговорное устройство между инструктором и курсантом, которое состояло из «уха и раструба». По контуру уха делалась пластинка с патрубком. Пластинка обтягивалась мягкой тканью. Ухо и раструб соединялись гибким шлангом. Инструктор подавал команды, делал замечания, в общем, управлял курсантом. Обратной связи не было. О приеме команд курсант отвечал жестами. Курсанты дали раструбу остроумное название «матюгальник». Некоторые инструкторы, порой выходя из себя, позволяли себе нецензурно браниться. Когда же курсант не реагировал, высовывали раструб из кабины. Тогда поток воздуха бил по ушам непонятливым курсантам. В целом же это был прогресс в управлении.

Не лучше обстояли дела с переговорным устройством даже на таком более совершенном самолете, как СБ. Между летчиком и штурманом была смонтирована пневмопочта. Это была обыкновенная трубка диаметром 2 см, в которой находился челнок-капсула, перемещающаяся за счет набегавшего потока воздуха. Если штурману надо было что-то сообщить летчику, он писал записку, вкладывал в челнок, нажимал на рычажок, и струя воздуха перемещала ее адресату. Так же поступал летчик для передачи команды штурману. Конечно, такая «псевдопочта», как ее прозвали экипажи, была не слишком удобна. Но, как говорится, имели то, что имели. О радиосвязи или радиопереговорном устройстве мы тогда и мечтать не могли.

Весь наш набор был разделен на два отряда. Я с друзьями — Николаем Бышевым, Иваном Безугловым, Георгием Скляровым, Михаилом Пучковым и другими миллеровцами — попал в первый отряд, в группу инструктора Филиппа Баутина — к «Филе», как его любовно называли.

Я был назначен старшим группы. В группе было девять человек. После нескольких дней теоретической подготовки и практических занятий на самолете У-2 мы приступили к вывозным полетам.

Баутин был опытным инструктором, на его счету было уже более десятка выпусков. Техником самолета был Максимов, опытный и доброжелательный человек, быстро сплотивший наш коллектив, точнее, мы группировались вокруг него. Он был не только нашим наставником и преподавателем, но и прекрасным воспитателем. Фактически целый день с утра до вечера мы находились в его распоряжении. За короткий срок мы изучили материальную часть, инструкцию по эксплуатации самолета, помогли готовить самолет к полету, а после полета до блеска

драили его. Баутин разъяснял положения инструкции по технике пилотирования.

Как правило, выпускники аэроклуба поступали в Ворошиловградскую военную авиационную школу. Такая судьба ожидала и нас. Школа располагалась на окраине города в районе исторического памятника «Острая Могила». Адрес школы: г. Ворошиловград, «Острая Могила», школа пилотов. Злые языки в шутку переименовали адрес: «Острая школа, могила пилотов».

Вскоре начались вывозные полеты. Каждое утро мы пешком шли на аэродром. После завтрака и построения самолеты выруливали на летное поле.

Каждый отряд разбивал свой старт: посадочное «Т», полотнища и линию флажков. Левее «Т» разбивалась взлетная полоса, правее — посадочная.

Недалеко от «Т» разбивался «квадрат» — место, где находились учлеты.

Стартовый наряд включал руководителя полетов, стартера и финишера. Левее взлетной полосы размещалась заправочная линия. Самолеты со стоянки выруливали инструкторы с учлетами. К месту старта их сопровождали учлеты, которые держались за левую плоскость (для этого в плоскости было сделано специальное отверстие). Первый отряд имел красные цифры на киле, второй — синие.

Итак, каждый отряд разбивал свой старт, между которыми было 500–600 метров. Первый отряд летал с левым кругом, второй — с правым. Упаси Боже перепутать старт и сесть на «вражескую» часть поля. Это считалось большим позором.

Наконец, настало время держать экзамены по теории и технике пилотирования. Это было в начале 1941 года. К нам на аэродром прибыли летчики-инструкторы из Ворошиловградской военной авиационной школы — молодые лейтенанты в хорошо подогнанной темно-синей форме. Начались экзаменационные полеты. Каждый с волнением ожидал своей очереди. В программу экзаменов входили мелкие и крутые виражи, боевой разворот, переворот, переворот или петля Иммельмана, петля, спираль, штопор и скольжение на крыло.

Подшла моя очередь. Взлетаю и набираю заданную высоту в зоне, приступаю к выполнению фигур пилотажа.

Инструктор, сидящий в передней кабине, в управление самолетом не вмешивается, как будто его вообще нет в самолете. И я не могу понять, правильно ли я выполняю упражнения.

Выполнив пилотаж в зоне, начинаю снижение и беру курс на аэродром. Чувствую, что пилотаж удался, на душе становится спокойнее. Даже как-то расслабился. Вдруг мотор внезапно останавливается. До аэродрома еще далеко, с остановившимся мотором не дотянуть. Инструктор на это никак не среагировал. Под самолетом поля, перелески, овраги. Мучительно соображаю — куда же садиться, какую выбрать площадку, как построить маневр для захода на посадку. Внезапно осеняет мысль: я же не один, рядом со мной опытный летчик-инструктор. Он-то покажет, куда садиться. Это немного успокоило меня. И в этот момент мотор вдруг заработал. Оказалось, что в программе зачетных полетов, разработанных в военной школе, входил пункт имитации «вынужденной» посадки с выключенным мотором.

Строю маневр и произвожу посадку на аэродроме. Заруливаю на предварительный старт, где без выключения мотора кабину должен занять следующий экзаменуемый. Растегиваю привязные ремни и покидаю кабину, выхожу на крыло, освобождаю место другому учлету. Стоя на крыле, докладываю о выполнении задания и жду замечаний. Из-за шума мотора невозможно разобрать слова инструктора. Он это тоже понимает. Махнул рукой. Единственное, что я понял: нормально... Вскоре нам объявили оценки. Я получил «отлично». От волнения не услышал оценок некоторых моих товарищей. Только после построения узнал, что Жоры Склярова в списках не оказалось. Он летал смело, стабильно, грамотно, но

при полете с экзаменатором допустил нарушения. Вместо предусмотренных трех витков штопора сделал пять, что экзаменатор посчитал грубым нарушением и доложил старшему начальнику. Пока разбирались с этим случаем, группа уже была укомплектована, списки отправлены на утверждение руководства, и Жора Склярлов попал в другую группу, которая направлялась в Кировоградскую военную авиационную школу. Я же тогда уехал в Ворошиловградскую авиационную школу пилотов. (Если под «уехал» понимать переезд на другой конец города, где располагался аэродром, управление авиашколы, казармы и учебные помещения.)

Ворошиловградская авиашкола была сформирована в начале 30-х годов. Она готовила летчиков-истребителей и бомбардировщиков. В ней было семь эскадрилий, по два отряда в каждой. Я попал в первый отряд 2-й эскадрильи, которой командовал майор Челомбиев (участник боев в Испании, награжденный орденом Красной Звезды). Командиром отряда был старший лейтенант Виктор Тарасов. Здесь вновь проверили у нас технику пилотирования на самолете У-2.

В проверке принимал участие руководящий состав эскадрильи и школы. Я сдавал экзамен полковнику Сахно, заместителю начальника школы. Уровень подготовки учлетов в аэроклубе оказался таким высоким, что мы не только были приняты в военную школу, но и зачислены в экспериментальное звено для полетов на самолетах СБ (скоростных бомбардировщиках). Обычно курсанты бомбардировочных эскадрилий, прежде чем осваивать СБ, проходили полный курс обучения на самолетах Р5.

Вскоре мы начали учебные полеты на полевом аэродроме Новосветловка, расположенном в 30 км от Ворошиловграда.

Курсанты звена успешно осваивали новый для того времени самолет. За время обучения у нас не было никаких чрезвычайных летных происшествий. Инструктором нашей группы был лейтенант Виктор Крайнов.

Виктор был ненамного старше нас, семнадцатилетних мальчишек, но стал уже отличным летчиком и командиром. Он постоянно находился с курсантами, обучая нас всем тонкостям летного дела. Я тоже вышел в «начальники» — назначили старшим группы.

(Уже после войны, в 1946 году, я встретился с капитаном Крайновым в Военно-воздушной академии. В отделе кадров я заполнял анкету и не обратил внимания на офицера, сидящего напротив. Каково же было мое изумление, когда я узнал своего инструктора Крайнова и удивленно спросил: «Товарищ инструктор, это вы?» Так был велик его авторитет, что для меня он был Инструктором с большой буквы. К тому времени мы оба имели звание капитанов. Для меня он был учителем, которому я обязан всем, что имел. К сожалению, в Академию он не поступил.)

Мы учились охотно и добросовестно, чувствуя, что приближаются события, которые всколыхнут весь мир. На пороге была война.

...И вот та памятная встреча с родными у контрольно-пропускного пункта 22 июня 1941 года. Слова матери воспринял как самое заветное. «Да, мама, я буду летчиком!»

Только успел посадить мать с сестренкой в трамвай, помахал им рукой, и тут же, на улице, услышал, что фашистская Германия без объявления войны напала на нашу страну.

Первым естественным порывом курсантов было немедленно всем идти на фронт. Но начальник училища сказал на митинге, что командование считает необходимым продолжить обучение курсантов. Фронту нужны хорошо обученные, умелые летчики.

Вооруженные большим количеством танков и самолетов, до зубов технически

оснащенные и механизированные фашистские армии рвались в глубь страны. К осени сорок первого сражения уже вовсю бушевали в Прибалтике, Белоруссии, на Украине. Враг захватил значительную часть территории нашей Родины.

Осенью нашей авиационной школе было приказано эвакуироваться. Путь нас ожидал нелегкий и далекий. Самолеты перегоняли инструкторы. Мы же уходили, как говорят, с полной боевой выкладкой. Первый отрезок маршрута, Ворошиловград — Сталинград, преодолели пешком. От Сталинграда до Саратова плыли пароходом. Пароход носил название «Одесса». К тому времени Одесса была захвачена фашистами. Погрузившись ночью на пароход, мы горько шутили: «Наши войска взяли «Одессу». Из Саратова до Уральска добирались уже поездом.

Мы уходили в тыл, а фронт шел за нами. Тревожное зарево обгоняло нас на флангах, теснило с запада, оставляя свободным лишь путь на восток. Дым пожара стлался по степи: где-то на корню горели хлеба. В ночном небе над нами гудели вражеские бомбардировщики, освещая его сигнальными ракетами.

А на Южном Урале стояла тишина. Сюда не залетали даже вражеские разведчики. Начались напряженные дни учебы. Сорокаградусные морозы и снежные заносы на аэродроме, теснота и неустроенность. Жили мы, прямо скажем, не сытно. Но никто не хныкал, не жаловался. Каждый курсант стремился скорее стать боевым летчиком.

Правда, в эту тяжелую пору было немало организационных неувязок. Перед войной нас планировали выпустить пилотами на скоростных бомбардировщиках — СБ. Мы уже примеряли выпускную форму. Война же спутала все карты, программу изменили. Нас срочно начали переучивать на пикирующие бомбардировщики Пе-2. И опять начались полеты по кругу, в зону, по маршруту, строем. Ну, казалось, на этот раз все. Скоро на фронт. А перед самым выпуском — ошеломляющая новость: будем учиться летать на штурмовиках Ил-2. В то время мы испытывали двоякое чувство. Очередная оттяжка с выпуском, естественно, огорчала нас, зато перспектива быстро освоить новую боевую технику воодушевляла. Конструкторское бюро С.В. Ильюшина создало необычный самолет-штурмовик. Подобной машины не было ни у какой другой армии мира. Наши авиационные заводы уже приступили к серийному выпуску этого грозного самолета.

Переучивание на Ил-2 проходило в спешном порядке. На фронте позарез нужны были летчики. Вот и настал день, когда мы должны были сдать экзамен по технике пилотирования. В то время еще не было самолетов с двоятым управлением. Экзаменационная комиссия по технике пилотирования наблюдала за действиями летчика с земли. В экзамен входил один полет в зону и два полета по кругу.

Пришел и мой черед. Взлетаю и набираю высоту в зоне над аэродромом. Выполняю два мелких виража влево и вправо, два глубоких, спираль, горку, два боевых разворота влево и вправо, спираль, пикирование. Докладываю по радио о том, что задание выполнено. Снижаюсь до высоты круга и строю маневр для посадки.

Вдруг мотор стал давать сбой, начал «обрезать», как говорят специалисты. Осматриваюсь. Куда же садиться? Аэродром недалеко. Разворачиваюсь в сторону аэродрома и произвожу посадку поперек старта. Приземлился нормально. Самолет после пробега останавливается буквально на стоянке. Даю газ для заруливания на свою стоянку, но мотор опять «обрезает», из патрубков вырываются клубы черного дыма. Выключаю мотор.

К самолету бегут курсанты, техники. После замены свечей опробовали мотор на разных режимах. Сажусь в кабину и докладываю по радио о готовности к выруливанию на старт. Экзамен продолжается. Следующие полеты по кругу. Начинаю взлетать. После отрыва плавно набираю высоту. Вдруг на высоте 50–70 мет-

ров мотор резко останавливается. Отдаю ручку от себя и планирую прямо перед собой.

Казахстанские степи представляли собою большой аэродром. Садись без оглядки, где попало. Плавно приземляюсь. По бокам мелькают копыта сена. Самолет пробежал метров 150-200 и попал в промоину. Очевидно, одна на всю округу досталась именно мне. Удар. Самолет идет юзом. Подламываются шасси, меня бросает на приборную доску, ударяюсь лбом о прицел, по лицу течет кровь. Не чувствуя боли, выбираюсь из кабины на плоскость. Самолет распластал крылья, как большая подбитая птица, винт погнут.

А вот моему товарищу «повезло» больше. При отказе мотора он в промоину не попал, проскочил ее буквально в пяти метрах, но зато на пробеге врезался в стадо коров.

...За две недели пребывания на фронтовом аэродроме мы с Толей Украинцевым убедились, что в нашей затянувшейся стажировке нет ничего плохого. Просто нам была предоставлена возможность ознакомиться с тактикой штурмовой авиации, обстановкой на фронте. В первую очередь летчик обязан изучить район аэродрома. Этим стали заниматься и мы с Украинцевым. Требовалось тщательно осмотреть летное поле, взлетно-посадочную полосу, подходы к ней, места руления, стоянки самолетов, изучить порядок выруливания и заруливания, а также знать все опасные выбоины и препятствия на летном поле и в границах аэродрома.

Сложность летной службы плюс превратности войны, постоянное соприкосновение с опасностью создавали своеобразный настрой нашей фронтовой учебы и как-то выравнивали нас с другими летчиками. Такой настрой позволял скорее впитать боевой опыт. Побуждали нас к этому и многие примеры и факты из фронтовой жизни наших товарищей.

Вот прилетевший из боя штурмовик приземлился, не выпустив шасси на краю летного поля. Сначала мы решили, что это произошло по причине плохой подготовки летчика. Но ясность тотчас внес его механик.

— Да летчик ранен! — воскликнул он и бросился на выручку к командиру.

И действительно, летчик, отбиваясь от наседавших вражеских истребителей, получил тяжелое ранение. Теряя сознание, он все-таки дотянул до своего аэродрома...

В подготовке и проведении разборов майору Тысячному деятельно помогал начальник штаба полка капитан С. Поляков. С рассвета и до глубокой ночи находился он на командном пункте. Можно было звонить туда в любое время, и в ответ из телефонной трубки неизменно звучали слова:

— Поляков слушает!

Поляков был мудрым штабистом, обладал огромным опытом и избирательным умом. К нему полностью подходила греческая пословица: «Мудр, кто знает не многое, а нужное». Он требовательно относился к языку разрабатываемых документов, да и не только их, старался избегать декларативности, звонких, но пустых фраз. Он четко и реально излагал задачу, добиваясь ее выполнения, несмотря ни на что, при любых обстоятельствах, невзирая ни на какие трудности.

Никто не знал, когда Поляков вместе со своим писарем Владимиром Сафроновым, в шутку прозванным летчиками начальником оперативного отдела, успевали чертить кроки местности, различные схемы и диаграммы. К каждому разбору полетов эта документация неизменно развешивалась на полковом командном пункте для обозрения и изучения. В ней с особой педантичностью отражалась динамика только что происшедшего поучительного воздушного боя, построение боевых порядков штурмовиков для атаки наземных целей, порядок выполнения противозенитного маневра, ухода группы от объекта штурмовки и т.п.

Из множества вопросов, касавшихся боевой работы, майор Тысячный с помощью начальника штаба умел выбрать один-два главных и на них сосредоточить внимание летного и инженерно-технического состава. Часто заходила речь об осмотрительности, выдерживании места в боевом порядке, умении быстро перестроиться в оборонительный круг. В воздухе на всех высотах шныряли «мессеры», наших истребителей в то время было еще мало, и штурмовикам приходилось обороняться самостоятельно.

Майор Тысячный не только поощрял лучших, но и всячески популяризировал их опыт, а тех, кто допускал промахи, нещадно критиковал, не скупясь на сильные эпитеты. Тактичный начальник штаба иногда поеживался от командирской лексики и просил при этом:

— Вы бы уж полегче, товарищ командир.

— Вот еще, — сердился Тысячный, — у меня тут боевой полк, а не пансион благородных девиц! И мы с вами не в игрушки играем, а находимся на войне!

Майор Тысячный любил своих летчиков, в воздушном бою готов был броситься на выручку к каждому. Критиковал же их на разборах, чтобы, как он считал, «лучше дошло». На Тысячного никто обид не таил, но такт и вежливость начальника штаба ценились выше.

Так проходил разбор полетов и 29 ноября 1942 года. Хотя все штурмовики вернулись на свой аэродром, командир затратил немало времени на анализ ошибок. Долго разбирал неграмотные действия ведущего четверки, растянувшего боевой порядок над целью и тем самым ослабившего плотность огня штурмовиков. К тому же они могли стать легкой добычей вражеских зенитчиков.

Досталось и еще одному летчику, который уже над своей территорией допустил временную потерю ориентировки. Полет этот мог закончиться вынужденной посадкой, что, в свою очередь, грозило поломкой самолета, а то и гибелью. И все из-за того, что не был досконально изучен район полетов. Лишь счастливый случай помог пилоту благополучно вернуться домой с почти сухими топливными баками. Его привели на аэродром штурмовики соседнего полка.

Я думал тогда, что застрахован от подобных ошибок. Казалось, чего проще, вести в полете визуальную ориентировку: следи за временем, сличай карту с местностью, и все тут. Не знал я в ту пору, что фронтовая судьба готовила мне аналогичный сюрприз и что в подобной обстановке я наделаю еще больше ошибок.

Получил серьезный упрек и комендант аэродрома за лужи и выбоины на летном поле.

— Ночь не спать, а к утру чтобы взлетная полоса была как стеклышко! — строго выговаривал Тысячный офицеру из батальона аэродромного обслуживания.

Личному составу аэродромной роты всегда выпадает трудная доля. Не так-то просто в период дождей, снегопадов, оттепелей содержать в полной готовности летное поле. То расчищать надо, то укатывать, то гладить его, чтобы каждый день с рассвета обеспечивать боевую работу летчиков.

В конце разбора командир поставил боевую задачу на следующий день:

— Завтра полк будет наносить штурмовые удары по минометным и артиллерийским батареям противника, подходящим к фронту резервам и ближайшим железнодорожным узлам... На станцию Осуга пойдет четверка в составе Васильева, Жарова, Анисимова и... Ефимова.

Мою фамилию командир произнес после небольшой паузы, как бы подчеркивая тем самым значимость предстоящего — первого в моей жизни — вылета на боевое задание. Майор пожелал мне крепко бить фашистов и точно выполнять в воздухе строгие правила полета.

Эти, часто неписанные, правила касались действий и взаимоотношений ведущего и ведомых. Ответственность за выполнение боевой задачи возлагалась на

ведущего. Им назначался опытный летчик, имевший отличную навигационную и тактическую подготовку, способный организовать взаимодействие у себя в группе на всех этапах боевого полета.

Забот у ведущего хватало. Ведь при полете по маршруту могла состояться встреча с истребителями противника, и надо было умело руководить воздушным боем. Ближе к цели требовалось тактически грамотно преодолеть зенитную оборону противника. Все это делалось с учетом выхода на объект атаки. Удастся ли выполнить ее с одного захода или его придется повторять?

Тотчас же после того как была поставлена задача, я подошел к летчикам, с которыми завтра предстояло лететь. Ведущий четверки Анатолий Васильев в ответ на мой вопрос, как будем выполнять задание, дружески посоветовал:

— Для начала хорошенько выспитесь, чтобы идти в бой со свежей головой. А детали уточним завтра перед вылетом.

По-инициативе отнеслись к предложению совместно продумать план боевого полета летчики Жаров и Анисимов. Оба они смотрели на меня свысока: дескать, а что там думать, бить надо врага, и вся недолга. У них было несколько боевых вылетов на Ил-2, и, конечно, они считали себя обстрелянными фронтовиками. Правда, не их вина, что в штурмовой авиации тогда еще не была выработана единая методика подготовки к боевому вылету. Среди некоторых молодых фронтовых летчиков было распространено мнение, что интуиция сама подскажет, как надо действовать в боевой обстановке. И выразителями этого легкомысленного мнения выступали в полку Жаров и Анисимов.

— Запомните, юноша, — обращаясь ко мне, назидательно произнес Жаров, — план боя хорош до боя. Когда же в воздухе начинается карусель с истребителями противника и зенитным обстрелом, тут надо работать головой!

Оба захохотали и ушли, а я, обескураженный, так и остался стоять. Все-таки трудно было самому разобраться в психологии боевого летчика. Один прилетал с задания радостный, готовый тотчас повторить полет, другой же заруливал на стоянку и долго не покидал кабины самолета, заново переживая и продумывая все перипетии боя.

И в докладах порой сквозили разноречивые нотки: одни недооценивали, другие переоценивали противника, хотя речь шла об одном и том же боевом эпизоде. Уже потом мне стало ясно, что разница во взглядах на бой объяснялась характерами воздушных бойцов, разным восприятием происходящего. А пока мы, новички, жадно прислушивались к рассказам бывалых фронтовиков. Не все, конечно, принимали на веру, как-то старались по-своему переосмыслить факты и события, учились отличать правду от домысла и фантазии, безрассудную удаль от смелого, но точного расчета.

«На кого же все-таки ориентироваться? Кого считать героем? — искал я в тот вечер ответа. — Того ли, кто из пекла боя прилетал на изрешеченном самолете, как говорят, на одном самолюбии, или того, кто умел думать за себя и за противника, сам с честью выходил из всех передраг и, выполнив задачу, невредимыми приводил домой своих ведомых?» Ответ на тот вопрос оставался пока открытым. Из долгих размышлений меня вывел механик самолета сержант Юрий Коновалов.

— О чем зажурились, командир?

— Да так... — неопределенно ответил я. Механик понимающе кивнул головой и присел рядом.

В боевом формуляре полка, в описании наших побед немалое число страниц по праву принадлежит войсковому товариществу. Одна из них рассказывает о наших отношениях с механиком. Нас сближали оба интереса: он готовил к полетам самолет, я летал на нем. И надо сказать, машина никогда не подводила меня в воздухе. Механик первым почувствовал, что я одинок. В те дни у меня и вправду

еще не было близких друзей, мать и сестра оказались в оккупации, я не получал писем, и сам никому не писал.

Будучи еще в училище, перед декабрьским наступлением наших войск под Москвой я получил письмо от своего друга детства Грини Кудряшова. В память врезались строки из стихотворения А. Суркова «В землянке», которое Гриня написал в письме:

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага...

Когда я получил это письмо, битва под Москвой была в самом разгаре. Гриня был ранен и отправлен в госпиталь. Судьба сохранила жизнь этому замечательному человеку, другу детства, юности, однокласснику. Те предвоенные годы остались в моей памяти, а в послевоенные годы наша дружба не только сохранилась, но и окрепла...

И вот, выбрав на аэродроме свободную минуту, механик подошел ко мне:

— Разрешите, командир, прочитать вам письмо с Урала?

— Давайте!

С того раза и пошло. Письма, приходившие Коновалову из его родного города Свердловска, мы читали вместе. Я думаю, что их полезно было бы читать всему личному составу эскадрильи. В них, кроме обычных домашних новостей, сообщали и о том, сколько за сутки выплавлено стали, какие большие дела идут на заводе, кто из знакомых Коновалова тоже ушел на фронт. В конце письма обычно был наказ: лучше бейте фашистских гадов, а мы в тылу будем ковать вам оружие для Победы.

Прочитаешь такое письмо — и настроение поднимается, хотя весточка и не тебе адресована. В редкие минуты отдыха, накинув на плечи еще теплый чехол от двигателя, присаживались мы на стоянке у колеса самолета и начинали мечтать. Мечтали, как после Победы, если, конечно, останемся живы, будем с Юрой ездить друг к другу в гости. Я — к нему в Свердловск, а он — ко мне в Миллерово.

Когда почему-либо запаздывал обед и сильно давал о себе знать голод, Коновалов перед очередным полетом кухарничал сам. За самолетной стоянкой в цинке из-под патронов у него варилась картошка. Крепко посоленная, слегка пахнущая дымком от костра, она казалась нам вкуснее всяких деликатесов.

Мой фронтовой механик никогда не позволял себе использовать наши хорошие отношения в каких-то личных интересах или пренебречь своими служебными обязанностями. Каждое утро Коновалов встречал меня рапортом, а потом весь день не отходил от крылатой машины. Знаток своего дела, он не только отлично готовил Ил-2 к полетам, но еще при этом успевал с увлечением рассказывать о назначении и устройстве различных систем самолета, принципе действия пилотажно-навигационных приборов и тех, что контролировали работу двигателя. На случай, если основные из них выйдут из строя, Юра напоминал, как пользоваться показаниями дублирующих приборов...

Из того, что рассказывал Коновалов, я, разумеется, многое знал, но всегда слушал его внимательно.

...В тот вечер, когда было объявлено, что завтра состоится мой первый боевой вылет, сержант Коновалов разыскал меня после моей неудавшейся беседы с летчиками. Он доложил, что мотор и все оборудование самолета работает безотказно.

— За машину не беспокойтесь, командир!

— Спасибо, Юра!

Я знал, что он сделал все, чтобы обеспечить успех моего первого боевого вылета. От такой заботы теплее стало на сердце. Хотелось как-то приблизить минуту вылета. Скорее бы наступал рассвет...

В тот памятный для меня день — 30 ноября 1942 года, с утра пораньше, техники и механики начинали греть моторы и пробовать их на разных режимах. От мощного гула авиационных моторов в Чертаново дрожали окна, а у летчиков мгновенно отлетал сон. Проснулся я в приподнятом настроении. Сегодня первый боевой вылет! Скорее на улицу, как там с погодой? Если снегопад, то полеты вообще могут отменить. Да и в хорошую погоду командир вдруг возьмет и отменит вылет, ведь для такого новичка, как я, слишком велика опасность встречи с «мессерами». В солнечный день они так и шныряли в голубом небе.

Но погода была как на заказ: сплошная десятибалльная облачность, без осадков. Значит, вылет состоится. Надо бы поскорее добраться до аэродрома. В столовой спешу проглотить свой завтрак, обжигаясь горячим чаем. Но командир эскадрильи капитан В.Малинкин останавливает:

— Не торопитесь, Ефимов. Вместе поедем!

Говорит спокойно, с улыбкой. Ни на лице, ни в жестах нет и тени тревоги. А ведь командир не только провожает нас, но и сам летит ведущим. Значит, ему будет труднее, чем нам, но он умеет держаться. Мне тоже хотелось научиться управлять своими чувствами, чтобы в любой ситуации оставаться спокойным. Стараясь показать, что я тоже не особенно волнуюсь, прошу официантку принести мне добавку и чаю.

— Теперь уж наверняка до обеда есть не захочется, — говорю я. А ответ — смех летчиков.

— До обеда-то еще дожить надо, Саша! — назидательно говорит кто-то из них.

Действительно, бывало, не все летчики возвращались с задания — об этом мы знали. За короткий срок нашего пребывания в полку за столами появилось несколько свободных мест. Трудно привыкать к этому, но что сделаешь, шла беспощадная, жестокая война с врагом, который топтал нашу землю, пытался поработить советский народ.

На аэродроме перед вылетом нашу четверку собрал командир звена.

— Летим штурмовать эшелоны на станции Осуга, — еще раз напомнил лейтенант Васильев.

Это южнее Ржева, на железной дороге Ржев — Вязьма. По картам уточнили маршрут, порядок взлета и построения группы. Я летел замыкающим, правым ведомым. Мой ведущий в паре — Анисимов.

— Чтобы от меня ни на шаг! — предупредил он. — Повторять за мной все мои действия! Ясно?

Вопросов, требовавших согласования, оставалось еще порядком. Например, кто из нас наносит удар по эшелону, а кто парализует зенитки? Бросаем ли мы сначала бомбы, а потом обстреливаем цель эрэсами, пулеметно-пушечным огнем, или все делаем в иной последовательности? В какую сторону выходим из атаки после пикирования?..

Однако я постеснялся задать эти вопросы. Молчали все летчики, молчал и я. Вдруг командир возьмет и скажет: «Не умничайте, Ефимов!» Или, чего доброго, отстранит от полета как неподготовленного. Нет, уж лучше промолчать. Может, и правда, сама обстановка в воздухе покажет, как надо действовать?

Зеленая ракета искрами рассыпалась под нижней кромкой облачности. Это — сигнал нашей четверке. Мы уже сидим в кабинах, одеты по-зимнему — в меховых шлемофонах, теплых комбинезонах и унтах.

Взлетели хорошо и собрались быстро. Линию фронта пересекли на малой высоте, вышли на железную дорогу и взяли курс строго на север. Через пятнадцать минут полета должен появиться объект штурмовки. Над нами сплошная низкая облачность. Она, как щитом, прикрывает нас сверху от фашистских истребителей, поэтому мы летим без прикрытия. Но каждый из нас постоянно осматривает

воздушное пространство. Бывало, что гитлеровские асы и в такую погоду вылетали на поиск наших связанных самолетов или других подходящих для них целей.

— Горбатые, подтянитесь! — слышим голос ведущего. В те годы распространное в авиации название штурмовиков ничуть не обижало нас. Это было придумано довольно метко из-за характерной конфигурации Ил-2. С прозвищем все свыклись. По этому поводу среди летчиков даже ходили анекдоты:

«Истребитель встречает штурмовика, летящего на задание, и спрашивает:

— Куда летишь, горбатый?

— На охоту!

— А почему сгорбился?

— Какая охота, если идти неохота, не видишь, сколько бомб везу!..»

Самолет Ил-2 еще называли «верблюдом». Истребители подшучивали над нами, штурмовиками: «Что такое «верблюд»? — «Это ишак, доработанный авиапромышленностью по просьбе летчиков-штурмовиков».

— Впереди цель! — предупредил по радио ведущий. Но и без него было ясно, что противник обнаружил нас еще на дальних подступах к станции. Навстречу штурмовикам потянулись огненно-красные трассы «эрликонов». Шапки мутно-серых разрывов вспыхивали по курсу полета, выше и ниже нас. Плоскостью самолета разрезаешь такой пухлый дымный клубок, а навстречу с земли — новая серия огненно-красных трасс. Хотя разрывов много, но отчетливо чувство опасности я не испытывал. Вероятно, оно было подавлено стремлением в критический момент не оказаться хуже других.

В дыму разрывов зенитных снарядов почти не видно ведущего. Новая трасса «эрликонов»... Выполняю противозенитный маневр. Со снижением ухожу в сторону и отчетливо вижу внизу четыре зенитных орудия, прислугу возле них, дымки выстрелов. Перевожу самолет в пологое пикирование. Даю по батарее пушечную очередь. Еще одну и еще... Кажется, попал! С креном проношусь над батареей. Через боковое стекло успеваю заметить, как от орудий в панике разбегаются гитлеровцы.

При выходе из атаки снова попал под огонь зенитки. Вспомнил заповедь бывалых летчиков: «Увидишь близко разрыв зенитки — иди на него. Следующий разрыв будет в другом месте, в соответствии с поправкой стрельбы на движение самолета. Если разрыв произошел далеко — уходи от него, ибо противник ясно увидит большой промах, и в следующем залпе будет подводить разрывы к самолету. Уход от разрыва снова вызовет ошибку в прицеливании».

В теории мне это было ясно. Но на практике оказалось, что я никак не могу определить по разрывам, когда они близко, а когда далеко. Решил посмотреть, как делает противозенитный маневр ведущий. Однако случилось то, о чем меня предупреждали самым строгим образом: пока я маневрировал, потерял ведущего и всю свою группу.

Но нет худа без добра! Отрыв от ведущего дал мне неожиданное тактическое преимущество. Вторая гитлеровская батарея, защищавшая станцию, вела огонь по трем самолетам, а мой штурмовик фашисты либо потеряли, либо посчитали подбитым. Так или иначе, я получил относительную свободу действий и обрушил огонь пушек и пулеметов на эту батарею.

Бил короткими очередями, а потом, прицелившись, пустил четыре реактивных снаряда. Они разорвались в расположении батареи. Выхожу из пикирования. Пора пристраиваться к своим. Вижу их теперь хорошо. Васильев, Жаров и Анисимов, сосредоточив внимание на эшелоне, разбили несколько вагонов, вывели из строя паровоз, а потом умело вышли из зоны огня.

Удачно пристроился к группе и я. И тут только вспомнил, что не сбросил бомбы и, к своему стыду, везу их обратно. Четыре осколочно-фугасные, каждая по

сто килограммов! Решительно разворачиваюсь вправо и снова выхожу на боевой курс. Пронюшусь над эшеленом. Из двух вагонов валит дым. Белые струйки пара поднимаются к небу из продырявленного котла паровоза. Бросаю бомбы. Развернувшись на 180 градусов, снова прохожу над эшеленом и фиксирую, что бомбы попали в цель и разворотили железнодорожный путь. Тут немцам надолго хватит работы. А после доклада ведущего командир, наверное, еще пошлет сюда четверку штурмовиков. Надо же добить врага!

Казалось, мой первый боевой вылет в общем-то складывается нормально: во-первых, не сдрейфил под сильным зенитным огнем, во-вторых, сам нагнал страху на две батареи гитлеровцев. И с бомбежкой, можно считать, хорошо получилось. Станцию мы закупорили, паровоз повредили, эшелон горит.

Опьяненный успехом, я уже больше не опасался «эрликонов». Хотелось еще чем-то досадить гитлеровцам. Но бомб и эрэсов у меня больше не было. Снаряды и патроны на исходе — надо уходить домой. Но чем больше я остывал от боя, тем сильнее меня грызло сомнение: а все ли я сделал правильно? Конечно, я допустил ошибку, оторвавшись от боевого порядка звена. Но победителей не судят, успокаивал я себя, самостоятельно возвращаясь с боевого задания.

А друзья уже считали, что меня сбили. Так и доложил ведущий командиру. Но никому на аэродроме не хотелось верить в эту печальную весть. Очень уж обидно, что сбит в первом боевом вылете. Меня долго ждали товарищи, всматриваясь в серое небо. Но когда стало ясно, что по времени бензобаки моего самолета давно должны опустеть, надежды на мое возвращение рассеялись даже у самых ярких оптимистов.

А случилось вот что. На пути домой я временно потерял ориентировку. Несмотря на многочисленные пробоины в крыльях и фюзеляже, самолет слушался рулей, мотор тянул нормально, а куда лететь, этого я точно не знал...

Вероятно, слишком велика была после первой штурмовки эмоциональная разрядка, и я долго не мог визуально опознать местность. Только потом, когда взял себя в руки, все-таки понял, где нахожусь. Ближе всего мне было лететь до аэродрома, на котором стоял 312-й полк 233-й штурмовой авиационной дивизии.

И точно! Скоро под крылом Ил-2 мелькнуло летное поле, а на нем — штурмовики, укрытые в капонирах и рассредоточенные на случай налета вражеской авиации. В отличие от наших, у них на самолетах коки винтов были окрашены в желтый цвет. Значит, точно — это братский полк!

Решаю садиться. Лучше, думаю, сесть на летное поле, которое вижу, чем лететь с риском опять заблудиться.

— Как же вы перепутали аэродром? — допытывался у меня заместитель командира полка майор В.Карякин.

Но, узнав, что это у меня первый боевой вылет, еще раз объяснил, как долететь до дому. Требовалось всего семь минут полета по прямой, держа направление на церковь.

— Это будет Спас, а за ним Чертаново! — наставлял меня Василий Георгиевич Карякин.

На стоянке первым радостно приветствовал меня авиационный механик Юра Коновалов.

— Я знал, командир, что вы вернетесь!

Однако вовсе не такой сердечной оказалась встреча с командиром эскадрильи капитаном В.Малинкиным. Он долго выговаривал мне, что молодые летчики у него в печенках сидят, считают, будто много знают, а на деле — одно расстройство.

— Почему оторвались от группы? — старался выяснить командир.

— Так получилось, товарищ капитан, — ответил я, еще не совсем отдавая себе отчет, почему столь трудно сложился мой первый боевой вылет.

Из летной книжки.

30.11.42. Ил-2. Полет — 1 час 15 мин. Боевой вылет на уничтожение эшелонов противника на перегоне и на ст. Осуга. Задание выполнил, но отстал от группы. Произвел посадку на аэродроме братского 312 шап. После заправки бензином перелетел на свой аэродром — Чертаново. Впечатлений много, но неясностей хватает. Наверное, надо сначала сбросить бомбы, а потом применять РСы и пушечный огонь. А может, наоборот?

Только со временем я понял, что самое трудное боевое задание то, к которому не готовятся. Впоследствии нам приходилось уходить в воздух, даже не зная, какую задачу придется решать. Однако каждый из нас уже был хорошо знаком с тактикой боя и со всеми суровыми законами войны. Наша подготовка к боевым вылетам была тщательно продумана на земле.

Позже, когда я уже сам водил группы в бой, приходилось не раз разъяснять молодым летчикам важность заблаговременной подготовки к боевому вылету и необходимость всегда придерживаться золотого суворовского правила: «Тяжело в ученье, легко в бою!»

На фронте, правда, взрослеют быстро. Когда закончилась война, мне было 22 года, и я уже имел две Золотые Звезды и набор высших орденов, в 23 года был депутатом Верховного Совета СССР 2-го созыва.

На фронте возраст оценивался не количеством лет, а боевым опытом, зачастую «молодой летчик» по возрасту был старше «старика». Вот на плечи таких «стариков» и ложилась ответственность за «молодежь», только что прибывшую в полк и лишь начинавшую делать свои первые шаги в таком трудном деле, как война. И «старики» старались передать им свой, хотя и небольшой боевой опыт.

...Предвидеть все перипетии боя, возможную его завязку и течение, конечно, трудно. Однако наметить наиболее вероятные варианты действий, порядок маневрирования, перестроения, выхода из атаки в зависимости от конкретной обстановки и разыграть весь комплекс полета очень важно. Невольно вспоминали слова великого русского ученого Д.И. Менделеева: «Для того, чтобы найти, надо уметь искать, надо предвидеть невидимое, ощутить предстоящее, не падать духом при неудачах и трудностях, настаивать и много трудиться». Они как нельзя лучше передают те требования, которые выдвигала боевая обстановка...

На единственном в полку настольном календаре, неизвестно где раздобытом деятельным начальником штаба, — 1 декабря 1942 года. В тот день должен был состояться мой второй боевой вылет.

Признаться, ни я, ни товарищи по эскадрилье не ожидали, что майор Тысячный так скоро разрешит мне лететь после того, как в первом полете я порядком наколбасил. Правда, товарищи говорили, что над целью я действовал смело. Но не это спасло меня. Оказывается, в штабе дивизии стало известно, что какой-то летчик в одиночку штурмовал эшелоны противника на станции Осуга. Слух этот дошел до майора Тысячного. Старший начальник приказал ему найти летчика и поощрить. Это и скрасило мой неудачный полет в глазах командира полка. Поощрить меня он не поощрил, зато допустил к дальнейшей боевой работе. Я же был рад-радешенек, что мне не попало за невольные фокусы.

В дни редкого затишья на фронте, «когда пилотам, скажем прямо, делать нечего», мы собирались в землянке, вспоминали нашу мирную жизнь. Совсем недалекую, каких-то полдесятка лет, отделяющих детство от огневой юности. В эти минуты каждый по-своему выражал свое отношение к прошлой, безоблачной жизни. Одни вслух вспоминали, делились своими тревожными мыслями, другие замыкались в себе и молча слушали своих разговорчивых боевых друзей. Это были

минуты откровения, минуты исповеди. Я часто вспоминал предвоенные годы, свое безмятежное детство. Большинство мальчишек в моих Кантемировке и Миллерово не бывали в пионерских лагерях, тем более наши родители не баловали нас домами отдыха, санаториями и прочими недоступными прелестями. Мы были предоставлены сами себе. Но зато посещали всевозможные кружки при школе и Дворце пионеров, где познавали новое, необычное, выходящее за рамки школьной программы.

Босоное детство имело свои преимущества: природу мы познавали не по книгам. В школьные каникулы сами себе находили развлечения. Иногда день напролет гоняли тряпичный мяч, мало напоминавший футбольный. Пропитание добывали, бывало, в соседних огородах и садах. Затем приходили домой, уставшие, почерневшие не то от загара, не то от пыли. А на следующий день все повторялось. Мы мастерили pedalные автомобили, увлекались фотографией, сами делали фотоаппараты «лейка», те кто пошустрее, посещали авиамодельный кружок, строили авиамodelи и запускали их на ближайшем пустыре.

Пытались конструировать автомобиль с паровым двигателем, но из-за отсутствия нужных материалов, а главное, необходимых знаний, дело заглохло. Для подводной лодки не смогли найти железную бочку. Может, это и к лучшему. Фантазия была ключом, но не всегда воплощалась в реальность. В минуты таких воспоминаний нет-нет да защежит под сердцем, перед глазами возникнут образы моих одноклассников: Грини Кудряшова и Грини Козорезова, участников всех наших походов; Саши Морозова, классного заводилы и авторитета; Нины и Вали Ревенко, Али Желтухиной, отличницы и победительницы школьных математических конкурсов; Володи Гревцова, в отличие от меня, поступившего в морское авиационное училище; Ани Штоколовой, впоследствии ставшей моей женой; Нади Аколеловой и Жени Зинченко, будущих студенток Сталинградского педагогического института, а также Вани Ковалья из соседнего класса, участника всех наших забав.

Где они сейчас, какова их судьба? Ведь шла жестокая и кровопролитная война.

Из маминого письма, написанного еще до оккупации города немцами, узнал о гибели Лиды Склярской и Лиды Похоцинской в первые дни войны. На фронт ушли все мальчишки нашего класса, и не только мальчишки. Многие девчонки тоже воевали на фронте.

(Забегая вперед, скажу, что мои одноклассники, оставшиеся в живых после войны, прошли достойный путь, стали видными педагогами и инженерами, учеными и тружениками народного хозяйства. Они отмечены орденами и медалями, почетными званиями и учеными степенями, а Ваня Коваль, теперь уже Иван Павлович, — академик, доктор наук, профессор. Их дети и внуки продолжают традиции своих родителей...)

Тяжелые это были раздумья. Нет-нет да и заноеет в груди. Часто мои мысли обращались в родные края, где остались мама и маленькая сестренка. Каково им там, да и вообще, живы ли они?

Мы все жили надеждами на лучшее. Я и мои боевые друзья верили в Победу, хотя и не все дожили до этого светлого дня. Но мы жили единым стремлением — нещадно бить врага, и каждый из нас вносил в это святое дело свою лепту.

...В ожидании вылета легчики лежали вповалку на дощатых нарах в блиндаже, где размещался полковой командный пункт. Сюда почти не проникал дневной свет. Лишь круглосуточно горела коптилка, сделанная из снарядной гильзы. Она стояла на маленьком столике. Еще на нем умещались полевой телефон и сложенная гармошкой карта района боевых действий, принадлежащая капитану Полякову. Обычно, отдавая боевое распоряжение, начальник штаба разворачи-

вал ее, и тогда она представляла перед летчиками во всем великолепии. Аккуратнейшим образом на ней была нанесена обстановка. Обозначены линия фронта, минометные и артиллерийские батареи, командные пункты противника, карандашом другого цвета выделены железнодорожные узлы, по которым мы систематически наносили штурмовые удары. Так же четко были обозначены и позиции наших войск, штабы полков и дивизий в глубине обороны, полевые аэродромы.

Конечно, по объему данных наши карты были гораздо беднее. Нам разрешалось наносить лишь строго определенный минимум сведений, необходимый для одного полета. Но все-таки в аккуратности мы старались подражать капитану Полякову. Таким подражанием Сергей Васильевич был доволен. В его понимании это означало, что к летчикам постепенно приходит военная культура. Начальник штаба не раз убеждал нас, что тот, кто с одного взгляда умеет читать карту, быстро сличать ее с местностью, всегда точно выйдет на цель. По его мнению, если летчик аккуратно обрабатывается с картой, то его можно считать исполнительным человеком, который всегда строго соблюдает воинскую дисциплину, следит за своим внешним видом. Справедливость этих положений подтверждалась и личным примером начальника штаба.

После очередного звонка из дивизии капитан Поляков, если не было командира, в зависимости от сложности и характера задачи, называл состав группы, которой лететь на боевое задание. Летчики быстро вскакивали с нар и собирались у стола. Он еще раз кратко напоминал, по какой цели наносится удар, кто летит ведущим и кто входит в состав группы.

Нанести повторный удар по железнодорожному узлу Осуга в тот день поручалось командиру нашей эскадрильи капитану В. Малинkinу. Он шел ведущим, ведомыми у него были А. Правдивцев, А. Мишин и замыкающим опять я.

Мне тогда повезло: цель была знакома, вел на задание четверку опытный летчик и командир, имевший к тому времени более пятидесяти боевых вылетов. До войны Виктор Александрович был инструктором в аэроклубе, потом в боевом полку летал на самолетах-истребителях, а с появлением штурмовой авиации перучился на летчика-штурмовика. Он хорошо разбирался в тактике воздушного боя, мгновенно ориентировался в обстановке, обладал прочными навыками в пилотировании, самолетовождении и боевом применении Ил-2.

Малинkin был на редкость целеустремленным человеком, не терпел расхлябанности и многословия. Он был разносторонне образован, конкретен и пунктуален. Как известно, общение в авиации требует ясного, простого и лаконичного языка, поэтому слушать его было интересно и поучительно. Мы как губка впитывали его советы, а слова: «Авиация — единственный вид вооруженных сил, которому никогда не угрожает опасность застыть в неподвижности» — для нас, молодых пилотов, звучали как гимн.

Командир эскадрильи обычно не бранил молодых летчиков за промахи. Деликатно он учил подчиненных размышлять, анализировать свои действия в воздухе. Капитан Малинkin всегда сам старался и нас приучил предвидеть, как сложится очередной боевой вылет, еще на земле заранее разыгрывал его с ведомыми в нескольких вариантах, если, конечно, позволяла обстановка.

В этот раз такая возможность нам не представилась. Вчера был бой и сегодня — бой. Однако на второй боевой вылет я шел более уверенно.

Видимо, сыграл роль хоть маленький, но свой опыт, приобретенный при боевом крещении. Воодушевили, наверное, и вера в командира, его смелость, храбрость, находчивость.

Пока мы шагали к самолетам, капитан Малинkin еще раз объяснил порядок действий в районе цели, рассказал о плане отражения атак истребителей, если вдруг придется вступить с ними в бой.

— Как настроение, Ефимов? — успел поинтересоваться комэск, полагая, что где-то в глубине души у меня осталась неуверенность в благополучном исходе полета.

Но мне и вправду хотелось в бой, чтобы самому окончательно поверить в себя.

— Скорее бы в воздух, товарищ капитан! — ответил я, не погрешив против истины.

Военные психологи утверждают, что самым трудным для новичка бывает первый бой. В чем-то, видимо, они правы. Неизведанные ощущения и эмоции, связанные с боевым поединком, в котором или ты должен стать победителем, или тебя уничтожат, конечно, накладывают свой отпечаток на психику воздушного бойца. И особенно это заметно в первом боевом полете. Правда, и во втором, и в третьем вылете, когда летчик уже испытал на себе зенитный огонь, атаки вражеских истребителей, он не чувствует себя спокойнее.

Во втором вылете не прошла окончательно эта скованность и у меня. Конечно, действовал я уже более уверенно, однако напряжение сказывалось в каждом движении. И чтобы сбросить это напряжение, я мысленно повторял порядок своих действий над целью, еще не долетая до нее. Что-то тревожило, что-то успокаивало. А мозг то и дело сверлила мысль: не забыть бы сбросить бомбы.

Не забыл! Хотя полет сложился совсем по-иному. Началось с того, что при перелете линии фронта нас неожиданно обстреляла зенитная батарея противника. Мы не ожидали ее в этом месте. Покрытый мелколесьем участок фронта был специально выбран для пролета во вражеский тыл. По сведениям войсковой разведки, оборону здесь держала узкая цепочка гитлеровских войск. И вдруг такой бешеный огонь. Опять с земли к нам тянулись зловещие трассы «эрликонов». Снаряды лопались вокруг нас серыми клубками, а на крыльях и в фюзеляжах штурмовиков, словно оспины, появлялись осколочные пробоины.

Можно считать, что мы легко отделались, все штурмовики остались в строю и продолжали полет. Но недооценивать зенитки нельзя. Бьют они, как правило, внезапно, густо ставя огневой заслон на пути самолетов. Часто огонь зенитных орудий был опаснее вражеских истребителей, так как их первый неожиданный прицельный залп мог нанести невосполнимый урон.

Чтобы ввести гитлеровцев в заблуждение относительно нашего замысла, Малинкин продолжал полет строго на запад. И только над большим лесным массивом, где у немцев наверняка не было постов воздушного наблюдения, мы сделали разворот на север. Теперь уже по кратчайшему расстоянию командир вел нас на станцию Осуга.

Еще издали узнаю ее очертания: полуразрушенное здание вокзала и чахлый садик за ним, чудом уцелевшую во время бомбардировок водонапорную башню и обгорелые пристанционные пакгаузы, двухэтажный блокпост и будки стрелочников. На снегу чернеют воронки — результат нашего вчерашнего налета. Под насыпью валяются остовы сгоревших вагонов.

Эшелонов на станции уже не было, она выглядела пустой и безжизненной. Никто не стрелял. Даже не верилось, что еще вчера здесь у фашистов стояли зенитные батареи. А теперь мы видели только брошенные огневые позиции да горы ящиков из-под снарядов. Видно, не понравился фашистам наш вчерашний визит.

Убедившись, что на станции нет эшелонов, капитан Малинкин ввел штурмовик в разворот, и мы послушно повторили его маневр. В таком же строю наша четверка отошла от станции Осуга и продолжала полет над железнодорожной линией по направлению к Ржеву. Маневр командира был понятен. Он хотел посмотреть, нет ли вражеских поездов на перегоне.

На первом же разъезде — удача. Два эшелона без паровозов ожидали разгрузки прямо на просеке. На платформах под брезентом, судя по очертаниям, — танки, орудия, автомашины, а в крытых вагонах, вероятно, боеприпасы.

С тормозной площадки последнего вагона охрана поезда открыла огонь из крупнокалиберного пулемета. Но поздно. По сигналу ведущего с малой высоты бросаем бомбы с взрывателями замедленного действия. Стокилограммовые «чушки» падают либо между эшелонами, либо прямо на крыши вагонов, разрушают платформы и все, что стоит на них.

Через двадцать две секунды сработали взрыватели, и ослепительно-яркое пламя встало над лесным разъездом. С разворотом на 180 градусов группа проходит над разбитыми эшелонами, чтобы ничего из того, что везли гитлеровцы, не попало на фронт.

Удачный удар! От радости одержанной победы сердце, казалось, готово выскочить из груди. Как хотелось мне в ту минуту, чтобы нашу работу посмотрел тот лейтенант-артиллерист, который кричал тогда на передовой: «Где она, ваша авиация?»

«Били и будем бить фашистских мерзавцев, — мысленно произнес я. — Вот извечная правда: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!»

— Внимание! Выше нас истребители противника! — заглушая шум помех, раздался в наушниках голос капитана Малинкина.

Предупреждение командира мгновенно снимает излишние эмоции. Теперь и я замечая, как, увеличиваясь в размерах, на нас сваливаются с высоты четыре «мессера». Гитлеровские асы уверены в своем превосходстве. Безусловно, они уже видели разбитые эшелоны и теперь хотят расправиться с нами, отомстить. Нужно не дать противнику атаковать группу с задней полусферы. Капитан Малинкин тотчас подал команду:

— Перестраиваемся в круг!

Это такой боевой порядок, при котором летчики прикрывают впереди летящий самолет товарища. Откуда бы гитлеровцы ни заходили, они натыкались на мощный огонь штурмовиков. Разорвать такой круг непросто. Видя это, противник пошел на хитрость: «мессеры» разделились на пары и попытались взять нас в клещи.

Второй вражеской паре удалось зайти в хвост идущего впереди меня самолета Леша Правдивцева. Но я начеку! Почти не целясь, даю длинную очередь из пушек. Ведущий «мессер» как ошпаренный бросается в сторону.

— Не отставайте, Ефимов! — слышу по радио команду капитана Малинкина.

Чувствую, что второй «мессер» где-то сзади, энергично жму правую педаль. Самолет круто сползает вправо. И не зря! Огненная трасса проходит чуть слева и выше фонаря моего штурмовика. Выравниваю машину, добираю высоту и опять занимаю свое место в общем строю. Гитлеровец рвется за мной и тут же попадает под огонь пушек идущего сзади самолета. Уйти не успевает. Длинной залповой очередью его срезал капитан Малинкин. Два других фашистских пилота поспешно вышли из боя, оставив нас в покое. Мы собираемся и плотным строем уходим от цели.

Второй боевой вылет на тот же объект сложился совершенно иначе. Так я убедился, что двух одинаковых полетов не бывает. Этот важнейший тезис справедлив всегда. Хорошо слетал раз — не расслабляйся. Заблаговременно готовься к новому вылету. Полета, аналогичного предыдущему, в буквальном смысле слова никогда не может быть.

...Наш обратный маршрут до самого Чертаново проходил спокойно. Только нет-нет да и предупредит командир:

— Глядеть в оба, Ефимов. Не забывайте об осмотрительности!

Не забываю, осматриваюсь. Но вижу только прозрачно-синее зимнее небо. Сейчас оно обманчиво и настороженно.

Нет, я ничуть не жалел, что стал летчиком-штурмовиком! С борта этого самолета отчетливо видно, хорошо ли ты воюешь. Универсальное вооружение Ил-2 по-

звояло штурмовикам успешно действовать по всевозможным наземным целям переднего края и в оперативной глубине противника. Наш самолет был снабжен автоматическими пушками и пулеметами, бомбами и реактивными снарядами. Своим появлением над полем боя советские штурмовики наводили страх на фашистов.

После первых же столкновений в воздухе со штурмовиками фашистские асы уже никогда не решались атаковать их с передней полусферы. Конечно, это радовало нас. Но вот хвост Ил-2 практически был беззащитен. При атаках противника с задней полусферы мы несли потери.

Бывалые летчики рассказывали тогда, что генеральный конструктор самолета Сергей Владимирович Ильюшин спроектировал двухместный Ил-2. Однако в первых сериях самолет выпускался одноместным. Летчику приходилось пилотировать машину, как правило, на малой высоте, вести ориентировку, бомбить, производить пуски реактивных снарядов, вести пулеметно-пушечный огонь по наземным целям. Иной раз мы вступали в воздушный бой с бомбардировщиками, а чаще отбивались от истребителей противника. «Мессершмитты» и «фокке-вульфы», естественно, превосходили Ил-2 в скорости и маневренности. И вот в такие моменты, когда фашисты наседали сзади, каждый из нас мечтал о воздушном стрелке.

Фронтные летчики писали письма в конструкторское бюро с просьбой улучшить тактико-технические данные самолета, увеличить огневую мощь штурмовика, посадить для прикрытия хвоста воздушного стрелка, вооружив его либо крупнокалиберным пулеметом, либо авиационной пушкой на специальной турели с большим сектором обстрела.

Авиационные заводы, эвакуированные из западных районов страны на Урал и в Сибирь, не смогли сразу заняться модификацией машины. В условиях фронта летчики и инженеры пытались усовершенствовать штурмовик сами. Инициатором этого в нашем полку стал мой первый командир звена лейтенант Анатолий Николаевич Васильев.

Он был из тех людей, которые стараются сделать больше, чем требуют от него служебные обязанности. Васильев понимал, что проблема, связанная с модификацией самолета, не решится сама собой. И летчик старался доказать специалистам, что нам нужен двухместный Ил-2. Как-то он сказал об этом заезжему инженеру из штаба армии. Но тот, видимо, сухарь по натуре, холодно отмахнулся от разговора. Прямаялил что-то невнятное, а потом, перейдя на официальный тон, с ухмылочкой спросил:

— Может быть, вы боитесь летать на одноместном штурмовике?

Этот, как говорят боксеры, запрещенный прием, совершенно недопустимый в творческой дискуссии, обидел Анатолия, но он не сдавался, обратился со своей идеей к заместителю командира эскадрильи по политической части капитану Михаилу Пицхелаури.

Теперь уже вдвоем они направились к инженеру полка майору технической службы Степану Александровичу Воротилову. Тот, конечно, знал, чего добиваются летчики. Воротилов и сам был горячим сторонником модификации штурмовика, ибо не раз наблюдал гибель товарищей, оттого что у Ил-2 не было надежной огневой защиты задней полусферы.

Степан Александрович вместе с ходатаями пошел к самолету Васильева, внимательно осмотрел машину, не торопясь достал из полевой сумки чистый лист бумаги и стал что-то рассчитывать. Воротилов, видимо, опасался, как бы от «вселения» стрелка не нарушилась центровка самолета или не ухудшилась его прочность. Потом он, словно заправский портной, обмерил фюзеляж и сделал пометки мелом.

— Вот так будет кабина, — сказал деловито. — Действуйте. Под мою ответственность.

Охотников сверлить и выпиливать оказалось более чем достаточно. Через два часа люк в фюзеляже, где размещался аккумулятор, был расширен. В самодельную кабину вместо сиденья опустили деревянный ящик с вырезами для тяг рулей управления. Затем на шарнире надежно закрепили пулемет ШКАС. Получилась самодельная кормовая пулеметная установка.

Васильев тут же был готов к боевому вылету на экспериментальном самолете.

Ну а кто же будет первым добровольцем в экипаже? В экспериментальный полет в качестве стрелка просились многие летчики и наземные специалисты. Лететь вызвались также начальник химической службы капитан Н. Беклемищев и начальник связи полка старший лейтенант П. Бутько, заместитель командира эскадрильи по политической части капитан Михаил Пицхелаури.

— Со мной полетит комиссар! — сказал Васильев, дружески улыбнувшись капитану Пицхелаури.

Михаила любили в полку за искреннее прямодушие и доступность. Всегда он был вместе с людьми, жил их радостями и заботами, а в трудную минуту лучше других умел поднять настроение товарищей. Считался в полку одним из лучших стрелков из пистолета и пулемета. Хладнокровно посылал в «яблочко» пулю за пулей. Такого вот напарника выбрал себе Васильев для того рискованного полета.

Жмурясь от яркого солнца и ослепительного снега, капитан занял место в импровизированной кабине и дал для пробы несколько коротких очередей из пулемета. Под громкие возгласы одобрения и пожелания «ни пуха ни пера» лейтенант Васильев вырулил на старт и дал мотору полные обороты. Подняв за собой тучи снежной пыли, самолет легко взмыл над аэродромом и стал круто набирать высоту.

Сначала Васильеву и Пицхелаури не везло. Редкий случай: штурмовику нужна срочная встреча с истребителями противника! Но как нарочно ничего подходящего в воздухе не попадалось. Несмотря на безоблачную погоду и видимость, как говорили, «миллион на миллион», вражеских истребителей видно не было, никто не хотел нападать на одинокий штурмовик. Так бывает на войне: ищешь встречи с врагом, а его нет. Иной же раз на одну подбитую машину, словно стая воронов, навалятся сразу несколько «мессеров» и клюют израненный штурмовик.

Вообще, в бою редко бывало равновесие сил. И само численное превосходство далеко не всегда играет решающую роль для победы. Не раз у противника в воздухе оказывалось больше самолетов, и скорость их полета была выше, и маневренность лучше, а победу все-таки одерживали мы. И это потому, что в бою чаще побеждает тот, кто сильнее морально, ведет борьбу за правое дело, кто действует более напористо, противопоставляя тактике врага свой атакующий стиль...

Васильев слегка задумался, как вдруг почувствовал колебание педалей управления. Это Пицхелаури хотел привлечь внимание летчика, раскачивая их за тросы, которые шли вдоль борта его кабины. Другого способа известить летчика у него не было.

Два «мессера», обнаружившие штурмовик, уже выполняли маневр для захода на него с задней полусферы. Этот коварный прием хорошо знаком нашим летчикам, но фашисты поторопились открыть огонь.

Увидев потянувшиеся к самолету огненные трассы, Пицхелаури предупредил летчика, и Васильев успел отвернуть. Несколько пуль попало в фюзеляж, не задев ни летчика, ни воздушного стрелка. Видя, что штурмовик не дымит и не собирается падать, фашисты выполнили боевой разворот, чуть пропустили Ил-2 вперед и пошли в повторную атаку, чтобы с близкой дистанции расстрелять самолет.

Гитлеровские пилоты и думать не думали, какой сюрприз подготовлен для них, самолеты продолжали сближаться. А лейтенант Васильев нарочно вел машину по

прямой. Он лучше Пицхелаури понимал, что тому отпущены секунды на то, чтобы упредить огонь противника. Но Пицхелаури не стрелял. Гитлеровцы, по-видимому, уже взяли наш штурмовик на прицел. И тут Васильев не выдержал:

— Да стреляй же! — крикнул он в запальчивости, забыв, что его никто не слышит.

Долгожданной очереди ШКАСа все не было. У Анатолия даже мелькнула тревожная мысль: не убит ли Пицхелаури? И только было собрался он ввести штурмовик в крутой разворот, как ШКАС влепил целую пулеметную очередь в кабину и мотор «мессершмитта». Желтобрюхий истребитель с черными крестами провалился, как в пропасть, вошел в спираль и врезался в землю.

Теперь товарищи сосредоточили внимание на втором истребителе. Отбили одну его атаку, вторую. А враг продолжал насаждать. У Пицхелаури кончился боезапас. Вся надежда была теперь на искусство летчика. Лейтенант Васильев бросал машину из стороны в сторону. То и дело небо чертили зловещие огненные строчки, только чудом не задевая самолет. Когда же «мессер» все-таки сумел подкрасться к штурмовику совсем близко, Пицхелаури выстрелил в противника из ракетницы. Гитлеровец, видимо, принял сигнальную ракету за реактивный снаряд, метнулся в сторону и отстал.

Усталые, но довольные, возвратились на аэродром Васильев и Пицхелаури. Здесь уже с нетерпением ждали смелых экспериментаторов.

— Качать их, братцы! — задорно крикнул кто-то. Под общий гвалт и смех лейтенанта Васильева и капитана Пицхелаури несколько раз подбросили вверх.

Подробное донесение с описанием боя и выводами было послано в штаб воздушной армии и в конструкторское бюро Сергея Владимировича Ильюшина. Таких писем с фронта в высокие инстанции, как стало известно потом, приходило немало. Они укрепили генерального конструктора в его мнении, что штурмовик Ил-2 обязательно должен выпускаться двухместным.

Вскоре у нас в полку появились новые двухместные машины. Вместе с ними пришли и молодые стрелки, ребята с завидным здоровьем, метким глазом и твердой рукой. С воздушными стрелками наша боевая работа пошла куда веселее.

В авиации главной фигурой был ведущий — не командир звена, не командир эскадрильи, а тот, кто вел группу, руководил в полете и в бою.

Нередко бывало, что ведущий по званию или должности был ниже ведомых. При постановке задачи называли ведущего и его ведомых, но не командира звена, эскадрильи. Само название говорило о том, что тот, кто возглавляет группу, ведет ее в бой — самый авторитетный летчик, уже имеющий боевой опыт. Насколько я помню, так было у штурмовиков, где авторитет ведущего был непререкаем.

Уже после войны мы долго не могли привыкнуть к тому, что командовали командиры, они были и ведущими, но уже в другом качестве.

Я довольно рано стал ведущим. Это произошло случайно. Однажды перед нашим звеном, командиром которого был Анатолий Васильев, была поставлена задача: уничтожить эшелоны противника в районе Сычевки, что южнее Ржева. После взлета мы выполнили разворот, чтобы пройти над аэродромом и взять курс на цель. Вдруг Васильев резко развернулся влево, выпустил шасси и стал заходить на посадку. На самолетах ведомых тогда не было радиопередатчиков, и летчики летали даже в шапках-ушанках. Поэтому узнать, в чем дело, я не смог. А согласно положению при выходе из строя ведущего его заменяет или ведомый, или ведущий пары.

Я вел пару. Ведомый Васильева сообразил, что его командир вышел из строя, и пристроился за моим ведомым. Теперь я стал ведущим звена и почувствовал, какая ответственность свалилась на мои плечи.

Это случилось на четвертом или пятом вылете. Я сознавал ответственность за своих ведомых, хотя было мне всего девятнадцать. Сначала как-то растерялся и стал строить круг, чтобы пройти над аэродромом. Вижу внизу взлетную полосу, на снегу черное полотнище — посадочное «Т» и фигуры людей, которые машут флажками в сторону фронта. Делать нечего, беру курс на запад, покачал крыльями, призывая ведомых подтянуться.

Напряжение постепенно снижается, беру полетную карту и стараюсь определить свое местонахождение. Знаю, что впереди должна быть железная дорога, идущая с юга на север. Всматриваюсь в ориентиры, чтобы не проскочить железную дорогу, точнее сориентироваться и выйти на Сычевку. Через несколько минут впереди слева показалась железнодорожная станция и эшелоны под парами. Сразу отлегло от сердца. Теперь главное — не проскочить цель. Разворачиваюсь вдоль железнодорожного полотна и строю маневр для атаки.

Ведомые следуют за мной. На меня у них вся надежда. Покачал крыльями, даю понять, что начинаем атаку. Перевожу самолет в пикирование на цель. Железнодорожный эшелон на заснеженных путях виден отлично. С ходу сбрасываю бомбы, вывожу машину из пикирования, разворачиваюсь влево для повторной атаки. Ведомые повторяют мой маневр.

С опозданием зенитная батарея открывает огонь по самолетам, видны трассы «эрликона».

При выводе из пикирования после повторной атаки увидел пару «мессершмиттов», проскочивших над нами на встречных курсах. Мои ведомые подтягиваются ко мне, занимая свое место в боевом порядке. Не знаю, видели ли они истребители противника или нет, но жмутся к ведущему. Осматриваюсь кругом, однако противника не вижу. Со снижением ухожу от цели. Летим над самой землей. Противника не наблюдаю. Или они нас потеряли на фоне снежного покрова (самолеты тоже имели белую окраску), или у них была другая задача.

Пройдя несколько минут, снова набираю высоту 600–800 метров и пытаюсь определить, где мы летим. Пока это не удается.

Внезапно мы выходим на железную дорогу, идущую с запада на восток. Это же как раз в направлении нашего аэродрома.

Прижимаемся к железной дороге, боясь ее потерять. «Компас Кагановича» — так мы называли железные дороги — был как раз кстати. Они нам здорово помогали. Теперь выйти на свой аэродром не составит большого труда.

После посадки, зарулив на свою стоянку, с облегчением вздохнул. Все обошлось хорошо. К самолету подошли ведомые. Обмениваемся впечатлениями от полета.

Командир полка выслушал мой доклад. Я ожидал похвалы, но командир только и сказал:

— Ну, что ж, у нас еще один ведущий обозначился.

С тех пор я уже самостоятельно водил группы на боевое задание.

Татьяна Юрьевна Кошкина родилась в селе Мише-левка Иркутской области. В 1974 году окончила историко-филологический факультет Тамбовского педагогического института. Работала учителем в Чечне, журналистом районных газет в Киргизии, Тамбовской области. Автор книги стихотворений. Публиковалась в региональных изданиях, коллективных сборниках. Лауреат всероссийского фестиваля «Во славу Бориса и Глеба». Живет в Кантемировке.

Татьяна Кошкина

МЕРКНУЩИЙ ПЛАМЕНЬ ЗАРИ

* * *

Как призывно поют соловьи
На краю подступившего лета!
Нет запретов и норм у любви,
Раз сердца ее песней задеты.

Есть у каждого трепетный миг,
Что пронзает уснувшую память.
Кто глубокие чувства постиг,
Им внимает, чтоб душу поранить.

Пробудить, что года унесли,
Приглушили, укрыли, уняли.
Но, как меркнувший пламень зари,
Приглушили тоску, но не сняли.

* * *

Говорят, время лечит. Но это не так.
Время лишь заставляет терпеть.
Забывается каждый ничтожный пустяк,
А душа продолжает болеть.

Как нарыв, вдруг прорвется такая тоска,
Что лишает рассудка и сил.
Кто любил — это знает уж наверняка.
Но и счастлив лишь тот, кто любил.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

1

Куст пожелтел за ночь. Вот и пришла она...
Пора, оставившая след в стихах поэтов.
Тиха, застенчива, собою недурна.
И не дававшая монашеских обетов.

Она то вырядится в золотистый шелк,
Блестя красотой, дразня и изумляя.
То красным опалит, в нарядах зная толк,
То наготой своей шокирует, играя.

Ее не надо ждать — она придет сама.
Все страсти усмирит, зальет души пожары.
Крушением надежд полна ее сума.
Смиренно учит принимать судьбы удары.

2

Вдруг осень вышла мне навстречу
В своем убранстве золотом.
Горели листья, словно свечи,
Грусть оставляя на потом.

Как солнце весело играло
С ее волнистою косой!
С лучом резвясь, в листве гуляло,
Жемчужной падая росой.

Краснели листья, багровели
В ее изысканном венке.
Ей дифирамбы птицы пели
На звонком птичьем языке.

Вдруг ветер дунул, дождик брызнул.
Промчался золотой ручей.
И свадьба превратилась в тризну
Дождливых дней, сырых ночей.

**Татьяна Малютина,
Петр Чалый**

ВОСХОД «МАЛОГО САТУРНА»

(75 лет назад Кантемировский район
был освобожден от немецко-фашистских захватчиков)

История Сталинградской битвы важна во всех подробностях. Будь то оборона дома Павлова, бросок на вражескую амбразуру над донской кручей сержанта Василия Прокатова, пленение фельдмаршала Паулюса... В этом же ряду освобождение оккупированной части нашей Воронежской области. В нынешнем году этим событиям исполнилось 75 лет.

Раскинувшиеся на донском правобережье Богучар, Кантемировка, Россошь, Острогжск, как и окрестные, среди полей, села и хутора, районные центры были вызволены из немецкой, итальянской и венгерской фашистской оккупации в ходе Сталинградской битвы.

Большая речная излучина на Среднем Дону стала местом схваток боевых на северном фланге в декабре 1942 — январе 1943 годов. Неслучайно историки эти сражения назвали — Сталинград на Дону.

Четырнадцатого октября 1942 года немецкое верховное командование отдало уверенно успокоительный «зимний» приказ за подписью Гитлера. В нем, в частности, говорилось: «Летняя и осенняя кампании закончились. Мы достигли больших успехов. Огромным наступлением отбросили врага до Кавказа и Дона. Наземные связи между центральной Россией и регионом Кавказа, жизненно важные для проведения войны, отрезаны. Кроме специфических исключений, армии восточного фронта во время зимы выполняют только оборонительные задачи».

А уже двадцать третьего ноября советские войска взяли в клещи победительницу европейских столиц — 6-ю армию вермахта и приданные ей подразделения, какие увязли в боях на волжских берегах. Советские воины набросили петлю на одну из самых отборных гитлеровских армий под командованием будущего фельдмаршала Паулюса. На взгляд немецкого генерала-танкиста Фридо фон Зенгера, высказанный им уже после войны в книге воспоминаний «Ни страха, ни надежды»: «Это был гениальный ход Сталина — приказать окружить армию Паулюса путем фронтальных ударов, где легко можно было сломить слабых румынских и итальянских союзников Германии».

Боевую операцию разрабатывали будущие маршалы Красной Армии. В решающие дни и ночи они находились на полях сражений. Вспоминался такой эпизод: «В Генеральном штабе во время войны было всего лишь 200 человек. Александр

Михайлович Василевский, кстати, в прошлом штабс-капитан и сын священника, будучи начальником Генштаба, являлся также и представителем Ставки, и 80 процентов времени проводил на фронте. Однажды он даже сказал Верховному Главнокомандующему: «Товарищ Сталин, в Наркомате уже говорят, что я не руковожу Генштабом, а все время нахожусь в войсках...» Сталин говорит: «Товарищ Василевский, вы езжайте, а если нужно будет оформить карту — мы найдем, кого назначить. Если нужно будет передать вам информацию — у нас с фронтом связь есть. Если мы сочтем необходимым с вами посоветоваться как с начальником Генштаба — мы вас найдем...»

Враг еще не успел, как говорится, очухаться и осознать, что он окружен, а Верховный Главнокомандующий в ночь на 24 ноября предложил своему «летающему генштабу» из Сталинграда переместиться севернее — в воронежскую Бутурлиновку и там наметить план «чувствительных» боевых действий Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов. Задача стояла одна: «надежнее обеспечить с запада ликвидацию Сталинградского «котла».

В своих воспоминаниях Александр Михайлович Василевский отметит: «На рассвете 25 ноября все мы на автомашинах, присланных из штаба Воронежского фронта, отправились в район Верхнего Мамона и уже через несколько часов совместно с генерал-лейтенантом Голиковым и членом военного совета фронта генерал-лейтенантом Федором Федотовичем Кузнецовым приступили к рекогносцировочным работам. Командующий 6-й армией генерал-лейтенант Федор Михайлович Харионов детально знакомил нас с положением дел в полосе действий его армии».

Будущие три маршала и генералы тоже не без риска для жизни скрытно поднялись на звонницу стоявшего на фронтовой линии храма Святого Митрофания, и в упор изучали обжитое итальянцами гористое правобережье Дона. Знали бы Александр Михайлович Василевский и его команда в те минуты, что грядущей операцией «Малый Сатурн» они выносят смертный приговор армии Паулюса...

Гитлер со своими полководцами не уступил — решил удерживать так и не покоренный Сталинград «до последнего солдата». Тем самым он обрекал лучшие дивизии на верную гибель.

Татьяна Петровна Малютина родилась в городе Россошь. Окончила исторический факультет Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук. Автор книг «Во глубине славянских руд», «Славянский мир Н.И. Костомарова», «Слобожанская тетрадь» (в соавторстве с П.Д. Чалым), «Россошь. Визитная карточка». Публиковалась в журналах «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал» (Москва), «Историчный журнал» (Киев), «Журнал военной истории» (Бухарест), «Подъём». Лауреат премии «Имперская культура». Живет в Воронеже.

Петр Дмитриевич Чалый родился в 1946 году в селе Первомайское Россошанского района Воронежской области. Автор двенадцати книг прозы. Более тридцати лет работал корреспондентом воронежской областной газеты «Коммуна». Публиковался в журналах «Подъём», «Волга», «Наш современник», «Кольцовский сквер», «Воин России». Награжден орденом «Знак Почета». Дипломант IV Международного славянского форума «Золотой витязь», лауреат литературных премий «Имперская культура» им. Э. Володина, всероссийского конкурса «О казаках замолвите слово», премии «Родная речь» и др. Член Союза писателей России. Живет в Россоши.

Кантемировка освобождена от захватчиков. Декабрь 1942 года. Архивное фото

До победного часа Красной Армии предстояло не только разгромить вражеский котел, но и сорвать отчаянные попытки противника прийти на выручку осажденным. Ставка Верховного Главнокомандования разрабатывала упреждающую операцию «Сатурн». Мыслилось — яростным огнем и мечом прорубить второе «планетное» кольцо окружения и выйти к Ростову-на-Дону, чтобы схоже запретить вражеские войска, захватившие Кубань, Северный Кавказ.

А обстановка на фронте менялась ежечасно и «не в пользу нас». Немцы даже из Франции перебрасывали свежие танковые подразделения, дополнительно — стрелковые дивизии в донскую излучину. Казалось, неодолимый танковый каток уже утюжил сквозь заснеженную степь спасительный путь вдоль железной дороги Тихорецкая — Сальск — Котельниково — Сталинград. Враг наводил «воздушные мосты» для переброски боеприпасов, провианта. Советское командование вынужденно бросило во встречные сражения «сатурновские» резервные части. Взвесив все, Сталин решил не рисковать: «...наступление в сторону Каменск — Ростов не может получить успеха». Он распорядился видоизменить «Сатурн» с тем, чтобы, прорвав вражескую линию фронта на Среднем Дону, уничтожить его оперативные резервы и выйти во фланг и тыл группы фашистской армии «Дон», готовых выволить армию Паулюса. Сталин ставил конкретные задачи: «...ликвидировать итальянцев», «обрушиться на тылы противника», «создать серьезный заслон против возможного удара противника с запада». «Операцию начать 16 декабря. Наименование... «Малый Сатурн».

Судьбоносное время: конец ноября 1942 — начало февраля 1943 гг. Ход Великой Отечественной и Второй мировой войны в целом на глазах меняли уже «в пользу нас» боевые наступательные операции советских войск — «Уран» и «Марс», «Сатурн» и «Малый Сатурн». Настоящий парад планет. И затем — «Кольцо», в котором сдавались в плен не только фашистские солдаты, офицеры, но и генералы вместе с фельдмаршалом Паулюсом.

В эти месяцы изначально планировался разгром армий германских сателлитов — Румынии, Италии, Венгрии. Операции «Уран» и «Малый Сатурн», Острогожско-Россошанская, Воронежско-Касторненская ставили в числе других задачу — заставить румын, итальянцев, венгров-мадьяр выйти из состояния войны.

...Все еще впереди.

А здесь, в воронежском крае, на тихом Дону, где только что побывал «летающий генштаб» во главе с его начальником Василевским, уже не было тихо. Саперы скрытно вморозили в лед настильную бревенчатую переправу. Вела она на правый речной берег, на каком неприступно укрепились итальянцы. Но именно у села Осетровка наши воины летом не отступили и удержали плацдарм в пятьдесят квадратных километров. Декабрьскими ночами на эту драгоценную пядь земли через Дон шли и шли танковые колонны и сосредотачивались вдоль степной линии фронта.

Всех окрылял Сталинград, где наши войска ударили встречно двумя танковыми кулаками с севера и юга. Ударили при поддержке артиллерии, пехоты, авиации. Схожий, не ожидаемый противником прорыв готовился и на Дону, чтобы, создавая новое кольцо окружения, отодвинуть подальше на запад линию фронта, уничтожить аэродромы и снабженческие базы на Юго-Восточной железной дороге. Тем самым — напроць пресечь вражеские попытки по спасению поименованной Гитлером «крепости Сталинград».

А на том, правом, берегу — чем не одно из чудес света.

Белогорье, сплошная гряда меловых гор. Никоновская летопись сохранила для нас сведения о том, что еще в 1389 году здешним путем из Москвы в Константинополь плыл на судах рекою Доном вниз митрополит Пимен. Участник путешествия Игнатий Смольянин писал: «видели столпы каменные белые, дивно и красиво стоят они рядом, маленькие стога, белы и очень светлы, над рекою...» Любоваться да любоваться бы этой неопикуемой красой. Но у военных иной взгляд на окружающий мир. Для них самой природой сотворена неприступная линия обороны вдоль да по-над Доном. Широка, глубока река. Чуть ли не из воды отвесно вырастают высь, прямо к небесам, крепостными стенами скалы. Они грозно нависают над речным потоком, а, главное, над равниной левобережья, открытой на многие километры. Где бы ни крылся воин, всюду он — как на ладони.

Этим обстоятельством разумно воспользовались немцы. Их войска на острие главного удара. А на будто подаренных Творцом оборонительных флангах разместили «слабое звено» — сателлитов.

Поскольку венгры из-за спорных приграничных территорий издавна враждовали с румынами, то дабы они не потрепали друг друга, их разъединили итальянцами. Южнее Воронежа до тогдашнего районного центра Белогорье закрепились 2-я венгерская армия. Дальше — потомки римлян в составе 8-й итальянской армии заняли извилистый речной сектор протяженностью в 270 километров — к известной всему миру шолоховской станице Вешенская. Ниже по течению на флангах у Сталинграда располагались две румынские армии — 3-я и 4-я. Во втором эшелоне разбросанно размещались на всякий пожарный случай резервные немецкие подразделения.

Осенью по гористому берегу Дона, как отмечает современный военный историк Джорджо Скотони (на его сведения, взятые из рассекреченных недавно документов с той «неприятельской стороны», мы будем опираться и далее. — *Авт.*), итальянцы создали солидную систему обороны. Построили дзоты, соединенные между собой траншеями, и эшелонированную полосу инженерных сооружений. На переднем крае были сооружены ряды проволочных заграждений, вырыты противотанковые рвы и подготовлены минные поля. От первых траншей в глубину ответвлялись ходы сообщений, и главная полоса включала систему опорных пунктов с артиллерией.

Мало кто знает — крепить боевой дух фашистам прилетали в Кантемировку дочь итальянского «фюрера», «дуче фашизма» Муссолини — Эдда Чиано и модный в ту пору поэт Филиппо Томазо Маринетти. Вдохновение стихотворец в на-

рядном мундире майора нашел в Кантемировской округе. Здесь он писал об «оригинальности русского народа». Как их вождь и отец, основатель и первый маршал Империи Италия Бенито Муссолини, гости на встречах славили офицеров, унтер-офицеров и солдат 8-й итальянской армии. «В жестоком бою, бок о бок с немецкими и союзными армиями на русском фронте, вы многократно и решительно демонстрируете вашу стойкость и доблесть», защищая «тысячелетнюю европейскую цивилизацию от московского варварства».

К первым снегопадам, в начале ноября, работы по укреплению позиций были завершены, и войска расквартировались на хорошо снабженных и протопленных постоях. По прошествии нескольких дней минимальная температура стала очень низкой, река Дон покрылась льдом. Она больше не являлась водной преградой, дозор необходимо было усилить.

На участках фронта почти каждую ночь советские войска вели боевую разведку. Нередко итальянские части отражали мелкие атаки противника, но никогда не участвовали в важных боях. Не случайно самое известное событие осеннего пребывания на Дону — это не вооруженное столкновение. Альпийцы батальона «Тирано» дивизии «Тридентина» нашли Донскую мадонну. Так они назвали православную икону Пресвятой Богородицы «Умягчение злых сердец», или «Семистрельную». Горные стрелки 46-й роты нашли ее в разрушенном от бомбежек доме. Солдаты трогательно берегли, поклонялись ей как своей святыне. Затем икону привезли в Италию оставшиеся в живых воины альпийского корпуса. Там она стала предметом массового паломничества родных и близких тех воинов, которые так и не вернулись из России.

К концу ноября было замечено крупное сосредоточение советских войск на участке фронта 8-й итальянской армии. В частности, напряженная наступательная подготовка отмечалась в зоне фронта 2-го итальянского армейского корпуса — от Новой Калитвы до Осетровки. Там, где река Дон образует излучину.

Однако, как отмечают оккупанты, «на наших линиях думали, что напротив нас находятся ослабленные советские соединения». Когда войска Красной Армии готовились прорвать фронт обороны, «верховное командование вермахта и командующий 8-й армией Гарибольди убедились в том, что перед фронтом приток войск был незначительным и что не следует бояться нападений на этих участках... Поэтому итальянцы, укрепляя свою оборону, мало-помалу уверовали, что они не находятся под угрозой, не должны бояться серьезных атак и могут спокойно оставаться на зимовку».

Беспечность подвела итальянцев и «прикомандированных» к ним немцев.

В операции «Сатурн», а затем и в ее окончательном варианте «Малый Сатурн», танковым корпусам предписывалось «в гору не идти». Донские горы обойти позволяли «предмостные плацдармы», удерживаемые с летнего отхода советскими воинами на занятом противником правом берегу. Это одно. И второе: противник был частично прав в оценке сил Красной Армии — наши «войска превосходили вражеские лишь в танках, а в живой силе, артиллерии и боевых самолетах уступали им». Но мы уже умели воевать. Ослабив местами собственную оборону, смело сосредоточили имевшуюся боевую мощь «в полосе намеченных ударов на узких участках прорыва тактической зоны обороны противника». Тем самым — добились весомого превосходства: пятикратного в танках, трехкратного в орудиях и минометах, почти двойного в живой силе.

Основные два удара нанесли: севернее — из района Верхнего Мамона, южнее — из района станицы Боковской. Вспомогательные — по линии фронта, где у итальянцев, немцев и румын было «тонко». Направления — Новая Калитва, Кантеми-

Отсюда начиналось освобождение Кантемировка

ровка, Марковка, Чертково, Миллерово, Тацинская, Морозовск. Удары нанесли «под дых» противнику, которому стало ясно, что деблокировать окруженную группировку Паулюса уже не удастся.

«Малый Сатурн» к Новомуднему празднику свою задачу выполнил.

Нам же интересен подробный рассказ об освобождении родных мест на стыке Воронежской и Ростовской областей.

Двенадцатого декабря провели разведку боем, пишет в книге «Над картой былых сражений» начальник штаба Воронежского фронта Михаил Ильич Казаков, в ней участвовало несколько батальонов 127-й стрелковой дивизии, которые продолжительное время занимали здесь оборону и хорошо знали противника.

Разведка прошла успешно. Боевое охранение итальянской дивизии «Равенна» было уничтожено по всей полосе прорыва. Наши войска овладели несколькими высотами на южном берегу Дона, хутором Самодуровка (ныне Донской) и частью села Дерезовка.

Итальянцы долго не могли успокоиться. В течение второй половины дня 12 декабря и весь день 13 декабря они вели контратаки, пытаясь восстановить положение. В бой по отражению этих контратак втянулась почти вся 127-я стрелковая дивизия. Ее бойцы и командиры действовали умело и мужественно. Они удержали плацдармы и нанесли значительные потери итальянской дивизии.

«На плацдармах стали развертываться боевые порядки 15-го стрелкового корпуса с артиллерией сопровождения. С волнением ожидали мы начала первой наступательной операции войск Воронежского фронта. Как-то она пойдет? Как будет развиваться? Принесет ли желаемый успех?

Утром 16 декабря началась артиллерийская подготовка. Мы следили за ней с наблюдательного пункта на окраине села Гороховка. Особенно сильное впечатление произвели на меня гвардейские минометы «Катюши». Их в этот раз было довольно много: только в полосе нашей 6-й армии действовало до десятка дивизионов и несколько полков. После такой обработки переднего края обороны противника можно уверенно начинать атаку. Не беда, что из-за морозного тумана вплоть до середины дня не могла действовать наша авиация.

Первые минуты атаки всегда напряженны. Пехота выбралась из траншей и идет по открытому полю на вражеские позиции, где совсем еще недавно гулял огонь нашей артиллерии. Какие силы остались там? Насколько удалось артиллеристам подавить огневую систему переднего края? Эти вопросы волнуют каждого.

Но вот стрелки с криком «ура» ворвались в первую траншею. Завязываются беспощадные рукопашные схватки. Тут в дело идет все: и штык, и саперная лопата, и просто цепкие руки, хватающие противника за горло. Отвоевываются десятки, потом сотни метров родной земли. Затем противник вводит в бой резервы. Начинаются контратаки.

А тем временем на наблюдательных и командных пунктах ведутся отрывистые, часто нервные переговоры по радио и телефонам. Кто-то сообщает об успехе. Другой требует огневой помощи. Командные пункты на все реагируют, все принимают к сведению и требуют, настаивают, приказывают: вперед!»

...Наступление нашей 6-й армии протекало в целом неплохо. Сопротивление итальянцев было сломлено, и уже в первый день наши войска продвинулись на пять километров. Это не так мало, если на пути глубокий снег и довольно трудный для наступления рельеф местности. Ведь войскам пришлось атаковать снизу вверх, преодолевая отлогий, но длинный подъем — от топографической отметки 100 до отметки в 220 метров над уровнем моря.

Во второй день наступление развивалось еще успешнее. Контратаки 385-й пехотной дивизии немцев и их же 318-го пехотного полка, а также бригады итальянских чернорубашечников были отбиты... К вечеру 19 декабря наши войска вышли на рубеж Новая Калитва, Первомайское, Кантемировка. Таким образом, за четверо суток они целиком выполнили свою задачу по плану операции «Малый Сатурн». И тогда же, вечером 19 декабря, наша 6-я армия была передана в состав Юго-Западного фронта.

Казаков нарисовал общую картину наступления.

Бои же шли ожесточенные. Шестнадцатого декабря танкистам не удалось с Осетровского плацдарма вырваться на степные просторы. Они споткнулись на «чрезвычайно насыщенных минных полях». Итальянцы осенью закапывали заряды в землю. С началом зимы скрывали мины в снегу. По сути, испекли опасный «слоеный пирог». И лишь когда ночью здесь основательно потрудились наши саперы, расчистили безопасные проходы, то 115-я отдельная танковая бригада Мельникова, а затем и 17-й корпус Павла Павловича Полубоярова, будущего маршала бронетанковых войск, пошли в бой без артиллерийской «обработки» переднего края. Этим они сбили с толку противника. Его противотанковые пушки без единого выстрела были раздавлены гусеничными траками советских танков. Притом — наши танковые части не потеряли ни одной машины.

Противника побивали его же приемами.

Более тысячи танков пошло в прорыв. Только вперед! Для пехоты оставались позади опорные пункты противника. Стальные машины дерзко уходили в рейд по глубоким вражеским тылам. Нарисованные на штабных картах стрелы — направления главного удара — превращались в явные «кольца» новой западни.

Сквозь минные поля, сквозь шквал огня и лютую непогоду 17-й танковый корпус генерала Павла Полубоярова, сметая итальянские и немецкие заслоны, первым выполнил свою тактическую задачу. Танкисты ударом с донского Осетровского плацдарма прорвали оборону противника и взяли курс к главной цели — на Кантемировку. Районный центр и железнодорожная станция были важной базой снабжения немецко-итальянских войск. По магистралям через Ворошиловград, Харьков сюда доставляли оружие и боеприпасы, амуницию и провиант, считай, прямо на линию фронта. С аэродрома Гартмашевка по «воздушному мосту» само-

летами отправляли грузы в сталинградский «котел». Вот почему фашисты превращали Кантемировку в мощный узел сопротивления. На пути к ней стояли укрепленные заслоны в селах Писаревка, Талы.

Командир корпуса, будущий маршал бронетанковых войск Павел Павлович Полубояров попридержал в резерве часть сил. А когда разгромили вражеский передний край, то 66-я танковая бригада подполковника Федора Михайловича Лихачева по бездорожью, полями, обходя укрепленные пункты стороной, вырвалась в глубокий тыл и вышла к Кантемировке с юго-восточной окраины. Ее поддержали передовые подразделения 174-й танковой бригады подполковника Василия Ивановича Шибанкова. Тут наших танкистов немцы и итальянцы не ждали. Дерзкий маневр ошеломил врага.

Утром девятнадцатого декабря они «свалились с неба, с прикрывавшей поселок горы и оседлали» Юго-Восточную железную дорогу.

Ветераны вспоминают: на железнодорожных путях эшелоны с грузами стояли, а улочки слободы были запружены автотранспортом, тракторами, свежей боевой техникой. Экипажу лейтенанта Александра Орлова удалось с высоты расстрелять паровоз и уничтожить мост через речушку на главной дороге. Но удобная боевая позиция на всхолмье оказалась тоже небезопасной. Танк подбили снарядом, а затем обезноженную машину разнесли бомбовыми ударами с воздуха. Но Орлов уже с автоматом штурмовал вокзал, где вступили в бой с брони десанты пехоты. Им явилась подмога. Танкисты освободили наших военнопленных, вооружили их. Необычный стрелковый полк в шестьсот бойцов сразу стал силой. Очистить Кантемировку от фашистов удалось лишь к ночи 19 декабря. И до 21-го, до подхода основных сил, танковый корпус удерживал село в круговой обороне.

И вновь седлали легендарные «тридцатьчетверки» — лучшие танки Второй мировой войны. Орлов, девятнадцатилетний воин, принял новый экипаж, его товарищи остались в госпитале. Корпус совершал стальной бросок на юг в сторону Ростова, отсекая железнодорожную магистраль.

За проявленную отвагу 17-й по приказу Народного комиссара обороны получает почетное звание — 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус.

...Если бы взлететь орлом над степью, то взору бы предстала необычная для декабря картина. Будто весеннее половодье прорвало вражескую линию обороны и растекалось по долам, по горам. Потоки людей, обозов, военной техники то разбегались ручьями, то сливались в реки, то снова текли в разные стороны света.

Поистине — «смешались в кучу кони, люди»...

Командованию лучшей альпийской дивизии «Юлия» и 24-му немецкому танковому корпусу с приданными ему двумя пехотными дивизиями — 385-й и 387-й было приказано «наперекор противнику восстановить фронт в зоне полного хаоса».

Как это выглядело? «Стоит вспомнить, что случилось с 13-й батареей группы «Конельяно», входящей в состав дивизии «Юлия». Доехав до Митрофановки, она получила приказ отправиться через Криничное в Первомайское-Дерезоватое, в Ивановку. Колонна, состоящая из дюжины грузовых автомобилей, везущих батарею, выехала из села в метель ночью и попала, как оказалось, в глубь никому не принадлежащей территории. Почти сразу после выезда грузовые автомашины встретились с четырьмя танками, которые шли им навстречу по той же самой трассе. Десантники, сидящие на танках, были одеты в маскировочные белые халаты, не позволявшие опознать, кто они. При встрече махали руками и здоровались с нашими артиллеристами. Но некоторое время спустя танки остановились и начали стрелять в направлении Митрофановки. Альпийские артиллеристы поняли, что они встретились с советскими танками и здоровались с противником».

Исполняя поручения командира дивизии, генерала Умберто Риканьо, лейте-

нант Еждисто Корради на всю жизнь запомнил поездку по заснеженной степи из Россоси в сторону Богучара:

«17 декабря 1942 года, въезжая в горящие Талы, я совсем не понимал всего ужаса только что начинавшейся военной катастрофы... Командование 2-го корпуса уехало из села в Кантемировку, находящуюся западнее. После долгих поисков мы нашли путь в Кантемировку. Прибыли туда в середине ночи... Командование 2-го корпуса находится не здесь, — сказали нам, — оно должно быть в Митрофановке, в пятидесяти километрах северо-восточнее. Но путь в Митрофановку был перекрыт. Советские самолеты обстреляли колонны грузовиков. Сразу же образовались «пробки» из неподвижных автомобилей... Дорога из села Талы в Кантемировку была совсем пустая и сверкала ото льда, она блестела под утренним солнцем. Дальше мы увидели перевернутые грузовики, лежащие по обеим сторонам дороги, ямы, образовавшиеся от взрывов, кучи вещей и ящики, из которых вывалились боеприпасы; в воздухе ощущался дым от гаснущих пожаров. На полях вдоль дороги лежали десятки убитых итальянских и немецких солдат. На дороге трупы были в большинстве раздроблены, смешаны со льдом...

В одной деревне дорога немного поворачивала, и закутанные женщины расчищали ее от снега. Они увидели нашу машину и начали кричать, высоко поднимая метлы. Кричали с насмешкой: «Тикай! Тикай!..» «Тикай» — по-русски значит «убегай» или просто бегство, не знаю. Немцам, думал я, не кричали бы «тикай» или крикнули бы только раз и — все. Женщины убирали дорогу, чтобы русским войскам было легче пройти, это было хорошо понятно. Их крики оскорбляли меня, но не слишком сильно; мне, наоборот, показалось естественным, что в данных обстоятельствах русские граждане дали волю своему ликоваанию».

Приведем в отрывках архивные документы, рассказывающие об освобождении края от итальянско-немецких оккупантов. Дотошный любитель истории сможет из первых рук узнать, как с берегов Дона начинался наш долгий победный путь к Берлину.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 354 ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ на 8.00. 20.12.42 г.

Войска левого крыла Воронежского фронта и Юго-Западного фронта с 16.12 перешли в наступление против итало-немецких войск, оборонявшихся в районе среднего течения Дона. Прорвав оборону противника на участке Новая Калитва — Монастырщина и в районе Боковская, наши войска за четыре дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на 25–55 км, заняв города Новая Калитва, **Кантемировка**, Богучар и районные центры Талы, Радченское, Боковская. В боях разгромлено 9 пехотных дивизий и 1 пехотная бригада итало-немецких войск, нанесены тяжелые потери 4 пехотным дивизиям противника.

Юго-Западный фронт.

17 танковый корпус 19.12 овладел населенным пунктом Кантемировка.

1-я гвардейская армия, перейдя в наступление 16.12, прорвала оборону противника на участке Красно-Ореховое — Монастырщина и, разгромив противостоящие части 3, 9 и 59 пехотные дивизии итальянцев, 298 пехотную дивизию немцев, продолжала развивать наступление в южном и юго-восточном направлениях.

4 гвардейский стрелковый корпус в 14.00 19.12 вышел на рубеж Зайцевка — Бык — Лебединка — Шуриновка.

Письмо капитана санитарной службы Джино Сорези о последних военных событиях на русском фронте — в Кантемировке...

«В то утро (19 декабря — авторы) мы с двумя врачами госпиталя № 5 пошли в другое отделение госпиталя для работы. Как я уже написал тебе, с декабря мы были подвергнуты изнурительному труду: с фронта текли без перерыва сотни раненых: приезжали, лечились как-то и, после одного или двух дней лечения, эвакуировались всеми доступными им средствами — на поезде, на грузовике, на скорой помощи, на самолете. Под моим командованием было восемь врачей и 103 солдата. Я осматривал в среднем 150 раненых в день и столько же отправлял в Италию. В последние дни велел положить соломенные тюфяки на пол в коридорах, в прачечной, в нашей столовой — в любом месте, где мог лежать раненый.

Рано утром 19 декабря первые русские танки появились на холмах вокруг Кантемировки. В 7.30 ч. утра, когда началась бомбежка, я был на работе в отделении уже с 6 ч. утра. Когда мы услышали первые выстрелы, успокоил раненых и продолжал лечить. Примерно в 8.00 ч. прибыл запыхавшийся мой майор-адъютант и сказал мне, что несколько танков прорвались. Я ответил ему, что мы ничего не можем сделать и послал его обратно в госпиталь с приказом успокоить раненых, не допускать паники и организовать по возможности эвакуацию раненых всеми машинами скорой помощи, имеющимися в наличии, и поездом, который в то утро был готов ехать.

Между тем, я начал делать то же самое в отделении: заполнял машины скорой помощи ранеными и отправлял их на вокзал с приказом взять всех на борт поезда для возвращения. Учитывая краткость пути (500 м), легкораненые, которые могли ходить самостоятельно, отправлялись к поезду пешком.

Вскоре после этого произошел пожар в немецком складе для топлива, что показалось мне дурным предзнаменованием. Примерно через полчаса пришел другой офицер и сказал мне, что ситуация в больнице ухудшилась: паника распространилась среди пациентов, и больница сразу же опустела — раненые убежали босиком! К сожалению, убежали и мои солдаты...

В 11 ч. я остался один с тремя офицерами и пятью солдатами, которые, казалось, также хотели убежать. В то же время в городе начали действовать партизаны: они даже не были узнаваемы, потому что ограбили склад и были одеты как итальянские солдаты. Я собрал тридцать раненых в палате, четыре из них были очень тяжело ранены, и не было возможности везти их; остальных 26 я загрузил на первый попавшийся грузовик...

Между тем русские танки достигли центра города, перекрыли дороги к командованию и прошли мимо моего госпиталя, находившегося у подножия холма, откуда появились первые танки. Вокруг была адская бомбардировка: кроме пушек танков, взрывались бомбы, сброшенные с самолетов. <...> В 11.30 ч. мы отправились на железнодорожный вокзал. Придя на большую площадь, которую должны были перейти, чтобы добраться до командования, мы были остановлены пулеметными очередями из итальянской зоны: два русских танка стояли перед госпиталем № 32. Мы попытались вернуться, так как находились на расстоянии около 700 метров от госпиталя. Туда вела только одна дорога, которая поднималась дальше на холм и отсюда спустились в город танки.

В тот момент, когда мы пошли, русский танк появился на вершине холма и двинулся к нам. Над ним кружил немецкий самолет, который остался без бомб и стрелял в танк из пулемета. Мы были обречены: танкисты не берут в плен. Они могли убить нас одним выстрелом. Дорогая Лидия, здесь произошло чудо: мимо ехал на большой скорости грузовик, его гнал шофер, будто сошедший с ума от страха. Оружие в руках, нам удастся остановить его, и мы загрузили в машину группу раненых, которые были с нами.

Под прицелом танка мы сели в грузовик, проехали мост и отправились в путь к Ворошиловграду. Несколько минут спустя партизаны взорвали мост. Это было около полудня.

Из медперсонала госпиталя № 5 спаслись со мною три офицера и три солдата. Я оставил раненых в Кантемировке вместе с офицером и двумя солдатами. Ради любви к Родине, не скажу о том, что мы увидели на этом пути, полном трагических событий и ужасающих фактов...»

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 358
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
на 8.00. 24.12.42 г.**

В течение 23 декабря войска Юго-Западного фронта в центре продолжали преследовать немецко-фашистские войска, отходившие на юг и юго-запад...

6-я армия. ...127-я стрелковая дивизия закреплялась на рубеже северо-западная окраина населенного пункта Новая Калитва — МТФ — высота 176,2 (2 км юго-западнее Новой Калитвы).

15 стрелковый корпус, продолжая наступление, к исходу дня 23.12 вышел на рубеж:

172 стрелковая дивизия — Первомайск — Серобабин — высота 201,8;

350 стрелковая дивизия вела бой западнее населенного пункта Косовка и в районе рощи восточнее Фисенково;

267 стрелковая дивизия занимала оборону на рубеже Голая (ныне село Шевченко) — Новомарковка.

17 танковый корпус к утру 23.12 овладел районом Волошино.

1-я гвардейская армия.

...Части 4 гвардейского стрелкового корпуса к 17.00 23.12 вышли на рубеж: 195 стрелковая дивизия двумя полками вела бой в районе Гартмашевка.

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 360
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
на 8.00. 26.12.42 г.**

6-я армия. ...Разведгруппой дивизии взят в плен командир роты 8-го пехотного полка 3-й итальянской дивизии «Юлия», переброшенной из города Россось.

Части 15-го стрелкового корпуса: 172-я стрелковая дивизия, отразив несколько контратак противника, вела бой на прежнем рубеже; 350-я овладела районом Фисенково, вела бой западнее Фисенково и на восточной окраине Голая; 267 стрелковая дивизия овладела районом Касьяновка — Холодный — Хрещатый и передовыми отрядами заняла в Ворошиловградской (ныне Луганской) области район Каськовка — Россоховатый (20 км западнее и юго-западнее Кантемировки)...

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 362
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
на 8.00. 28.12.42 г.**

...**6-я армия.** 27.12 перешла в наступление, но, встретив упорное сопротивление противника на правом фланге и в центре, успеха не имела, на левом фланге, продвинувшись вперед, заняла несколько населенных пунктов.

350-я стрелковая дивизия овладела районом Голая (ныне Шевченко) — Пасюков — Калинов (15 км северо-западнее Кантемировки).

267-я стрелковая дивизия во второй половине дня 27.12. овладела районом Высочанов.

17-й танковый корпус вел бой с окруженным противником в Миллерово.

1-я гвардейская армия. 195-я стрелковая дивизия частью сил продолжала вести бой с окруженной группой противника в районе станции Гартмашевка...

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 363
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
на 8.00. 29.12.42 г.**

6-я армия. ...350-я стрелковая дивизия овладела районом Ахор (20 км севернее Кантемировка) и передовым отрядом овладела отделением совхоза Крутенький (24 км севернее населенного пункта Марковка). Остальные части армии вели бой на прежних рубежах.

1-я гвардейская армия частью сил продолжала уничтожать блокированные гарнизоны противника на станции Гартмашевка, Чертково, Миллерово и выдвигалась к реке Деркул...

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 365
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
на 8.00. 31.12.42 г.**

6-я армия оставалась на прежних позициях и частью сил вела бои местного значения. ...Части 350-й стрелковой дивизии в результате контратаки противника 30.12. оставили район Пасеково — Пасюков (11–16 км южнее населенного пункта Митрофановка).

1-я гвардейская армия частью сил продолжала вести бои по уничтожению окруженных гарнизонов противника в районах станции Гартмашевка, Чертково, Миллерово...

Бои шли ожесточенные. Сам фюрер озабочен положением на этом участке фронта.

«27.12.42 г.

...основным для боевых действий ближайшего времени должно оставаться освобождение 6-й армии (немецкой, окруженной в Сталинграде — авторы).

...Группа армий «Б» должна удерживать или вернуть общую линию: Калитва, северо-западнее населенных пунктов Тацинская, Миллерово, железная дорога Миллерово — Кантемировка — Дон. Противник, уже сейчас находившийся за этой линией, должен быть уничтожен атакой.

Адольф Гитлер».

Но его командиры понимали, что Берлин высоко, а им-то с земли виднее. Отбить, вернуть, удержать утраченное — задача непосильная. Тут не до жиру.

Дивизия «Юлия» перешла в подчинение 24-му немецкому танковому корпусу. Командование этого корпуса не имело своих войск, и его задача заключалась в том, чтобы взять все итальянские и немецкие части в свои руки и организовать новую оборонительную линию с тем, чтобы остановить противника.

Батальоны и группы переходили на позиции с большими трудностями. Технику и питание перевозили на санках, которые тащили сами альпийцы, потому что с начала зимы большинство мулов было послано в далекие тылы. В селе Криничное был создан вспомогательный пункт снабжения, а в ближнем хуторе Поддубновка — складировали боеприпасы. Санитарные взводы полков также направлялись к новому фронту. Штаб «Юлии» разместился в тылу и поближе к Россоши — на хуторе Новотроицк. За горой, за речкой свой аэродром. Кавалер Рыцарского креста, командир 385-й немецкой пехотной дивизии Карл Эйбл (Айбл) обживал исчезнувший ныне хуторок Комарово, можно сказать — на передовой. Запасная вражеская линия обороны пролегла по степным высотам западнее Новой Калит-

вы по хуторам Новая Мельница — Комарово — Зеленый Яр — Серобабин — село Валентиновка, железнодорожная станция Пасеково — Высочинов. Дальше поворачивала на юг и шла западнее Юго-Восточной магистрали мимо Чертково, через Беловодск к Миллерово, Чернышковской, Обливской.

Фашисты старались защитить аэродромы в Россоши, Гартмашевке, Чертково, Миллерово, с взлетных полос которых по «воздушным мостам» они снабжали оружием, горючим, провиантом взятую в «кольцо» армию Паулюса. И в окрестности вражеская авиация поддерживала свои наземные войска. Бомбили наши наступавшие части. Вывозили раненых. Перебрасывали подкрепления. Доставляли горючее, медикаменты, перевязочные материалы, почту. И потому фашисты всеми силами стремились даже в окружении держаться, действительно, до последнего бойца. Эти «малые котлы» гордо именовали — «крепости». Одна из таких появилась на аэродроме **станции Гартмашевка**, вблизи Кантемировка, у железнодорожной магистрали Харьков — Острогжск — Евдаково — Ростов. Немцы и итальянцы чаще называли этот аэродром — **Кантемировка**. Причина тому была серьезная. Недалеко от железнодорожной станции в степных ярах расположилось село **Гартмашевка**. Запутаться в этих схожих названиях немудрено. Рядом со станцией, в районе аэродрома, полки 195-й стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии взяли в «кольцо» группу немецких войск. Ее возглавлял командир 84-го моторизованного зенитного дивизиона подполковник Георг Тиrolлер. Благодаря тому, что немцы смогли удержать аэродром, удалось наладить снабжение этой группы по воздуху «посадочным способом» и организовать вывоз раненых. Транспортная авиация доставляла сюда подкрепления. 26 декабря 1942 года на самолетах была переброшена рота из состава запасного батальона ВВС «Дон» (Flieger-Ersatz-Btl.Don) — одного из многочисленных подразделений люфтваффе, спешно созданных для участия в наземных боях.

А вот еще один взгляд на события тех давних дней.

«Около двадцатых чисел декабря Жуков в строжайшей тайне поездом выехал «к Ватутину», на Юго-Западный фронт, — вспоминал Александр Николаевич Бучин, шофер маршала. — Секрет держится по сей день. Ни в мемуарах Жукова, ни в книгах о той войне нет и упоминания об этой поездке, которая памятна мне хотя бы по той причине, что впервые пришлось погрузить машины в поезд и отправиться с ними к месту назначения — крошечной станции Анна, затерявшейся в южнорусских степях. Машины сгрузили, и на безотказном «хорьхе» мы колесили несколько дней по зимним степным дорогам, где заблудиться ничего не стоило. Несколько раз находили верную дорогу только благодаря сказочной способности Г.К. Жукова ориентироваться...»

Какая-то мутная была поездка. По опустевшим дорогам, фронт ушел вперед, подолгу разыскивали нужные штабы и части. Снег милосердно покрыл шрамы войны, но не везде. Стояли сильные морозы, и трупы убитых и замерзших красноармейцев и вражеских солдат иногда застывали в жутких позах. Иные даже стояли в сугробах. Я старался в таких случаях не смотреть по сторонам. Скверно все это, война — глубоко бесчеловечное занятие. Однажды вижу — мы едем навстречу черной массе, идет колонна. Через снежную пелену стараюсь разглядеть, кто, и похолодел — шинели и головные уборы не наши. Деваться некуда, подъехали. Оказалось, по дороге, как стадо, двигалась громадная толпа пленных итальянцев. Сыны солнечной Италии явились убивать нас и угодили в зиму. Именно в этом районе только что была наголову разбита итальянская армия, которую прислал Муссолини. Вид у итальянцев был самый жалкий, они понуро брели между сугробами, ограничивавшими по обочинам дорогу.

...Где конвой?

Георгий Константинович не проронил ни слова и безучастно смотрел вперед. Неожиданно он сказал — стой! — и вышел из машины. В хвосте колонны десяток пленных, взявшись за оглобли, тащили сани, в них и сидел конвоир. Раненый красноармеец с ППШ на коленях. Из-под бинта видны были только глаза и часть лица. Узнав по папахе генерала, он неловко отдал честь и попытался слезть с саней. Жуков жестом остановил его и подчеркнуто четко отдал приветствие. «Вот и конвой», — сказал Жуков, ни к кому особенно не обращаясь. Несколько минут мы постояли на дороге, пока стадо итальянцев под присмотром раненого конвоира не скрылось в снежной мгле...»

Несмотря на то, что воздушные асы Геринга находились за первым бугром в Гартмашевке, в минутах лету, 6 января по заданию Ставки наш «летающий Генштаб» появился в Кантемировке — в штабе 3-й танковой армии. В новеньких погонах, их только что вернули Красной Армии, отдавая должное русским боевым традициям. Александр Михайлович Василевский и Георгий Константинович Жуков уже успели побывать на донском Щучьенском плацдарме. Еще не рассвело. Ночную тьму разбавлял боковой лунный свет, позволяя осмотреть округу. По-пластунски вслед за командиром 96-й танковой бригады Виктором Григорьевичем Лебедевым удачно добрались в «снайперское гнездо» на высоте. Что называется, в упор генералы разглядели обнаруженные ранее разведчиками минные поля в нетронутых на топливо будылях — зарослях подсолнуха. А за ними — пулеметные дзоты, артиллерийские капониры, траншеи и блиндажи. Надежно окопался враг и зорко следил за любым движением на нейтральной полосе. Хоть и попали на обратном пути под шальной обстрел, но путешествие в гости к немцам закончилось благополучно.

А тут, в широкой долине речки Богучарки, тоже рукой подать к передовой. От железнодорожной станции Пасеково к степным высотам у Первомайска, Новой Калитвы гремят бои вроде бы местного значения. Да ведь благодаря воинам, какие в тот час шли в атаку, на оперативных картах уже прорисовывались стрелы очередной значимой боевой операции. Острогужско-Россошанскую историки назовут блистательной. Ее по сей день изучают курсанты военных училищ во многих странах мира.

А на северном фланге «Малого Сатурна» советские войска занимали села Новая Калитва — Ивановка — Первомайск — Фисенково — хутор Кащеев севернее Кантемировки...

*...Морозную январскую метель,
Знать, не забыла милая Европа.*

Бригадный генерал Риканьо в воспоминаниях жалостливо писал: альпийские войска находятся на ледяной равнине с несколькими холмами и балками, под открытым небом, без укрытий от снега и холода. Пользуясь паузой в боях, они начинают рыть окопы, чтобы хоть немного укрыться от холодного ветра. На передней линии создаются длинные рвы с сугробами. Одеяла и полотнища палаток, прикрепленные на края окопов, служат крышей, хотя не укрывают от снегопада и ветра. При температуре ниже минус 20 градусов войска передней линии держат оборону на открытой местности, едва защищенные от снега и холода. Привезенные из тыла дрова используются не для обогрева, а для укрепления траншей. Ведь итальянцы располагаются в зоне видимости советских войск и потому не могут разжигать костры. Есть случаи обморожения. Так, 108-я рота батальона «Ль Акуила» была заменена 59-й ротой батальона «Виченца», потому что, кроме тяжелых потерь во время боев, 64 человека оказались сильно обморожены.

Генерал или не знал, или лукавил. Вторая линия обороны в тылу итальянцами тоже частично была подготовлена заранее. Об этом в свое время свидетельствовали старожилы в здешних прифронтовых селах. На степных холмах строились укрепления и блиндажи. Например, в яру близ хутора Зеленый Яр располагалась мощная снабженческая база со складскими помещениями, заполненными боеприпасами, провиантом, медикаментами. Да и высоту 205,6 загодя превращали в «крепость» советские военнопленные. Лагерь для них располагался на окраине Первомайска в животноводческих постройках.

Впрочем, и наши воины шли в атаки, отбивались от нападающего противника, не сидя на печке. Ночью, утопая по пояс в глубоком снегу, оврагами и овражками скрытно подбирались поближе к вражеским позициям. Киркой и лопатой вгрызались в скованную морозами землю, рыли себе спасительные окопы и траншеи — где можно было укрыться от губительного обстрела или под своим защитным навесным минометным огнем штурмовать врага.

В архиве Министрства обороны сохранился «дневник» боевых действий дивизии. Схожий «отчет-ежедневник» на основе итальянских архивных документов составил историк Джорджо Скотони. Пересказ одних и тех же событий позволяет зримее представить бои «за землю Русскую». Почему это так важно сегодня, спустя семь десятилетий? Напомним читателям: вот уже четверть века наши воронежские придонские степи навещают многочисленные группы паломников из Италии. Путешествия вызваны их желанием побывать в местах, где бесславно завершился ближайший по времени «трагический поход воинственных потомков римлян на восток — в Советский Союз».

И вдруг туристы стали приезжать с листовками-обращениями к нам — «Уважаемым Россиянам». В них, в частности, подчеркивалось, что «русские солдаты оценили корректность альпийских военнослужащих, говоря, «итальянски карасшо». Некоторые наши современные историки и краеведы тоже пытаются убеждать: «Италия — враг поневоле». Поскольку на Дону в Великую Отечественную войну оставила кровавый след чуть ли не вся Европа, то «научно» выясняют — кто из оккупантов был «лучше по отношению к противнику и местному населению». Начало этим изысканиям положил первый командующий итальянским экспедиционным корпусом в «войне на Русском фронте» генерал Джовани Мессе. Он составил «шкалу злодейства, жестокости» иностранных частей, оправдывая соотечественников. И теперь генерал не единственный, кто «пошел дальше», кто приходит к выводу, что, скажем, те же итальянцы «почти» и не воевали — кинули наземь оружие, подняли руки вверх и пошли толпами сдаваться в плен...

Переписывая историю на свой лад, ни дружбу народов, ни мир на планете не укрепишь. Во фронтовой боевой обстановке «корректных» бойцов или невинных овец не бывает. Умели воевать и итальянцы. Захватчики в основной массе оставались противником.

С 20 декабря 1942 года до середины января 1943 года гремели ожесточенные сражения в степях от донского села Новая Калитва до железнодорожной станции Пасеково.

25 декабря.

Итальянцы почему-то умолчали о событиях текущего дня. Есть только краткая запись: «На Рождество, 25 декабря, на фронте дивизии «Юлия» все было относительно спокойно».

На хуторе Комарово в штабе 385-й немецкой пехотной дивизии вечером в застолье отмечали католическое Рождество. Генерал Эйбл (Айбль) пожелал послушать русскую песню «Катюша». Ему услужливо разыскали голосистую певицу — девчоночку-подростка Дусю Вислогузову. Она запела, с лету меняла строки:

...Дрожь берет фашистов над рекой,
Это наша русская Катюша
Немчуре поет за упокой!

Мама Дуси стояла у порога. У нее и ноги подкосились — «ни жива, ни мертва». На их счастье подвыпившие немцы не вникли в смысл переименованной песни. Их заворожила мелодия — подпевали, отбивая в такт себе ладони.

28 декабря.

«28 декабря борьба за высоту 205,6 стала еще более кровавой. Ночью советские войска овладели западной стороной высоты, бывшей участком немецких войск 387-й дивизии, на правом фланге альпийцев. В результате — высота 205,6 была покинута. Но позже сильным штурмом 264-й роты батальона «Вал Чисмон» она была снова взята. Советские войска той же ночью отвоевали высоту еще раз, но к 5 утра она была снова возвращена...»

Мороз был сильным. В этот день было зафиксировано 103 случая обморожения среди альпийцев...»

Днем **29 декабря** по радио передали сводку военных действий немецкого верховного командования, где говорилось: «В оборонительных контрнаступлениях в большой излучине Дона особо отличилась итальянская дивизия «Юлия»... Газета «la Domenica del Corriere» не без гордости сообщала: «Великая битва в излучине Дона. В боях против наступающих советских войск отличились наши альпийцы, особенно дивизия «Юлия», решительной контратакой остановившие и отбросившие врага».

31 декабря.

«30 декабря линия Юго-Западного фронта на Среднем Дону стабилизировалась на рубеже Новая Калитва — Фисенково — Кащев — Высочинов — Марковка — Чертков — Волошино — севернее Миллерово...»

«И последний день 1942 года оказался очень тяжелым для войск дивизии «Юлия». К 6 утра 31 декабря четыре красноармейские роты, с поддержкой 18 танков, атаковали в двух направлениях у перекрестка Зеленый Яр. Атака была сначала успешной, но к 8.30 наступавшие должны были отступить с потерями».

В схожих сражениях кроваво кипели снега у хуторка Серобабин, где героически погибли командир танкового батальона Иван Федосеевич Лубянецкий и его боевые товарищи. Комбату посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И все же — в декабрьском наступлении на Среднем Дону войска Юго-Западного и Воронежского фронтов нанесли сокрушительное поражение 8-й итальянской армии и левому крылу группы армий «Дон». К 31 декабря части итальянской армии в составе 2-го, 29-го и 35-го армейских корпусов потеряли убитыми, ранеными и пленными семь из каждых десяти воинов своего личного состава и всю боевую технику.

Но итальянские военачальники считали, что кризис на донском фронте преувеличен. Начальник генерального штаба маршал граф Кавальеро и командующий 8-й армией генерал Гарибольди рассчитывали, что после операции «Малый Сатурн» у Верховного Главнокомандования Красной Армии не будет возможности нанести им новый удар на Дону. Они не прислушались к тревожному донесению начальника штаба Горнострелкового корпуса генерала Джулио Мартината: «Движение во вражеском тылу продолжает быть очень сильным... Шум больших двигателей и иногда тракторов, вместе с голосами людей, как будто занятых тяжелыми маневренными трудами, слышен ночью из лесов у Дона. Все это указывает на деятельность выше обычной в этом районе»... «В Новой Калитве давление частей Красной Армии против позиций дивизии «Юлия» увеличивается со дня на день, что является признаком возможной будущей атаки на южном фланге». В ответ приказывали сопротивляться: «Альпийский армейский корпус и венгер-

ская армия должны удержать линию Дона до последнего человека и до последнего патрона. Никто не должен отступать с фронта без приказа командования армейской группы «Б». За это отвечают лично командиры дивизий».

Бои на степных высотах расширяли кольцо окружения вокруг Сталинграда. Воины наносили противнику серьезные потери, отвлекали внимание противника от готовящегося наступления, что и позволило быстро и скрытно собрать нам силы на Сторожевском, Щучьенском донских плацдармах и у Кантемировка — чтобы ударить в «три кулака» по врагу и победить его в ходе Острогожско-Россошанской операции.

Ударили!

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ № 17 ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ на 8.00. 17.01.43 г.

Войска центра и левого крыла Воронежского фронта 13 января перешли в наступление южнее Воронежа и, прорвав фронт обороны противника в районах Селявное, Щучье, Кантемировка, к исходу 16.1 продвинулись на 35-90 км, продолжая развивать наступление на фланги и тыл группировки противника, находящейся к востоку от железной дороги Лиски — Россошь.

Воронежский фронт

3-я танковая армия (12-й, 15-й танковые корпуса, 7-й кавалерийский корпус, 48-я гвардейская стрелковая дивизия, 180-я, 184-я стрелковые дивизии, 37 стрелковая бригада) в 12.20 14.1 перешла в наступление с рубежа Фисенково (18 км севернее Кантемировка) — Кашеев (5 км западнее Кантемировка) и, прорвав оборону противника, к исходу 16.1 продвинулась в северо-западном направлении стрелковыми соединениями на 35 км, кавалерийскими — на 55 км и танковыми — на 90 км.

12-й танковый корпус в первой половине дня 16.1 овладел городом Россошь и к 16.40 16.1 вышел на рубеж Подгорное — Постоялый...

37-я стрелковая бригада во взаимодействии с частями 180 стрелковой дивизии в первой половине дня 16.1 овладела районом Митрофановка и продолжала развивать наступление на район Криничная.

180-я стрелковая дивизия, овладев районом Митрофановка, выдвигалась в направлении города Россошь.

48-я гвардейская стрелковая дивизия находилась в районе города Россошь.

184-я стрелковая дивизия с рубежа Пшеничный — Поддубное (19-24 км юго-западнее Митрофановки) наступала в направлении района Новоселовка (18 км юго-западнее города Россошь).

За период боев с 13.1 по 16.1 войсками фронта взято в плен около 17 000 солдат и офицеров, по неполным данным, захвачено: танков — 75, орудий разного калибра — 800, минометов — 493, противотанковых ружей — 157, пулеметов — 1200, винтовок — 14 000, автомашин — 520, тракторов — 130, радиостанций — 21, лошадей — около 700, повозок — 672, снарядов — около 250 000, патронов — свыше 5 000 000, складов — около 70 и много другого военного имущества противника, которое подсчитывается. За этот же период уничтожено: 51 000 солдат и офицеров, 135 танков, 70 батарей, 17 самолетов; разрушено свыше 550 дзотов.

Погода: ясно, температура от -20° до -25°...

Это были победы! Первые на далеком и долгом пути от Дона к Берлину.

Лилия Николаевна Грушovenко родилась в селе Ивановка Кантемировского района Воронежской области. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета. Более 30 лет проработала педагогом, 20 из них — учителем русского языка и литературы в Кузнецовской средней образовательной школе. Публиковалась в местной печати, в журнале «Подъём». Лауреат музыкально-поэтического фестиваля «Калитвянский причал» и ряда других региональных конкурсов.

Лилия Грушovenко

РАСТРЕПАННЫЙ ВОРОБЕЙ

* * *

Ночью ты не молись моим именем,
Не шепчи, как сквозь сон, ворожбы.
Ты меня на спокойствие выменяй
У злорадной торговки-судьбы.
Может, станешь, пустой, обессиленный,
По-простому, по-прежнему жить.
Но душе, навсегда обескрыленной,
Больше силы не станет — Любить...

ОСЕНЬ

Вновь дождь хромой шуршит кустами
И шепчет прошлый сон реке.
Вновь плачет старый клен листьями,
Почуя осень вдалеке.
Вновь улетают птичьи стаи,
И от дождя просвета нет.
Я снова жизнь свою листаю
И кутаюсь в потертый плед.
Сижусь одна с остывшим чаем
У вновь погасшего огня,
И чашка с выщербленным краем
Похожа чем-то на меня.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

На века, через годы и странствия,
И любовью, и славой увенчана,
Остается такой же прекрасною
Несравненная русская женщина.
С давних лет, сквозь столетий течение,
Была тайной она неизведанной,
Исполняла свое назначение:
Быть женою и матерью преданной.
То была она нежной невестою,
Хороводы вела сарафанные,
И, потупивши очи небесные,
Тихо молвила речи туманные.
То была Ярославной-страдальницей,
Что спасала любовью жизнь милого,
То бродила степною скитальницей
В ожидании счастья унылого.
Вижу словно сквозь дымку туманную,
Как склонилась она над колыскою,
Как детишки зовут ее мамою,
Несравненную, теплую, близкую...
Или в поле стоит за околицей
И глядит из-под пальцев натруженных,
Скоро ль явится и успокоится
В чистом доме родной ее суженый.
И в спокойном ее ожидании
Так мелькают года и столетия...
Все осилит она — и страдания,
И разлуку, и смерть, и бессмертие.
Так уж ей на роду и намечено:
Ждать и верить, любить и гордиться.
И опять через жизни столетия
Это все снова так повторится.

* * *

Растрепанный воробей
На ветке за серым стеклом,
Как метка в судьбе моей
С таким же вот мокрым крылом.
Таращит вовсю глаза:
«Зачем же вы, люди, так?!»
Нельзя, мой родной, нельзя,
Обида — заклятый враг.
Такая вот, птица, жизнь.
Пускай все мимо, пускай.
Я здесь. За меня держись.
Ко мне на ладонь слетай.

Включим приглушенный свет
И что-то с тобой поклюем.
До нас никому дела нет.
Зато мы теперь вдвоем.

* * *

Люблю до боли запахи степные,
И шум ветров, и трели соловья,
И шелест трав, и шорохи лесные,
И тихое журчание ручья.
Люблю закат вполнеба в тихий вечер
И перебор гармошки у двора,
И петушиный крик, и солнца встречу,
И запах дыма от вечернего костра.
Люблю, как дождь шуршит по мягкой крыше
И как стекают капли по стеклу...
Душа становится светлей и выше,
Когда поет природе похвалу.

Дмитрий Петренко

В БОЙ ПО ПРОСЬБЕ ЧЕРЧИЛЛЯ

(Ветеран-фронтовик Я.Н. Ковалев —
кавалер двух орденов Александра Невского)

Нередко бытует такой миф: дескать, победу во многих сражениях Великой Отечественной войны обеспечили «штрафники», и что это жуткое изобретение тоталитарного режима. А что же на самом деле? Штрафные роты, батальоны в январе 1942 года появились у немцев — после зимнего отступления под Москвой. И только в сентябре штрафные части начали формировать и в Красной Армии — после летнего отступления к Сталинграду и на Кавказ. За всю войну через нашу армию прошли 34,5 миллиона человек. В штрафники же было направлено 428 тысяч — менее полутора процентов. В силу своей немногочисленности решающие задачи на фронте они не исполняли. Но «провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» давали возможность «кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий».

Когда-то Ковалева знала вся округа. Яков Никифорович работал бухгалтером в Митрофановке Кантемировского района в инкубаторно-птицеводческой станции. Каждому, кто приходил-приезжал за выводком цыплят, утят, выписывал необходимые бумаги счетовод — человек в возрасте, не из богатых. Казалось, что он век просидел за этим большим, «не по его росту» столом, со стуком кидая костяшки на счетах. И кто бы мог подумать о нем, что Ковалев — фронтовик, отставной майор, а еще кавалер двух редких командирских орденов Александра Невского. Причем заработал награды в боях, загремевших на Восточном фронте по просьбе премьер-министра Англии, господина Уинстона Черчилля. А водил тогда, в январе-марте 1945 года, капитан на прорыв вражеской обороны штрафные роты.

* * *

До капитана крестьянскому сыну надо было дослужиться.

Яков, сын Никифора Александровича и Феоны Михайловны, из воронежского села Жилино. Родители собственным трудом выбились в середняки, за что их «про себя однажды пришлось даже корить. В пятый класс школы-семилетки зачисля-

ли лишь детей бедняков и батраков. А меня, — вспоминает Ковалев, — не выгоняли и не принимали. Хожу на занятия, не пропускаю уроки месяц, другой. Учителя меня не спрашивают, не замечают. Хоть бросай школу. А учиться так хотелось! До слез доходило. Хорошо, директор первым вызвал меня к доске, убедился: неплохо знаю весь пройденный материал. Ну и отметил мою настырность. Записал меня в классный журнал».

Грамотный парень потребовался в колхозе. Сразу взяли в счетоводы. По армейскому призыву, а служить с 1936 года довелось на Дальнем Востоке, «среди сопок и в безлюдной местности — одно селение в три двора», попал в полковую школу, где присвоили звание младшего сержанта. Здесь же оставили «других учить». После окончил курсы младших лейтенантов. «В петлице кубик, руками его трогаешь. Ремнями крест-накрест перепоясан, скрипят. Кто радуется, кто хвастает!»

На побывку домой съездил офицер. Отбыл в отпуск холостой, а возвратился с женой. «Сестра мне в письмах сообщала, что подыскала невесту. Фотографию ее прислала. А я глянул на фотокарточку: волосы растрепаны, показалась какой-то ветреной, не стал отвечать. Вот приехал, остановился у брата с сестрой в Митрофановке. Они уже в райцентре обжились, вечером с танцев провожаю своих односельчанок — девчат из Жилино. А с ними на квартире стояла Дуся из соседнего села Еленовки. Познакомились. Шутили — записки из комнаты в комнату друг дружке передавали, целую тетрадь исписали. Оказалось, что ее-то фотографию получал я от сестры. Прическу ей ветер разлохматил, потому на карточке не глянулась мне. В жизни Дуся была симпатичной, интересной. Короче, вскоре отправился я к ее матери, сам засватал».

Молодых вначале приютил у себя политрук, затем свое жилье получили — круглый финский домик — «бочонок».

Пятнадцатая армия в ту пору вдоль Амура укрепляла рубежи. На границе тучи вновь ходили хмуро. Японию окрыляли давние победы. Но ударила Германия с запада. 92-ю стрелковую дивизию спешно перебросили на фронт. «Ехали быстрее скорых пассажирских поездов. Прямо из вагонов в летнем обмундировании по первому снегу пошли в бой». Уже в мирное время Яков Никифорович прочитает, что был он участником чуть ли не первого удачного наступления Советской Армии под ленинградским районным городком Тихвином. «Кругом леса. Болота в топких местах еще не замерзли. Схватились с немцами — то они нас окружают, то мы их. Куда ни повернись — сплошная линия огня». Фашистов не просто отбросили. Немцам и финнам не дали опоясать Ленинград вторым кольцом окружения и лишить блокадный город последнего железнодорожного пути, по которому через Ладожское озеро «дорогой жизни» шли грузы с «большой земли», переправляли воинские подкрепления, вывозили мирных жителей и раненых.

В одной из горячих атак командир стрелковой роты 317-го полка Ковалев был ранен в ногу, ниже колена. «Лечили в Рыбинске. Госпиталь в школе, вначале бомбили нас и тут. Когда расколошматили немцев, налеты прекратились. Сквозная пулевая рана зажила быстро, но стопа не сгибалась — пятка не доставала до пола сантиметров на шесть. Врачи решили: пройдет. Не рядовой, окопы не копать. Дали освобождение на три месяца от службы».

Офицерские семьи к тому времени с Дальнего Востока перебросили в Красноярский край. С Дусей встретились в селе Михайловке. «Как на родине. У нас же тогда район назывался тоже Михайловским. Со старожилками говорил — вроде земляки, выходцы из Воронежской губернии, в царское время деды переселились на вольные земли».

Яков Никифорович прихрамывал, боли в ноге не проходили. Оставили его в Сибирском военном округе. Молодых призывников учил минометному делу. За-

тем и сам попал на курсы «Выстрел», присвоили звание лейтенанта. Из Новосибирска весь офицерский выпуск отправили «в распоряжение командования Первого Украинского фронта». В июле 44-го Ковалев принял батальон 825-го стрелкового полка 302-й дивизии. Уже в сентябре в боях в Прикарпатье комбат вновь заполучил нежеланный гостинец в виде «слепого осколочного ранения правой половины грудной клетки с повреждением ключицы».

— Подлечился, вызывают в штаб нашей шестидесятой армии, — вспоминает Яков Никифорович. — Говорят: принимай 251-ю отдельную роту штрафников. Хоть приказ не принято обсуждать, само сорвалось с языка: за что? Мне толкуют о высоком доверии. Вы, мол, у нас в лучших комбатах. Дают 150 человек из осужденных военным трибуналом. Объясняют преимущества службы: фронтовой день приравнялся уже не к трем, а к шести дням на гражданке. Кто там тогда о стаже думал? Живым бы вернуться...

Познакомился Ковалев со своими бойцами. «О штрафниках посеячас наворочены горы брехни. Но и тогда у меня было расхожее представление, что среди них одни бандиты да уголовники. Оказалось, нормальные офицеры, солдаты. Тот в отпуске гульнул и надебоширил, довольно частый случай. Тот оружие потерял. Тот вгорячах устроил самосуд — пленных расстрелял. Вину теперь надо искупать кровью.

Обошел окопы. С каждым было время побеседовать. Стояли в Польше. Впереди река Висла. Немцы вгрызаются в землю, строят мощные укрепления, подтягивают технику. Позади тоже гул машин. Подходят наши минометчики, артиллеристы, танкисты. Вот-вот поступит приказ о наступлении. В прорыв идти первым, конечно, нам».

Ни офицеры, ни, тем более, бойцы не знали, что час атаки наступит раньше — до срока, уже утвержденной Ставкой Верховного Главнокомандования. На целых восемь дней укоротят фронтовую «передышку», а кому-то — и жизнь. Январь 1945 года. Каждый ведь понимал, что до Победы оставался лишь шаг.

Адольф Гитлер отмечал Рождество в приподнятом настроении. Пришел вновь его час. Хвастливые янки вместе с англичанами терпели поражение в Арденнах. Растерянный генерал Эйзенхауэр спешно отправит в Москву на переговоры с союзником своего главного маршала авиации. Но Теддера «свяжет» непогода на египетском аэродроме в Каире. Тогда премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, отбросив привычное высокомерие, пишет личное послание «маршалу Сталину»: «На Западе идут очень тяжелые бои... можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... Я считаю это дело срочным».

Иосиф Виссарионович не медлил с ответом.

«7 января 1945 г. Маршал Сталин — премьер-министру.

Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года...

Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует... Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту... Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

«9 января 1945 г. Премьер-министр — маршалу Сталину.

1. Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача!» И далее: «...немцам придется делить свои резервы между нашими двумя пылающими фронтами».

О просьбе союзников сообщили командующему фронтом Коневу. Иван Степанович ответил, что Первый Украинский к новому сроку будет готов к наступлению.

Позже Черчилль не забудет январские события. Это «со стороны русских и их руководителей было прекрасным поступком...»

На рассвете 12 января вражеские укрепления снесло ураганным огнем. Хотя «с неба хлопьями валил снег», стрельба велась прицельно. На каждом километре участка прорыва два часа «работали» до 250 орудий и минометов.

— Мы пошли в атаку в первом эшелоне, — говорит Ковалев. — Немцы еще не очухались, когда мои мужики ворвались в траншеи. Был не сорок первый год. Следом за нами в бой вступили танки. Так можно воевать.

Яков Никифорович не знал, что чуть ли ни день в день танкисты этой же 3-й армии Рыбалко в январе сорок третьего схоже штурмовали оккупированное фашистами его родимое село Жилино.

В памяти остались будто летящие машины. На башнях для маскировки белый туман. Огонь — на ходу.

«Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью... Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером... Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи». Так оценивал сражение враг — генерал Фридрих Меллентин.

После первых удачных боев роту Ковалева расформировали. Штрафников, что называется, восстановили в правах и отправили в обычные части. А капитан вместе со своими командирами взводов при штабе Пластуновской казачьей дивизии ждал пополнения.

В те дни офицерам встретился освобожденный из плена француз. «Страшно смотреть на него: кожа да кости, еле ногами переступает. Вроде с креста снят. Поляки помогли поговорить с ним. Оказывается, что тут неподалеку расположен концлагерь Освенцим. Немцы травили людей в газовых камерах, сжигали заживо в печах крематория. Какое-то нечеловеческое озверение. Мы решили сами поглядеть на эту фабрику смерти. Подвернулся деревянный фэтон-автобус на конной тяге. В резных узорах. На нем и поехали. Стены из колючей проволоки. У ворот куча легковых машин. Генерал привез сюда международную делегацию. Вдруг направляется к нам. Лицо злое. Показывает кулак, чтобы гости не увидели. Приказывает вполголоса: «Убирайтесь отсюда!» Да еще покруче заворачивает. «Черти вас принесли!»

После разобрались. Нас ведь, действительно, черти принесли. На похоронном катафалке явились!»

Об этом событии тех дней Ковалев рассказывал подробно. А о другом — сообщил вроде как между прочим. На штаб дивизии внезапно напали метавшиеся в окружении немцы. С танками шли в атаку. «Отбились», — Яков Никифорович не стал вдаваться в детали.

Капитана представили к боевой награде. В январских боях «показал себя смелым, решительным, спокойным, волевым офицером».

Кстати, о просьбе Черчилля. «Влияние январского наступления Советской Армии с рубежа Вислы немедленно сказалось на западном фронте. Мы уже давно и с тревогой ожидали переброски своих войск на восток, и теперь она производилась с предельной быстротой». — Это свидетельство генерала фон Мантейфеля, командующего 5-й немецкой танковой армией. Не без помощи советского воина союзники отбились в битве в Арденнах.

Ковалев принял штрафников и вел свою новую роту на передовую. «Местность неудобная для наступления — холмы, овраги. Немцы засели на высотах, держат нас под прицелом. Пока разрешили окопаться, осмотреться, отдохнуть. А среди

ночи будит меня связной — срочно в штаб дивизии. Комдив, фамилия у него чу-даковатая, врезалась накрепко — Грюнвальд-Мухо — встретил у порога.

— Обстановка меняется. Сейчас есть работа. Немцы выбили нас из окопов. В роте сколько бойцов? Сто пятьдесят. У меня в полку меньше. Позиции надо вернуть, капитан.

Пошутил, ему, мол, уже пообещали голову срубить. «А я прежде твою отсек-ку», — говорит и смеется.

Тут не до улыбок. Правда, предлагает самоходки в помощь. Я сразу отказался. Лишний шум. Попросил бойцов из той части, которая занимала окопы, дескать, пусть нас выведут поближе, точнее на позицию.

Распределил их повзводно. Получалось, как задумал. В темноте подобрались почти вплотную к немцам. Три красных ракеты, и — свалились фрицам прямо с неба. Не успели они за автоматы взяться, а высота снова наша.

Открыли фашисты огонь из пушек. Вывесили осветительные ракеты, хоть игол-ки собирай. А нас на испуг не возьмешь. Теперь все настороже. Вдруг слышу — прямо в мой окопчик сверху шуршит — «шав-шав-шав». Осколок! Не успел подум-ать, как плечо, будто молнией, опалило. Разрубило погоны, шинель, китель и тело рассекло. Кровью залило. Перевязали мне рану. Стрельба утихла. Утром выяснилось, что обошлись малыми потерями, погибло четыре бойца и командир взвода.

Доложил комдиву: «Задача выполнена». — «Спасибо, иди, лечись». Врач ос-мотрел — в плече рана в палец глубиной. «Вам, капитан, отпуск положен».

Оформил Ковалев своим штрафникам документы об «искуплении вины». И отправился в отпуск. Краем уха услышал, что на него опять готовят наградные документы.

Жена Дуся, родные, земляки встречали его дома. Тогда был еще жив хуторок Александровка близ Жилино.

Майским утром прибежала из села сестра. Кинулась обнимать, сама плачет: «Яша, война кончилась!»

...Вскоре Ковалев вернулся в свою воинскую часть на службу. Тут-то его парад-ный китель сразу потяжелел. Не шутка — два командирских ордена Александра Невского. Номера 34572 и 34573.

*Стихи
кантемировских
поэтов*

ПОЛЫННАЯ ВЕТОЧКА

Любовь Адерихина

ПЕСНЯ

Чистая водица
Из лесной криницы,
Дозволь и мне, грешной,
Вволюшку напиться.

Вволюшку напиться,
Ноги окропите.
Пришлось им сегодня
Много походить.

Много походить,
Росой умываться,
Крутою тропюю
Землей присыпаться.

Чистая водица,
Свети зеркалами.
Силушку мне даруй,
Да взмахну крылами.

Да взмахну крылами,
Полечу над полем.
Над зеленым лугом,
Хмельная от воли.

Хмельная от воли,
Полечу я лесом.

Птицей быстrokрылой
К облакам белесым.

Чистая водица
Из лесной криницы,
Дозволь и мне, грешной,
Вволюшку напиться.

* * *

Ракиты шумят над затишьем воды
В горячем медвяном июле,
И сохнут сожженные солнцем цветы,
И, кажется, страсти уснули.

И жаркое лето на дне луговин
Невольно влечет в перелески.
И кони сбивают со стриженных грив
Росу в переливчатом блеске.

Все стихло. Пригнулась пшеничная рать,
В дремоте покорствуя зною.
Лучами объятая зыбится гладь
Июльской красой неземною.

Валентина Хамидулина

* * *

В гнезде своем вчера погибла птица,
Ей злые люди в этом помогли.
Едва-едва успев на свет родиться,
Она уснула, не узнав любви.
Жестоким человек порой бывает,
И равнодушен он к чужой беде.
Но вновь сюда весною лебедь приплывает
И бьет крылами по живой воде.

* * *

Судьба меня мотала по дорогам,
Катилась жизнь, как поезд, под откос.
Хотелось счастья в жизни очень много,
А много было только горьких слез.
Открою в прошлое я двери,
Как будто бы приду к себе домой...
А за спиной — одни потери,
Одни потери за спиной.

* * *

Сквозь бурю чувств и впечатлений
Я проживаю жизнь мою.
Судьба гнет плечи и колени,
А я страдаю. И — пою.

Любовь Калашникова

ПРЕДЗИМЬЕ

Предзимье — время долгих снов,
Молчанья и немой тревоги,
Живое ищет теплый кров,
Пустеют шумные дороги.

Насытив зренье, спит река,
И лес-отшельник грусть наводит.
Зима уже недалеко,
Предзимье с летом счеты сводит.

Владимир Панков

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Сыну лыжи купили,
И ботинки, и палки,
Ничего не забыли —
Что ж, катайся, не жалко.
Как сейчас это просто:
Захотел — появились,
Но военным подросткам
Лыжи вовсе не снились.
Шла война. На границы
Уходили солдаты.
Жались к окнам синицы,
Гулко рвались гранаты.
Взгляд у взрослых был строгий,
Мы о лыжах не знали,
От воздушной тревоги
Мы на печке дрожали.
Ветер дул из-под пола,
Керосинка качалась...
Наша старая школа
«Медсанбат» называлась.
Чтоб теплее нам было,
Прижимались друг к другу,
А за окнами выло:
То снаряды, то вьюга.

Помню я свое детство
Вперемешку с войною...
Жил солдат по соседству
С деревянной ногою...

Валентина Кислянская

НАЧАЛО ЗИМЫ

Легкий, пушистый снежок
Падает, вьется, кружится
И на осеннюю грязь
Тихо, бесшумно ложится.

Медленно стынет река,
Нет уж волны и в помине.
Тихо плывут облака,
Словно верблюды в пустыне.

Крик подняло воронье,
Черной метелью кружится,
И на седые кусты
С криком и шумом садится.

* * *

Посмотри, как весна наступает,
Гуси с юга на север летят.
Белый снег так стремительно тает!
И ручьи по оврагам бурлят.

Улыбается солнце лучистое,
И заря полыхает огнем.
Небо вешнее чистое-чистое,
И ни облачка нету на нем.

Ветерок озорной, как мальчишка,
Ветви-кудри берез растрепал.
А курносый малыш-шалунишка
Поскользнулся и в лужу упал.

Валентина Палиева

* * *

Я иду тропой нехоженой,
Вспоминая о былом.
Мысли разные, непрошено,
Душу жгут мою огнем.

И трава стоит, некошена,
С бриллиантовой росой.
И, клонясь полоской тонкою,
Не ложится под косой.

А над лугом — утро раннее
И туманы чередой.
То бредут они, обманные,
То ложатся над водой.

А лучи, рассеясь сеточкой,
Так красивы на свету.
Пахнет здесь полынной веточкой,
Как в заброшенном саду.

Галина Гаврилова

* * *

Как прозелень на бронзе,
Как чернь на серебре, —
Так поступает осень
В туманном ноябре —
Он осторожно ходит
За мною по пятам,
И в сторону уводит
Меня в поля. А там,
Все скучно и уныло,
И тускло, и темно.
Что ж сердце вдруг заныло,
Как в юности давно?
И просится на волю
В безудержный разлет...
А озими — по полю
Прокалывают лед...

Петр Дмитриев

ВОРОНЕЖСКИЕ ЧЕХОВЫ

(Кантемировские корни великого русского писателя)

На рождественских святках в самый канун Нового 1878 года жителей слободы Ольховатка Острогожского уезда созвало на сход волостное правление. 622 домохозяина представляли 3125 ревизских душ. Тех, кто занесен в статистический список после очередной переписи-ревизии. Крестьяне-собственники вынесли «мирской приговор», в котором ходатайствовали об утверждении двухклассного училища.

О том, что просьба более чем назрела, свидетельствовал следующий факт. Бумагу для «Его превосходительства господина Директора народных училищ в Воронежской губернии» скрепили собственноручными подписями лишь 14 грамотных. Староста Тищенко и волостной старшина Лангавый «по безграмотству приложили печати». А далее на 15 листах следуют в подбор выведенные с затейливыми завитушками старательным писарем имена-фамилии тоже безграмотных.

Нас в этом списке интересует иное. Даже при беглом прочтении глаза обязательно споткнутся на фамилии «Чеховъ — Александръ, Сидоръ». Дело в том, что те безграмотные мужики, как и нынешние жители-уроженцы местных краев, носящие фамилию Чеховых, возможно, не просто однофамильцы Антона Павловича. Пусть дальние-дальние, пусть даже седьмая вода на киселе, но — родичи. Ибо род Чеховых «ведет свое начало из воронежских недр, из Острогожского уезда». Став москвичом, при встречах с известным тогда издателем Сувориным, родом воронежцем, Чехов отметит: «Всякий раз, когда мы видимся, у нас бывает речь об Ольховатке, Богучаре...»

Если сам Антон Павлович в устных и письменных рассказах о себе оставался скуп, то отец Павел Егорович, «брат своего брата» Михаил Павлович, его сын Сергей Михайлович составили-написали довольно-таки подробно семейную летопись. Журналист Валентин Андреевич Прохоров в областном архиве затем нашел документальные подтверждения родословному древу Чеховых, уточнил имена предков. Родство потомков по нынешнему месту жительства разобрал-проследил сельский учитель Петр Сергеевич Полишко. А секретарь райкома партии Георгий Алексеевич Караичев лично власть употребил, создал краеведческий музей с углом, посвященным Чеховым. И было это еще в шестидесятых...

Не просто цветет — бушует сирень на краю Неровновки. Степное сельцо под Ольховаткой очень соответствует своему названию. И расположилось на всхолмьях по бугру. И жизнь тут течет неровно: скажем, в шестидесятых в школу ходило до двухсот ребят, по три десятка учеников в каждом классе, а теперь — тридцать на все девять Неровненской малокомплектной, так она называется. В девятом — один ученик: Саша Николаев.

Наш провожатый Филипп Федорович, еще крепкий телом старожил, единственный теперь носитель знаменитой фамилии тут, где на его памяти чуть ли не посела было только Чеховых. Пока правились к этому приметному кусту сирени на выгоне, он рассказывал, что гражданскую войну «не захватил, родился позже», что колхозный перелом не помнит по малолетству, а вот Великая Отечественная «стоит в глазах».

— Человек десять Чеховых, мужики, не вернулись, погибли на фронте. После сколько выехало в города. А дома схоронили недавно последнего правнука Владимира Ивановича, его родство с Чеховым-писателем прослеживалось ясно...

Остановились с Филиппом Федоровичем у того места, куда он уже не однажды приводил таких же любопытствующих — из газет и журналов, с телевидения, даже из Франции гостя, чеховского поклонника. Сиреневая дикоросль, затравенелые не бурьяном-крапивой, а чистым пыреем бугорок печища и ямка погребка-подвала указывали, что хоть давно, но стояло здесь подворье.

— Тут располагалась маслобойка Артема Чехова. Родного брата деда Антона Павловича. Сыча, по улошному прозвищу.

Это второе сельское имя семьи позволяет Филиппу Федоровичу точно числить и себя тоже в родстве с писателем.

— По отцу знаю только деда Ивана Даниловича. А вот мать, она тоже Чехова, Елена Николаевна, из «сычей»...

— Судя по всему, ольховатские прямые предки Чехова были людьми одаренными, в своем роде тоже талантами, — рассказывал другой мой собеседник — Георгий Алексеевич Караичев. Слушаю его размышления с неизбывным интересом. Он из чудаков, кои мир украшают, кому дороги «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Когда Караичева втравившь в краеведческую беседу, то Георгий Алексеевич горячится. Вроде загодя сомневается, вдруг ты услышанному не поверишь. Говорит громко, напористо, да еще отрывистыми взмахами руки помогает голосу.

Жаль, ослабли глаза, читать он уже почти не может, из-за чего очень страдает. На забывчивость жалуется, по-моему, больше для порядка, дабы подчеркнуть свой восьмой десяток лет. В памяти цепко держит события, имена и даты из документов, какие находил, изучал в пору создания местного музея.

— Вот родной дед Чехова... Его, Егора Михайловича, выделил из своих крепостных крестьян хозяин — Александр Дмитриевич Чертков. Тот самый, что Москве уникальную историческую библиотеку в наследство оставил. О Черткове особый разговор. Чехову Егору доверил он управлять сахарным заводом. Скорее всего, показал себя мужик еще при строительстве сахароварни. И этот же Чехов сообразил городить тут скотные базы. Откуда пошли и названия окрестных сел — Базы Большие, Малые. У завода всегда гора отжимок. А свекольный жом — прекрасный корм, кому непонятно. То помещику, а то и на свою долю Егор Михайлович, предприимчивый, как сейчас бы сказали, скупал в округе бычков, ставил гурты на откорм. Отъелись — на ярмарку их. Вот тебе рубли серебром. Те самые 875 числом, три с половиной тысячи ассигнациями, за какие выкупил себя и семью на волю. Заметь, этот крепостной увозил с собой из Ольховатки две скрыни, два деревянных сундука с книгами...

Георгий Алексеевич в своих предположениях, конечно, очень смел. Но во мно-

гом с ним соглашаться можно. Человек рассуждает, отталкиваясь от прошлой жизни края, которую он досконально знает.

В семье Егор Михайлович, дед писателя, не самый старший по рождению, второй сын. Но именно Егора отец — строгий Михаил Емельянович — оставил на своей усадьбе в Ольховатке. Почему глава семейства распорядился так, а не иначе? Говорят, Егор рос смышленным, волевым, упорным в работе. Братья ему в этом, пожалуй, мало уступали. В семье он, предполагают, был первым образованным по тому времени человеком. «С большими препятствиями, прячась с дворовым грамотеем по хлевам и конюшням, он постиг грамоту... очень полюбил книги и читал чрезвычайно много, за что был часто бит». А когда же отцу пришлось просить у помещика разрешения на переселение, на прибавление земли, то, по-видимому, Егор в этих хлопотах стал главным помощником, ходатаем. Чем и заслужил у сурового Михаила Емельяновича особое уважение. Чертков тогда же мог глаз положить на грамотного парня, какого впоследствии возьмет себе писарем, а затем и помощником в хозяйственных делах.

Батько женит сына на тоже крепостной девушке Фросе Шимко из семьи коневодов, жившей в Зайцовке Богучарского уезда (ныне село Зайцевка Кантемировского района. — *Ред.*). Будущие сваты познакомились скорее всего на ярмарках — слободских базарах, куда сгоняли на продажу табуны лошадей. Как нынче — автомашины.

Ефросинья Емельяновна и Егор Михайлович жили тем укладом, который и до недавнего держался у слободских старожиллов. Жена называла мужа на «вы», а за глаза «они» не только из-за боязни, как могло показаться на первый взгляд. Этим подчеркивалось, прежде всего, уважение к отцу семейства. Растили они сыновей Михаила, Павла, Митрофана и дочь Александру. Цену грамоте Егор Михайлович уже по себе знал, потому старался, насколько возможно крепостному крестьянину, выучить детей.

Ольховатскую семейную хронику той поры летописно восстановит по памяти на исходе жизни Павел Егорович, отец писателя. Вот извлечения из нее.

«1825. Родился в с. Ольховатке Воронежской губ. Острогож. уезда от Георгия и Ефросиньи Чеховых.

1830. Помню, что мать моя пришла из Киева, и я ее увидал».

Здесь не лишне пояснение. Бабушка Антона Павловича была женщиной очень набожной. После рождения сына «по обещанию» пешком ходила на поклонение святыням. Не могла там, по-видимому, не зайти в храм, построенный дядей мужа. Петр Емельянович оставил земледелие и пошел странствовать, «исходил всю Россию пешком вдоль и поперек», собирал деньги на церковь и построил ее в Киве.

«1831. Помню сильную холеру, давали деготь пить.

1832. Учился грамоте в с. школе, преподавали по А. Б. по-граждански.

1833. Помню неурожай хлеба, голод, ели лебеду и дубовую кору.

1834. Учился пению у дьячка Остапа.

1835. Ходил в церковь и пел на клиросе.

1836. Родился брат Митрофан.

1837. Приехал регент дьякон, жил у нас и учил меня на скрипке.

1838. В певческом хоре я пел 1-м дискантом.

1839. Учился Закону Божию у свящ. о. Константина Устиновского.

1840. Учился на сахарном заводе у арендатора Гирша сахароварению».

Отметим, что к серьезной работе сын приставлен в пятнадцать лет, а «трудовое воспитание» начиналось, конечно, сзмальства, само собой.

«1841. Отец откупил все семейство на волю...»

Еще по указу Павла Первого крепостной был обязан работать на помещика половину рабочей недели. Егор Михайлович тоже на сахарном заводе приказчиком служил «триденщину», вел и свое собственное торговое дело. По свидетельству родных — «глубоко завидовал барам, ...их свободе». Поставил себе целью — сколотить капитал и выкупить себя, семью из «крепости», что ему удалось сделать задолго до всеобщего освобождения крестьян. Подвиг — по нынешним меркам.

«1842. Гири отправил меня с быками в Москву для продажи.

1843. Выехали совсем из родины в Зайцовку к дедушке Шимке.»

Хотелось бы, конечно, в Ольховатке или Зайцовке увидеть старинные строения из тех лет, когда здесь жили Чеховы. Пусть безмолвные, но свидетели той жизни. Сохранились останки стен первого сахарного завода — и только. Никто теперь не укажет хотя бы место, где стоял двор Чеховых. Зато Успенская церковь в Зайцовке, там, где корни великого писателя по бабушке, после атеистического безверия восстанавливается в былом своем величии. Освящена она в памятном для русского человека году — в 1812-м. В свое время под сводами здесь творили молитву и наши Чеховы.

«1844. Из Ольховатки переехал в Таганрог 20 июля к купцу Кобылину.

1845. Начал там заниматься торговлею по конторской части...»

Трудно сказать, не жалел ли после сам Егор Михайлович, ведь обручение с волей для него, отчасти и для детей, вышло по современной песенной присказке: если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло. Горожанином не станет, будет служить конторщиком, управляющим в имениях. Барские хоромы его не прельстят, выстроит себе маленькую хатку с двумя комнатками. И по убеждениям останется «ярый крепостник».

При выкупе из крепостных у него не хватит денег на дочь. Чертков уважит толкового человека и отпустит ее «в придачу». Александру выдадут замуж за сельского писаря, грамотного, а, главное, добропорядочного человека Василия Григорьевича Кожевникова в слободу Твердохлебово, расположенную близ соседнего уездного Богучара. По воспоминаниям дочери Александры Егоровны (записал их ее внук Андрей Константинович Руденко со слов своей мамы и дочери Кожевниковых — Веры Васильевны), — «Егор Михайлович Чех, отец моей матери Александры Егоровны Кожевниковой, часто навещал свою дочь, проживающую в с. Твердохлебовка Воронежской губернии в 15 верстах от уездного города Богучара. Это посещение обычно приурочивалось к осени, после окончания сельскохозяйственных работ в имении помещика Платова на Донщине, где Егор Михайлович работал управляющим. Путь в село Твердохлебовку был нелегким, так как большую часть его надо было преодолевать на лошадях в дождливую осеннюю погоду. Для всех нас его приезд был радостным и желательным, особенно для его дочери, нашей матери, которая очень тосковала за своими родными, будучи оторванной от них с юношеских лет своей жизни. Егор Михайлович тоже охотно проводил зиму у своей дочери Егоровны (так он ее именовал), питая к ней особенное чувство трогательной жалости из-за ее постоянной тоски по матери. Нас в семье было пять человек. Три старших сестры: Анастасия, Мария, Анна, брат Василий и я — младшая дочь Вера».

Краевед из Богучара Евгений Романов отметил, что Егора Михайловича знали и ценили как толкового практика в сельском хозяйстве, особенно в пчеловодстве, в земской управе Богучара. В знак глубокого уважения ему присылали из управы газеты и всевозможную литературу, которую он с большим интересом прочиты-

вал. По словам детей Александры Егоровны, Егор Михайлович был очень умным и начитанным человеком, который на все вопросы давал разумные ответы.

В июле 1878 года Егор Михайлович овдовел, покинула мир земной его Ефросинья Емельяновна. Летом, осенью он гостил у родных в Москве, Калуге, а к Рождественским и Новогодним праздникам возвратился в семью дочери. Краевед Евгений Пажитков обнаружил в московских архивах два письма дяди писателя — Митрофана Егоровича. Адресованы они младшему брату, отцу Антона Павловича. В этих письмах подробно рассказывается о последних месяцах жизни и кончине Егора Михайловича.

После долгой поездки он стал жаловаться на нездоровье. Пригласили в Твердохлебовку врача из Богучара, который объяснил слабость больного возрастной сердечной недостаточностью.

Егор Михайлович в марте, «в воскресенье 11 числа пророчески сказал: теперь я всех детей и внуков проведаль и благословил так, как Исаак Иакова, Иосифа и братию его; этим я приготовил себя к погребению.

Живя папенька в Твердохлебовой, до трех разов бывал по целым неделям болен тяжело, затем опять ходил в церковь, говорил, шутил, читал и писал; и все собирался в Таганрог. Одно известие прохожего солдата из Таганрога, что у нас в городе свирепствует чума, сильно его встревожило, так что уложило в постель. Ему представилось, что меня и Георгия нет на свете. Затем мои письма одно за другим возвратили ему спокойствие.

По приезде из Богучара 12 марта он обедал, после кое-что портняжил, наконец, почувствовал дурноту. Был приглашен священник для исповеди, после которой ему стало легче. Предложили папеньке поособоваться, он изъявил желание. Одно Евангелие лежа слушал, прочие сидя. По окончании таинства елеосвящения встал с постели, пока духовенство выпило по стакану чая, пожелал пройтись по комнате, поддерживаемый с одной стороны Василием Григорьевичем, с другой — сестрой. На повороте обратно он преклонил колени, и более у нас не стало отца-благодетеля...»

«Воистину Христос воскрес!»

Любимый брат Павел Георгиевич и милая сестра Евгения Яковлевна!

По получении мною печальной телеграммы из станции Кантемировой от нашего племянника Ивана Феофановича Луценкова о кончине нашего бесценного родителя 13 марта я немедленно ответил депешей с убедительною просьбою в Кантемировку, чтобы с погребением подождали нашего с Людмилою Павловной приезда. Того же числа оставили дом, семейство, больного Георгия, лавку, мы отправились вечером в 11 часов по железной дороге на Ростов. Через сутки в 11 часов вечера мы прибыли на станцию Кантемирову, где ожидал нас Иван Феофанович. Через час поехали на лошадях 45 верст в Твердохлебову. В 7 часов утра в четверг 15 марта мы стояли над телом нашего милого папаши и рыдали. Кончина его последовала в понедельник 12 числа в 5 часов пополудни. Мы не надеялись его заставить на столе, между тем он был невредим так, что духовенство сказало, что если Митрофана Егоровича не будет и сегодня, то есть в четверг, то оно может ждать еще сутки и перенести тело в церковь. Лицо его было ясно и спокойно.

Священник о. Константин прочитал отходную молитву и тут же при всех молил Бога, дабы он и ему даровал такую же христианскую кончину безболезненную, не постельную, мирную, ибо и он очень преклонных лет.

Через час после нашего приезда отслужена была соборно панихида, через два часа явилось все духовенство — три священника, диакон и причетники, и опять служили панихиду пространную как первую. Когда вынесено было тело на крыльцо, было: ...святого Евангелия чтение; затем лития и прочее. Когда спустились

во двор, то же самое. Когда вышли за ворота, то же повторилось. На колокольне производился печальный протяжный звон. Шествие к церкви началось похоронным пением: Святый Боже — на старинный напев. Когда прочли два раза по трижды трисвятую песнь, опять процессия остановилась, и сподобился наш. На протяжении всего пути до храма шествие останавливалось после прочтения дважды Святый Боже. Что было крайне умирительно и трогательно. Так я нигде не видел, и в городе ни за какие деньги нельзя удостоиться такого погребения; на что прошло много времени. Литургия отслужена Св. Иоанна Златоуста, на которой тоже все начиналось от первого: Господи, помилуй...

При отпевании погребения вся слобода держала свечи в руках. Священник о. Михаил сказал в свое время надгробную проповедь над телом покойника. Ее я вам сообщу. К погребению бесценнейшего нашего папеньки все зятья, внуки и внучки съехались, также и мы из Таганрога, как Св. апостолы со всех концов Вселенной на Успенье Пресвятой Девы Марии на облаках предстали; одних только вас не было, да и милого моего Георгия, который до сих пор рыдает за дедушкой. Печальное шествие на кладбище было также медленно и с литиями и чтениями Евангелия. Затем покрыли гроб землю, сделали могилу и поставили дубовый крест с резьбой имени и фамилии, кто здесь покоится. Этот крест былнесен впереди хоругвей из дома и до кладбища. Остались мы сиротами...»

Так сложилось, что Егор Михайлович, восьмидесяти лет, скончался на руках дочери. Выпадет лежать им рядом на сельском кладбище, в шестидесятые годы прошлого столетия еще сохранялась могильная плита. В Твердохлебовке канет в безвестность дедов сундучок, в каком хранились письма внука-писателя. Потеря невосполнимая. Многотомное собрание писем Чехова — это интереснейший роман его жизни, в котором каждая страница «или прекрасна, или нужна» и важна.

Все это случится позже, а тогда, когда семья стала свободной, отец распорядится так. Старшего сына Михаила направит на обучение переплетному делу в Калугу, где тот и откроет собственную мастерскую. Митрофана и Павла заберет с собой на юг России. Обживутся братья на побережье Азовского моря — в Таганроге. В тогдашнюю рыночную экономику сыновья, как и отец, впишутся с трудом. Купеческой славы не наживут. Торговое занятие во все времена требует особого склада характера. Скупость же, хитрость, изворотливость не почитались в роду Чеховых.

До наших дней сохраняются не юношеские, а лишь поздние фотографии ольховатских Чеховых. Это уже городские люди в манере одеваться: костюм-тройка, часы на цепочке, которая свисает небрежно с жилета. Лица привлекают правильностью черт, открытостью. Братья по моде той поры щеголяют бородкой. Чем дольше рассматриваешь портреты, тем больше убеждаешься — доброта исходит от лиц, доброта человека верующего. А они таковыми и были. Церковный староста Митрофан Егорович создал городское благотворительное братство, помогавшее беднякам. Павел Егорович тоже считал, что «вера есть свет истинный». В семье последнего — «Тысяча восемьсот шестидесятого года месяца Генваря семнадцатого дня рожден, а двадцать седьмого крещен Антоний. Родители его Таганрогский 3-й гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна, оба православного исповедания...».

Есть разные догадки о происхождении фамилии «нашего» Чехова. Дядя писателя Митрофан Егорович, романтическая душа, уверял родных, что их предок был чех, бежавший из Богемии в Россию.

— Я так думаю, душенька, что простому крестьянину бежать из своей родины незачем и даже почти совсем невозможно. Наверное, это был какой-нибудь особо знатный человек.

Усматривалось родство тоже с именитым литейным мастером Андреем Чохо-

вым. Современник Ивана Грозного, Борис Годунова и Михаила Романова за свою жизнь при трех царях отлил державе 1600 пушек. Самая известная многим знакома — Царь-пушка в московском Кремле.

Вероятнее, ближе всего к истине сам Антон Павлович, написавший: «Во мне течет мужицкая кровь».

По свидетельству брата, Михаила Павловича, действительно «прадед и дед носили у себя в Ольховатке прозвище «Чехи», а не Чеховы». С этой фамилией в жизни мне пришлось столкнуться в далекой стороне. После института направили работать в новосибирский городок Карасук.

Обрадовавшись избавлению от надоедливой одиночества, хозяйка, к которой меня определили на постой, говорила и говорила. Несколько лет назад похоронила мужа. Дети взрослые. Перетянули ее к себе поближе, из села в городок, купили этот домик. Она сама и покойный муж считали себя коренными сибиряками. Бабушки-дедушки молодыми перебрались сюда давно с Украины. Фамилию моя хозяйка носила короткую — Чех. Конечно, поинтересовался:

— Вы с чехами не в родстве?

Засмеялась. Оказывается, у ее мужа часто допытывались об этом. Но в их роду никаких предков из чехов не знали. А фамилию выводили от прозвища некоего сичевика-запорожца, ненароком расчихавшегося после чарки крепкой горилки в час, когда его принимали в казачье братство.

Подтверждение услышанному встретилось в словаре Юрия Федосюка «Русские фамилии». Чеховых в России много, отмечает ученый, но потомки чехов лишь немногие из них. Нецерковное имя Чох, иногда оно писалось «чех», означало чихание. Так могли назвать ребенка, которого «чох одолел», называли так и здорового, чтобы уберечь его от чихания и связанных с ним болезней.

Теперь и подумаем. Отталкиваясь от семейной родословной Чеховых в той части, где она скрыта «легендарным туманом», Бунин, скажем, писал о Чехове: «Удивительная у него родословная. Крестьянский род, явившийся с севера». Правда, строками ниже Иван Алексеевич не столь уж категоричен. Он допускает: «...вероятно, с севера, а не из украинских земель, так как речь Чеховых и в XIX веке и раньше была русская. (Называя себя неоднократно в письмах «хохлом», А.П. Чехов, вероятно, имел в виду, что его бабушка со стороны отца (Ефросинья Емельяновна, урожденная Шимко. — П.Д.) была украинкой».

Жаль, что Бунину не довелось читать письмо Чехова чешскому критику и переводчику. В 1891 году Августин Врзалу попросил Антона Павловича дать ему краткую автобиографическую справку. Писатель высказался в ней ясно: «Дед мой был малоросс, крепостной».

В Ольховатке Чеховы, скорее всего, разговаривали, как все — на южнорусском наречии, в котором неразделимо, что вода родников, слилась языковая стихия великоросса и малороссиянина. Уроженцы здешних мест хорошо знают, что обе языковые ветви или по отдельности одинаково доступны. Родом из воронежской Кантемировка, Евгений Плужник стал самобытным украинским поэтом двадцатого столетия. Выросший в селах близ той же Кантемировки и Россоси, Алексей Прасолов известен как современный нам русский поэт. Историк и писатель Николай Костомаров, из слободы Юрасовки, писал и на русском, и на украинском.

Что касается написания Чех или Чехов, то это дело писарской техники. На украинской стороне говорят — Плужник, у нас в России он же — Плужников. Ворона стал Вороновым, Сорока, не в обиду будь сказано, обернулась Сорокиным, Шило зазвучало Шилов — и так далее, и тому подобное...

Выходит, первый Чехов в Ольховатке мог быть пришельцем равно как с русского севера, так и с Днепра. Сиротская дорога в ту пору схоже вела на Дон чаще обездоленных...

Высказав это, заколебался — ставить в конце предложения точку или знак вопроса. Выручило многозначное отточие, какое как хочешь, так и принимай.

...Филиппу Федоровичу Чехову водить гостей по селу было тяжеловато. Хоть и скрывал, но больные ноги выручала суковатая палка, какую он прихватил с собой по случаю — гнал корову в стадо. Слушать его интересно.

— Один я, Чехов, тут остался. Был еще Филипп, постарше. Погиб в войну. Я тоже свободно мог не остаться в селе. Сколько раз траплялся случай. Отец офицер, выслужил в Ленинграде квартиру, а попал на Ленинградский фронт. После того как наши Неровновку освободили, военком направлял меня учиться в военное училище. Уступил то место односельчанину...

— Самому воевать не довелось, двадцать седьмой год рождения на фронт не брали. Винтовку в руках держал. Как у нас бои прошли, зачислили меня в истребительный батальон. Пленных итальянцев водил конвойным. Слушались. Куда им бежать? Сугробы в пояс, мороз. Я для них за спасителя...

— Тракторист, а работал больше бригадиром. Назначат, а правду скажешь начальству — снимут. Кому правда нравится, если она глаза режет. Пройдет время, забудется, опять бригадиром просватают...

— Чехова кто не читал? Перво-наперво, знают все Ваньку Жукова, Каштанку...

Я книгу брата писателя Михаила «Вокруг Чехова» хорошо знаю, там о нас, неровненских, сказано. Интересно знать — откуда и кто мы. Раньше ведь как, помоложе был, поедешь куда, услышат фамилию, обязательно спросят: ты, мол, Чехову не родня?..

Филипп Федорович застал живым сельский Софиевский храм, какой строился, конечно, при участии Чеховых. Разрушили его перед войной. Как принято, церковь стояла на возвышении. Неровновка и сама-то на буграх, а на околице будто кто специально еще курган насыпал. Пока неспешно поднимались на вершину, Чехов рассказывал то, что не удивляло. Подобное уже не однажды приходилось слышать в других селах. Храм у них стоял необыкновенной красоты, лишь в Киеве был схожий. Паломничество в старину считалось обычным, на поклон святым мощам ходили часто. В памяти старших навечно оставались золотые купола Лавры, из уст в уста передавалась о них молва, а сравнение напрашивалось само собой — в нашем селе тоже, как в Киеве. Хотя, кто спорит, деревянная или каменная сказка всегда была творением мастера, церковь не просто красила славянский мир. Тот, кто задумал и бросил клич рубить колокольные шатры, хорошо знал, что при этом рухнут жизненные устои...

Когда же взосли на холм, поверил Филиппу Федоровичу сразу. Иначе и быть не могло. Мастер не мог ударить в грязь лицом перед самой природой, сотворившей природное чудо на земле. Вроде чего тут особенного? Поле да дубрава, Небожин лес. Долгий яр да пруд в нем, Стрижковский ставок. От изножья кургана — неровные улочки Неровновки, а в прозрачной дали угадываются хуторки — Гирлы ли? Степной? И вдруг понимаешь — почему все твои спутники разом замолчали. Перед нами — Русь! Не слобода и село, не уезд и район, даже не страна в изменившихся межах. Русь — древняя, настоящая и вечная...

Проживи Чехов не сорок четыре года (только — сорок четыре...), уверен, он бы приехал на родину предков. Он даже ехал сюда однажды. «Пахнет степью и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей — коршунов, летающих над степью... Курганчики, водокачки, стройки — все знакомо и памятно... Хохлы, волы... белые хаты, южные речки... — все это мелькнет, как сон...»

Приехал бы и остался.

Петр Чалый

КОВЫЛЬ ПО ВЕТРУ СТЕЛЕТСЯ...

(Сельский учитель сказал свое слово
в толстовской теме)

Вроде совсем недавно обычно раз в месяц в телефонной трубке раздавался знакомый голос: «Чистоклетов напоминает о себе...» Григорий Федорович говорил с хрипотцой, четко чеканя слова хорошо отработанным за долгие годы на школьных уроках голосом учителя: — Письмо получил. Спасибо. Как дома в Митрофановке побывал, вместе с вами поехал по полям, по нашим горам и долам.

Ветерана Великой Отечественной войны «заточил» в стенах городской воронежской квартиры тяжелый недуг. Артиллерист-«огневик» немало снарядов в руках понявчил, пушку выкатывал на прямую наводку. В марте 1945 года, воевал тогда в составе 3-го Белорусского фронта, попал в госпиталь, где перенес хирургическую операцию на венах. С возрастом болезнь суставов и вен все чаще и чаще напоминала о себе, пока вконец не обезножила. Нетрудно представить, что означало это (находил в себе силы шутить) «великое сидение» для него, учителя географии, который вместе со своими ребятами исходил Воронежский край вдоль и поперек, путешествовал немало и по Советскому Союзу...

Даже по внутриобластной «междугородке» долго не поговоришь, счетчик быстро из копеек наматывает рубли. Потому приходилось останавливать увлекавшегося беседой Григория Федоровича. Отмечал на листке его просьбы — в Митрофановке заглянуть на дачу-усадьбу, разузнать в школе то-то и то, в Кантемировке передать приветы журналистам районной газеты, статья для них почти готова, занести книгу в районный отдел образования... Обещал ему обстоятельно написать обо всем.

...Я не был школьным учеником у Чистоклетова. В шестидесятые годы студентом Воронежского пединститута сотрудничал в нашей многотиражной газете «Учитель». Попало в руки письмо со статьей о поездке Льва Николаевича Толстого в Воронежский край. Не вчитываясь, вслух засомневался в достоверности рассказанного. Сам ведь родом из тех мест. Краеведением меня уже всерьез «заразил» мой сельский учитель-подвижник Иван Иванович Ткаченко, который в истории края «все знал». Но и он вроде бы тоже не слыхивал о том, что великий писатель был в Митрофановке. Сомнения сразу же развеяла редактор газеты Екатерина Михайловна Иванова:

— Автор очерка — человек серьезный. Он у нас в аспирантуре учился, преподавателем работал. Учебник по географии Воронежской области с его участием написан...

Оказалось, Григорий Федорович Чистоклетов, возвратившийся после аспирантуры в свою сельскую школу, действительно, ничего не выдумывал, не сочинял. Еще с начала пятидесятых годов он с завидным упорством и терпением «раскапывал» краеведческую тему. Он стремился к тому, чтобы его ученики, односельчане знали собственную историю, свою родословную, гордились ею.

Позже меня познакомит с Чистоклетовым как раз мой школьный наставник Ткаченко, кстати, тоже фронтовик. Встретаться будем в «учительском имении» — так Григорий Федорович называл свое подворье на окраине Митрофановки. Роскошные яблони под сенью ветроломной лесозащитной полосы. Островок ковыльной, не тронутый плугом степи, за ним он любовно присматривал. Этим заповедным островком он гордился. Огородик-кормилец спускался в балочку — к пруду, сотворенному с его участием. На самой усадьбе — кухня, времянка и остов фундамента дома, который так и остался недостроенным.

Беседовали в рабочем кабинете. Пишущая машинка на столе в окружении книг, папок с бумагами и фотографиями, письмами. Кажущийся беспорядок для постороннего, но у хозяина — все на своем должном месте. С ходу берет потребовавшийся вдруг в разговоре книжный томик из библиотечной «обоймы» на полках. В полчище бумаг сразу находит нужный документ.

Не скрывал радости от обнародования своих трудов: в Воронеже вышел краеведческий сборник «Собеседник» с его очерком «Сюда приезжал Толстой»; в Ростове-на-Дону в коллективной книге напечатали подборку его стихов... Его краеведческие заметки публиковались в богучарской, росошанской, павловской газетах. А на страницах родной кантемировской «районки» он еще вел читателя и в мир природы, призывал беречь травинку, деревце, братьев наших меньших.

Мечтал на месте исчезнувшего хутора Ржевск восстановить-возродить усадьбу Владимира Григорьевича Черткова, в которой располагалось в восьмидесяте-девятидесятые годы XIX века известное просветительское издательство «Посредник», где бывали не только «великий Лев» — Лев Николаевич Толстой, но и писатель Александр Иванович Эртель, художники Алексей Данилович Кившенко, Николай Александрович Ярошенко, другие именитые в русской культуре люди.

Страстно хотел степь родимую украсить рощами и прудами.

Что-то удавалось сделать. Хотелось большего.

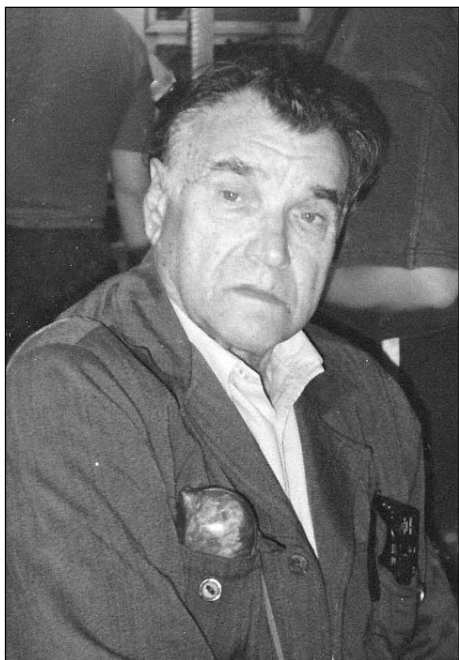
Самолично издавал свои рукописи: печатал на машинке и переплетал в плотные обложки. Часть трудов все-таки пробилась в свет из типографий. Помогли бывшие ученики. В библиотеках и школах Кантемировского, Богучарского, Росошанского районов стали учебным пособием его «Очерки о родном крае». Интересны читателям книги Чистоклетова «Богучарская юность», «В степном Воронежском крае».

К сожалению, в «самиздате» остались рукописи стихов, документальная проза — «Воспоминания старого солдата», «Я не был убит подо Ржевом».

Фронтовые будни вьелись в память намертво.

«По радио услышал: поляки, жители бывшего немецкого городка Голдап в Восточной Пруссии, требуют вернуть им из Смоленска бронзового оленя, вывезенного из Роминтенской пуци. Смоляне ответили, что скульптура, действительно, взята в тогдашней Германии на даче Геринга в счет репараций с побежденной страны. Немцы ведь беспощадно грабили Россию во время войны. Потому и заплатились не только бронзовым оленем.

Радиопередача оживила события военной поры.

Григорий Федорович Чистоклетов

Не знаю, как я уцелел в боях под Смоленском в июле 1941 года. С неба бомбовый град сыпется. На земле фашисты танками утюжат...»

Григорий Федорович вспомнил и голодную весну 1942 года на Калининском фронте: «Мы ели полусырую конину. Подбирали битых, вытаивавших из-под снега лошадей. Варили, кто как и в чем мог. Свидетельствую потрясающий факт: семнадцатого марта сорок второго я, исполнявший обязанности старшины, получал бумажные мешки. На них было помечено, что сухари приготовлены четырнадцатого марта в Челябинске. Не всякий, думаю, может себе представить, какие трудности переживала страна, если приходилось самолетами доставлять за тысячи километров на боевые позиции ржаные хлебные сухари с Урала голодающим красноармейцам...

Но — вернемся к нашим бронзовым и живым оленям, — продолжил он рассказ. — К осени 1944 года вышли на границу Восточной Пруссии. Здесь я услышал и запомнил названия городка Гол-

дап и лесной пущи не только потому, что тут находилось охотничьи владения великогерманского рейхсмаршала авиации Германа Геринга. Вражеские укрепления с ходу не взяли. Крепкий орешек раскололи мы, артиллеристы. Хоть хозяин убеждал соотечественников: границы неприступны! В прорыв пошли танки, пехота.

Немцы разбегались перед наступающими нашими войсками так стремительно, бросали буквально все в своих фольварках-усадебках. И тут мы начали было брать реванш за ржевский голод. Домашние свиньи бегали по улицам стадами. Вакханалию сразу пресек Приказ Верховного Главнокомандующего. Суть его — мы пришли в Германию не как мстители, а как освободители. Мародерство должно строго караться. Брошенные врагом и жителями материальные ценности собирались, строго учитывались и использовались в организованном порядке. Даже за безрассудно загубленного поросенка можно было поплатиться.

Вот тут-то и пошли нам во благо олени. Роминтенский лес с именем Геринга оказался на нашем пути. Мы убедились, что оленина куда вкуснее поросятины. Когда войска стояли в обороне перед январским, сорок пятого года, наступлением, снабжение диким мясом велось организованно. Специальные отряды отстреливали только потребное для питания число оленей и косуль. А этого зверья там водилось множество, встречались то и дело непуганые табунки.

Мне довелось увидеть, специально ходил посмотреть, одно из мест, где Геринг охотился. Продолговатая лесная поляна. На одной опушке расположены разные соблазнительные кормушки для зверей. А напротив — охотничий «шалашик». Добротная постройка с широкой амбразурой в сторону кормушек. Перед ней — стол, лучше сказать — широкая полка. Становись, ставь локти на полку и жди прикормленных зверей. Беспечно придут они на обед — стреляй

недвижных и незащищенных. Не охота, а убийство, но называется почему-то охотой.

Вот там, под городом Голдапом, в главном геринговском фольварке и стояло бронзовое изваяние грациозного европейского оленя. Скульптура стала копеечным предметом для возмещения ущерба, какой причинили нам фашисты побежденной Германии. О чем напомнило мне радио...»

Рассказывал Чистоклетов о селе Лебединка Богучарского района, где в 1919 году он в крестьянской хатке «родился не в рубашке, но и не совсем без рубашки», о родных и близких, о годах учебы в школе и Богучарском педучилище. Русский язык и литературу ему преподавала Ольга Павловна Страхова, которая в Богучарской гимназии учила «гения нашей литературы — Михаила Александровича Шолохова». Ей Григорий Федорович посвятил проникновенные свои строки: «Добрейшая, необыкновенно терпеливая и требовательная учительница. Всегда ровная, ласковая, с резким, казалось, но хорошо поставленным голосом, она с величайшим усердием учила нас грамотно писать. Учила культуре в речи.

Ольга Павловна при проверке контрольных работ по русскому языку, сочинений ставила оценки не только за грамотность, но и за почерк. Кроме того, на тетрадных полях всегда указывала номер параграфа в учебнике, где изложено то правило, на которое ты допустил ошибку.

С оценками за наши почерки произошел один небольшой курьез. Однажды на уроке литературы Ольга Павловна рассказала нам, как они с подружками-гимназистками послали письмо Льву Николаевичу Толстому с вопросом: бывал ли он в Богучаре? Спросили потому, что в романе «Война и мир» есть схожее название населенного пункта. Лев Николаевич ответил гимназисткам. И вот это письмо классика она сохранила и принесла к нам на урок, прочла. Пересказываю по памяти: «В Богучаре никогда не был. Недалеко от Смоленска есть местечко Богучарово, откуда и взято это название». Все было бы хорошо, если бы Ольга Павловна только прочла нам записку и оставила ее без комментариев. Но она сказала, что почерк у Льва Толстого «на единицу». Вскоре сама обнаружила печальные последствия этой своей промашки. Наше «чистописание», и без того далеко не блестящее, стало еще больше портиться. Мы резонно решили: если сам Лев Толстой пишет «на единицу», то нам уж и подавно можно обойтись без красивого почерка. Трудно пришлось Ольге Павловне переубеждать нас в этом заблуждении. Письмо Толстого я подержал тогда в руках, но, действительно, не разобрал ни одного слова...»

У Григория Федоровича не сбывалась заветная мечта — публикация книги «Географическое краеведение в сельской школе», о которой он говорил: «Это главный итог моего педагогического пути». Нежданно помогла моя заметка в областной газете «Нет повести печальнее на свете...» Нашлись попечители, издали его «Очерки о родном крае». Вместе с книгой получил письмо: «Я от души Вам благодарен...»

Справедливо обижался, когда узнавал, что вроде бы близко знакомые краеведы без спроса и ссылок использовали в печати его находки. Случается среди нашего брата и такое.

Жалился на обманную телевизионную и радиорекламу лекарств: «Отдал за них всю пенсию, а результат нулевой».

К наступающему 2007 году я готовил ему подарок: вот-вот должен был выйти из печати альманах «Слобжанская тетрадь» с рассказом-очерком Чистоклетова. А еще в типографии уже переплетали «Воронежскую историко-культурную энциклопедию». В ней публиковалась творческая биография Григория Федоровича. Но мои добрые новости упредил междугородный телефонный звонок:

— С вами говорит Петр Федорович Чистоклетов, младший брат. Григорий Федорович скончался...

Помолчали.

Мир праху твоему — человек. И да будет тебе пухом земля, которой ты признавался:

Безумно люблю ковыли.
Красивей природы не знаю,
Богаче не видел земли...

Григорий Чистоклетов

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЛИСТАЯ...

(Из очерка «Лев Толстой и Воронежский край»)

ПАМЯТЬ

У входа в вокзал станции Митрофановка Юго-Восточной железной дороги висит массивная металлическая памятная доска. Она извещает пассажиров о том, что на этой станции останавливался великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой, когда в конце марта 1894 года приехал на хутор Ржевск к своему другу Владимиру Григорьевичу Черткову. Появление этой доски почти через девяносто лет после того события, которому она посвящена, — это плод многолетних усилий местных краеведов-любителей.

Все началось еще в 1951 году, когда михайловский школьник (житель теперешнего Кантемировского района Воронежской области) Володя Фомин впервые упомянул на занятии краеведческого кружка о том, что «на хутор Ржевский приезжал Л.Н. Толстой». Это сообщение вызвало большой интерес, и я интенсивно занялся поисками фактов и подробностей пребывания Толстого в наших краях.

Более двадцати послевоенных лет в Митрофановке жила и работала Юлия Александровна Радина — женщина с неброской внешностью, весьма интеллигентная. За ее плечами была интересная и содержательная жизнь. Четыре года она провела на войне, вынесла невероятные тяготы и опасности фронтовой жизни, спасая раненых воинов. Будучи уже на пенсии, она продолжала работать терапевтом в местной больнице. Из беседы с Юлией Александровной я понял, что эта встреча может стать событием в моей краеведческой жизни. Она назвала мне столько имен и продемонстрировала такое знание прошлого нашего края, чего я не мог и предположить в этой опрятенькой и немного странноватой старушке.

Ее отец Александр Иванович Радин работал учителем в Лизиновской школе и столовался в имении Чертковых. Мать, Мария Степановна, воспитывалась в петербургском приюте, который содержала мать Владимира Григорьевича Черткова — Елизавета Ивановна. В 1916 году Александр Иванович Радин был арестован царскими властями за то, что вместе со своими единомышленниками подписал воззвание против войны. Он был посажен в Острогжскую тюрьму. Впоследствии я нашел подтверждение факта ареста отца Юлии Александровны в дневнике старшей дочери Л.Н. Толстого — Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой.

Дневник был опубликован согласно ее воле лишь через пятьдесят лет после ее смерти.

Личность Владимира Григорьевича Черткова Юлия Александровна охарактеризовала такой фразой: «Владимир Григорьевич был образованным и очень остроумным человеком. Его трагедия заключалась в расхождении между убеждениями и образом жизни». Этот тезис оставался нерушимым и подтверждался в литературных источниках при моей дальнейшей работе по теме: «Лев Толстой в нашем крае».

Все, что рассказала мне Юлия Александровна, было очень важным, но еще важнее было то, что она дала мне адреса непосредственных свидетелей дружбы Толстого с Чертковым. Последовавшая затем переписка с ними позволила мне писать абсолютно достоверно. Как реликвии я храню письмо Николая Николаевича Гусева, письма и открытки Владимира Владимировича Черткова.

Источниками сведений по интересовавшей меня теме были и другие письма. В.В. Чертков сообщил о нашем интересе к толстовско-чертковской теме А.И. Ростовцевой — внучке Н.Д. Ростовцева, специального помощника В.Г. Черткова по хозяйственным делам, и она прислала мне интересные воспоминания о своем дедушке... Известно, что Чертков осуществлял разностороннюю благотворительную деятельность. Для этого он выделял 5 тысяч рублей из тех десяти тысяч, которые получал ежегодно от матери Елизаветы Ивановны. По указаниям Черткова, Николай Дмитриевич Ростовцев на эти средства организовывал помощь окрестным крестьянам деньгами, одеждой, продуктами. Во время посещения Ржевска в конце марта 1894 года Львом Николаевичем Толстым он раздал самым бедным крестьянам 70 лошадей, специально купленных для этой цели...

Источниками сведений по интересовавшей нас теме явились дневники Л.Н. Толстого, его переписка с Чертковым, дневник Т.Л. Сухотиной-Толстой. В.В. Чертков прислал мне книжку стихов и песен своей матери, Анны Константиновны, и интересные фотографии. Интересным источником знаний явилась книжка Н.Д. Кившенко «Дневник сельской учительницы».

Юлия Александровна Радина назвала имена А.С. Могильной — няни в доме Чертковых, В.П. и С.П. Трегубовых — сыновей П.В. Трегубова, чертковского кучера. С этими, тогда еще живыми свидетелями приезда Толстого в Ржевск, довелось встретиться и записать их воспоминания...

Митрофановский вокзал с мемориальной доской у входа

ВСПОМИНАЮТ СТАРОЖИЛЫ

Будучи приверженным литературно-краеведческой теме: «Л.Н.Толстой на Воронежской земле», я пристрастно собирал и записывал воспоминания тех людей, которые могли сказать что-либо по этой теме. Мне посчастливилось застать в живых некоторых очевидцев и свидетелей пребывания Льва Николаевича в гостях у В.Г.Черткова в Ржевске. Об этих воспоминаниях, впечатлениях и рассказах я писал неоднократно, делал это только после того, как убеждался в достоверности всего, что сообщалось. Но я еще никогда не писал со слов тех, кто сам был свидетелем и очевидцем приезда Толстого в Ржевск и жизни Черткова. Сегодня я хочу это сделать.

Но сначала все-таки о современниках тех лет. Юлия Александровна Радина рассказывала, как ржевский барин Владимир Григорьевич Чертков называл свой дом разбойничьим гнездом. «В этом доме, — говорил он своим зычным и хорошо поставленным голосом, — живут разбойники, и главный разбойник — это я...» Так образно он говорил об угнетении своих крестьян.

Ныне покойная жительница Еленовки Анна Семеновна Могильная, прислуга в ржевском доме Чертковых, с первой же встречи поразила меня своим благородным обликом, глубокой одухотворенностью и интеллигентностью. Я грешным делом и сейчас, посматривая время от времени на ее фотографии, сделанные мною в 1952 году, любуюсь ее особенной, своеобразной красотой. Анна Семеновна рассказывала, что когда у Чертковых был Лев Николаевич с дочерью Марией Львовной, за обеденным столом лишь гостям подавали отдельные приборы. Хозяйева же ели из общей миски деревянными ложками. Спустя много лет я нашел косвенное подтверждение этого рассказа в одном из писем Черткова Толстому. Владимир Григорьевич с каким-то особенным восторгом писал, как ему нравится обедать за одним столом с крестьянами и пользоваться при этом деревянной ложкой.

Теперь о тех, кто вспоминал «по рассказам родителей». В Александровке живет родившийся в 1910 году Андрей Васильевич Рыбалко. Его отец, Василий Захарович, служил у Чертковых в библиотеке или избе-читальне (по-разному называют Андрей Васильевич). Мать служила по дому. От отца Андрей Васильевич слышал рассказ, который я привожу почти дословно:

— Отношение Чертковых к крестьянам, особенно к беднякам, было доброе. Жили одинолично, бедно. Идет вдовушка к Черткову и говорит: «Панэ, у мэнэ мужик помер и трое детишек осталось. Моя нива — пшеница поспела, вже надо косить и некому косить». Чертков спрашивает: «Где твоя нива?» — «Там...» Пан кажэ: «Завтра выходи, косарь тебе будет». Завтра выходэ, а там сам Чертков вышел и скосил. Помогав. Бэре коваленку и идэ косить. Пропадэ у мужика корова, вин идэ до пана, кажэ: «Дети остались без молока. Важко жить». Пан кажэ: «Иди к управляющему, скажи, чтобы дал корову, какая на тебя смотрит». Падет лошадь — даст лошадь...

— Когда Лев Николаевич приезжал в Ржевск, — продолжал свой рассказ Андрей Васильевич — ездил в Александровку. Сказал: являюсь в такое-то время. Не явился. Его искали ночью с фонарями, думали, заблудился. Нашли в Александровке. Беседовал с людьми. Он извинился за то, что задержался.

Пан Чертков перед началом занятий в школе проежал по бедным людям и снабжал их учебными принадлежностями, чтобы дети учились...

Судьбе было угодно так распорядиться, что Андрею Васильевичу довелось сражаться за знаменитую Ясную Поляну. В 1941 году он служил в 26-м кавалерийском полку 7-й кавалерийской дивизии. Выйдя из окружения под Смоленском, дивизия отступила на Тулу. Двадцать шестой кавалерийский полк возводил оборону возле Ясной Поляны. Тулу не сдали, стояли под ней до декабря 1941 года.

Потом пошли в наступление. Шесть суток бились за Калугу и под новый 1942 год освободили ее от немецких захватчиков. Далее боевой путь Андрея Васильевича пролегал до самого логова врага и был победно закончен в городе Бернштадте. «Труднее всего, — вспоминает Андрей Васильевич, — было под Москвой. В зиму остались в пилотках, в сапогах, шинелях и голодные. Но все вынесли, перетерпели и победили».

Почти ровесник Андрея Васильевича Рыбалко — александровский учитель-пенсионер Иван Иванович Побединский, человек степенный, с мягким голосом, по всему видно, добродушный, довольно эрудированный. Мне его рекомендовали как знатока истории родного края. Иван Иванович рассказал о том, что приходилось ему слышать от своего отца. Иван Авдеевич Побединский служил у Черткова, был до некоторой степени его приближенным. В уборочную страду он обычно бывал тем, кого сегодня называют заведующим током. Иван Иванович помнит такой рассказ отца, касающийся Анны Константиновны Чертковой.

«Бывало, приезжает на ток барыня Анна Константиновна. Просит: остановите молотьбу, чтобы работающие люди отдохнули. А сама тем временем побеседует с людьми. Говорила о неравенстве и несправедливости: «Вот смотрите, как я хорошо одета, а ведь я не работаю. А вы много работаете и такого не имеете». Читала вслух книжки, потом спрашивала у крестьян, кто умеет читать? Грамотным раздавала брошюры. Давала книжечки и тем, у кого дома были грамотные...»

Этот рассказ перекликается с тем, что слышал Андрей Васильевич от своей матери, служившей прислугой у Чертковых: «Бывало, барыня говорит: «Дуся, хватит работать, иди, отдохни». Эти воспоминания, а их у меня записано не одно, резко контрастируют с тем, что писала о положении прислуги у Чертковых старшая дочь Л.Н. Толстого Татьяна Львовна со слов Марии Александровны Шмидт — убежденной последовательницы Толстого. Она говорила Татьяне Львовне, что Чертковы со своими принципами порой заставляли работать своих подданных буквально до упаду...

Хочу сказать еще несколько слов о происхождении местных названий, и прежде всего — об «Ольгинской». На географической карте 1902 года теперешняя железнодорожная станция Митрофановка обозначена как «Ольгино». В тексте, который эта карта иллюстрирует, напечатано: «Ольгина». Названия «Ольгинская» я пока нигде не встречал. Почему Лев Толстой в письмах к жене Софье Андреевне писал 27 марта 1894 года: «...До Ольгинской доехали прекрасно», узнать мне не довелось...

Кстати, мое повествование — документальное. В отличие от некоторых сверхмудрых ученых и прагматичных публицистов, я всегда называю источники, из которых добыты те или иные краеведческие сведения. Время неумолимо. Мое поколение краеведов отходит в прошлое. Было бы очень хорошо, если бы краеведческие дела продолжили молодые люди, влюбленные в наш степной край.

Начало 2000-х годов

Татьяна Малютина

ЧЬЁ У КАНТЕМИРОВКИ ИМЯ?

Историческая версия

*Можно и славу достать,
хоть творцом не слыти...*

Ангиох Кантемир

Триста пятьдесят — триста лет назад вновь в который раз плотнее заселялись южные земли нашей Воронежской губернии. На степных рубежах России появлялись крепости, слободы, хутора. Из тех лет родом названия нынешних селений. Одно из известных — южный районный городской поселок Кантемировка, недавно опять ставший пограничным в русско-украинском порубежье. Так уж распорядилась судьба: имя Кантемировка было занесено на гвардейское знамя прославившегося в годы Великой Отечественной войны танкового корпуса, которым командовал Павел Павлович Полубояров, будущий маршал бронетанковых войск. А в Москве появились улица Кантемировская и одноименная станция метро.

Родословная райцентра вроде бы хорошо известна. В честь князя Константина Кантемира из рода господарей Молдавии поименован поселок. Слобода ранее так и называлась — «Константиновка, Кантемировка тож». Но, мало заботясь об исследователях и краеведах, князя Кантемиры именем Константин нарекли трех мужчин в своем большом семействе. Остается загадкой, который из Константинов стал лично причастным к рождению Кантемировки?

Род молдавских князей оставил заметный след в истории России. По преданию происходил он от богатого татарина, принявшего христианство и поселившегося в Молдавии. В прозвище Кан-темир сочетаются два слова: титул тюркских правителей «хан» и распространенное тюркское имя «Тимур-Темир», означающее «железо».

О старшем Константине из рода Кантемиров — Федоровиче — знаем, что был он господарем Молдавии, находящейся под игом турок-осман. «Должность» эту получил так: «удружил» султану Магмету IV — спас его гарем, которым чуть не завладели поляки. Правил он Молдавией до самой смерти и к нашей Кантемировке никакого отношения он не имеет. Вырастил-воспитал двух сыновей — Антиоха и Дмитрия. Поочередно оба сына тоже правили Молдавией.

Судьба Дмитрия складывалась непросто. Подростком попал в заложники к турецкому султану. В плену он время даром не терял: изучал турецкий и персидский языки (позже освоит арабский, греческий, валахский, французский), зани-

мался математикой, философией, историей, архитектурой. Уже во время русско-турецкой войны в 1710 году Дмитрий Константинович, как князь, принимал участие в боевых действиях. Недовольный визирем и стремясь избавиться Молдавию от турецкого ига, он заключил с Петром I тайный договор о союзе и о переходе Молдавии в состав России. После неудачного Прутского похода Петра I русская армия вынуждена была отступить. В этом 1711 году вместе с ней в Россию ушли и Кантемиры с четырьмя тысячами молдаван.

Роду Кантемиров подтвердили княжеские достоинства, дали поместья близ Харькова.

Один из них — Дмитрий Константинович не задержался здесь, перебрался в северную столицу, стал советником царя по восточным делам. В записной книжке Петра Великого сохранилась о нем любопытная запись: «онный господарь — человек zelo разумный и в советах способный». Князь Дмитрий считал, что только Россия может защитить народы на Балканах и дать им расцвести экономически, духовно. Об этом он писал в своих научных трудах. О философских, политических взглядах Дмитрия Кантемира красноречиво говорят его значимые мысли.

«Все те вещи, которые имеют обозначение и по сути дела носят частный характер, должны возникать и умирать, изменяться и превращаться, и в конечном счете погибнуть. Но в конце бытия каждой вещи, как результат ее разложения, должно наступить рождение другой, чему учат нас разум и опыт».

«...Опыт и испытание предмета достовернее могут быть, нежели все расчеты ума, а наглядные доказательства — сильнее всех предположений...»

«Ради свободы и родины с честью умереть много полезнее и похвальнее, нежели жить долго и бесчестно».

Сам Дмитрий Кантемир прожил всего пятьдесят лет. В его большой семье из детей большой вклад в культуру России внес сын — известный русский поэт-сатирик Антиох Кантемир. К его портрету Гаврила Романовича Державина написал следующее: «Старинный слог его достоинств не умалит. Порок! не подходи: сей взор тебя ужалит». А Виссарион Григорьевич Белинский заслуженно считал, что Кантемир «первым свел поэзию с жизнью». Он был страстным поборником просвещения и высмеивал общечеловеческие пороки — ханжество, скупость, лицемерие, леность, болтливость. При этом — стремился сблизить разговорный язык того времени со стихотворным, насыщая его просторечиями, пословицами и поговорками.

Один из братьев поэта Антиоха Дмитриевича носил имя Константин.

О родном брате князя Дмитрия Константиновича — Антиохе Константиновиче нам известно немного. Своего единственного сына и наследника он назвал Константином — в честь деда.

Кто из двоюродных братьев — Константин Дмитриевич или Константин Антиохович — заложил слободу в донских степях? Кому из них Кантемировка обязана своим именем?

Кстати, рождалась слобода уже не на пустом месте. В 1734 году генерал Тараканов самовольно захватил земли казаков Богучарской сотни и поселил у речки крестьян. Эту «незаконнорожденную» Таракановку через три года разогнали. А первопоселенцев тянуло все-таки в здешние места. В 1742 году они вернулись и построили свои хаты в пяти верстах ниже по течению речушки Федоровки — при впадении ее в Богучарку.

Известно, что в 1759 году главнокомандующий слободскими полками генерал-поручик Константин Кантемир поставил господскую усадьбу все-таки там, где раньше располагалась Таракановка. Во второй раз тут появилась слобода, слившаяся впоследствии с крестьянским поселением у устья речки Федоровки.

Так что жители нынешней Кантемировка будут по-своему правы, отсчитывая возраст своего поселка от трех дат: 1734 года, 1742-го и 1759 года, выбирая нужную применительно к модным сейчас юбилеям.

Кому же из Константинов Кантемиров выпало обживать эти края?

В старинном словаре Брокгауза и Ефрона утверждается, что «из сыновей князя Дмитрия старший, Константин, генерал-поручик (умер в 1776 году)». Опираясь на этот факт, авторы книги «Край Кантемировский» А. Аббасов и Л. Головина (Воронеж, 1995 год) считают, что именно Константин, сын князя Дмитрия, основал слободу Кантемировку.

Исследователи В. Прохоров и В. Загоровский не столь категоричны в своих суждениях: селение «получило название от Константина Кантемира, принадлежавшего к знатному молдавскому роду», «представителя знатного молдавского рода Кантемиров». Вопрос об отчестве Константина они обходят стороной.

Оказывается, знатоки, как говорили в старину, местного отчизноведения, «осторожничали» не случайно.

Сейчас переиздаются другие старинные книги по нашей «теме». В «Истории родов русского дворянства», составленной П.Н. Петровым в 1886 году (репринтное издание, книга первая, Москва, 1991 год), сообщается, что Константин Дмитриевич был капитаном Преображенского полка. Кстати, в этом же именитом полку русской армии до чина бригадира дослужился и его родной брат Сергей (Сербан) Дмитриевич. Константин женился на княжне Голицыной, остался бездетным. Схоже кратко пересказывается его биография в «Русской родословной книге» под редакцией издателя журнала «Русская старина» (Санкт-Петербург, книга первая, 1873 год). В современном многотомном издании «Дворянские роды Российской империи» под редакцией С.В. Думина в третьей книге «Князья» (Москва, 1996 год) тоже указывается, что Константин Дмитриевич умер в 1747 году. А раз он не был генерал-губернатором, то, получается, он, как и его дед, не был основателем Кантемировки.

Во всех перечисленных книгах в «один голос» говорится: Константин Антихович — генерал-поручик. Известный историк Дмитрий Багалец в своей книге «История Слободской Украины» (Харьков, 1918 год, переиздана в 1993 году там же) без тени сомнения утверждает, что казачьими слободскими полками командовал именно «князь Кантемир (сын Антиоха)». Он и есть самый вероятный основатель нашей Кантемировки. Его отец Антиох Константинович, как и дядя Дмитрий Константинович, тоже дважды назначался господарем и правил Молдавией. Живший и служивший в Харькове сын трижды женился. В браке с последней «вельможной» Софьей, княжной, дочерью судьи в малороссийском генеральном суде, а затем воеводы белгородского Богдана Пассека, Кантемиры имели сына Дмитрия, родившегося в 1749 году, уже после кончины дяди Константина Дмитриевича.

В ту пору казачья знать стремилась брать во владение землю и закрепощала население. В «прихватизации» неизбежно возникали тяжбы и споры. Константин, сын Антиоха, оставался человеком своего времени. В распрях он обзавелся Кантемировкой, а затем вынужден был ее оставить. Крестьяне при смене хозяев мало что потеряли. Историк А. Слюсарский в книге «Слободская Украина», изданной в Харькове в 1954 году, подробно рассказывает о судьбе крепостных князя Кантемира из села Криничного близ Ахтырки. Приказчик их так допек денежными поборами и трудовыми повинностями, что «ночной порой с пожитками» и семьями 150 крестьян «своевольно ушли» в поисках лучшей доли. Казачий отряд пытался их вернуть, но беженцы отбились «киями, кольями» и нашли приют у княгини Юсуповой.

Правда, как в Кантемировке, так и в Криничной, крестьян угнетал, конечно,

не сам лично Кантемир, а его управляющий. Но крестьяне-то кормили и князя, его немалое семейство. Умер Константин Антиохович в 1776 году. Его сын Дмитрий выслужил чин полковника. Женился, но оставался бездетным.

Подвело здоровье — лишился рассудка. Скончался в 1820 году. «С ним прексся род Кантемиров».

* * *

Есть-есть, наверное, Божья справедливость в том, что в названии Кантемировки запечатлелись для нас в памяти не имя ее основателя, а те, кто присягнул на верность России, достойно служил Отечеству. Вспоминаем, прежде всего, Дмитрия Кантемира, сподвижника, «птенца гнезда Петрова». Вспоминаем дипломата и поэта, родоначальника русской сатиры Антиоха, сына Дмитрия Кантемира.

Антиох Кантемир

В МЫСЛЯХ СВОИХ ВОЛЕН...

Стихи

Антиох Кантемир

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744) — из семьи господаря (правителя) Молдавии. Дмитрий Константинович — «птенец гнезда Петрова». Для него и его семьи Россия при Петре Первом стала Отечеством. От рода Кантемиров есть и пошло имя степной слободы, ныне районного центра на юге нашей Воронежской области. А прославили род новых дворян, как отец, так и сын. Выпускник Петербургской Академии наук, на военной службе офицер-поручик, сторонник петровских реформ Антиох Дмитриевич по меркам человеческой жизни прожил мало — 36 лет. Двенадцать из них он достойно отстаивал государственные интересы России в ранге «резидента» (дипломатического представителя) в Англии и во Франции.

Кантемир с отроческих лет слагал стихи, сатиры, басни, в которых осмеивал ханжество, скупость, лицемерие, расточительность, леность, болтливость и иные пороки. «Все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может». Так и принимаем его мысли, написанные «простым и народным почти» стилем того давнего времени.

* * *

Света лукавства и беды злые
Любитель славы пусть терпит там,
Я свое стадо, овцы малые,
Пасти в покою хочу впредь сам.
И солнце небу когда в потребу
Лучи являет — во луг вести,
Как закатится, месяц явится —
Без мыслей многих в дом побрести.

Богатство, славы, хотя прелестны,
Мне скучны, когда покоя нет;
Труды мне милы, тихи и честны;
В свете друг друга к гибели гнет.
Я безопасен, ни в чем ужасен,
Живу по воле, как сам хочу;
Сердце не бьется, совесть не рвется,
Мысль к добру склонну быть учу.
О чем тужити мне нет причины,
Малым доволен, знаю свое.
Не сманят тщетно мирские чины,
Чего не знаешь, то звать твое.
Зависть тем страшна, зло злых ужасно,
Совесть, мятежи, беспокойство;
Меня, хоть дождик смочит днем трожды,
Лучи солнечны сушат свойство.
Малое стадо — моя забава,
Дудочка, сладка даючи глас,
Ты моя будешь желанна слава, —
Честь и богатство все мое в вас.
С вами мне жити, вас веселити, —
Прочая всяка мысль неумна.
Кто ищет много, пусть убо того;
Житейская печаль, ах, мне скучна!

1742

* * *

Невелик хотя удел, но живу спокоен,
Скатерть, столик, пища есть, в мыслях своих волен.
Не прельщает вышня честь,
Для меня то трудно снесть.
Невиновну жизнь люблю, в ней моя забава.
Кто же хвалится искать, чести домогаться —
Коль удачливо ему, желаю стараться,
Пусть тот долго с тем живет,
Пусть великим век слывет.
Я ж пронырлив не бывал, не в том моя слава.
Не умею, весь сожмясь, низко поклониться
И, не зная кого в глаза, дружбою божиться,
Не умею тем сыскать,
Чтоб обманом приласкать,
Для корысти лишь одной — после хоть не знаться.
Мне несносна жизнь сия, бегу, не прельщаюсь,
Мил в посредстве мой покой, хранить той стараюсь,
Другой жизни не ищу,
Сладко ль, горько ль — не грущу,
Лишь спокойна б та была — не хочу расстаться.

1742

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

(Из хроники 1920-х годов)

В Кантемировке первую комсомольскую ячейку организовали в 1919 году. Первыми комсомольцами были Тимофей Бобро, Евдокия Грицаенко, Николай Титаренко, Андрей Бугаев, Стефанида Кривенда, Семен Химаньч, Матвей Романенко, Евдокия Филиппова, Прокофий Романенко, Петр Даниленко и другие. Секретарь ячейки — Анатолий Калашников. Время было тревожное. Провели три Всероссийских мобилизации, направили на фронты гражданской войны сотни юных бойцов района. Многие наши земляки отдали жизнь за победу.

Среди них и наша землячка Евдокия Часовских из села Скнаровки. Она служила в конной разведке. О ней ходили легенды. Была она среднего роста, крепкого телосложения, обладала острым взглядом и уверенной походкой. Много раз вместе с товарищами совершала рейды в тылу врага. Была храброй разведчицей, лихо скакала на коне, отлично рубала шашкой, словом, пользовалась большим уважением у однополчан.

А родилась Дуня в большой бедной семье в Валентиновке. В 15 лет пошла работать на Усманскую табачную фабрику. После замужества переехала в Скнаровку. В Первую мировую войну ее муж попал в плен, а она дома трудилась по хозяйству, помогала свекрови. Потом случилось свержение царя, Октябрьский переворот, разразилась гражданская война. Дуня не осталась в стороне от борьбы за новую жизнь. Она помогала вернувшимся с фронта большевикам М. Лейбе, С. Ситникову, Л. Браташову, А. Гладких создавать партизанский отряд. Девушка носила партизанам продукты и рассказывала о событиях в селе. Так и стала красногвардейцем.

В конце 1918 года в Воронежской губернии свирепствовали белоказачьи банды. В одном из боев красногвардейский отряд, в котором была Дуня, погиб до единого бойца. Белоказачи не пощадили даже девушку-комсомолку. О ее героической гибели мужу Тихону Часовских сообщили только через несколько месяцев из Острогожского уезда. А ее комсомольский билет, залитый кровью, стал экспонатом в одном из московских музеев.

Молодежь в те годы всем сердцем тянулась к новой жизни. Комсомольцы проводили собрания, сходы, демонстрации, другую массовую работу среди крестьян. Бывало, и жизни своей не щадили ради становления нового строя. Ярким примером такого служения народу является Мария Денисенко из Осиковки. 20 января 1920 года в селе создали первую комсомольскую ячейку. Собрание молодежи проводил коммунист П.С. Рогачев. Секретарем ячейки единодушно избрали Марию Денисенко. Всего несколько месяцев была Маша во главе сельской молодежи.

В борьбе с так называемым «старым миром насилия и эксплуататоров» она не давала спуска никому, защищая интересы молодых батраков, помогая становлению Советской власти. Ей не раз грозили расплатой. А 30 апреля 1920 года бандиты подстерегли и застрелили Машу. В 1957 году останки девушки перенесли во двор восьмилетней школы. По инициативе райкома ВЛКСМ на могиле установили обелиск из белого камня с надписью «Марии Петровне Денисенко. Секретарю комсомольской ячейки. Погибла от руки кулака в 1920 году».

Катемировская молодежь вписала многие славные страницы в трудовую и ратную летопись воронежского комсомола.

Полина Зверева — комсомолка из колхоза 12-й годовщины Октября (позже колхоза «Кантемировец») в 1931 году вместе с группой молодежи района ударно трудилась на строительстве Воронежского завода синтетического каучука. Возвратившись в колхоз, она организовала звено по выращиванию зерновых. Доби­лась высоких урожаев и вместе с наставником Павлом Корховым была награждена Почетной грамотой Центрального Исполнительного Комитета и орденом «Знак Почета» — они первые орденосцы в Кантемировке.

Среди воспитанников молодежного союза героические наши земляки — Анатолий Емельянович Голубов — командир авиаэскадрильи «Нормандия-Неман», Кузьма Викторович Шпак — заместитель командира знаменитого десанта моряков-черноморцев, Александр Николаевич Ефимов — ученик Кантемировской средней школы № 1, дважды Герой Советского Союза. Их бюсты размещены на Аллее Героев в Кантемировке.

Каждое поколение вправе гордиться своими делами и героями. Потому что время всегда открывало инициативам молодых трудные, но верные пути к победам. Молодые парни и девчата везде были востребованы большой и нужной работой. И всегда оставляли о себе добрую славу. Как в далеком 1954 году кантемировские комсомольцы-добровольцы, основавшие на казахстанской целине зерносовхоз «Кантемировец»... Или как Любовь Савченко, в 22 года сумевшая сделать лучшей в области свою комсомольско-молодежную ферму, за что была избрана делегатом XIX съезда комсомола... А сколько мужественных, крепких парней из южной глубинки области по комсомольской путевке шли на ратную службу в прославленную Кантемировскую дивизию...

Конечно, сегодня другие реалии, и заботы молодежи видоизменились. В 1990-х годах в районе возникли детские и молодежные организации, которые продолжают свою деятельность и сейчас. Ребята стараются, чтобы жизнь и нынешнего поколения была интересной.

В настоящее время в Кантемировском районе работает районная пионерская организация «Надежда», во всех образовательных учреждениях — волонтерские отряды. Район также активно участвует во Всероссийском военно-патриотическом движении «Юнармия». Вся работа идет в рамках Всероссийской организации «Российское движение школьников».

Все организации района активно готовятся к празднованию 100-летия образования Российского комсомола. Это наша история, ее нужно знать и делать из нее правильные выводы. Ведь не случайно говорят, что из прошлого вырастает будущее.

*По материалам В. КАЛЮЖНОЙ,
И. ШЛЕНСКОЙ, В. ГЕЛУНОВА*

Оксана Николаевна Дрепина родилась в городе Луганске. Окончила Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко. По роду деятельности занималась взаимодействием и представлением учреждений и организаций в СМИ, контентом сайтов. В качестве журналиста с 2015 года сотрудничает с Кантемировской телекомпанией «КТК». В настоящее время трудится в администрации Кантемировского муниципального района специалистом по связям с общественностью.

Оксана Дрепина

КРАЙ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ

(Дружба района
с Кантемировской танковой дивизией)

С чувством гордости жители Кантемировского района смотрят по телевидению, как по Красной площади в Москве на парадах Победы проходят боевые машины воинов-танкистов 4-й гвардейской Кантемировской ордена Ленина Краснознаменной танковой дивизии имени Ю.В. Андропова. Ведь именно на Кантемировской земле положено начало легендарного боевого пути этого элитного соединения Вооруженных сил Российской Федерации. В памяти кантемировцев никогда не изгладится героический подвиг воинов-танкистов 17-го танкового корпуса — прародителя дивизии.

В музее Боевой славы дивизии была создана художественная диорама боя: «Освобождение Кантемировка частями 17-го танкового корпуса». На ее переднем плане показан командир танкового взвода 12-й гвардейской танковой бригады, гвардии старший лейтенант А.А. Орлов, одним из первых ворвавшийся на железнодорожную станцию Кантемировка. Диорама озвучена — воспроизводится рассказ бывшего командира танка А.А. Орлова, воскрешающий события тех дней.

«В трудных условиях пришлось действовать танкистам. Зима выдалась снежной, ...66-я танковая бригада под командованием полковника Ф.М. Лихачева действовала в первом эшелоне.

Пронзительно выли сирены, прикрепленные к выхлопным трубам танковых моторов. Итальянские солдаты кричали о новом советском оружии... По мере продвижения к Кантемировке сопротивление врага нарастало. Не удалось взять с ходу Талы — сильно укрепленный опорный пункт противника. Решено было обойти его. И здесь не обошлось без маленькой военной хитрости. Это было в ночь на 19 декабря. Пробившиеся за танками автомашины были поставлены в одну колонну с «тридцатьчетверками». Зажгли все фары. В темноте это выглядело внушительно... Начало светать. Командование решило выслать разведку. И вот три танка, в том числе и моя «тридцатьчетверка» с десятком автоматчиков на броне рванулись вперед. Вражеские солдаты, увидев советские танки, с криком «итальяно» поднимали руки... На окраину Кантемировки, лежащей внизу в широкой долине, танки выскочили неожиданно. На крыше нефтехранилища, словно бросая нам вызов, извивалась огромная фашистская свастика. По шоссе непрерывной лентой тянулись колонны вражеских частей, отступающих из Богучара. Тут замечаю, как фашисты пытаются увести со станции эшелон с военными грузами. Быстро разворачиваю башню. Двух снарядов оказалось достаточно, чтобы выпустить из паровоза «дух». Переносу огонь на шоссе, поджигаю несколько фашистских штабных машин на мосту, часть их вместе с мостовым пролетом оказалась в реке. Автоколонна двинулась в обход, но от метких выстрелов советских танкистов не спаслась. И огонь вражеской артиллерии крепчает. Бьют орудия от Новомарковки... И вот уже погибает экипаж командира взвода, загорается около кладбища второй танк. На моей боевой машине несколько вмятин... Двумя цепями фашисты идут на нас. Мы подпустили их метров на двести. Я выпустил первую пулеметную очередь. Тут же откликнулся второй пулемет, ударили автоматы... Гитлеровцы... бросив убитых и раненых, побежали. И в это время мы видим, как с двух сторон в Кантемировку вступают части нашего корпуса. Победа!»¹

А.А. Орлову в 1972 году ко дню 30-летия освобождения Кантемировки присвоено звание Почетного гражданина Кантемировки.

При освобождении Кантемировки советскими войсками были уничтожены 61 вражеский танк, 2054 автомашины, более 1000 вражеских солдат, около 1500 человек было взято в плен.

Почетное наименование «Кантемировский» 17-й танковый корпус получил в первых числах января 1943 года. Около четырех тысяч километров он прошел по дорогам войны. А начал он создаваться весной 1942 года. Сформированное под Воронежем 26 июня, соединение уже через четыре дня приняло боевое крещение, вступив в бой с противником в районе Горшечного. В разгар боев за Воронеж 1 августа в командование корпусом вступил полковник П.П. Полубояров, который прошел боевой путь с соединением вплоть до мая 1945 года. 17-й корпус освобождал Донбасс, принимал участие в Курской битве, доблестно сражались танкисты на украинской, польской и немецкой территориях. Боевой путь соединения завершило 11 мая 1945 года в районе Мельника, севернее Праги.

Постоянным местом дислокации дивизии в настоящее время является город Наро-Фоминск Московской области.

Кантемировский муниципальный район и Кантемировскую танковую дивизию связывает многолетняя дружба. Эти крепкие узы завязались еще в послевоенные годы. В 1946 году в район прибыла делегация воинов-кантемировцев, а в то же время делегация тружеников Кантемировки побывала в прославленном соединении.

Из воспоминаний первого секретаря Кантемировского райкома КПСС

¹ На Кантемировку // Страницы боевой славы. — Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1986.

Кантемировские лицеисты и руководство района
на праздновании основания дивизии. 2016 г.

Н.В. Яхненко: «Дважды в год — в День Победы и 19 декабря, в день освобождения Кантемировки, — мы обменивались делегациями. Из подшефной дивизии в район приезжали молодые воины и ее ветераны, действующие командиры и политработники, а в нашу делегацию, как правило, входили передовики и новаторы производства, победители социалистического соревнования. Эти визиты становились настоящими праздниками для жителей района. Нарядные, они приходили на железнодорожную станцию встречать дорогих гостей. Играл духовой оркестр, возвышались транспаранты. Жители встречали гвардейцев-танкистов хлебом-солью. Членов делегаций приглашали в школы, училище, на предприятия, в колхозы и совхозы. Они встречались с молодежью и трудовыми коллективами, выступали с докладами...»

Танкисты-кантемировцы во главе с командиром дивизии генерал — майором Б.В. Курцевым принимали участие 17 августа 1958 года в торжественном открытии памятника «Танк Т-34» в райцентре. В Кантемировском районном краеведческом музее хранятся подлинные фотографии этого события. На них — делегации митрофановцев, богучарцев, чертковцев, марковчан-украинцев и, конечно же, гвардейцев-кантемировцев. Б.В. Курцев под музыку духового оркестра и гром аплодисментов разрезает красную ленточку. Танк Т-34, установленный на привокзальной площади, прошел всю войну в составе этого доблестного соединения и считается памятником боевой славы гвардейцев-кантемировцев.

Как вспоминал журналист Алексей Тихонович Богодухов, в ту пору, в 1958 году, на должности первого секретаря райкома партии был энергичный руководитель — Федор Тихонович Гайдуков. Именно он договорился о выделении танковой машины для сооружения памятника и получил официальное разрешение Кантемировскому райвоенкомату ежегодно направлять группу призывников в дивизию. Эти вопросы были успешно решены в ходе посещения делегации района празднования 16-й годовщины образования соединения. Необходимо отме-

тить: положительному удовлетворению просьбы района содействовал сам начальник бронетанковых войск маршал П.П. Полубояров. Строительством постаментов руководил специально командированный инженер-архитектор из Наро-Фоминского гарнизона. Участвовали в водружении «тридцатьчетверки» начальник дистанции пути Есиков, участник Великой Отечественной войны, мастер производственного обучения профтехучища В.Г. Петренко и учащийся школы механизации Н.Д. Жила.

Автором выбитого на мраморной доске четверостишия является военный журналист, заведующий отделом газеты «Красная звезда», автор песни «Береги кантемировца имя» Александр Сметанин. Именно в «Красной звезде» от 25 октября 1967 года была опубликована боевая история танка-памятника. В ней рассказывается, как на нем гвардии рядовой Геннадий Виноградов в 1943 году совершил подвиг: спас Знамя части и жизнь тяжело раненого командира, за что был удостоен звания Героя Советского Союза, а машина стала знаменосной.

Гвардейцы-кантемировцы присутствовали и на открытии памятника «Братская могила», и Аллеи Героев. Памятна встреча с ветеранами танкового корпуса в день празднования 40-летия освобождения Кантемировки от фашистских захватчиков. В 1982 году на Кантемировскую землю прибыла делегация фронтовиков в составе 30 человек под руководством генерал-полковника в отставке Л.И. Баукова. В их числе бывший командир танка А.А. Орлов, полковник запаса А.Д. Потапов, бывший офицер роты управления корпуса, передавший по радиации из танка командира корпуса телеграмму командующему Юго-Западным фронтом об освобождении Кантемировки. Они провели три насыщенных событиями и мероприятиями дня. Побывали во многих школах и провели «уроки мужества». Проехали по дорогам, которыми шли танки корпуса зимой 1942 от Среднего Дона до Кантемировки.

Последние десятилетия частым гостем памятных для Кантемировского района событий является Николай Николаевич Борисов, полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны, ветеран Кантемировской танковой дивизии. В освобождении Кантемировки он не участвовал — пришел в часть на два года позже, но хорошо знает от сослуживцев, как это было. На митинге 19 декабря 2015 года Николай Борисов рассказал: «У нас на сегодняшний день в Москве живет один только участник, который освобождал Кантемировку — Михаил Михайлович Котлов. Он делился своими воспоминаниями: «Мороз до 20, ночью пурга. Я был ответственным — на последнем танке шел в своей бригаде...»

Традиция таких официальных визитов сохранилась до нынешних дней. Теперь они приурочены ко дню освобождения Кантемировки, дню образования соединения, празднованию дня города Наро-Фоминска.

В 2017 году 4-я гвардейская Кантемировская танковая дивизия отметила свое 75-летие. В ходе юбилейного мероприятия на центральном плацу командование, офицеры и солдаты, ветераны военной службы воинского подразделения принимали поздравления, в том числе и от главы муниципалитета В.В. Покусаева. Икона «Ангела Хранителя», подаренная Владимиром Васильевичем командиру дивизии генералу Андрею Борисовичу Колесникову, стала еще одним теплым напоминанием о крепкой совместной дружбе. В этот день при участии группы реконструкторов была разыграна танковая атака за овладение стратегически важным железнодорожным узлом в Кантемировке.

Яркие впечатления у танкистов оставили концертные программы, подаренные творческой группой Кантемировского района в 2016 и 2017 годах. Народные коллективы — вокальный ансамбль «Провинция», хореографический ансамбль «Бондаряночка», другие самодеятельные артисты и солисты добавили праздничного настроения гвардейцам-кантемировцам своими патриотическими, фольклорными и эстрадными номерами.

Частой гостьей Кантемировской земли является Тамара Владимировна Смирнова — редактор дивизионной газеты «Кантемировец», заведующая Музеем боевой славы дивизии. Ее имя хорошо известно нескольким поколениям кантемировцев. В 2002 году по ходатайству матерей было решено Тамаре Владимировне присвоить звание «Почетный гражданин Кантемировского городского поселения».

Многое связывает кантемировцев — труженников и танкистов, но одна традиция ими ценится особо. В течение 60 лет призывники района направляются в образцовое танковое соединение на военную службу. Бывший председатель Кантемировского поселкового Совета, руководитель аппарата администрации Кантемировского муниципального района Николай Владимирович Романенко вспоминает, что служить в дивизии было не только почетно, но и очень ответственно. Сам он с момента прохождения службы в дивизии — с осени 1965 года — неоднократно награждался грамотами и благодарностями от командира дивизии. Ему посчастливилось принимать участие в парадах на Красной площади.

По словам отличника народного образования, бывшего секретаря райкома КПСС, начальника отдела образования Ларисы Головиной, среди молодежи было развернуто трудовое соперничество за право служить в «своей дивизии». Комсомольские путевки для прохождения службы в гвардейской части получали лучшие выпускники школ и производственники, спортсмены-разрядники. И по сей день Кантемировский район направляет своих парней для несения службы в дивизии.

Бывший служащий дивизии из Хрещатого Николай Гоптарев вспоминает, как его в числе призывников в ноябре 1976 года в торжественной обстановке проводжали служить в Кантемировскую дивизию. Будущий воин получил наказ: «Бережь кантемировца имя!».

Своими воспоминаниями о службе и солдатских буднях в дивизии поделились призывники 1965 года, собравшиеся в 2015 году по случаю 50-й годовщины осенне-весеннего призыва. В теплой дружеской атмосфере они рассказали истории 50-летней давности.

15 ноября 1965 года дивизия пополнилась 28 солдатами из Кантемировского района, которые были направлены в 76-й отдельный учебно-танковый батальон при дивизии для обучения на механиков-водителей танка. В части их встречал земляк — Анатолий Владимирович Гуцал, который на тот момент служил последний год в соединении.

— Нам сообщили, что приезжает большая делегация новобранцев из Кантемировки и их надо встретить. Прибывшие шли большой колонной с красным знаменем. Тех ребят, которые из райцентра, я знал, конечно, но среди молодых призывников были парни и из сел района. Обнимались, целовались при встрече. Тормозки доедали вместе, — вспоминает Анатолий Владимирович.

Участник встречи Виталий Петрович Какалов был командиром танка. Чтобы им стать, необходимо было поступить в учебный батальон, где также обучались наводчики и механики-водители. Учеба длилась шесть месяцев и была строгая, дисциплина — военная.

— Шел я в армию тоненьким, а там зарядки, ранние подъемы, занятия, стрельбы — и я начал мучать. Окреп, силы добавились. Бегал и прыгал хорошо, был отличником в военно-политической подготовке. В воскресенье-субботу были кроссы. В субботу отбегаю кросс на «отлично», а в воскресенье — отдыхаю. Командиром танка стал, когда год уже отслужил. Помогло то, что хорошо стрелял. Ведь стрельбы были постоянно: весенние, осенние, на учениях в Смоленской области.

В числе 65 призывников из Кантемировского района 1973 года был и Анатолий Николаевич Нагулин. Он служил в армии с братом-близнецом и везде они друг другу помогали. В армейских альбомах хранятся фотографии и грамоты братьев.

«Дважды кантемировцы» в родной дивизии. 2016 г.

— У нас была отдельная спецрота разведбата. Военное начальство никогда нас с братом не разделяло. Наш командир — Панченко — был изумительный человек и специалист, всегда старался, чтобы мы держались вместе. На военных учениях в Горьковской области тоже были вместе. Правда, на разных бронемашинах. Когда отслужили девять месяцев, приходит нам документ о том, что наша рота заняла первое место и всем вместе с поздравлениями дали отпуск.

Николай Владимирович Романенко, призывник 1965 года, в армии окончил годичную партийную школу, в 1968 году вернулся домой и по рекомендации дивизии его сразу взяли на работу. Сейчас он как бы подводит итог:

— За период, начиная с 1958 года, когда установили памятник танку Т-34, более 800 человек из Кантемировского района прошли службу в дивизии. С нашего призыва многие пошли на постоянную службу в Вооруженные силы. Владимир Водопьянов после окончания учебного батальона поступил в Воронежское ВАТУ, Владимир Браташов дослужился до подполковника, был в Генштабе инспектором. Наш земляк Александр Ануфриенко стал полковником, окончил академию. Анатолий Борченко стал офицером в дивизии, Петр Чучуков (единственный цыган среди нас) окончил училище связи, дослужился до подполковника, сейчас живет за пределами района.

Многие танкисты-кантемировцы после армии занимали руководящие посты, добились высоких трудовых званий, держа наказ, который давали труженики района молодым воинам: «Служить по чести и совести!»

Доброй традицией в дружбе района и дивизии является обмен поздравительными письмами и телеграммами. В экспозиции музея дивизии бережно хранятся поздравительные телеграммы от жителей Кантемировского района.

Лариса Александровна Головина отмечает: «В советское время наши школьники вели большую переписку с ветеранами Кантемировского соединения. Все эти документы находили свое место на стендах и витринах комнат боевой славы и музеев. Активисты средних школ № 1 и № 2 райцентра регулярно проводили экскурсии по материалам экспозиций, посвященных боевому пути гвардейцев-кан-

темировцев. Практикой было проведение «уроков мужества» с участием молодых воинов, приехавших на побывку в отпуск. Они рассказывали о службе, о том, как берегут и приумножают славные боевые традиции гвардейцев-танкистов. Это была живая связь поколений. Дружба с дивизией была ядром всех важнейших мероприятий военно-патриотической направленности».

В Кантемировском районном краеведческом музее славной танковой дивизии посвящена отдельная экспозиция. Во время экскурсий школьники знакомят с боевым путем дивизии, героями танковых сражений, атрибутикой и экипировкой танкиста. В музее сохранился редкий экспонат — это оригинал фотографии, сделанной в 1942 года, когда была освобождена Кантемировка. На ней запечатлена встреча жителей и воинов-танкистов тогда еще 66-й танковой бригады. Также в музее можно увидеть различную сувенирную продукцию, макеты танков ручной работы. Бывшие служащие дивизии также пополняют копилку местного музея. Например, Владимир Егорович Шленский передал свой армейский ремень, а Виталий Петрович Какалов — танковый шлем.

В советское время в районе было развернуто массовое соревнование за обладание почетным призом имени гвардейской Кантемировской дивизии. Его вручали по итогам сельскохозяйственного года передовой тракторно-полеводческой бригаде. Первым обладателем этого приза стал механизатор колхоза «Дружба» Василий Ломакин. Именем Кантемировской дивизии был назван колхоз в с. Зайцевка.

Достоинными хранителями традиций воинов-освободителей являются «Дважды кантемировцы» — объединение уроженцев Кантемировской земли, служивших в дивизии, которое является первичной организацией районного Совета ветеранов. На сегодня этот актив насчитывает более 50-ти человек, а возглавляет ячейку бывший механик-водитель Николай Романенко.

Два дубовых листа — элементы символики дивизии, которые были взяты на вооружение еще в годы Великой Отечественной войны. Дубовые листья наносились белой краской на борта танка и автомашин. Исторический знак сохранился до сих пор. Девиз «Честь и слава» издревле был девизом самых порядочных, честных и мужественных людей, служащих своему Отечеству. Такая символика присутствует и на значках «дважды кантемировцев», которые вручают всем членам объединения.

«Дважды кантемировцы» — активные инициаторы многих патриотических акций и проектов, памятных митингов. В день празднования освобождения поселка и на 9 Мая объединение возглавляет шествие к Братской могиле, проводит акцию «Свеча Памяти».

В сентябре 2016 года в честь 70-летия Дня танкистов «дважды кантемировцы» установили памятный знак на улице Танкистов райцентра, где был расположен штаб одной из бригад 17-го танкового корпуса.

Профессиональный праздник танкистов и танкостроителей появился после окончания Великой Отечественной войны. 8 сентября в 1946 года в честь учрежденного праздника состоялся марш-парад на Красной площади в Москве, в котором приняли участие военнослужащие 4-й гвардейской Кантемировской танковой дивизии, а с ними более 200 единиц бронетанковой, автомобильной и мотоциклетной техники, а также тяжелой артиллерии. В праздничный день ветераны танковых войск из Кантемировки обычно поздравляют друг друга, встречаются у танка Т-34 и на улице Танкистов у памятного знака.

— Мы — кантемировцы, гордимся тем, что именно наша дивизия стала родоначальником этого праздника. Не исключена возможность, что танк на пьедестале, стоящий в привокзальном сквере райцентра, тоже участвовал в памятном марше-параде, — говорит Николай Романенко.

Но не только «дважды кантемировцам» дорог этот праздник. Вместо известной компьютерной игры «танки» кантемировские мальчишки, воспитанники клуба «Юный Кулибин» (руководитель — Виктор Правдин) Дома детского творчества, сами мастерят макеты танков и со своими творческими работами участвуют во всероссийском конкурсе поделок ко Дню Победы.

Современным школьникам безразлична память о героическом подвиге танкистов. Не так давно на месте начала боевой операции по освобождению районного поселка от фашистских оккупантов были высажены 42 куста сирени. Это символическое увековечивание подвига воинов-освободителей — танкистов 17-го танкового корпуса генерала П.П. Полубоярова. Инициатива принадлежит обучающимся Кантемировского лицея — членам патриотической группы «Отечество». Межрегиональную акцию поддержал районный Совет ветеранов, поселковая администрация, духовенство. Сажены сирени были не куплены, а предоставлены одним из активистов объединения «Дважды кантемировцы». Инициатива кантемировских учащихся была подхвачена их сверстниками из московской школы № 982, которая находится вблизи станции метро «Кантемировская», а также военнослужащими танковой дивизии. Данный проект был номинирован на XVI областной конкурс социальных проектов в рамках Всероссийской акции «Я — гражданин России!» и стал призером премии общественно-государственного признания «Доброжевец-2017».

С конца 2017 года лицеисты — участники военно-патриотических объединений — работали над новым проектом — создание «Книги памяти Кантемировки». В нее вписаны имена 232 солдат, погибших в боях с 16 по 22 декабря 1942 года за освобождение Кантемировки и погребенных в воинских захоронениях на территории муниципалитета. На счету лицеистов и проект «Потомки — героям».

Партнерские связи с Кантемировской танковой дивизией — это также экскурсионные поездки школьников в часть, встречи с боевыми офицерами, телемосты. Бывшие танкисты-кантемировцы и молодежь общаются с нынешним поколением солдат дивизии он-лайн на тематических телемостах.

Большие впечатления у молодежи вызывают живые беседы, посещения танковой дивизии в рамках экскурсионных поездок. В ходе совместных встреч школьники Кантемировского района узнают о последних успехах воинского подразделения. Вместе они вспоминают памятное для Кантемировки и хода Великой Отечественной войны событие 19 декабря 1942 года.

Имя «кантемировец» давно перешагнуло границы района. В Москве есть улица Кантемировская и станция метро, в Санкт-Петербурге — мост через реку Неву, 40 улиц в городах и поселках России названы в честь Кантемировской танковой дивизии.

На телемосте «С благодарностью помним», приуроченном к 75-летию образования соединения, «дважды кантемировец», полковник в отставке Александр Ануфриенко поделился своими детскими воспоминаниями:

— Помню, как во время оккупации Кантемировки мама не разрешала даже на улицу выходить, как наши пришли и освободили. Я мечтал вырасти и тоже стать защитником Отечества. Очень ждал призыва в армию. Как сегодня, помню день, когда вместе с 25 земляками удостоился чести служить в Кантемировской дивизии. Горжусь прославленным соединением, связанным историей с родной землей.

НЕ БУДЕТ ПОДВИГУ ЗАБВЕНЬЯ

(Школьники учатся мужеству у героя)

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ГЕРОЕ

На фасаде здания Новомарковской средней школы висит мемориальная доска. На гранитной плите высечены слова: «В этой школе учился Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Голубов Анатолий Емельянович (1908–1978)».

Родился он 29 апреля 1908 года в деревне Новомарковка, ныне Кантемировского района Воронежской области. В 1922–1925 гг. работал пастухом и батраком. В 1925–1927 гг. — на заводе «Охра» (станция Журавка в Кантемировском районе): конюхом, рабочим шаровой мельницы, старшим рабочим селектора, помощником машиниста. С октября 1927 года — на угольных рудниках в городе Шахты (Ростовская область): грузчиком, отбросчиком породы, крепильщиком, забойщиком. С 1929 года — тракторист и бригадир тракторной бригады в коммуне «Страна Советов».

С осени 1930 года в рядах Красной Армии, окончил полковую школу 25-го артиллерийского полка 25-й стрелковой Чапаевской дивизии (город Кременчуг). Служил командиром орудия, помощником командира огневого взвода. В августе 1932 года зачислен курсантом в 3-ю военную объединенную школу техников и пилотов (город Пермь), откуда в мае 1933 года переведен в Одесскую военную авиационную школу летчиков. С ноября 1933 года служил в ней летчиком-инструктором. С января 1937 года — командир отряда Борисоглебской военной авиационной школы летчиков.

С декабря 1940 учился на оперативном факультете командиров полков при Военно-Воздушной академии. В июне 1941 года назначен начальником курсов по подготовке командиров звеньев при формировавшейся 67-й ИАД. С июля 1941 года — помощник командира 27-й ИАД. С сентября 1941 года капитан А.Е. Голубов — помощник командира 523-го ИАП (Ленинградский фронт), летал на ЛаГГ-3. В марте 1942 года майор А.Е. Голубов назначен командиром этого полка.

С ноября 1942 года — командир 18-го Гвардейского ИАП, в состав которого входил полк «Нормандия-Неман». Летал на Як-7, Як-9 и Як-3. 28 июня 1944 года, совершая разведывательный вылет, подбит огнем зенитной артиллерии и совершил вынужденную посадку, получив тяжелые травмы и ожоги. После длительного лечения в начале октября 1944 года вернулся в свой полк и вскоре продолжил участие в боевых вылетах. В январе 1945 года назначен заместителем командира 303-й ИАД, летал на Як-3.

К маю 1945 года заместитель командира 303-й истребительной авиационной дивизии (1-я Воздушная армия, 3-й Белорусский фронт) Гвардии подполковник А.Е. Голубов совершил 357 боевых вылетов, провел 43 воздушных боя, в которых сбил лично 7 самолетов противника (в наградном листе говорится о 10 победах, но это не подтверждается какими-либо оперативными и отчетными документами). Воевал на Ленинградском, Юго-Западном, Западном, 3-м Белорусском фронтах. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После окончания войны продолжал службу в ВВС. В 1949 году окончил Военную академию Генерального штаба. С 1955 года генерал-майор авиации А.Е. Голубов — в запасе. Жил в Москве. Умер 29 января 1978 года, похоронен на Кунцевском кладбище.

Награжден орденами: Ленина (29.06.1945), Красного Знамени (23.07.1942, 19.02.1944, 15.06.1944, 19.11.1951), Суворова 3-й степени (12.02.1944), Александра Невского (24.03.1945), Красной Звезды (06.11.1945); медалями.

Анатолий Емельянович Голубов.
Фото военных лет

ВСПОМИНАЯ ОДНОПОЛЧАНИНА

Николай Григорьевич Пинчук, тоже летчик-Герой Советского Союза, впоследствии «Заслуженный военный летчик СССР» и «Заслуженный летчик-испытатель», вспоминал о своем однополчанине:

— Анатолий Емельянович Голубов прибыл в полк недавно. До этого он командовал соседним истребительным полком нашей же дивизии. Личный состав был рад такому назначению. О Голубове рассказывали, как об опытном командире, бесстрашном летчике и умелом воспитателе, в чем вскоре мы и сами убедились. Мне не раз приходилось летать с ним в паре на боевые задания. И всегда поражался его смелости, хладнокровию, отличному знанию возможностей самолета, мастерству пилотажа и маневра. В воздушном бою я с ним чувствовал себя очень уверенно, хотя приходилось вдвоем драться и с превосходящими силами врага. При полетах в паре с командиром полка старался глядеть во все глаза, чтобы не упустить его из виду. Ведомому весьма неприятно возвращаться домой, потеряв своего ведущего. Это правило я усвоил твердо и придерживался его всегда. К счастью, за всю войну не потерял ни одного ведущего и ведомого.

ВСЕГО ОДИН ЭПИЗОД

К вечеру все в полку уже знали, что случилось в тот памятный день. Вступив в бой с двумя «мессерами», Голубов с первой атаки сбил ведомого. Самолет упал недалеко от Борисова. Второй фашист не проявлял особой активности, но и не выходил из боя. Находясь в вираже, он все время оттягивал наш «ястребок» к лесу, откуда сразу был открыт сильный зенитный огонь. Машина Голубова попала в ловушку. Зенитный снаряд, угодивший в правое крыло, зажег бензобаки. Самолет горел, находясь на небольшой высоте над расположением вражеских

войск. Чтобы не попасть в руки противника, Голубов развернул машину в сторону наших пехотинцев, форсировавших Березину. Огонь все ближе подбирался к пилотской кабине. Едкий дым затруднял дыхание. На высоте 40 — 50 метров от объятых пламенем правого крыла начали отваливаться куски. Неуправляемый самолет стал падать.

С большим трудом Голубов открыл фонарь кабины, чтобы покинуть горящую машину, но огонь тут же охватил его одежду. А земля все ближе и ближе... «Отлетался, старик, конец», — молнией мелькнула в голове мысль. Он успел вынести ногу на левую плоскость, и ураганный поток встречного воздуха сбросил его с самолета. Все это произошло в считанные секунды. Больше командир полка ничего не помнил. Болото и ранец парашюта смягчили удар. В бессознательном состоянии полуживого Голубова подобрали наши пехотинцы и доставили в ближайший госпиталь. Там ему оказали первую помощь и самолетом отправили на наш аэродром, откуда он и поехал в Москву...

В музее Новомарковской средней школы хранятся материалы и переписка с легендарным летчиком-земляком, его однополчанами и французскими летчиками, участвовавшими в движении Сопротивления. Анатолий Емельянович неоднократно бывал в родной школе и встречался с учениками, педагогами. В своих письмах особые слова он обращал к ребятам, призывал любить свою Родину, быть патриотами своей страны.

В канун 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне школьники посадили Аллею Памяти А.Е. Голубова.

Василий ДЕРЕВЯНКО,
учитель истории и обществознания
МКОУ Новомарковской СОШ

Иван ЧАЙКА,
директор МКОУ Новомарковской СОШ

ПЛЕНЭР В НОВОМАРКОВКЕ

(Как сельчане подружились с художниками)

Родина! Она всегда прекрасна. И в осеннем пламени лесов, и в снежном январском раздолье, и в первых весенних цветах. Мы любим нашу Родину. Мы любим ее равнины и величавые леса, ее города и села. У каждого человека есть такое место на нашей земле, тот заветный уголок, что зовется малой Родиной. Для нас — это наша Новомарковка.

И, пожалуй, нет сколь-нибудь значительного художника, писателя, поэта, композитора, в творчестве которого так или иначе, пусть затаенно, не жила бы эта сокровенная тема, не ощущалась бы любовь к родной земле.

Люди едут за тысячи километров, чтобы своими глазами увидеть великие произведения мирового искусства. У нас не всегда есть возможность побывать в музее, и встретиться с настоящим искусством. Но нам повезло! Базовым хозяйством колхоза «Правда» (председатель — В.В. Покусаев) была приглашена группа воронежских художников: Н. Василенко, Г. Грищенко, В. Лосев, В. Внодченко, Ю. Санин. Два года работали мастера, и в 1993 году картины были подарены школе.

Все, что представлено в нашей небольшой экспозиции — это новомарковские пейзажи, все то, что зовется прелестью застенчивой русской природы. В работах художников зримо чувствуется гармония и любовь к нашему краю.

Это картины различных жанров живописи, они по-своему привлекательны и неповторимы, не могут нас оставить равнодушными.

Картина В. Внодченко «Конец лета». Сегодня это мирное голубое небо, мирно пасущиеся стада, бегущие змейки посадок, а более 70 лет назад здесь гремели ожесточенные бои. Много солдат погибло здесь. Но мы, благодарные потомки, всегда будем помнить об этом. Силами нашей школы здесь поставлены обелиски памяти погибшим воинам.

Картина Н. Василенко «Центральная усадьба хозяйства». Сейчас на этом месте установлена новая современная спортивная площадка, на которой новомарковские школьники летом любят играть в футбол, волейбол со своими товарищами, а зимой — кататься на коньках и играть в хоккей.

Привлекательными картинами сияет яркая осенняя пора. Настоящее пиршество красок! Немного печальный в кратковременности своего торжества образ осени емок и противоречив. Жизнь русской деревеньки, полоска желтеющего леса и голубое пространство неба полны величавости и спокойного ожидания. Все подчинено естественному ходу времени, непрерывному циклу жизни природы.

Любимая художником весна на этой картине изображена в период своего самого сильного проявления. Золотистые охристые тона, которые использует автор для передачи теплого весеннего солнца, смешиваются с голубыми оттенками последнего снега и неба. Настроение работа вызывает очень бодрое. Деревья устремляются навстречу солнцу, небу и теплу, уставшие от зимнего сна, они расправляют свои ветви. Природа проснулась, и это чудесное явление приносит радость и надежду на хороший, урожайный год.

Едва уловимые розовые оттенки придают всей композиции нарядность и энергичность. Во всем пейзаже чувствуется внутренняя динамика, ожидание чуда, предвосхищение красоты. Стоит только взглянуть на тонкие силуэты деревьев, изумрудно-теплую зелень, на легкие облака на небе, на прозрачную воду, чтобы понять — автор любит каждую мелкую деталь, выписывает каждую каплю живительной влаги, каждую веточку.

В своих картинах автор, как правило, избегает резких и ярких красок. Он старается передать русскую природу максимально точно, ничего не приукрашивая. Поэтому его палитра необыкновенно скромна, но правдива и реалистична. Рус-

Ю. Санин. Морозное утро

Дело находится всем

ская природа не нуждается в украшениях, поскольку сама украшает мир лучше, чем какая-либо другая.

Удачна, на наш взгляд, картина Ю. Санина «Морозное утро». Зима. Стройные ряды домишек, дорога с чуть различимым санным следом уходит вдаль... Все очень просто в этом изображении, но так близко и дорого своей естественной красотой и привлекательностью.

В современном мире искусство — это не только способ передачи информации, но и своеобразный «будильник» для человеческой души. Оно пробуждает в сердцах людей любовь, благородство, чувство человечности, формирует личность человека, развивает интеллектуальный потенциал и чувственное восприятие, задает правильные нравственные ориентиры. И, конечно, искусство воспитывает.

Знакомство школьников с картинами воронежских художников способствует развитию у детей эстетических чувств. Яркость, выразительность образов помогает детям глубже и полнее воспринимать явления жизни и находить образные выражения своих впечатлений в рисунках, лепке, аппликации.

Наша картинная галерея организует для детей, подростков и взрослых мастер-классы и занятия в творческой мастерской «На все руки», тематические лекции, ежегодно проводит выставки детских работ, другие культурные события.

Дети учатся проводить экскурсии, получают понятие о научно-исследовательской *работе*, о коллекционировании, пишут стихи о родном крае. Учителя используют картины на уроках изобразительного искусства, музыки, русского языка, литературного чтения. В результате растущий человек получает верные нравственные ориентиры, и его личность развивается гармонично.

Картинная галерея дарит всем односельчанам возможность соприкоснуться с прекрасным, получить настоящую радость от общения с искусством.

Инна СЕРДЮКОВА,
учитель русского языка и литературы
МКОУ Новомарковская СОШ

Тамара Валентиновна Гашимова родилась в городе Тбилиси. Окончила отделение журналистики Якутского государственного университета. Работала корреспондентом, спецкором республиканской газеты «Якутия». С 2008 года — в воронежской областной газете «Коммуна», заведующая отделом образования, семьи и воспитания. Соавтор книги «Во имя будущего». Лауреат ряда региональных журналистских наград. Член Союза журналистов России. Живет в Воронеже.

Тамара Гашимова

О ЛЮДЯХ ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ

(Жизненные принципы
кантемировских фермеров)

Всякий раз, приезжая в Кантемировку, я настойчиво пыталась выяснить: кто или что заставляет фермеров и руководителей сельхозпредприятий на заработанные ими деньги прокладывать дороги в родном селе и содержать общественный водопровод? И вообще, как выживает село в наше непростое время, каким образом удастся сельской власти решать свои насущные проблемы? Ведь на те деньги, что по закону оставляют сельским поселениям на жите-бытье, сильно не разгуляешься. Что ни говори, аграрии должны работать сами на себя. Рынок все-таки на дворе.

— Рынок рынком, а человеческие отношения еще никто не отменял, — говорит глава Кантемировского района Владимир Покусаев. — На таких, как Валерий Кубрак, Александр Богданов, Сергей Лесников, Юрий Кавенда, Александр Пулин, и на многих других, которые болеют за наш Кантемировский район, все у нас и держится. В селе Титаревка, например, нет ни одного инвестора. Работают крестьянские хозяйства и фермеры, вся земля ухожена. С помощью областного, районного бюджетов и личных средств жителей села был сделан проект, а затем проложен водопровод. Методом народной стройки жители на свои деньги построили пожарную часть. В бывшем ООО

«Нива» два года земля не обрабатывалась. Пришел наш кантемировский предприниматель, вложил деньги, люди поверили в него, работают на совесть и уезжать никто не собирается.

Что же движет людьми, вкладывающими свои заработанные деньги не в развитие производства, не в покупку дорогих «игрушек», а в школу, сельские дороги, помощь старикам?

«МЫ — ОДНА БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ»

С Валерием Кубраком, главой одного из крупнейших в районе фермерских хозяйств, знакомы лет семь. Встречались с ним и на залитых июльским солнцем пшеничных полях, и на летних кормовых площадках для буренок, и в районном Дворце культуры при подведении итогов очередного сельскохозяйственного года, где ему по традиции вручали грамоты и благодарности. На этот раз застали Валерия Вячеславовича в центре его родного села Михайловка вместе с главой сельского поселения Александром Пархоменко.

— Таких бы фермеров да в каждое поселение, тогда бы и нам было легче работать, — с места в карьер берет сельский глава. — Полностью содержит местную футбольную команду «Михайловская заря», покупает форму, выезды на соревнования организывает. Финансирует проведение всех праздников, которые проходят у нас, выделяет технику, топливо и людей на уборку улиц, парка, проводит грейдинг дорог, окашивание обочин, уборку снега. Выделил материалы, технику и деньги на приведение в порядок местного кладбища. Работы как раз перед Пасхой закончили. Сейчас вот обсуждаем, как благоустроить территорию возле нашей новостройки — амбулатории.

На расчищенной площадке — куча песка. Но Александр Николаевич уже видит тут две клумбы вдоль фасада, деревца, асфальтированные дорожки, ограждение, бетонированную площадку для машин посетителей. Расходы поделят на всех местных фермеров, но большая часть по традиции ляжет на Валерия Кубрака.

А ему к такому положению дел не привыкать. Несколько лет назад приобрел аппаратуру и костюмы для сельских артистов, в школьную столовую — печь для пирожков. Регулярно выделяет топливо и при необходимости запчасти для школьного же трактора, на котором мальчишки из 10–11-х классов учатся профессии тракториста-машиниста. Полностью за свой счет огородил территорию вокруг учебного заведения. В течение двух лет по программе софинансирования «50 на 50» вместе с другими фермерами перекрыл крышу на здании. Затем по той же программе заменили окна и двери. Параллельно с благоустройством кладбища расчистили сквер между садом и амбулаторией. Вскоре вместе с главой поселения приступят к подготовке документации для благоустройства сквера и парка. В планах — почистить русло реки Белой, которая течет за селом.

А три года назад местные земледельцы вместе с неравнодушными односельчанами принялись восстанавливать церковь Спаса Преображения Господня, что в селе Куликовка. Храм построили в 1831 году. В 30-х годах прошлого столетия его закрыли. Первые восстановительные работы начались в 2008 году. В октябре 2015 года старинную церковь украсили позолоченными куполами, а на основной части установили крест. Год назад удалось заменить часть кровли.

И все это происходит параллельно с развитием фермерского хозяйства. А оно не малое. Пять тысяч гектаров пашни разбросаны большей частью по буграм и косогорам. Обрабатывают почву безотвальным способом, борются с эрозией почв, высаживая лесополосы. Сегодня под началом Валерия Вячеславовича трудятся 80 односельчан. Год от года урожай здесь получают на 5–10 центнеров выше средних показателей по району. Шесть лет назад к растениеводству прибавил живот-

Чествование лучших аграриев Кантемировского района

новодство. Сейчас в стаде насчитывается 340 голов крупного рогатого скота, из них двести — дойное стадо. Обзавелся двумя фермами, комбикормовым мини-заводом, кормосмесителем, сенокосилкой, зерносушилкой, ангаром для хранения техники, построил летний лагерь для буренок. Имеется своя машинно-тракторная мастерская. Постепенно обновил всю сельхозтехнику, прицепной и навесной инвентарь. К слову, тракторы и комбайны в основном отечественного производства и из республик бывшего Советского Союза.

— Выбор зерновых традиционен для наших мест: пшеница, ячмень, овес, подсолнечник, кукуруза, гречиха, просо, — рассказывает Валерий Кубрак. — Корма для коров и телят свои, молоко поставляем в детский сад и сдаем на приемный пункт молочного завода из Воронежа.

Недавно фермер купил яблоневый сад, который раскинулся на десяток гектаров. Сегодня ни следа от бывшего запустения в нем не осталось.

— Неужели своих забот мало? Вам-то зачем надо брать на себя сельские заботы? Ведь капитализм на дворе! — задаю провокационный вопрос.

— Ну, как, скажите, не помочь селу, где родился, в школу ходил, где дело свое начал, на ноги встал?! — удивленно отвечает Валерий Кубрак. — Здесь весь коллектив мой живет. Как бабушке отказать сено привезти, ведь она помнит меня еще пацаном? Как главе села не помочь, если вижу, что он к настоящему и будущему Михайловки равнодушен? Работая на себя, о людях забывать ни в коем случае нельзя. Мы ведь все как одна большая семья.

Михайловское сельское поселение административно объединяет несколько населенных пунктов: Михайловку, Куликовку, хутора Златополь, Новопавловку, Васильевку и Солонцы. Едем по улицам. Дома аккуратные, иномарки то тут, то там, детвора бегают у дворов. По признанию главы сельского поселения Александра Пархоменко, без поддержки фермерских хозяйств решить сельские проблемы было бы очень трудно. В Куликовке помогают Сергей Чередников, Александр Овчаренко. В Новопавловке — Николай Рыбас. В Михайловке — Валерий Кубрак, Виктор Петько. На них — содержание и ремонт водопроводных сетей.

Летом скашивают сорняки вдоль сельских дорог, разравнивают грунтовые дороги, а зимой улицы чистят от снега. Финансируют проведение традиционных праздников: День села, День молодежи и других. Фермеры Куликовки собрали деньги и отремонтировали изгородь на кладбище.

РАДИ ЖИЗНИ НА СЕЛЕ

Хозяйство Александра Богданова, как и хозяйство Кубрака, по мнению районного руководства, одно из самых лучших хозяйств по агротехнике и культуре земледелия. Три года назад здесь с каждого гектара собрали по 62 центнера пшеницы и 500 центнеров сахарной свеклы. Такими показателями в засушливом Кантемировском районе до сих пор мало кто может похвастаться.

Начинал свое дело Александр Григорьевич лет пятнадцать назад с двадцати гектаров земли и нескольких выдавших виды тракторов. Сегодня же обрабатывает пять тысяч гектаров полей под Касьяновкой и Куликовкой. Бросовые участки засеял, хранилища для зерна и удобрений приобрел, столовую для работников отстроил.

— Секрета в большом урожае никакого нет, — считает Александр Григорьевич. — Главное — сохранить плодородие почвы, чтобы была отдача от земли. Здесь, в частности, важны лесополосы, правильное накопление в почве влаги и гумуса. Даже в страшно засушливый 2010 год мы взяли по 36 центнеров зерна с гектара, когда у всех по шесть — восемь центнеров было. Хорошие результаты показывают соя и лен. Кстати, лен — самая рентабельная культура, которую мы ввели в севооборот. Поддерживаем связь с наукой, курскими учеными-аграриями. Вместе с профессором Воронежского аграрного университета Михаилом Ивановичем Лопыревым внедряем научно обоснованную систему обработки почвы. Апробируем систему «Наутил», которую изучали по литературе и вживую, проведя всю зиму в Бразилии у фермеров. И, конечно же, ничего не получилось бы без трудолюбия и огромного опыта коллектива, который работает со мной больше 15 лет.

Вместе с Александром Григорьевичем в хозяйстве трудится его сын — Сергей Богданов. Землю пахать он начал еще мальчишкой. В 2012 году окончил Воронежский аграрный университет по специальности «Экономика и управление агропромышленным комплексом», и сразу вернулся в родное село — помогать отцу развивать хозяйство.

Как и Валерий Кубрак, Александр Богданов не скупится на помощь родному селу.

— В основном помогаю родной касьяновской школе, участвую во всех мероприятиях, родительском комитете, хотя мои дети уже вузы закончили. В 2011 году 700 тысяч рублей выделил на проектирование и строительство дороги внутри Касьяновки.

— Больше потратить некуда было? — спрашиваю.

— Нашлось бы, — улыбается. — Хочется, чтобы в селе жилось комфортно.

Директор Касьяновской средней школы, заслуженный учитель России Николай Гончаров уверяет: такое доброе отношение к людям, как у Александра Григорьевича Богданова, редко встретишь.

— Около 30 лет вместе с ним, знаю его, когда он еще бригадиром был, — рассказывает Николай Васильевич. — Ежегодно выделяет продукты питания для детского сада и школы — сахар, пшено, муку, овощи. В школе есть эколого-ландшафтное трудовое объединение школьников. Наши ученики помогали ему при посадке лесополос. В 2010 году сгорел сосновый лес, весной он распахал место пожарища, а мы засадили его сосенками. Когда на базе школы открывали област-

ной методический кабинет развития устойчивого земледелия, он помог в закупке оборудования и литературы. Приобрел форму для футбольной команды. В годовщину столетия со дня рождения Михаила Шолохова возил наших школьников в Вешенскую. Выделил деньги и рабочих на оборудование в домах ветеранов войны теплых туалетов. Подарки ветеранам на День Победы дарит. Его отец тоже был на фронте, отсюда такое трепетное отношение к старикам.

НАДЕЖНАЯ РАБОТА — ДЕМОГРАФИИ ПОДСПОРЬЕ

Дальше направляемся в Бондарево, к Сергею Лесникову, директору селекционно-семеноводческого предприятия «Нива». Поля у него — на загляденье ровные. Несколько лет назад здесь бушевал бурьян. Но пришел инвестор Сергей Агарков, закупил технику, семена, удобрения, прицепной инвентарь, арендовал землю общей площадью четыре с половиной тысячи гектаров, и жизнь закипела.

За два с небольшим года «Нива» встала на одну ступеньку с лучшими сельскохозяйственными предприятиями района.

— Все, что необходимо для полноценной работы, у нас есть, — говорит Сергей Лесников. — Техники закуплено предостаточно. Опыта нашим специалистам не занимать. Умеем дорожить каждой минутой. Разнарядку работ на следующий день проводим накануне. Утром люди идут на работу и знают, что им надо делать, а не теряют по часу драгоценного времени, дожидаясь пока руководство посоветуется. Поднять с колен семеноводческое хозяйство не так просто. Закупаем элитные семена, ими засеваем специальные участки. Так что сами себя обеспечиваем семенами. Построили новые складские помещения, запустили цех по производству подсолнечного масла — 60 тонн в сутки. Перерабатываем не только свой подсолнечник, но и близлежащих фермерских хозяйств. Оборудование привезли из Краснодар. Приобрели в Нижнем Новгороде сушилку для семян подсолнечника. Масло продаем, жмых — от Северного Кавказа до Мурманска. В прошлом году заасфальтировали площадку перед хранилищами. Отремонтировали механизированные токи. Переоснастили весовую, из механической она превратилась в электронную. Грузоподъемность ее увеличилась. Поставили современную зерноочистительную машину для приготовления семенного материала. Несколько лет назад занялись животноводством. Предварительно капитально отремонтировали корпуса бывшей колхозной фермы, закупили молодняк, технику для производства кормов.

Кстати, о технике. По ряду причин пока предпочтение отдают российским машинам. Можно, конечно, купить импортные комплексы и оставить работать на них семь человек. А остальным тогда что делать? В города подаваться? Сегодня на предприятии трудятся больше шестидесяти человек. Вместе с работой, которая достойно оплачивается, у людей появилась уверенность в завтрашнем дне. Свадьбы начали играть, дети стали рождаться.

Фельдшерско-акушерский пункт в центре села открылся, детский сад, пожарная команда в селе появилась, дорогу в центре села отремонтировали.

— ФАП строили по областной целевой программе, — рассказывает медсестра Валентина Предыбайло. — «Нива» же взяла на себя полное благоустройство прилегающей к ФАПу территории. Заасфальтировали площадку перед ним, проложили дорожки, установили ограждение, разбили клумбы, высадили вечнозеленые кустарники, соорудили колодец с мини-водопроводом. Чтобы пациенты и медперсонал не изнывали от летней жары, предприятие приобрело и установило в кабинете фельдшера кондиционер.

Школа тоже без внимания сельхозпредприятия не остается, деньги на ремонт выделяют каждый год, технику, необходимую для полноценной учебы, приобре-

тают. По словам директора Бондаревской средней школы Александра Строкова, в рамках федеральной программы реконструкции детских садов, на приведение здания в надлежащий вид было перечислено шесть миллионов рублей и больше миллиона на оборудование. В благоустройство территории, монтаж теплотрассы, замену коммуникаций, строительство забора, перекрытие кровли вложили около двух миллионов рублей.

Глава администрации села Бондарево Вадим Лесников с гордостью рассказывает о новой дороге в центре села:

— Без помощи «Нивы» ее не было бы! Регулярно проводим силами сельхозпредприятия ямочный ремонт сельских улиц.

Следом делится радостью сотрудников сельского Дома культуры, которые теперь для работы с детскими танцевальными коллективами используют новейшую музыкальную технику, подаренную им сельхозпредприятием. Не забывает Лесников рассказать и о том, что средства на проведение ремонта здания для пожарной части выделили сельхозпроизводители обслуживаемых пожарными сел.

— Зачем вам это надо? Не лучше было эти средства пустить на развитие производства? — спрашиваю у директора ССП «Нива» Сергея Лесникова.

— Конечно, с финансовой точки зрения нам это не выгодно, — признается он. — Но ведь мы стараемся для села. Чтобы люди здесь оставались, чтобы жизнь кипела. Это не громкие слова, это правда. Односельчанам ни в чем не отказываем: машину выделить, привезти что-нибудь, сено заготовить, — помогаем без лишних слов. Чтобы сеном запастись на зиму, надо иметь до 30 тысяч рублей. Мы его скосили, привезли и раздали бесплатно. У нас детвора рождается, а в соседних селах нет. Люди только тогда начинают думать о будущем, когда они уверены в завтрашнем дне.

НОВОБЕЛЯНСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ

В приграничном с Украиной селе Новобелая жизнь также не стоит на месте. И здесь львиная доля перемен была бы невозможна без поддержки главного предприятия села — Кантемировского филиала Центрально-Черноземной агропромышленной компании.

Селяне тоже не сидят без дела. Совместными усилиями им удалось создать на месте пустыря парк, обзавестись спортплощадкой и открыть молельный дом, разбить новый сад на пришкольном участке.

Рядом со школой — ослепляющая своей новизной многофункциональная спортивная площадка. Открыли ее в День села в 2014 году матчем по мини-футболу между молодежной сборной и ветеранами. Днем она в распоряжении сотни школьников, а вечером тут собирается самая спортивная часть взрослого населения села. Футбольная команда Новобелой считается самой сильной в районе.

Велосипеды перед школой — привычная картина для любого большого села. Четыре года назад несколько кабинетов отдали под детский сад, рассчитанный на 20 малышей. Теперь желающих стало больше, но об увеличении мест говорить пока рано. Внутри здания — в классах, коридорах — чувствуется забота и внимание, с которыми школьники и их педагоги относятся к своему второму дому. Минувшим летом благодаря вливаниям из областного бюджета и поддержке местного агропредприятия удалось заменить кровлю над столовой, актовым и спортивным залами.

Недавно здание бывших ученических мастерских дореволюционной постройки передали под молельный дом.

— До 1972 года в центре села находилась церковь Успения Пресвятой Богородицы, — рассказывает директор Новобелянской школы Александр Меловат-

ский. — Звон колоколов был слышен за 30 верст. Но со временем здание обветшало настолько, что местные власти, боясь за жизни то и дело собирающейся под церковными сводами детворы, приняла решение о его сносе. Нынче на этом месте установили поклонный крест.

Новенький тротуар связывает все социально-значимые объекты: школу, Дом культуры, магазины, библиотеку, администрацию и парк, открытие которого состоялось в один день со спортивной площадкой. За два месяца с момента начала работ заросшую бурьяном площадку удалось превратить в уютное место отдыха, пришедшее по вкусу и малым, и старым. Проложили дорожки, высадили деревья, установили скамейки, фонари, кованую ограду по всему периметру парка. Нашлось место как для фонтана, так и для детского игрового комплекса. Не забыли и о стеле в честь уроженца Новобелой, Героя Советского Союза Никиты Никитченко. В 1944-м, под Псковом, он с двумя минами бросился под вражеский танк.

Строительство парка, равно как и прокладка тротуара, стали возможными благодаря участию в областных целевых программах, поддержке районной и сельской администраций. Но немалую роль здесь сыграло и упомянутое нами выше сельхозпредприятие.

— Мы взяли на себя всю подготовительную работу: выделили технику, рабочих, завезли и разровняли грунт, расчистили дорожки для укладки тротуаров, выкорчевали старые деревья, — говорит управляющий отделением «Новобелянское» Кантемировского филиала Центрально-Черноземной агропромышленной компании Федор Каширский. — Зачем нам это? А как иначе, ведь мы здесь живем и работаем. На нашем предприятии трудятся 250 жителей Новобелой. Это при том, что всего в ней прописано полторы тысячи человек вместе со студентами, детьми и стариками. Регулярно скашиваем траву по обочинам дорог, выделяем технику для уборки пришкольной территории, ее площадь равна четырем гектарам. Выделили 670 тысяч рублей на перекрытие кровли на школьном здании, еще раньше перечислили 250 тысяч на замену крыши Дома культуры.

Три года назад отделение «Новобелянское», специализирующееся на молочном животноводстве и растениеводстве, переживало процесс реконструкции. Приводило в порядок корпуса, монтировало молокопровод, систему навозоудаления, вентиляционные и световые шахты, оборудовало комнаты для отдыха персонала и душевые. Сейчас оно твердо стоит на ногах. И продолжает вкладывать немалые средства в будущее Новобелой.

ОТ ФЕРМ И МОСТОВ — К ДЕТСКОМУ САДУ

Несколько лет подряд СХП «Новомарковское» прочно удерживает звание передовика среди сельхозпредприятий Кантемировского района, оставаясь при этом социально ориентированным предприятием.

Здесь содержится свыше 15 с половиной тысяч голов крупного рогатого скота. Это на 30 процентов больше, чем в прошлом году. В их числе 4,7 тысячи коров трех пород: монбельярд, джерси и воронежской красно-пестрой. Животные этих пород выращиваются здесь же, в племенном репродукторе, который несколько лет назад получил соответствующую лицензию. Репродуктор уже зарекомендовал себя как высокотехнологичное предприятие, способное организовать производство качественного племенного скота. Надой от коровы в зависимости от породы составляет от 5500 до 7800 килограммов. Среднесуточный привес телят равен 800 граммам. В полную силу работает запущенный в прошлом году в строй комплекс для ремонтных телок и молодняка из 18 корпусов, рассчитанных на 9600 голов единовременного содержания. Проект имеет статус особо зна-

чимого для Воронежской области, включен в программу социально-экономического развития региона. Там содержатся телята трех пород — джерси, монбельярд и голштинской. Тогда же в «Новомарковское» привезли представителей бельгийской голубой породы. Минувшей осенью они в компании с двумя новомарковскими рекордсменками по надоям породы джерси Ласточкой и Феей произвели фурор на 19-й российской агропромышленной выставке «Золотая осень» в Москве.

Совсем скоро у сельхозпредприятия появится второй роботизированный комплекс. Пока дойка коров происходит в трех доильных залах: «роботы», «карусель» и «елочка». Еще одним нововведением славится предприятие. По словам главного зоотехника Леонида Маслова, для сокращения времени селекции на предприятии стали использовать эмбрионы от высокопродуктивных коров. Трансплантацией эмбрионов занимаются операторы по искусственному осеменению животных. Прежде чем приступить к работе, они прошли обучение во Франции.

В собственности предприятия находится 40 тысяч гектаров пашни. Новомарковцы используют только высокорепродуктивные семена. Ниже второй репродукции не сеют. В этом году закупили элитные семена для посева на площади в 300 гектаров. Это значит, что на следующий год они получат для своего хозяйства 1400 тонн первой репродукции. Кроме этого, сказывается и внесение органических удобрений. Но одной «химией» в поле не обойтись. Зерновая группа занимает 12600 гектаров. Сорок процентов клена отдано под кормовые культуры — кукурузе на силос и многолетним травам. Урожайность пшеницы в этом году составила 58,8, ячменя — 36,8, подсолнечника — 19 центнеров с гектара. В среднем по зерновым культурам нынешний урожай превысил прошлогодние показатели на 20 процентов. Объем зернохранилища составляет 40 тысяч тонн. В хозяйстве применяется самая передовая техника, которая используется в Европе и России. Все машины новые, приобретены два-три года назад.

— Высоких результатов можно добиться только при создании команды профессионалов, болеющих за общее дело, вкладывающих в него свой труд и знания, — уверен генеральный директор ООО «СХП «Новомарковское» Владимир Пулин. — Сейчас на предприятии трудятся 600 человек. Ветеринарные врачи, зоотехники, операторы машинного доения, рабочие по уходу за животными, слесари, инженеры, механики, подсобные рабочие, телятницы, лаборанты, комбайнеры, водители, трактористы... Средняя зарплата — 28 тысяч рублей, за год она выросла на 15 процентов. Спецодежда, жилье, обед по 25 рублей, ужин бесплатный. Мы понимаем, что без создания нормальных условий для людей эффективно вести сельскохозяйственное производство невозможно. Что касается молодых специалистов, то жилье им покупаем в Кантемировке, Новомарковке. Кадры подбираем тщательно. Производство — дело ответственное. В животноводстве нельзя работать впосилы. Каждому пятому сотруднику не исполнилось и тридцати лет. Но основу коллектива составляют специалисты с большим стажем работы. Именно они подтягивают за собой молодежь, передают опыт.

Понятие «социальная ответственность» для руководства СХП — не абстрактное. Располагаясь на территории семи сельских поселений, СХП «Новомарковское» на социальную политику ежегодно выделяет свыше пяти миллионов рублей. В прошлом году эта сумма составила девять миллионов рублей. Деньги идут на благоустройство улиц, ремонт мостов, помощь в ремонте сельской школы, амбулатории и детского сада. А также на оплату работы футбольного тренера местной команды, выделение автобуса на выездные матчи, реставрацию памятника павшим героям в Новомарковке, подарки вдовам и ветеранам Великой Отечественной войны. Недавно приступили к строительству нового здания для детского сада на 75 мест в рамках программы «50 на 50».

— Ни одно культурно-массовое мероприятие без поддержки головного предприятия не обходится, — поясняет директор Новомарковского Дома культуры Елена Иващенко. — Выделяют средства на костюмы для наших артистов, на оформление сцены — ткань, декорации, помогают с транспортом для поездок. В прошлом году Новомарковке исполнилось 255 лет. Так вот, в честь праздника нам вручили сертификат на замену кровли Дома культуры на 430 тысяч рублей.

Для новомарковцев ДК является настоящим культурным центром. Здесь работают 19 творческих объединений: семь клубов по интересам и 12 кружков. Среди них — вокальный кружок «Капелька», женская вокальная группа «Вдохновение», детская театральная студия «Мозаика», кружок «Волшебная сказка», на котором детвора учится шить кукол, хореографический кружок «Фантазия», «Юный библиотекарь». Для односельчан старшего поколения организован женский клуб «Надежда». Большая часть учеников средней школы — 138 из 170 — все свое свободное время проводят в этих стенах.

— Сотрудничаем со школой довольно тесно, — отмечает Елена Николаевна. — Так повелось, что дети после уроков сразу бегут к нам. На летних каникулах проводим развлекательно-познавательные занятия, конкурсы-викторины, праздники.

В 2013 году ДК стал победителем областного конкурса «Лучшее учреждение культуры, находящееся на территории сельских поселений». На премию в сто тысяч рублей приобрели колонки, светотехнику, микрофоны. Два года становились лидерами районного конкурса. В прошлом году вновь стали первыми в областном конкурсе, но уже в номинации «Библиотечное дело». Благодаря победе удалось поменять мебель в библиотеке — столы, стулья, стеллажи, купить новую оргтехнику, мультимедийный проектор, экран, фотоаппарат.

Участие в программе «Доступная среда» помогло оборудовать туалеты для инвалидов, смонтировать кнопки вызова персонала, заасфальтировать площадку при входе в ДК. В следующем году планируют начать косметический ремонт клубных помещений. Разумеется, что без помощи головного предприятия осилить это большое дело будет невозможно.

Глава Новомарковского сельского поселения Ольга Безрукова уверяет: любой вопрос, связанный с жизнеобеспечением населения, решается руководством предприятия незамедлительно.

— Регулярно выделяют технику и специалистов для скашивания травы на обочинах, очистки улиц от снега, замены глубинных водяных насосов, — перечисляет Ольга Павловна. — Отремонтировали три моста через реку, помогли в благоустройстве родника в Попасном по линии ТОСа. Пристроили теплый туалет к амбулатории, проложили от нее тротуар к Дому культуры. Помогли огородить кладбище. Сельской школе на возведение входной группы предприятие выделило 200 тысяч.

Чуткое отношение к сотрудникам, забота о простых жителях, наглядные перемены в сельской жизни не могли не отразиться на настроении молодежи. Все больше старшеклассников и студентов вузов задумываются над тем, чтобы вернуться по окончании учебных заведений на свою малую родину. А кое-кто уже пришел вслед за родителями на фермы и полеводческие станы «Новомарковского». В этой преемственности — будущее.

Валерий Дмитриевич Березуцкий родился в 1953 году в селе Рождественская Хава Новоусманского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. В настоящее время — доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. Кандидат исторических наук. Лауреат премии «Родная речь» журнала «Подъём» (2016). Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Валерий Березуцкий

В СТЕПИ ДАЛЕКОЙ

(Археологические раритеты
Кантемировского района)

*Летит коршун над самой землей, плавно
взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в
воздухе, точно задумавшись о скуке жизни,
потом, встряхивает крыльями и стрелой
несется над степью, и непонятно, зачем он
летает и что ему нужно... Для разнообразия
мелькнет в бурьяне белый череп или булыжник;
вырастет на мгновение серая каменная баба или
высохшая ветла с синей ракшей на верхней
ветке, перебежит дорогу суслик, и опять бегут
мимо глаз бурьян, холмы, грачи...*

А.П. Чехов. «Степь»

«Понять историю без географии невозможно», — писал в середине XVIII века, в период начала сложения исторической науки в России один из первых российских историков В.Н. Татищев. Сказанное относится и к современной истории и географии, и к древней. Но если современную историю своего родного края мы еще как-то умеем соединять с географическими данными, чтобы лучше ее понять, то едва опускаемся вглубь веков и тысячелетий, как неминуемо сталкиваемся с проблемами: эту древнюю историю мы знаем плохо, а древнюю географию не знаем совсем. Как же так, — скажет читатель, — а археологические данные, курганы, поселения людей? Они что, не дают нам представление о древней истории? А разве почвоведы не изучают древние почвы и не восстанавливают растительный покров, климат? И будет прав, потому что это действительно

так. Археология дает нам представление, а почвоведы изучают и восстанавливают... И будет неправ, потому что это не совсем так.

Странная на первый взгляд двойственность легко будет понятна, если мы будем представлять эту проблему как две стороны одной медали: медаль — познание, а две разные стороны — разные стороны познания. Одна красуется гербом российским, а другая только цифрами с листочками... Археология, конечно, представляет информацию о древних, различных сторонах их жизни, по крупницам, осколкам прошлого, восстанавливая утерянную историю. Но, как это часто бывает, этих данных совсем немного ввиду ограниченности масштабов археологических исследований, в том числе на кантемировской земле. А еще потому, что, вопреки распространенному мнению, археология далеко не всесильная наука и возможности ее ограничены: на поселениях осталось лишь то, что выбросили за ненадобностью, а в курганах не экономическая жизнь, а по большей части религиозная. Здесь взгляды людей на жизнь и смерть, на место человека в этом мире и мире том, небесном. И эти взгляды надо еще расшифровать по оставленным понятным и непонятым находкам, конструкциям могил, их ориентировкам по сторонам света и т.д. и т.п. А исследования древних почв только начаты сравнительно недавно, и кантемировской земли эти исследования еще не коснулись.

Поэтому, читая эти строки, читатель должен представлять себе, что имеющиеся археологические данные по древней истории Кантемировской земли — это только капля в море той реальной информации, которая еще скрыта от нас за туманом веков и тысячелетий. Наступит, конечно, время, когда этот туман рассеется, и история наших далеких предков предстанет перед нами во всей своей силе и мощи. И мы многое поймем из того, о чем сегодня и понятия не имеем...

Кантемировский район в природно-географическом отношении представляет собой степной район. Географами на юге Воронежской области выделен небольшой, но показательный «Богучарский правобережный волнисто-балочный степной район». Он расположен южнее и юго-восточнее границы степи и лесостепи и в него вошли территории нынешних Богучарского, Кантемировского и частично Россошанского района. Этот небольшой по территории географический район Воронежской области, хотя и находится на лесостепном — северостепном пограничье, испытывает на себе сильное влияние степных условий. Это сказывается и на характере почв, климате, распространении лесов, травяной растительности. Так, запасы трав здесь в 10 раз меньше, чем в лесостепи, расположенной севернее. Меньше в пять раз здесь разнообразного зверя. Степная зона характеризуется недостаточной увлажненностью, а в итоге здесь менее благоприятные, чем в лесостепи и ограниченные условия для хозяйственной деятельности человека. Современный человек эти «неудобства» испытывает меньше, а вот древний, полностью зависевший от природы, испытывал это влияние куда в большей степени.

Однако возникает вопрос: насколько совпадает география прошлого и география нынешняя? Такими же были природно-географические условия тогда или другими? Тем более что климат не оставался неизменным во времени и менялся согласно астрономическим законам. К этому вопросу мы вернемся, когда посмотрим на данные археологии по Кантемировскому краю. О каких племенах, народах нам сегодня известно, кто они, когда и как жили и выживали, на каком уровне развития находились?

История изучения археологами территории Кантемировского района не столь обширна, но все же она имеется. Первыми исследователями и составителями археологической карты района были сотрудники исторического факультета Воронежского государственного пединститута (в настоящее время — педуниверситет) А.Т. Синюк, А.А. Бойков, В.В. Килейников. В 1969 г. (А.Т. Синюк), 1985 г. (А.А. Бойков), 1990 г. (В.В. Килейников) они при проведении археологической разведки нанесли на карту района 56 археологических памятников — курганов, курганных групп и поселений древних людей. Глядя на археологическую карту района, можно без труда увидеть

закономерность в размещении археологических объектов: большинство их тяготеет к р. Богучарка, или к ныне пересохшим балкам, а когда-то небольшим речушкам, впадавшим в Богучарку. Вода — источник жизни, и ничего в этом отношении не изменилось за тысячелетия. Посмотрите на нынешнюю карту района. Села и деревни размещаются там же, где когда-то в далеком прошлом жили племена эпохи бронзового века — у воды. То, что обнаружили археологи при археологической разведке — лишь малая толика того, что помогает в определении времени существования поселения — по фрагментам глиняной посуды и их культурной принадлежности: археологи, пользуются этим термином «археологическая культура», поскольку самоназвания древних племен в большинстве случаев до нас не дошли.

В 1978 году археологическая экспедиция Воронежского педуниверситета впервые провела научные археологические раскопки у станции Пасеково, где располагались 11 курганов между Черной Калитвой и Богучаркой. Тогда было исследовано четыре кургана (А.Т. Синюк), а в 1983 году — еще один (В.И. Погорелов). В итоге впервые получена научная информация по 34 погребениям эпохи бронзового века (II тыс. до н.э.) малоисследованного Кантемировского района. Обнаруженные погребения относились к разным периодам бронзового века — катакомбной и срубной культурам (Рис. 1).

Краткая справка. Бронзовый век — этап в истории человечества, связанный с изобретением бронзы — сплава меди с оловом, мышьяком, цинком и другими металлами. Главные преимущества бронзы по сравнению с медью — легкоплавкость, хорошая текучесть, что было важно при отливке металлических изделий, большая твердость.

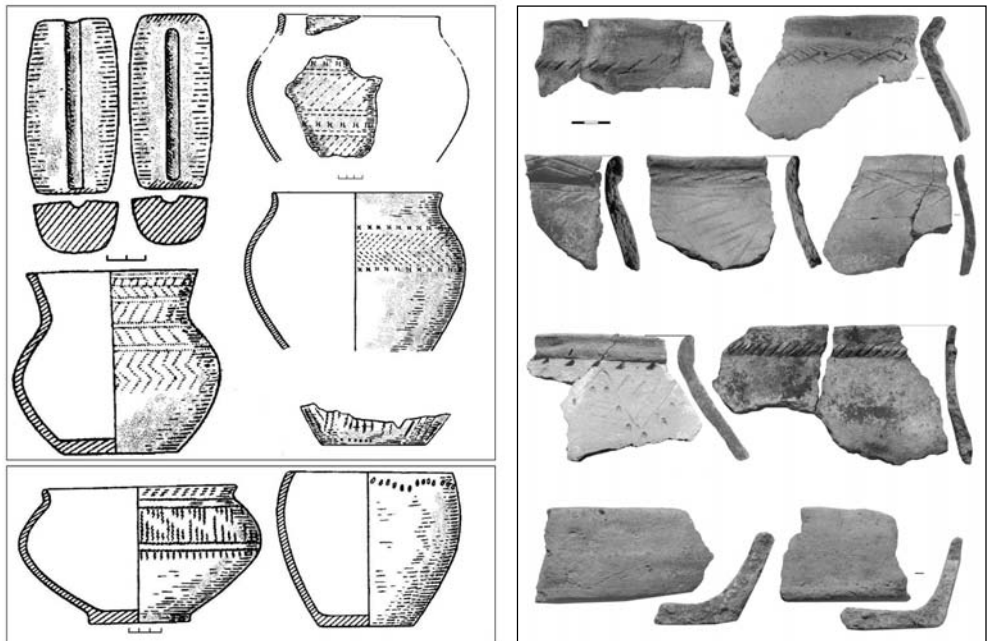

Рис. 1 (слева). Глиняные сосуды и каменные выпрямители древков стрел катакомбной (вверху) и срубной культуры (внизу) из курганов у ст. Пасеково.

Рис. 2. План одного из раскопов, фрагменты глиняных сосудов, глиняная печная крышка-заслонка (слева внизу) и глиняные «кирпичики» (справа внизу) с поселения позднего бронзового века у с. Журавка.

Бронзовый век в донской лесостепи датируется второй половиной III тыс. до н.э. — концом II тыс. до н.э., занимая, таким образом, значительный отрезок времени в 1,5 тысячи лет.

В этот период на территории нашего края обитали различные по своему происхождению племена, главным занятием которых было скотоводство: древнеямные племена (вторая половина III — начало II тыс. до н.э.), катакомбные (первая половина II тыс. до н.э.), срубные (вторая половина II тыс. до н.э.) и другие (названия культур — по конструкции могильных сооружений). Их происхождение археологи связывают с миграцией в Подонье племен из Нижнего Подонья (ямные, катакомбные), Северского Донца (катакомбные), Северного Кавказа (катакомбные), Нижнего Дона и Волги (срубные) в поисках новых угодий и лучших климатических условий для хозяйствования.

Кроме глиняных сосудов, плохо сохранившихся бронзовых украшений — два каменных изделия катакомбной культуры (рис. 1). Археологи называют их «выпрямителями древков стрел» — приспособлениями, при помощи которых прямая ветка лозы, заготовка для стрелы подвергалась обработке. Ветка зажималась в канавке между двумя створками выпрямителей и протягивалась по всей длине. В результате с нее счищалась кора. Затем, вероятно, как это было у многих лучников древности, заготовки подвешивали в тень с привязанным грузом для высыхания в прямом положении. И уже в дальнейшем шла работа по креплению наконечника стрелы, созданию оперения и т.д. Подобные выпрямители — характерная черта именно катакомбной культуры.

В конце 90-х — начале 2000-х гг. в районе по инициативе выпускника исторического факультета педуниверситета Ю.В. Горбанева организуется полевой школьный лагерь юных археологов «Кочевник». Юные археологи не только соревновались в различных областях знаний и умений, но занимались главным и благородным делом — археологическими исследованиями. Наиболее значимыми были раскопки в 2001 году двух курганов у с. Титаревка на высоком водоразделе рек Богучарка и Левая Богучарка — правых притоков Дона. Тогда были обнаружены 11 погребений с 23 глиняными сосудами позднего бронзового века — срубной культуры (вторая половина II тыс. до н.э.). В настоящее время традиция участия школьников в археологических исследованиях получила продолжение в другом формате: учитель истории М.А. Сливкин возит школьников района в областной лагерь юных археологов. Традиции продолжают...

В 2015 году началось строительство железной дороги Журавка — Миллерово. По этому плану дорожного строительства в зону будущего дорожного полотна попадали участки древних поселений, расположенных на р. Богучарка у с. Журавка. Небольшая исследованная площадь находилась на мысовом выступе, там, где речушка Журавка впадает в Богучарку. Археологическая экспедиция (руководитель А.В. Сурков) в 2015–2016 гг. исследовала эту часть археологического памятника. Вскрытая площадь оказалась немалой — более 13 тысяч кв. м. Археологи обнаружили большое количество фрагментов глиняной посуды (рис. 2), кости животных, свидетельства двух жилищ. В одном из них размерами 10 x 18 м найдены остатки глиняной печи. Сверху печь была обмазана слоем глины. Кроме фрагментов сосудов на поселении обнаружены изделия из камня и кости, которые применялись в хозяйстве для выделки шкур животных, разделки мяса.

Рядом с печью и в округе были найдены небольшие глиняные «кирпичики» 8x10 см и толщиной 3 см (рис. 3). Всего их обнаружено более 100 штук. Какую роль они играли в конструкции печи (да и конструктивная ли это деталь?), остается пока неясным. Состав глиняного теста у них особый, серый, рыхлый, будто его специально готовили по особой технологии. Но для чего? Есть мнение археологов, что это имитация «хлебцов» — небольших хлебных лепешек, которые использовались в особых обрядовых,

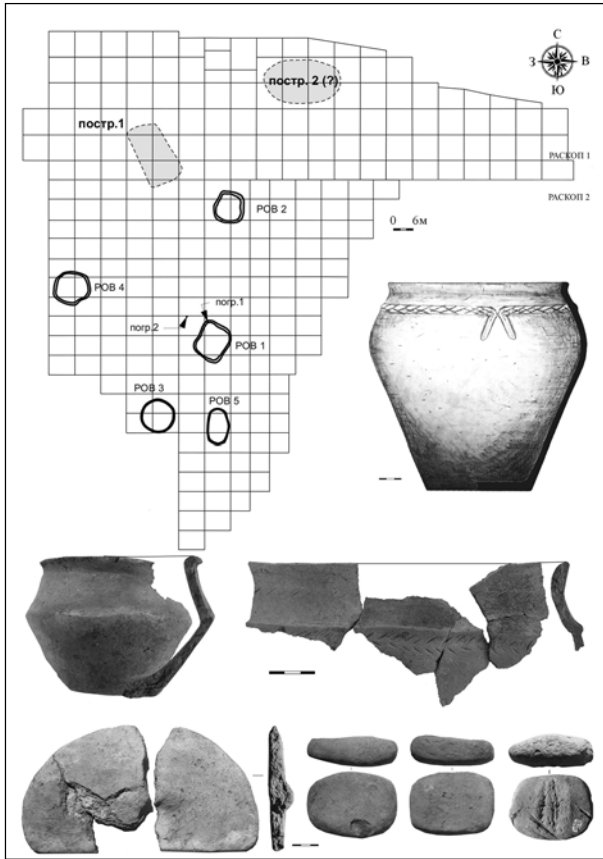

Рис. 3. Фрагменты глиняных сосудов позднего бронзового века с поселения у с. Журавка.

посуды показывает, что жители поселка жили здесь более-менее оседло, а основной хозяйством было выращивание крупного рогатого скота. Скот, по-видимому, не держали в специальных стойлах, во всяком случае, на раскопанном участке их свидетельств нет.

Интересно, но следов земледельческой деятельности не обнаружено. А как же «хлебцы»? Тут мы должны «пожаловаться» на археологию. Далеко не всегда она может дать то, что мы от нее ожидаем. На поселении нет орудий земледелия, к примеру, костяных мотыг, которыми обрабатывали вспаханную землю. А чем пахали? Тогда, как это доказано археологами на примере других культур, плуг мог быть сделан просто из сука дерева (дуба). Понятно, что подобные находки трудно обнаружить из-за их плохой сохранности. Но отпечатков злаков нет и на керамике — на днищах глиняных горшков. Обычно племена, занимающиеся земледелием, при изготовлении горшка подсыпали под дно будущего сосуда мякину, отчего горшки легко «отцеплялись» от основания для лепки. А на дне сосуда оставались отпечатки зерен и колосков. По ним определяют виды выращиваемых растений. Но здесь этого нет. Остаются «хлебцы», которые предназначались для чего-то пока неясного. Помогут ответить на вопрос о наличии земледелия палеоботаники, которые исследуют почву с поселения на предмет возможного наличия остатков культурных растений в слоях.

ритуальных целях. Ведь и сегодня приготовление теста для выпечки — не только работа руками. С дурными мыслями, скажет хозяйка, лучше и не подходи к тесту. Совсем недавно в деревнях и селах при приготовлении теста произносили молитвы, заклинания из-за особого отношения к тесту. Ведь оно живое! А преподнесение хлеба гостю — давняя традиция — «с хлебом и солью!»

Значительные размеры раскопанного участка поселения дали возможность говорить и об основном занятии жителей этого небольшого поселка — скотоводстве. Палеозологи, специалисты по костям древних животных, восстановили состав стада. Его основу составлял крупный рогатый скот (более 60%), на втором месте — лошадь (более 20%). Скромное место занимал мелкий рогатый скот (овцы и козы (8%). Остальные животные представлены небольшим количеством процентов. Преобладание крупного рогатого скота, наличие жилищ, большое количество

А что же в это время климат? Исследования донской лесостепи палеопочвоведомы показывают, что в период всего позднего бронзового века климат характеризовался засушливостью. А во время, когда существовало поселение у нынешнего села Журавка (окончание позднего бронзового века), еще и неустойчивостью, появлением чередующихся периодов похолодания. В результате — сокращение лесов, распространение степной растительности и... трудные условия для земледелия. Возможно, поэтому этих следов и нет на поселении позднего бронзового века у села Журавка. Эти периоды похолодания совсем скоро станут нормой, наступит другая климатическая эпоха, когда и жить стационарно, как это делали жители поселения, станет невозможным. На смену прежней жизни придет другая — кочевая. Когда резко сократится травяная растительность, вслед за ней возможность держать большое количество животных, а вслед за этим — повышенная смертность... А глиняные «хлебцы», которым поклонялись жители поселения, так и останутся глиняными и не превратятся ежедневными молитвами в долгожданные ржанные...

Поселок, по-видимому, был сельским поселением, специализировавшимся на выращивании скота, никаких следов металлургического производства здесь не найдено. Понятно, что литейное дело — особое ремесло, тут нужны другие знания и умения. В это время металлурги достигли значительных успехов в бронзолитейном деле. В Аннинском районе у с. Мосоловка археологи в 90-е годы прошлого века исследовали целый поселок металлургов срубной культуры. Там было найдено более 2400 целых и в обломках глиняных форм для литья топоров, серпов, ножей, копий и, судя по всему, эти мастера снабжали большую округу своими орудиями труда, оружием.

Уровень развития племен срубной культуры, как и более ранней катакомбной, не укладывается в понятие «первобытнообщинный строй». Да, государства еще не было, но уровень развития этих скотоводов был высокий: выделились военные вожди, жрецы, ремесло, хотя и существовало в каждом поселке, стало специализированным (вспомним Мосоловку). Эти изменения в обществе — результат его длительного развития, но коварный климат сделал свое дело...

Отметим, что находки из Журавки показывают: погребенные в курганах у ст. Пасеково не имеют к этим древностям отношения, хотя они тоже относятся к эпохе бронзового века, но к более раннему (более древнему) периоду. Во время жизни людей на поселении у села Журавка не исчез курганный обряд погребения. Наверняка наиболее важные представители этого общества похоронены в курганах, расположенных неподалеку. Они еще ждут своих исследователей.

На территории района местные жители нет-нет да находят случайно на пашне, в обрыве оврагов, в огородах фрагменты битой древней посуды, наконечники стрел и другие находки, которые дополняют наши сведения по древней истории Кантемировского края.

Среди этих находок (рис. 4) — бронзовый нож. Подобные ножи использовались в бронзовом веке для различных целей, но большей частью в целях ритуальных — в обрядах жертвоприношения. Обработывали шкуры, резали мясо кремневыми (каменными) ножами, которые даже больше подходили для этой цели, как показали эксперименты, чем бронзовые. Бронзовые ножи имели деревянные или костяные рукояти, которые редко сохраняются. Встречаются ножи в погребениях знати бронзового века, что показывает о большое значение, которое придавалось этому изделию.

В начале I тыс. до н.э. начался железный век в Европе и Азии. Этот период совпал с резкими изменениями климата: он стал более засушливым, а температуры стали более низкими. Этот период климатических изменений географы называют «климатом холодных степей». Исчезают небольшие реки и мелеют некогда полноводные, степная трава пожухла... Вслед за этим рушится хозяйство племен позднего бронзового века: теперь можно было прожить только кочевым, подвижным скотоводством. Исчезают многочисленные в прошлом курганы и поселения племен позднего брон-

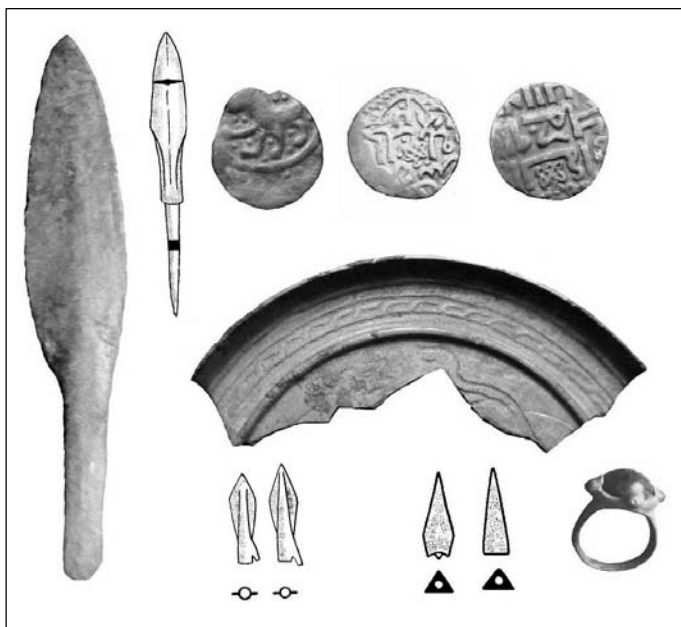

Рис. 4. Случайные находки из Кантемировского района. Слева направо: бронзовый нож эпохи бронзы, железный наконечник стрелы эпохи Золотой Орды (XIII–XIV вв.), серебряные и медная монеты эпохи Золотой Орды (вторая половина XIV в.), фрагмент металлического зеркала эпохи средневековья, бронзовые наконечники стрел скифского времени (VII–IV вв. до н.э.), металлический перстень со стеклянной вставкой (салтово-маяцкая культура) VIII–X вв.

зового века. Степь обезлюдела, но не опустела. С востока волной хлынули в поволжские, донские земли, в степи Северного Причерноморья кочевники, обитавшие ранее далеко на востоке, на территории нынешней Монголии, Северного Китая — киммерийцы, скифы, сменившие их затем сарматы... Грабеж и кочевое скотоводство давали им источники жизни.

Эти следы есть и в Кантемировском районе. Нет, погребений этого времени здесь пока не найдено, но следы пребывания скифских племен VII–IV вв. до н.э. имеются. Это бронзовые наконечники стрел, характерные именно для скифских племен (рис. 4). Их отливали в каменных или глиняных формах, поскольку тактика боя (атака на противника с постоянной стрельбой из лука) требовала много стрел, а железные, производившиеся более трудоемким способом — путемковки металла, употреблялись «по делу» — против хорошо защищенного доспехами противника. Трудно сказать, да и вряд ли когда мы это узнаем, в кого стреляли из лука скифские воины здесь, в степном районе. Это могли быть и последствия охоты, и борьбы против остатков племен бронзового века, еще влачивших существование.

Наконечники стрел неодинаковы: одни более массивные, с шипом на краю втулки для того, чтобы пораженный враг не смог вытащить стрелу: древко — пожалуйста, а наконечник оставался в теле. Эти стрелы раннескифские, времени появления скифов на исторической арене, и датируются они VII–VI вв. до н.э. Этими стрелами скифы поражали персов, воевали в Армении, покоряли Мидию и Лидию — древневосточ-

ные государства. А вот небольшие треугольные скифские наконечники более поздние и датируются они IV–III вв. до н.э. Конечно, скифских наконечников стрел куда больше в земле, чем на рисунке, но посмотрите, как долго эта территория притягивала знаменитых кочевников...

А вот свидетельства так называемого «раннего» средневековья. В Кантемировском районе на поселениях встречаются фрагменты посуды VIII–X веков. Ее находили уже при первых разведках по Богучарке. Она принадлежит племенам салтово-маяцкой культуры (культура названа так по могильнику у с. Салтово на Украине и замку из меловых крепостных стен на Дону — Маяцкому городищу). Эта культура не была однородна, в нее входили и иранцы аланы, и древние тюрки-болгары, другие, более мелкие племена и подразделения. Во главе государства под названием Хазарский каганат стояли тюркоязычные хазары. Часть племен Хазарии проживала здесь, на р. Богучарка. Ни одно их поселение здесь не исследовано, и о том, кто здесь жил, как жил и что делали здесь представители салтово-маяцкой культуры, пока неизвестно. Но находки есть. И кроме битой посуды — одна из роскошных — металлический перстень со стеклянной вставкой (рис. 4).

Интересно, что ни по Богучарке, ни по ее притокам пока неизвестны следы пребывания других кочевников другой эпохи — кочевников Золотой Орды второй половины XIII–XIV вв. Нет сомнений, что нынешний Кантемировский район входил в зону кочевий золотоордынских ханов и их приближенных. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, погребения этой эпохи, обнаруженные совсем недалеко — у с. Терешково в Богучарском районе. Причем, погребения не простые, а представителей знати — мужчины (хана) и его жены, погребенных в курганах с роскошными шелковыми одеждами, золотыми и серебряными украшениями, серебряной посудой, медными котлами — символами знати... А находки железных наконечников стрел этой эпохи, серебряных, медных монет показывают, что здесь они бывали со своими отарами овец, табунами лошадей, стадами рогатого скота (рис. 4).

* * *

Далеко на горизонте сквозь дымку горячего степного воздуха мелькает серебристым опереньем Богучарка. В обрыве берега, греясь на солнце, лежит на боку лепной горшок — немой свидетель прошлой жизни, прошлых устремлений и надежд. В нем, как в стеклянной призме, преломляется настоящее и проступает прошлое со своими проблемами, заботами, горестями и радостями. Заботливые женские руки оставили свой след на нем, будто печать прошлого поставили... Взяв в руки глиняный сосуд, вдруг чувствуем: незримая нить протянулась между нами и ими, теми, кто жил до нас. Не порвать бы эту нить, не отмахнуться от нее и от тех, кто создавал историю до нас с вами... Не отмахнуться бы... Ведь понять прошлое — значит понять самих себя...

ГАЛЕРЕЯ ДЛЯ МАЛОЙ РОДИНЫ

(Живописец подарил свои картины землякам)

На втором этаже Кантемировского районного дома культуры по соседству с краеведческим музеем уже пять лет действует картинная галерея имени Михаила Михайловича Гоптарева, где каждый желающий может прикоснуться к прекрасному.

И ВСЕ-ТАКИ СТАЛ ХУДОЖНИКОМ

Родился Миша за три года до войны в хуторе Хрещатом Бугаевского сельского поселения Кантемировского района, на границе с Украиной. Небольшая деревня окружена живописной природой: ароматным разнотравьем на холмах и в оврагах, шумными лесами, полями до горизонта.

Малая родина научила Михаила Гоптарева видеть красоту в обыкновенных вещах: в привычных деталях повседневной сельской жизни, на которые порой и не обращаешь внимания. Художественный талант его проявился довольно самобытно. Первый опыт рисования был углем по свежей побелке. Миша нарисовал петуха. Мама выразила недовольство, зато соседка определила, что он «как живой».

Следует отметить, что именно впечатления из детства Михаила Гоптарева оказали ведущее влияние на развитие сюжетных линий в его творчестве.

И тут не только увиденные им когда-то и запавшие в душу эпизоды летней страды, подсолнухи или южнорусские глинобитные хатки, воспринятые им в ярких тонах безоблачного детства. Тут и зримое, тревожное присутствие Великой Отечественной войны.

В воспоминаниях Михаила Михайловича четко сохранились проводы отца на фронт, то, как в военное лихолетье ему вместе с мамой и братом приходилось укрываться от бомбежек в сыром погребе с полчищами крыс и жаб, как под надзором фашиста мама стирает их белье, а дети боятся подойти. Их ранние игры связаны со снарядами, взрывами, ранениями. Так случилось и с братом Ваней...

Потом была победа, с войны начали возвращаться солдаты. В звании старшины вернулся отец — немногословный и не такой веселый, как прежде. Правда, с орденом и шестью медалями на груди. Особенно он гордился и дорожил двумя из них — «За оборону Сталинграда» и «За взятие Берлина».

На основе этих воспоминаний появилась, например, картина «Последний перекур». «Приехали три солдата, отведавшие на войне, потерявшие ноги и руки, — разъясняет ее сюжет Гоптарев в видеофильме «Размышление художника о творчестве и жизни». — Я помню эти сюжеты, видел возвращение отца с

войны. Эти три солдата разойдутся по деревням, в свои семьи, и начнется у них новая мирная трудовая жизнь».

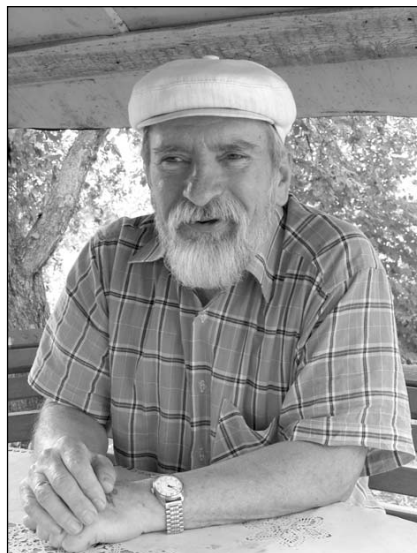
Старший Гоптарев привез с собой целое богатство — чемодан столь дефицитной тогда бумаги. 1946-й был особо голодным, и отец отвез бумагу в город, где обменял на полмешка кукурузы. Ели желуди, лебеду, ежей и собак. Когда пришлось совсем туго, продали медали.

Михаил Михайлович четко помнил, как в день на семью давали четыре черпака каши и сколько радости по этому поводу было. Каравай, пучок редиски, огородная зелень... — ребячью радость и восторг перед этой простой едой отразит потом художник в своих натюрмортах.

Именно в голодный 1946 год будущий художник пошел в первый класс. В хрещатовской начальной школе в одном классе занимались ребята разных возрастов — не было ни тетрадей, ни чернил, ни книг.

С юного возраста Михаил впитывал и запоминал. Когда начинали цвести сады, он наблюдал за порхающими бабочками, улавливал витающие в воздухе ароматы цветов и свежей зелени. С наступлением лета и сенокосной поры он носил отцу обеды в поле, где его встречала песня жаворонка, запах скошенной ржи или пшеницы и новые краски природы. Все это потом найдет свое отражение во многих картинах художника.

В следующую школу — Бугаевскую — мальчик ходил за пять километров. В шестом классе у Миши стали проявляться способности к рисованию. Их заметил один из учителей, и Миша стал перед уроками чертить на доске различные схемы. Рисованию он посвящал все свободное время. Увлекался полотнами Левитана, Врубеля и Васнецова. Именно картине Виктора Васнецова, по словам Гоптарева, надлежало сыграть главную роль в духовном становлении кантемировского живописца: «Еще в школьные годы у нас был предмет «Родная речь». На учебнике была изображена репродукция картины Васнецова

Михаил Михайлович Гоптарев

«Три богатыря». Я на всю жизнь пронес воспоминания об этой картине, так она меня впечатлила».

Вот окончена школа, и отец советует идти учиться туда, где одевают и кормят. Парня привлекало море, но попал Михаил Гоптарев в Таганрогское ремесленное училище. Там действительно его одели и накормили, но Миша, посещая театры, музеи и выставки, хотел только одного — рисовать.

Много увлекался копированием известных мастеров. Эти копии он всем раздаривал.

Потом была армия. В самом начале службы во время обучения отцы-командиры заметили Мишин талант и отправили его в Симферополь. Но поступить в художественное училище там не удалось. Михаил окончил Московский заочный народный университет искусств имени Крупской. Затем в 1963 году было Саратовское училище искусств. Дома родные радовались, отец с гордостью говорил односельчанам о будущей профессии своего сына.

После окончания училища Миша начал работать в Нововоронеже, где был нарасхват. Трудился в ДК, в школе вел уроки рисования, в техникуме — черче-

ние. Первая его персональная выставка состоялась под названием «Строители Нововоронежской атомной станции». На суд зрителей и критиков он вынес рисунки, отображающие трудовые будни строителей АЭС, и акварели к произведениям Чехова. Выставка получила немало лестных отзывов. Но путь к настоящему признанию был долгим.

А далее — Ленинград, мастерская профессора академии Е.Е. Моисеенко. Живя и работая близ культурной столицы, конечно же, Михаил Михайлович старался почаще бывать в Эрмитаже, Русском музее, на выставках. Благодаря этому он повышал свой профессиональный уровень. В Мухинском училище познакомился с академиком А.К. Быстровым и профессором В.Н. Тьюлкиным. Но истинным кумиром для него был Аркадий Пластов, сочную, радостную живопись которого он воспринимал как гимн русской природе и деревне. У Пластова даже вид неказистой баньки мог стать художественным символом той очищающей силы, что скрыта в простой деревенской жизни. Этот взгляд на мир, всю сложность которого можно свести к ясным и понятным чувствам, отразился и в творчестве молодого художника.

В 1969 году Михаил вместе с молодой женой Ниной селятся в поселке имени Морозова Ленинградской области, где и жили до последних дней своей жизни. До 2003 года Михаил Михайлович работал в заводском отделе архитектуры, а в филиале Всеволожского Дома детского творчества преподавал основы живописи. В активе художника — 300 работ. Михаил Михайлович был постоянным участником региональных художественных выставок: трех персональных во Всеволожске и шести — в Морозовском ДК им. Чкалова. Являлся членом областного союза художников. Стал почетным гражданином поселка имени Морозова.

Его картины находятся в частных коллекциях в Израиле, Германии, Австралии. А знаменитый уроженец поселка имени Морозова, неоднократный чемпион мировых и отечественных пер-

венств в тяжелом весе, мастер спорта СССР Вячеслав Надеждин за много лет собрал настоящую домашнюю галерею картин Гоптарева.

ДАВНЯЯ МЕЧТА СБЫЛАСЬ

Все эти годы обстоятельства направляли художника по пути все дальше и дальше от Кантемировского района. Однако тем сильнее его душа испытывала тягу к далекой малой родине. Вспыхивая яркими, щемящими воспоминаниями, эта ностальгия находила отражение в новых картинах.

И вот, будучи уже состоявшимся художником, Михаил Гоптарев однажды приехал на малую родину. Прогуливаясь по райцентру, у районного Дома культуры он встретил двух мальчишек, спросил: «А есть ли в ДК какие-нибудь картины?» Те ответили, что там «висит какой-то дед, то ли Карл Маркс, то ли Максим Горький...» Тогда художник решил, что обязательно создаст в Кантемировке картинную галерею.

Вопрос этот решался много лет — все упиралось в помещение. Кантемировцы собирали средства, писали обращения, но сдвинулось дело только в 2010 году, когда глава районной администрации Владимир Васильевич Покусаев предложил место для галереи на втором этаже РДК. Правда, в связи с его реконструкцией открытие галереи состоялось только спустя три года.

Бывший председатель общественной палаты района Петр Прохорович Качалкин вместе с коллегой-общественником Василием Качалкиным в 2012 году занимались доставкой картин из Ленинградской области. Для галереи Михаил Михайлович отобрал и передал землякам 62 свои работы.

1 ноября 2013 года картинная галерея была торжественно открыта. Согласитесь, что для сельской местности событие не рядовое. Осуществилась мечта художника, его родных, знакомых и энтузиастов.

На открытие галереи собрались не только знакомые художника, но и мно-

гие жители района. По состоянию здоровья сам Михаил Гоптарев не смог поучаствовать в знаменательном для себя событии, но его обращение, записанное на пленке, смогли услышать многие кантемировцы.

Михаил Михайлович, считал, что в людях нужно воспитывать культуру, доброту, любовь к родине, и лучше всего это делать с помощью живописи: «Надеюсь, мои картины принесут пользу и радость тем, кто будет посещать галерею. Приходите, я буду всегда с вами в своих картинах, — обещал он. — Я горжусь своей родиной и вами, дорогие мои земляки».

На многих картинах М. Гоптарева можно увидеть знакомые кантемировцам ландшафты, вдохновлявшие художника, дававшие ему идеи для творчества. На своих полотнах он воспевал родные места, где проходило его детство и отрочество. Теперь все это, переосмысленное и художественно прочувствованное, возвратилось обратно на малую ро-

дину, составив часть большого, необыкновенного круговорота красоты в природе...

Не стало Михаила Михайловича в ноябре 2015 года. По его воле похоронен он был в родной деревне. Но связь с семьей художника не прервалась. Не так давно дочь Михаила Михайловича Елена вместе с детьми посетила галерею в Кантемировке, где представлены картины отца, и передала в дар землякам еще две его работы.

Кантемировцы гордятся художником Михаилом Михайловичем Гоптаревым, родившимся и получившим здесь дорогу в творческую жизнь. Художник ответил своей малой родине взаимностью и глубоким осознанием сыновнего долга. Картинная галерея, основу которой составляют более 60 полотен Гоптарева, переданных автором Кантемировскому району в дар, тому свидетельство.

Оксана НИКОЛАЕВА

ГЛУБИНОЮ СВЕТЛОГО ДУХА

(Художник из Митрофановки
нашел свой философский камень)

Часто, вспоминая о людях, достигших успеха в жизни, ставших известными, говорят, что в детстве это были обычные мальчики или девочки, а потом вдруг обрели талант. Сергей Пушкарев, напротив, относится к тем, кто уже в раннем возрасте заявил о себе, выделился среди своих сверстников своеобразием мыслей, оригинальностью поведения, палитрой эмоций и чувств.

Сергей родился в августе 1954 года в селе Митрофановка. Здесь же окончил среднюю школу. Его мать, Мария Филипповна работала агрономом в колхозе, а отец, Иван Григорьевич — механизатором.

Наши матери были приятельницами, а я училась с Сергеем в одном классе все десять школьных лет. Вдобавок мы были друзьями. Он всегда сидел на первой парте у окна рядом с учительским столом. Наверное, по двум причинам: у него были проблемы со зрением, а также он любил неформально пообщаться с учителем. Я же занимала вторую парту в том же ряду — у меня тогда были очки. И такое положение всегда давало отличную возможность для общения, обмена мнениями и просто для детских шалостей.

Сергея знала вся школа от директора до первоклассника, он был своим среди старших учеников, на которых мы

смотрели снизу вверх и побаивались. А когда стали взрослей, он нередко удивлял нас своими увлечениями. Любил персидско-таджикскую поэзию: О. Хайям, Н. Хосров, Хафиз, Фирдоуси помогали ему понимать окружающий мир, он получал от чтения их произведений эстетическое удовольствие. Однажды посоветовал мне, узнав о ссоре с подругой: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало... Это не я сказал, — уточнил, — но полностью согласен с мыслью древнего мудреца».

Возможно, его любовь к восточной мудрости и привела его в Среднюю Азию, где прошла значительная часть жизни Сергея. Значительная — и по времени, и по значимости в становлении его как художника. Сергей жил в Бишкеке, столице Киргизии с 1980-го по 1993 год.

Все, что делал Сергей, можно определить словом «прекрасно». Он прекрасно говорил, рисовал, прекрасно обходился без усердия к математике, прекрасно относился к одноклассникам и родителям. И жизнь он в юности считал прекрасной. Наверное, в более зрелые годы произошли изменения и в его мировоззрении.

Как и каждый художник, художник кисти, слова, звука, он обостренно воспринимал несправедливость, лицемерие, хамство. Негативные явления оставляли раны в его сердце. Поэтому, мне кажется, после нескольких инфарктов он рано и ушел из жизни. Но об этом я уже ничего не могу рассказать.

Мы увиделись с Сергеем, когда ему было около сорока. В Митрофановке был пасмурный ноябрьский дождливый день. На улице — непролазная грязь. И вдруг я вижу человека во всем белом: белые туфли, костюм, куртка. Он героически перепрыгивает через лужи и машет мне рукой. Да это же Сергей! Однокашник, друг детства! Мы радостно обнимаемся и идем к нам в гости. У меня семья, уже две дочери. «Да они у тебя уже девушки, — восхищается он. — А у меня сын еще «космонавт», — шутит

Сергей Пушкарев

Сергей. Он тепло говорит о своей жене, сынишке, тесте, о жизни...

Оказывается, тогда Сергей только что вернулся из Польши, где проходила его выставка. Вспоминаем школу, он рассказывает о своей учебе на художественном факультете Московского технологического института, о службе в армии, о смешных казусах, которые там с ним происходили. «Ведь я не спортивный человек», — объяснил он. Да я это и сама знала.

Тут Сергей вдруг стал серьезным и сказал, что его взгляды во многом изменились. Когда ему было 33 года (возраст Христа, — подчеркнул он), по его словам, у него открылся «третий глаз», конечно, в переносном смысле. И он понял свое предназначение, уяснил то, что не совсем представлял раньше.

Именно в этом, как утверждал Сергей, сосредоточена душа человека. И если она дремлет, то его владеец пребывает в плену иллюзий. Из-за усталости, равнодушия человек не замечает ничего, кроме своего скудного мира. Если же «третий глаз» открывается, то видится вся красота мира, Вселенной. Приходит вдохновение для работы и творчества. Человек обретает гармонию с самим собой, так как окружающий мир отождествляется с внутренним. Вот такой сложной философией руководствовался он в жизни.

Тогда я не знала, что видимся мы с Сергеем последний раз. Темнело. И он заторопился в родной дом, так как по нашему бездорожью и днем с трудом доберешься до нужного места...

Весть о его смерти стала для всех нас, его друзей и одноклассников, шоком. Мы не сразу узнали об этом. С 1994 года он жил в Сергиевом Посаде. Родители Сергея давно умерли. Не стало и сестры Гали, которая после школы уехала на побережье Азовского моря, там создала семью и прожила всю жизнь. Их родственников в Митрофановке да и вообще поблизости не осталось. Тяжело было услышать о его смерти с таким опозданием. Это казалось страшно несправедливым, преждевременным. И когда мы встретились через 40 лет после окончания школы, уже без Сергея, мы вспомнили всех отсутствующих с горечью невозможной утраты.

С крыльца школы нам были видны купола храма. В нем есть икона «Всевидащее око Божие», представляющая одну из самых сложных христианских символических композиций. Не зря тогда при встрече Сергей говорил об открывшихся ему вечных незыблемых истинах, которым он следовал в своей жизни и творчестве. Веришь, что Око Всевышнего видит и его дела, и его мысли и чувства, всю глубину его светлого духа, проникая сквозь время и пространство.

Сергей работал в жанре абстрактной композиции в области декоративно-прикладного искусства, призванного, как и всякое искусство, украшать нашу

жизнь. Он разработал свой стиль росписи по шелку, так, что его композиции напоминают фрески. Расписывая ткань, гобелен, организовывая пространство жилого или общественного интерьера, он старался передать свой духовный опыт современникам и потомкам, создавая художественные образы, отражающие представления художника о мире в целом и об отдельных человеческих судьбах, о силе человеческого духа, о движении времени, соединяющем прошлое и будущее.

Как зафиксировать бег времени, как показать, что оно невидимо, но ощутимо? Рушится старое, рождается новое, прорываясь к нам весенним цветением? Найдите и взгляните в работу Сергея Пушкарева «Бег времени». И вы приблизитесь к пониманию этого.

А вот роспись по шелку «Театр». Сразу задумываешься о том, что является мерой человеческого в человеке: способность мыслить, чувствовать, понимать, страдать, ненавидеть, любить. В единый организм сливаются противоположные природы страстного Дон Кихота и рефлексирующего Гамлета. Поражает своим величием фигура легендарного Данте, для которого весь мир — «Божественная комедия»...

И так, взглядываясь в работы художника Сергея Ивановича Пушкарева, члена Союза художников СССР, можно до бесконечности искать тот философский камень, который скрыт в каждом его произведении.

Надежда МИХАЙЛУСОВА

ВНОВЬ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

(Восстановление православных храмов)

Храмы и монастыри — наше бесценное историческое наследие, символ веры. И мы задаемся вопросом: «Может ли вера быть без символа?» Понимаем — вера в душе, ее искоренить сложно, а вот стереть храмы с земли оказалось проще: идеология воинствующего атеизма в 30-е годы прошлого века практически уничтожила храмы на нашей Кантемировской земле.

В отчетных ведомостях за 1911 год записано, что на нашей территории, относившейся к Богучарскому уезду, было 22 храма, в которых служило 27 священников. Жители слободы Константиновки (Кантемировка) были богобоязненны. С 1759 года в слободе на Базарной улице действовала деревянная Дмитриевская церковь, в 1798 году прихожанами построена кирпичная Троицкая церковь, а в 1860 — каменная Благовещенская церковь.

До наших дней сохранился лишь большой храм Живоначальной Троицы 1863 года постройки, расположенный в центре Кантемировки. Храм строился в два этапа: сначала был построен алтарь и центральная часть, а в предреволюционные годы — притвор и колокольня. Строение является историческим памятником, его архитектура близка постройкам знаменитого архитектора К.Тона. Иконостас в Свято-Троицком храме мраморный, состоит из одного яруса. Мрамор трехцветный, ему столько же лет, сколько и храму — 155 лет. Первые фрески в храме написаны по сырой штукатурке природными красками при

высокой температуре в конце XIX века. Храм пятикупольный. В нем несколько особо почитаемых икон: Иверская икона Божьей Матери, Валаамская икона Божьей Матери, икона свт. Николая Чудотворца, икона Святое Семейство, икона Божией Матери Скоропослушница (афонское письмо 1909 г.). Под фундаментом храма существуют кирпичные подземные ходы. В храме одно время размещались школа фабрично-заводского обучения и машинно-тракторная мастерская. Но главное — он уцелел до наших дней.

Пик гонений на церковь приходится на 20–30 годы XX века, этот процесс разрушения был доведен почти до состояния необратимости. Если уничтоженные или превращенные в склады храмы можно было в перспективе восстановить или отстроить заново, то расстрелянные архиереи, священнослужители и просто православные миряне стали невосполнимой утратой для общества. Потому сегодня так важно, чтобы общество, особенно молодое поколение, прониклось идеями возрождения веры. Нам нужно сохранить и восстановить храмы, чтобы видеть красоту земли. Церковь — это история нашей Родины, это душа нации, вера, которая питала многие поколения наших предков. «Слышишь, вновь зазвонят колокола...», — мы теперь нередко слышим такие слова, потому что в нашем районе активно восстанавливаются храмы.

Сегодня их можно разделить на несколько групп. Прежде всего, это те, что восстановлены.

Храм Успения Пресвятой Богородицы в селе Зайцевка

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Осиковка был основан в 1861 году. В 1930 году его закрыли. В войну в нем содержались военнопленные. Был тут и зерносклад, и сельский клуб, а в 1959 году сняли купол, и здание служило долгие годы в качестве колхозной ремонтной мастерской. Возрождение храма началось с 2005 года. Уроженец села, а ныне житель Москвы Валерий Иванович Татаров решил вернуть к жизни пребывающий в запустении храм. В течение двух лет шли восстановительные работы. В 2007 году состоялось освящение храма, которое совершил митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей. А восстановить церковь в полном соответствии с православными канонами храмостроительства помог благочинный Россошанского церковного округа игумен Сергей (Руднев). Свой посильный вклад в возрождение храма внесли жители Осиковки и близлежащих сел. На его престольный день — Покрова Пресвятой Богородицы — сотни верующих съезжаются на божественную литургию.

Храм Успения Пресвятой Богородицы в селе Зайцевка имеет еще более давнюю историю. В Хронологическом указателе церковей по Воронежской епархии записано: каменный храм основан в 1812 году. В нача-

ле XX века в приходе состояло более 3000 человек, действовала церковно-приходская школа. Летом 1931 года с Успенского храма были сброшены колокола, затем его использовали под склады, мастерские. С 2000 года при активном участии жителей села началось поэтапное возрождение церкви, был организован сбор средств. В 2002 году при финансовой поддержке сельхозартели «Зайцевская» и лично его руководителя Василия Белянского частично был обновлен фасад, установлены кресты и купола. В 2015 году работы по восстановлению храма возобновились. В них участвуют Епархиальное управление Россошанской и Острогожской епархии и администрация Кантемировского муниципального района. Быстрое завершение основных работ стало возможным благодаря попечению выходца из села, ктитора храма Руслана Тедеева. Местные жители неоднократно по собственной инициативе проводили субботники. В 2016 году храм стал действующим.

История Александрово-Невского храма в с. Митрофановка началась в 1907 году. Он был возведен на средства местной помещицы Е.В. Кудашевой, возможно, поэтому его нет в списке церковей Воронежской епархии. Храм был двухкупольный и выполнен из

красного кирпича. При храме находился приют для девочек-сирот. После революции 1917 года Митрофановскую церковь постигла та же участь, что и многих других русских храмов: сначала она была закрыта, а в 1933 г. разрушена до основания. На месте храма устроили летний кинотеатр, который через два года полностью сгорел. Большой пустырь — это все, что осталось на месте церкви. Местные жители не имели возможности слышать Слово Божие почти 70 лет. В 2006 году постройка храма стала поистине всенародным делом. Рядом с тем местом, где стояла старая церковь, вновь засияли золотом церковные купола, и под сводом нового храма звучат слова Евангелия, напоминая людям, что не хлебом единым живет человек. Приход храма Александра Невского был открыт в 2008 году.

В процессе восстановления находится Преображенская каменная церковь в с. Куликовка. Кирпичная церковь постройки 1831 года является образцом зрелого классицизма. В 30-е годы прошлого века была закрыта, в 1942 году в нее попал снаряд, и в стене образовалась дыра. Тем не менее, богослужение велось здесь с 1943-го по 1962 год. Попытки реставрации были и в 90-е годы. С 2008 года силами местных жителей и епархии начался ремонт полуразрушенного здания храма. Уже установлены позолоченные купола и крест, заменена часть кровли, ведутся работы на колокольне. С 2014 года открыта молитвенная комната, и все мы надеемся, что в скором будущем колокольный звон будет благовестить о начале службы в храме.

К сожалению, есть у нас храмы, которые мы не увидим уже никогда, кроме как на пожелтевших фотографиях или рисунках наших предков. Сейчас уже многие знают, что наша Кантемировская средняя общеобразовательная школа № 2 находится на территории комплекса Благовещенской церкви, построенной в 1860 году и уничтоженной в 1934 году, причем фундамент до конца разбить не удалось, и на нем из разрушенных кирпичей и штукатурки построили здание начальной школы. Увидеть, как она выглядела когда-то, нам удалось благодаря рисунку свидетеля тех лихих событий десятилетнего мальчика Тихона Руденко, который передал его в школу спустя 65 лет.

Вот что рассказывает внук автора рисунка Сергей Руденко:

— Дедушка Тихон не был профессиональным художником, просто любил рисовать. Как появилась эта картина? Он рассказывал, что жил рядом с храмом. Когда церковь разрушали, ему захотелось оставить память о ней в виде рисунка. Тайком, выглядывая в окошко, он зарисовывал детали здания. Со временем, когда ситуация в стране изменилась, картина появилась у него на стене. Однажды на открытом уроке в школе, посвященном родственникам учащихся, моя дочь рассказала о Тихоне Федоровиче, как хорошем мастере и художнике, об его уцелевших картинах. А потом дедушка решил подарить картину школе, поскольку церковь находилась на этом месте.

Также в школу попала икона Николая Чудотворца от ныне покойной жительницы Марии Борзенко, которая хранила ее с момента разрушения этой церкви.

В октябре 2017 года мы с волонтерами МБОУ Кантемировской СОШ № 2 (координатор Т.И. Горбанева) реализовали проект «Возрождение Благовеста» — установили памятный камень с изображением церкви. Большую поддержку и помощь ребята нашли у благочинного Кантемировского церковного округа протоиерея Михаила, предпринимателей микрорайона, родителей. В ходе исследования удалось узнать о судьбе руководителя хора Благовещенской церкви Георгия Савицкого, который был по доносу арестован в 1937 году, расстрелян, реабилитирован в 1989 году. Его дочь в войну трудилась на торфяниках под Ленинградом, прожила 89 лет и передала в школьный музей информацию об отце.

Группа школьников также проводила интервью со старожилами микрорайона. Например, они нашли воспоминания о том, как сбрасывали колокола с церкви: «Подъехала машина. Главный по нашему отделу НКВД Цветаев заставлял шофера лезть наверх, на колокольную, скидывать колокола. Шофер наотрез отказался. Тогда Цветаев полез сам...»

В исследовании истории Благовещенской церкви возникает еще очень много вопросов, а памятный камень теперь стал отметкой памяти поколений, что храм был на этом месте, а может, когда-нибудь будет и возрожден в прежнем своем великолепии.

Как видим, самые трагические истории кантемировских храмов приходятся на 30-е годы прошлого столетия. В годы Великой Отечественной войны резко изменилось отношение власти к Русской православной церкви, в 1943 году восстановлено патриаршество, митрополит Сергей был возведен в сан Патриарха. Церковь помогала бороться с фашистскими захватчиками. Советские люди совершали подвиги, кто, прижав к груди нателный крестик и прося помощи у Господа, а кто — партбилет, зная, что и погибнуть не страшно за Родину!

Но в период руководства страной Хрущевым возобновились гонения на Православную церковь, в условиях «строительства коммунизма» ее считали неуместным рудиментом прошлого. Были закрыты большинство монастырей и духовных семинарий, для совершения обрядов церкви вынуждены были получать разрешение у советских властей, за посещение храмов граждан могли уволить с работы или исключить из учебных учреждений.

В последующем ситуация изменилась. В 80-е годы верующим были возвращены сотни православных храмов, начала развиваться

сфера религиозного и культурного образования и воспитания — от воскресных школ до семинарий, духовных академий и университетов.

Известно, что история не любит сослагательных наклонений, но без прошлого нет настоящего и будущего. Именно поэтому очень важно, что мы имеем возможность жить в гражданском обществе, в котором есть уважение к личности, ее интересам и помыслам, принимается свобода выбора и совести.

Храмы России можно сравнить с путеводными кораблями, которые открывают нам горизонты любви и веры. Нам, жителям Кантемировского края, да и всей страны, предоставлена возможность посещать свои храмы, черпать в них духовные силы. Мы должны твердо держаться веры своей, давать достойный пример молодежи, чтобы смело шагать в будущее.

Татьяна ГОРБАНЕВА,
заместитель директора
по воспитательной работе,
учитель истории и обществознания
МБОУ Кантемировской средней
общеобразовательной школы № 2

РАЗБЕЖАЛИСЬ ИМЕНА ПО УЛИЦАМ

(Занимательная местная топонимика)

Кантемировка — рабочий поселок, центр района с населением около 12 тысяч человек. На территории поселка насчитывается 72 улицы и переулки. Многим местным жителям до сих пор неизвестно, почему народная молва поделила Кантемировку на микрорайоны с названиями подчас экзотическими, необычными: Нахаливка и Задириевка, Свистун и Крыжанка, Казимировка и Партизан...

Что же стоит за этими названиями? Вот история некоторых из них.

Партизан. Это микрорайон поселка, включающий в себя улицы Декабристов, Дунай, Петровского, Комсомольская. Получил свое название от крестьянской артели «Красный партизан», которая была создана

в 1929 году. В нее входило всего 100 человек. В 1950 году «Красный партизан» был объединен с колхозом имени Жданова. В 1958 году хозяйство получило имя «Россия», затем было еще одно объединение — с колхозом «Кантемировец».

Этот район называется и по-другому — Однобокивкой, поскольку первоначально застройка улицы шла только по одной стороне улицы. Кстати, такой тип застройки села характерен и для ряда сел Кантемировского района.

С этим микрорайоном связана и печальная страница истории Кантемировки. Во время оккупации в 1942 году на территории колхоза «Красный партизан» находился фашистский концлагерь, где за 6 месяцев его су-

С Качавана видна Кантемировка как на ладони

ществования замучили 2200 военнопленных и местных жителей. По одной из версий, этот лагерь был перегонным. Через него прошло очень много пленных из Белгородской и Харьковской областей, многие из них исповедовали иудаизм. Сегодня в этом микрорайоне находится районная поликлиника и больница. Недалеко от них расположен мемориальный знак, посвященный памяти узников фашистских концлагерей.

Качеван (Качаван) — это улицы Пролетарская, Рабочая, Элеваторная, Нахичевань, 19 Декабря, пер. Кирпичный. Появление этого микрорайона связано с началом прокладки через Кантемировку железнодорожного полотна наемными рабочими из города Нахичевань (кстати, по преданию, город Нахиджеван был построен у подножия горы, к вершине которой во время библейского Всемирного потопа пристал Ноев ковчег).

28 ноября 1871 года строительство железнодорожной ветки через Кантемировку подошло к концу. Чуть позже был построен и вокзал (функционирует по сей день). Строителям очень понравилась слобода, да и у многих из них попросту не было денег, чтобы вернуться обратно домой. Тогда они пошли к старосте («голове») и попросились остаться в Кантемировке навсегда. Но местные жители с настойчивостью относились к чужестранцам. И

тогда было принято решение на общем собрании, что те все-таки могут оставаться в Кантемировке, но при этом селиться им разрешалось только за построенной железной дорогой (к тому же пригодной пахотной земли там не было ввиду особенностей ландшафта, там начиналась так называемая «гора» — меловые отложения). У строителей не оставалось выбора, и они со временем обжили эти холмы. Первоначально строили свои жилища, прорубая в меловых отложениях пещеры. Некоторые из них сохранились до сих пор. Со временем в обиходном языке слово «Нахичевань» стало обозначать целый микрорайон, где проживают люди неславянской национальности, а особенности местного диалекта превратили это слово в «Качаван».

Хутор «Вовчий» — нынче улица Полевая. По словам старожил, она получила свое название из-за огромного количества волчьих логовиц. Встретить во дворе этого зверя раньше было вполне обычно. Еще полвека назад здесь отстреливали немало серых хищников. Поэтому с заходом солнца гулять там было очень опасно. Сейчас от этого хутора осталась всего одна улица с несколькими домиками, а вот топоним очень широко используется.

Поповка (Попивка) — улицы Степная и Калинина, самые окраины поселка. Возник-

новение этого названия относится к XIX веку. В этом районе располагалась усадьба местного священника, в простонародье — попа. К сожалению, более подробных сведений об этом слугителе церкви не сохранилось. А вот название района живо до сих пор.

Свистун — сейчас это территория бывшей колхозной бани, улиц Полубоярова и Шевченко, вдоль территории второй средней школы и до окраины Кантемировки. Раньше Свистуном назывался микрорайон от кладбища (на его месте сейчас располагается школьный стадион) и далее. А от бани до кладбища раньше была на этом месте Задириевка, которую, по слухам, называли по фамилии первых застройщиков, селившихся здесь семейными общинами.

Так почему же Задириевка стала со временем Свистуном? Как рассказывают старожилы, лет 100–150 назад жил там мастер-гончар, который снабжал местную детвору глиняными свистульками. Человек он был хитрый, и поначалу он свои свистульки дарил маленьким детям из бедных семей. Те игрались ними, тем самым дразня детей из более обеспеченных семей. А этим детям гончар свистульки уже продавал. Кстати, одна из свистулек до сих пор хранится в краеведческом музее и найдена она была на «Свистуне» — там, где жил гончар.

Кучанка — большой микрорайон, включающий в себя около 10 улиц и переулков. По рассказам, на этой территории еще до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов размещалось административное здание правления колхоза имени 12-й годовщины Октября. Здесь по вечерам собиралась местная молодежь, как говорили тогда, «на улицу» — попеть, потанцевать, посмотреть фильмы, которые по выходным привозили на передвижных киноустановках. В общем, в кучку. Отсюда и пошла Кучанка.

Федоровка (Федоривка) — современный северный микрорайон Кантемировки. По поводу этого названия до сих пор не найдено единого ответа о происхождении. По одной из версий следует, что еще во второй половине XVIII века здесь обосновались поселяне из слободы Федоровка, основанной в 1722 году неподалеку от современной Титаревки. Землей этой тогда владел Федор Астафьевич Татарчуков. От имени владельца и произошло название микрорайона.

Другая версия связывает этот топоним с речкой Федоровкой, протекающей здесь.

Есть еще одно предположение, хотя и наименее обоснованное. Вроде бы после войны здесь недолгое время существовал колхоз имени Федорова — знаменитого партизана Великой Отечественной войны. Но местное население больше склоняется к первым двум версиям происхождения топонима.

Репивка — улица 10-й Пятилетки. Получила свое весьма необычное название от огромного оврага, вдоль которого начиналась застройка этой улицы. Местные говорили, что земля здесь «рэпнула», т.е. треснула. Отсюда и пошла Репивка.

Крыжанка — микрорайон Кантемировки, улицы которого расположены недалеко от реки. Появилось такое название от выступающих на поверхность земли суглинников, имеющих красноватый оттенок. Дело в том, что эти меловые отложения на местном суржике называются «крейда» — т.е. мел. Отсюда и пошла Крыжанка — место, где много мела. Есть улица в этом микрорайоне, которую называют «Красная» до сих пор, хотя ее официальное название 60 лет Октября — своему топониму она также обязана выступавшим на поверхность красным суглинникам.

Гарбузивка — бывший хутор Залиман. Первоначальное название Залиман было получено от постоянных паводков, после которых просторная и ровная улица превращалась в большую лужу. Гарбузивкой этот микрорайон стали называть по фамилии первых поселенцев, освоивших эти места.

За длительное время существования Кантемировка очень много раз менялась. По воспоминаниям П.М. Плужникова, в предвоенные годы в центре поселка находилась МТС, которая занимала нынешнюю территорию центра социальной защиты населения, гостиницы, райпо и нижнюю сторону улицы Мира. Железнодорожная больница находилась на месте танка Т-34 на привокзальной площади. А кинотеатр раньше располагался на площади, где сегодня находится военкомат.

Ирина МОЗГОВАЯ,
*заведующая районным краеведческим
музеем МКУ «Отдел культуры»
Кантемировского муниципального
района*

Департамент культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394030, г.Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.
Телефоны: директор-главный редактор — 228-64-12 / 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 228-64-15 / 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 228-64-09 / 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 228-64-13 / 8-903-858-64-13, производственный отдел — 228-64-16 / 8-903-858-64-16.
Электронная почта: podiem@mail.ru
Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>
Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.
Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.
ISSN 0130-8165.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ООО «Фаворит».

Подписано в печать 04.06.18. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5.
Тираж экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Фаворит»:
394036, Воронеж, ул. Трудовая, д. 50, к. 10.